V. ss. 981 e

<36632683270012

<36632683270012

Bayer. Staatsbibliothek

МЕѲОДІЕВСКІЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

№ Инв. 49 6/16
№ Хр. Кат. 665.
Б. К. Д. А.

Б 189 | 50018

Д 15638.

МЕѲОДІЕВСКІЙ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАННЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВАРШАВСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ

къ 6 апрѣля 1885 года

подъ редакціею

орд. проф. А. Будиловича.

ВАРШАВА

1885.

V. ss. 981 e

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

3 Апрѣля 1885 года.

Ректоръ *Н. Лавровскій.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Въ Типографіи К. Ковалевскаго, Варшава, Королевская улица № 23.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Предлагаемый Сборникъ, изданный Императорскимъ Варшавскимъ Университетомъ въ память тысячелѣтія кончины славянскаго первоучителя Меѳодія, вызванъ тѣми же побужденіями и проникнутъ тѣмъ же духомъ, что московскій „Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ“ 1863 года.

Но такъ какъ мысль о варшавскомъ Сборникѣ возникла очень поздно и печатаніе его рѣшено лишь въ началѣ февраля текущаго года, т. е. за два мѣсяца до юбилейнаго дня 6 апрѣля, то на статьяхъ его лежитъ печать срочной и спѣшной работы, чего нельзя конечно сказать о Сборникѣ московскомъ.

Въ содержаніи предлагаемыхъ статей читатель можетъ встрѣтить иной разъ повторенія, разногласія и даже противорѣчіе во взглядахъ. Для устраненія этихъ—довольно обычныхъ впрочемъ въ коллективныхъ изданіяхъ — недостатковъ необходимы были бы болѣе подробныя объясненія между авторами отдѣльныхъ статей, чѣмъ то дозволяло время и условія одновременнаго ихъ составленія и печатанія.

По той же причинѣ и непрерывная пагинація Сборника замѣнена отдѣльною для каждой статьи.

Сверхъ того научныя силы Императорскаго Варшавскаго Университета, а равно книжныя и рукописныя пособія его по славяновѣдѣнію, конечно, не могутъ равняться съ тѣми, которыми располагалъ издатель и сотрудники московскаго Сборника,

Вотъ почему издаваемый нынѣ Сборникъ, не претендуя на ученую славу своего московскаго собрата, представляетъ лишь очень скромный вкладъ въ обширную литературу о дѣятельности славянскихъ Первоучителей и судьбѣ завѣщанныхъ ими идей.

Пусть онъ служитъ свидѣтельствомъ, что священное знамя Солунцевъ, водруженное ими тысячу лѣтъ тому въ сосѣдней Моравіи, развѣвается нынѣ и надъ привислинской долиной, и что завѣты великаго Меѳодія встрѣчаютъ уже тутъ болѣе вниманія, чѣмъ у того „**поганьска кънѧзѧ, сильна вельми, сѣдѧщѧ въ Вислѣхъ**“, которому онъ сказалъ однажды въ пророческомъ наитіи *): **добро ти сѧ бы крьстити, сыноу, волѥѭ своѥѭ на своѥи ꙁемли, да не плѣненъ нѫдьми крьщенъ бѫдеши на штоуждии ꙁемли и помѧнеши мѧ.—Ѥже и бысть!**

*) Паннонское житіе Меѳодія гл. II.

2 апр. 1885 г.

А. Будиловичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. **Лавровскаго Н. А.** *Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи* 1— 20

2. **Будиловича А. С.** *Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.* . . 1—117

 I. Солунь 1—5 стр. II. Цареградъ и Олимпъ 5—19. III. Миссія сарацынская 19—24. IV. Миссія хазарская 24—33. V. Солунцы и патріархъ Фотій 33—47. VI. Сложеніе письменъ и переводъ книгъ 47—77. VII. Велико-моравская миссія 78—91. VIII. Поѣздка въ Римъ 91—102. IX. Паннонско-моравская архіепископія 103—117.

3. **Перфольфа О. О.** *Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ* 1—126

 I. Словѣне подунайскіе. Словѣнскій языкъ и словѣнское письмо 1—5. II. Словѣнскій языкъ въ богослуженіи у Чеховъ и Поляковъ, у Словенцевъ и Хорватовъ 5—13. III. Словѣнское богослуженіе и Римскіе папы 14—20. IV. Словѣнскій языкъ у Хорватовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ 21—26. V. Словѣнскіе изводы: чешскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій. Словѣнско-хорватскій изводъ 26—40. VI. Словѣнскій языкъ въ Чехіи и въ Польшѣ, въ словѣнскихъ монастыряхъ пражскомъ и краковскомъ 40—49. VII. Словѣнскіе изводы: сербскій, болгарскій, русскій 49—69. VIII. Распространеніе словѣнско-русскаго языка къ Болгарамъ, Сербамъ и Хорватамъ 69—79. IX. Сло-

вѣнскій языкъ у западныхъ Славянъ 79—89. X. Научная обработка словѣнскаго языка 89—105. XI. Переводы съ словѣнскаго языка на русскій и хорватскій 105—112. XII. Чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія у Славянъ 112—126.

4. **Кулаковскаго П. А.** *Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ* . . 1—56

5. **Грота К. Я.** *Взглядъ на подвигъ Славянскихъ Первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія* . . 1—22

6. **Зигеля Ѳ. Ѳ.** *Общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія* 1—49

[library stamp]

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ

И НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Съ введеніемъ христіанства, въ жизни каждаго народа совершается великій переворотъ. Народная жизнь, во всѣхъ ея отправленіяхъ, вступаетъ въ новые пути, направляющіе ее къ новымъ цѣлямъ. Христіанство открываетъ предъ грубой языческой средой такой необъятный горизонтъ, вноситъ столько свѣта въ этотъ горизонтъ, что взглядъ язычника, привыкшаго къ своимъ ограниченнымъ представленіямъ, къ мраку своей среды, долго оказывается неспособнымъ выносить этотъ невѣдомый ему свѣтъ, какъ не можетъ выносить зрѣніе человѣка солнечнаго блеска. Почти двѣ тысячи лѣтъ пережили великіе евангельскіе идеалы—и кто можетъ сказать, что они осуществлены имъ въ жизни. Проходятъ вѣка, въ которые народъ постепенно освоивается съ новымъ ученіемъ, при чемъ долго довольствуется усвоеніемъ только внѣшней его стороны, между тѣмъ какъ старыя вѣрованія, дорогія народу, долго сохраняются неприкосновенно, пока наконецъ, послѣ упорной и продолжительной борьбы, не вытѣсняются новыми, или пока тѣ и другія не сливаются въ новыя своеобразныя религіозныя представленія. Прошло девять сотъ лѣтъ послѣ утвержденія у насъ христіанства—и мы не можемъ сказать, что нашъ народъ вполнѣ освободился отъ своихъ старыхъ языческихъ вѣрованій. Иное дѣло—отдѣльныя лица тогоже народа, въ началѣ всегда немногія, или поставленныя въ особыя благопріятныя условія, или богато одаренныя: они скорѣе оказываются готовыми и способными къ принятію, усвоенію и роспространенію новыхъ началъ

въ своей средѣ. Такъ было вездѣ съ введеніемъ христіанства, такъ было и у насъ.

Крещеніе Руси, по волѣ равноапостольнаго князя Владиміра, совершилось въ самомъ концѣ X вѣка, и съ этого времени обыкновенно полагается начало нашему христіанскому просвѣщенію, хотя сохранились несомнѣнныя историческія свидѣтельства, доказывающія распространеніе христіанства между русскими славянами, и въ весьма значительной степени, задолго до Владиміра. Всенародный актъ крещенія Руси заслонилъ собою долгій предшествовавшій процессъ медленнаго и постепеннаго распространенія христіанства.

Въ представленіяхъ первоначальнаго лѣтописца, который, какъ и его современники, ведетъ начало нашего христіанства отъ Владиміра, быстрота распространенія христіанскаго просвѣщенія опредѣляется тремя поколѣніями—Владиміра, насадившаго христіанство, Ярослава, засѣявшаго русскую землю книжными словесами, и современнаго ему, которое оказывается не только наслаждающимся книжною мудростію, но и способнымъ къ собственной книжной производительности. „Якоже бо се нѣкто землю разоретъ, другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну: тако и сь. отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ; сь. же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученіе пріемлюще книжное". А слѣдующею за тѣмъ восторженною похвалою книжному ученію онъ доказываетъ, какъ глубоко успѣла укорениться любовь къ нему въ лучшихъ русскихъ людяхъ, и объясняетъ необъяснимое съ перваго взгляда явленіе—быстрый расцвѣтъ нашей литературной производительности: „велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго... мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ, се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости" и т. д. Кто успѣлъ воспитать въ себѣ такую любовь къ книжному ученію и возвыситься до такой восторженной его оцѣнки, для того оно уже стало непреодолимою потребностію и должно было неизбѣжно вести къ собственнымъ опытамъ насажденія христіанскаго просвѣщенія.

Что это были за книги, эти исходища мудрости, которыя такъ рано успѣли привлечь къ себѣ лучшихъ людей нашей новокрещенной Руси?

Это были прежде всего плоды апостольской дѣятельности незабвенныхъ славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, память которыхъ мы собрались здѣсь праздновать, а за тѣмъ его учениковъ и ихъ преемниковъ. Отъ нихъ ведетъ свое начало не только наше первоначальное книжное ученіе, наши собственные опыты въ томъ же книжномъ ученіи, наша образованность, ея направленіе и характеръ, наше положеніе въ семьѣ христіанскихъ народовъ, какъ народа культурнаго и историческаго, наше историческое призваніе, но они же, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, служили неразрывною связью, источникомъ единомыслія и братственнаго единенія между всѣми православными славянами. Сложивъ нашу азбуку, устроивъ нашъ величественный языкъ, совершивъ великое дѣло перевода на этотъ языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, положивъ начало переводу книгъ учительныхъ отцовъ церкви, установивъ богослуженіе на этомъ языкѣ, всѣмъ понятное, всѣмъ доступное, всѣмъ родное, они образовали тотъ союзъ православныхъ славянъ, который пережилъ тысячелѣтіе, перенесъ тяжкія историческія невзгоды и который, Богъ дастъ, переживетъ много грядущихъ вѣковъ, если останется неизмѣнно вѣрнымъ принятому имъ отъ святыхъ братьевъ наслѣдію.

Слѣдовавшіе за тѣмъ въ Болгаріи, въ эпоху царя Симеона, многочисленные труды учениковъ Кирилла и Меѳодія и ихъ преемниковъ скоро переходили къ намъ и умножали наше книжное богатство. То были сочиненія содержанія *догматическаго*, какъ начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, заключающее въ себѣ полное и систематическое православное вѣроученіе, *истолковательнаго*, какъ Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, толкованія на ветхозавѣтныя и новозавѣтныя книги, *нравоучительнаго*, какъ отвѣты Анастасія Синаита, Лѣствица и особенно обширное собраніе поученій отцевъ церкви— Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др. и наконецъ *историческаго*, какъ житія святыхъ, палея, хроно-

графы. Если не всѣ отдѣлы въ одинаковой степени, то преимущественно два послѣдніе, какъ наиболѣе доступные, были предметомъ постояннаго чтенія, изученія и подражанія, что доказывается собственными опытами, въ отдѣльныхъ явленіяхъ, едва ли не превосходившими современные подлинники.

Такой обширный образовательный матеріалъ, явившійся къ намъ въ слѣдъ за введеніемъ христіанства въ готовыхъ переводахъ, благодаря вдохновенному почину нашихъ первоучителей, долженъ былъ производить могущественное дѣйствіе на лучшихъ русскихъ людей, сильныхъ природнымъ умомъ и волей и притомъ исполненныхъ живой христіанской вѣрой и глубокимъ христіанскимъ чувствомъ. Этимъ дѣйствіемъ должно прежде всего объяснять быстроту развитія у насъ христіанскаго просвѣщенія, выразившагося спустя съ небольшимъ полъ-вѣка въ блестящемъ словѣ „о законѣ и благодати" перваго русскаго митрополита Иларіона. Заглавія приведенныхъ трудовъ, конечно, ничего не доказываютъ и необходимо основательное знакомство съ ихъ содержаніемъ, чтобы по достоинству оцѣнить всю силу ихъ образовательнаго вліянія. Должно замѣтить, что они заключаютъ въ себѣ все лучшее, что представляла тогда современная византійская христіанская литература. Какое воодушевленіе, какую силу христіанскаго чувства должно было возбуждать въ новыхъ людяхъ чтеніе поученій великихъ проповѣдниковъ золотаго періода византійской образованности, до сихъ поръ, спустя почти полторы тысячи лѣтъ, остающихся образцами краснорѣчія! Нельзя также не замѣтить, что современная эпохѣ крещенія Руси и послѣдующая византійская литература, находившаяся въ сильномъ упадкѣ и сама пробавлявшаяся произведеніями лучшей поры, не могла имѣть значительнаго вліянія на новокрещенныхъ людей: ея утонченная богословская діалектика, искусственныя философскія умозрѣнія и декламація не могли привлекать ихъ, да и не были доступны ихъ простому здравому смыслу. Усвоивая себѣ готовыя литературныя формы, они влагали въ нихъ свое живое содержаніе, какъ послѣ мы начали влагать свое содержаніе въ заимствованныя западно-европейскія литературныя формы.

И однако эта быстрота нашего книжнаго развитія возбуждала и до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать недоумѣнія. Не говоря о нашемъ старомъ историческомъ и литературномъ скептицизмѣ, недоумѣнія предъявляются и при настоящемъ состояніи науки, вооруженной весьма сильными средствами для открытія истины. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, отнесшійся весьма строго ко многимъ, казалось, довольно прочно установившимся у насъ историческимъ представленіямъ, допустившій для всей домонгольской Руси, и то съ оговорками, одну грамотность, останавливается съ большимъ недоумѣніемъ предъ нѣкоторыми литературными явленіями этого времени, не смотря на признаніе христіанства у насъ задолго до Владиміра. Явленія эти, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ времени, объясняются какъ исключенія: слово Иларіона, „самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, есть исключительное и загадочное явленіе; Ѳеодосій былъ человѣкомъ исключительнымъ и, какъ всѣ исключительные люди, болѣе или менѣе своеобразнымъ; Кириллъ Туровскій, надѣленный талантомъ ораторскимъ, принадлежалъ также къ исключительнымъ людямъ и „долженъ быть разсматриваемъ, судимъ и цѣнимъ не по сравненію съ своими русскими современниками, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго, а какъ настоящій, получившій настоящее ораторское образованіе, проповѣдникъ, какъ исключительный и случайный представитель въ нашей средѣ настоящаго, греческаго ораторства"; Слово о полку Игоревѣ, которое недавно другой авторъ назвалъ сфинксомъ, ожидающимъ своего Эдипа, должно оказаться такимъ же необъяснимымъ явленіемъ. Въ виду всѣхъ этихъ исключеній авторъ долженъ былъ сознаться, что „въ случаѣ если не допустимъ кратковременный эпизодъ существованія у насъ просвѣщенія, мы останемся въ совершенномъ и рѣшительномъ недоумѣніи", и, для разрѣшенія послѣдняго, допускаетъ попытки Владиміра и Ярослава ввести у насъ просвѣщеніе, но только для боярскихъ и собственныхъ дѣтей. Тѣмъ все и окончилось, послѣ нихъ о просвѣщеніи нѣтъ и помину, начинается царство одной грамотности, и то съ сомнитель-

нымъ разумѣніемъ читаемаго (Ист. русск. церкви. Голубинскаго I, 580 и слѣд.).

Должно полагать, что тамъ, гдѣ оказывается такъ много исключеній и загадочныхъ явленій, дѣло не обстоитъ вполнѣ благополучно, какъ въ старыхъ грамматикахъ, испещренныхъ исключеніями. Какъ послѣднія исчезаютъ безслѣдно при первомъ обращеніи къ нимъ строго-научнаго метода, такъ и этимъ многочисленнымъ исключеніямъ едва ли не суждена таже участь. Загадочныя явленія въ исторіи являются или отъ недостатка матеріала, или отъ неправильнаго обращенія съ нимъ, отъ предвзятой теоріи; но въ жизни народа все совершается по непреложнымъ законамъ, естественно и органически. Задача историка—изучить историческій матеріалъ и, на основаніи его, уразумѣть и представить, а при недостаткѣ матеріала—прозрѣть развитымъ на историческомъ анализѣ смысломъ эту естественно и законно движущуюся жизнь народа.

Вопросъ слѣдовательно въ томъ: возможна ли, естественна ли та быстрота нашего умственнаго и нравственнаго развитія, какую необходимо допустить въ краткій періодъ времени отъ крещенія Руси до первыхъ опытовъ нашей самостоятельной литературной производительности для правильной оцѣнки послѣднихъ, при упомянутыхъ образовательныхъ средствахъ; другими словами: возможно ли, при такихъ условіяхъ, органическое происхожденіе такихъ памятниковъ, какъ Слово Иларіона, проповѣди Кирилла, слово о полку Игоревѣ? Дѣло не въ числѣ памятниковъ: одинъ такой памятникъ достаточно освѣщаетъ среду, изъ которой онъ исходитъ.

Столь краткаго періода времени, какой-нибудь полсотни лѣтъ дѣйствительно не достаточно для объясненія естественности происхожденія Слова Иларіона, какъ бы мы ни представляли себѣ нашихъ новыхъ христіанъ алчущими и жаждущими христіанскаго просвѣщенія. Слово объяснимо единственно при предположеніи для его автора особой, исключительной, для него лично устроенной образовательной среды, какъ скоро мы будемъ представлять себѣ русскихъ славянъ до Владиміра чуть не въ патріархальномъ состояніи, жившими чуть не звѣринскимъ

обычаемъ, по характеристикѣ лѣтописи, относящейся, очевидно, къ весьма отдаленному отъ ея составленія времени. Вѣдь „и люди съ исключительными натурами, по справедливому замѣчанію того же автора, рвутся къ просвѣщенію, когда видятъ его предъ собой или когда слышатъ о немъ“. Такой исключительной среды, такихъ исключительныхъ образовательныхъ условій въ первой половинѣ XI вѣка у насъ быть не могло; ихъ не могла тотчасъ создать и та школа, о которой говоритъ лѣтопись и которую авторъ исторіи русской церкви разумѣетъ устроенною для боярскихъ и княжескихъ дѣтей, съ учителями—греками. Прожили мы послѣ крещенія Руси, конечно не даромъ, семь вѣковъ, когда распахнулись настежъ двери на западъ, жили не звѣринскимъ обычаемъ, успѣли значительно вкусить отъ западно-европейскаго просвѣщенія и образовательныя мѣры приняты были по истинѣ героическія—и то прошло болѣе полувѣка, когда появились слабые, рабски-подражательные опыты собственной литературной производительности. Обычнымъ же путемъ, отъ цифирныхъ и другихъ школъ, мы еще долго не получили бы того, что скоро дали намъ героическія средства. Образованіе народа, даже въ передовомъ его сословіи, совершается крайне медленно, зрѣетъ въ рядѣ поколѣній, а потому и плодовъ его обыкновенно приходится ждать слишкомъ долго.

Едва ли можно сомнѣваться, что всѣ недоумѣнія главнѣйше происходятъ отъ неточныхъ представленій о состояніи русскихъ славянъ до ихъ крещенія Владиміромъ, что это состояніе вовсе не было такъ первобытно, что они задолго до Владиміра стали пріобщаться христіанству и его просвѣщенію и что слѣдовательно начавшіе появляться съ половины XI вѣка самостоятельные литературные опыты, такъ удивляющіе насъ теперь, имѣли передъ собой гораздо болѣе продолжительную школу и могли развиться естественно и органически. Уясненіе этихъ представленій, уясненіе размѣровъ нашего христіанства до Владиміра, безспорно составляетъ весьма важную заслугу автора новѣйшей исторіи русской церкви.

Вопросъ о христіанствѣ у насъ до Владиміра возникъ довольно давно, но стоялъ какъ-то отдѣльно, не привлекался

съ желательною обстоятельностію къ историческимъ соображеніямъ о состояніи нашей образованности до Владиміра. Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ ему посвящено было, какъ введеніе въ исторію русской церкви, особое сочиненіе *). Съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ неоднократно былъ затрогиваемъ въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и въ настоящее время относящіяся сюда свѣдѣнія, должно сказать, отличаются и большею опредѣлительностію и большею научною точностію, хотя, по многимъ причинамъ и особенно по неустановившимся нашимъ общимъ представленіямъ о самомъ началѣ Руси, все еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія.

Здѣсь не мѣсто для опыта рѣшенія столь сложной исторической задачи. Я желалъ бы только въ самыхъ общихъ чертахъ обратить вниманіе на пути, по которымъ христіанство могло проникать къ намъ до общаго крещенія Руси, и на возможность вопроса: не могли ли мы хотя отчасти придти въ непосредственное общеніе съ апостольскою дѣятельностію чествуемыхъ нами славянскихъ первоучителей, пріобщиться къ ихъ апостольскимъ трудамъ во время ихъ совершенія и въ слѣдъ за нимъ. Если и нельзя ждать рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, при недостаткѣ наличныхъ средствъ для его рѣшенія, то не лишено значенія и указаніе на возможность самаго вопроса.

Половина IX вѣка составляетъ эпоху въ жизни славянъ: начало государственнаго объединенія Руси и другихъ славянъ, начало утвержденія между ними христіанства съ совершившимся или завершившимся въ тоже время переводомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на родной языкъ и съ богослуженіемъ на томъ же языкѣ, начало отдѣленія восточной церкви отъ западной—все это событія, имѣвшія великое значеніе для всѣхъ славянъ, для всего ихъ послѣдующаго историческаго развитія. Великія событія не совершаются внезапно, имъ обыкновенно предшествуетъ долгій и сложный подготовительный историческій процессъ и они сами являются только окончательнымъ

*) Исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1846.

выраженіемъ послѣдняго. Цѣлые вѣка слагались черты, постепенно обособлявшія церкви христіанскія на востокѣ и западѣ, пока наконецъ раздѣленіе ихъ не стало историческою необходимостію, при чемъ современные императоры, патріархи и папы были только завершителями предшествовавшаго процесса. Тоже было и съ утвержденіемъ христіанства между славянами, въ томъ числѣ русскими, и переводомъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. При этомъ съ неизмѣнною послѣдовательностію повторяется общій историческій законъ, по которому новое содержаніе, входящее въ жизнь народа, въ началѣ воспринимается его представителями, какъ наиболѣе развитыми, его передовымъ сословіемъ, и только постепенно и весьма медленно, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, проникаетъ въ глубь народной жизни.

Не касаясь подробностей утвержденія христіанства въ западномъ славянствѣ, я позволю себѣ обратить вниманіе въ немногихъ словахъ на русскихъ славянъ, съ краткимъ указаніемъ на Болгарію, передавшую намъ первые плоды своего христіанскаго просвѣщенія.

Въ Болгаріи, крестившейся по волѣ князя Бориса въ половинѣ IX вѣка, какъ и у насъ, необъяснима быстрота развитія христіанскаго просвѣщенія, выразившагося спустя не болѣе полувѣка, при царѣ Симеонѣ, многочисленными и весьма цѣнными памятниками. Для объясненія этой быстроты, и здѣсь необходимо признать за долго до Бориса распространеніе христіанства между задунайскими славянами. Ближайшее сосѣдство и непрерывныя сношенія съ греками въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, служба въ греческомъ войскѣ, множество плѣнныхъ христіанъ, грековъ и славянъ, все это не могло не содѣйствовать постепенному распространенію христіанства между славянами едва ли не со времени переселенія ихъ за Дунай. При императорѣ Юстиніанѣ II (685—711) въ войскахъ имперіи было болѣе тридцати тысячъ славянъ. Въ началѣ IX вѣка болгарскій князь Крумъ уводилъ въ плѣнъ всѣхъ жителей завоеванныхъ странъ и, въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ своего правленія, переселилъ ихъ такое множество, что долженъ былъ переполнить ими всю Болгарію; наибольшая ихъ часть была изъ сельскаго

населенія сѣверной Ѳракіи, славянъ-христіанъ; между плѣнниками извѣстны и два епископа. Христіанство распространилось въ Болгаріи такъ широко, что преемникъ Крума, Мортагонъ, возбудилъ сильное гоненіе на христіанъ и, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, предалъ смерти Адріанопольскаго епископа и иныхъ многихъ, обвиненныхъ въ проповѣди христіанства. Есть свидѣтельство, что христіанство проникло и въ семейство самого князя болгарскаго *). Непрерывныя торговыя сношенія болгаръ съ греками ведутъ свое начало съ весьма давняго времени и сопровождались даже письменными договорами, весьма сходными по содержанію съ извѣстными договорами русскихъ съ греками. Первый торговый договоръ, о которомъ дошло до насъ извѣстіе, заключенъ былъ въ 714 или 715 году и былъ несомнѣнно письменный, такъ какъ, спустя около ста лѣтъ, Крумъ въ угрожающемъ письмѣ византійскому императору Михаилу требовалъ мира не иначе, какъ на основаніи этого договора, а о другомъ договорѣ 774 года прямо сообщается, что онъ былъ письменный **). Всѣ эти и другія свидѣтельства доказываютъ, что христіанство а съ нимъ христіанское просвѣщеніе и сопровождающая его письменность начали распространяться въ Болгаріи за нѣсколько вѣковъ до Бориса. Крещеніе послѣдняго означало только окончательное утвержденіе христіанства, признаніе его господствующею и обязательною религіею. Иначе и быть не могло: пятисотлѣтнее сосѣдство болгаръ съ греками не могло пройти безслѣдно.

Тоже было и у насъ. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства о распространеніи христіанства между русскими славянами идутъ отъ половины тогоже знаменательнаго для всего славянства IX вѣка, отъ извѣстнаго нападенія руссовъ на Константинополь, окончившагося ихъ крещеніемъ. Что это крещеніе относится къ азовско-черноморскимъ руссамъ, облегав-

*) Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей болгарской, сербской и румынской. Е. Голубинскаго. М. 1871. стр. 18—22. Разысканія о началѣ Руси Иловайскаго, М. 1882. стр. 224.

**) Разыск. стр. 203.

шимъ сѣверное побережье обоихъ морей, распространившимся далеко на сѣверъ и находившимся въ связи съ приднѣпровскою русью, въ томъ сомнѣваться нельзя. Сношенія этихъ руссовъ, а заними и приднѣпровскихъ, мирныя и враждебныя, ведутъ свое начало отъ далекой древности, непрерывались никогда и и неизбѣжно должны были вести къ постепенному водворенію между ними христіанства, тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ ними, и въ Крыму и по обоимъ берегамъ Дуная у его устьевъ, уже существовали христіанскія церкви съ своими епископами почти съ начала христіанской эры и особенно съ III—IV вв. *). Не говоря о службѣ русскихъ въ войскахъ имперіи и при дворѣ, о греческихъ и славянскихъ плѣнникахъ — христіанахъ, вывозимыхъ въ Русь, замѣтимъ, что и наши торговыя сношенія съ греками гораздо древнѣе сохранившихся о нихъ историческихъ свидѣтельствъ и что наши договоры X вѣка, безъ сомнѣнія, имѣли своихъ предшественниковъ, какъ и болгарскіе договоры VIII вѣка. Припомнимъ, что первый договоръ (912 г.) былъ заключенъ „на удержаніе и на извѣщеніе *отъ многыхъ лѣтъ* межю христіаны и русью *бывшюю любовь*". Все содержаніе этого договора несомнѣнно свидѣтельствуетъ о давно и прочно установившихся торговыхъ сношеніяхъ: въ немъ говорится о хожденіи „въ греки или съ куплею или въ солбу," какъ о дѣлѣ обыкновенномъ, постоянномъ и непрерывномъ, о полонянникахъ, купленныхъ и захваченныхъ на рати, о приходящихъ на службу къ царю и проч.. Но въ Олеговомъ договорѣ еще не упоминается о христіанской руси, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ, заключенномъ спустя 42 года послѣ перваго, крещеная русь признается не только особою, вполнѣ оффиціально признанною, равною съ языческою стороною, но и правственно преобладающею. Во всемъ договорѣ русскіе христіане являются на первомъ планѣ, упоминаются прежде язычниковъ: „и иже помыслить отъ страны рускія разрушити таку любовь, и *елико ихъ крещенье пріяли суть*, да пріимуть месть отъ Бога... и *елико ихъ есть не хрещено*, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ

*) Макарій, ист. Христ. въ Россіи до Владиміра, стр. 46—93.

перуна"... И въ другомъ мѣстѣ: „мы же, *елико насъ хрестилися есмы*, кляхомся церковью святого Ильѣ... *а не крещеная русь* полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги"... Это двукратное упоминаніе о крещенной и некрещенной руси въ такой послѣдовательности въ оффиціальномъ документѣ должно признать весьма знаменательнымъ. „Если сторона негосподствующая, замѣчаетъ проф. Голубинскій, поставлена совершенно наравнѣ съ господствующею, то ясно и необходимо слѣдуетъ, что она имѣла надъ послѣднею нравственный перевѣсъ, ибо получить равенство, при неимѣніи на то права, она очевидно могла только въ случаѣ перевѣса". Тотъ же авторъ вполнѣ справедливо высказываетъ убѣжденіе, что и самъ великій князь Игорь „долженъ быть отнесенъ къ числу сторонниковъ христіанства или къ числу христіанъ внутреннихъ, такъ какъ будь онъ на сторонѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ бы имъ преобладанія, ибо иначе его поведеніе было бы совершенною и невозможною безсмыслицей" (стр. 58—59). Нельзя не пожалѣть, что авторъ, твердо стоящій на сторонѣ видимо отживающей норманской теоріи, видитъ по крайней мѣрѣ въ большинствѣ этихъ христіанъ норманновъ, въ большомъ числѣ служившихъ при великомъ князѣ, а не русскихъ славянъ, исконныхъ насельниковъ края и родственныхъ азовско-черноморскимъ руссамъ. Такое преобладающее положеніе христіанство никакъ не могло принять въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ послѣ заключенія Олегова договора, а потому необходимо заключать, что умолчаніе о немъ въ последнемъ объясняется только личнымъ отношеніемъ къ христіанству великаго князя—язычника, нежеланіемъ упоминать въ оффиціальномъ документѣ о представителяхъ оффиціально не признанной въ государствѣ вѣры, а никакъ не отсутствіемъ христіанъ между русскими славянами. Спустя тридцать лѣтъ обстоятельства измѣнились—и русскіе христіане въ точно такомъ же документѣ заняли первенствующее положеніе. За тѣмъ уже совершенно понятна быстрота распространенія у насъ христіанства, крещеніе Ольги, крещеніе Владиміра и всей руси.

Съ христіанствомъ открывается письменность, требующая для развитія и своего содержанія и своего языка весьма долгаго времени. Процессъ приспособленія языка для выраженія содержанія народной жизни совершается не въ одинъ вѣкъ, и должно полагать, что тотъ языкъ, на которомъ явились въ IX в. наши священныя и богослужебныя книги, богатый, стройный и правильный, съ замѣчательно развитымъ синтаксисомъ, имѣлъ свою длинную, предшествовавшую этому его состоянію, исторію. Невольно припоминаются тѣ русскія письмена, которыя нашелъ Кириллъ въ Херсонѣ около 1360 года, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежали русскимъ славянамъ, жившимъ въ Крыму и по сѣверному побережью чернаго моря и находившимся въ общеніи съ приднѣпровскою Русью. Образованіе и начало употребленія этихъ письменъ, безъ сомнѣнія, относится къ далекому прошедшему. Срезневскій еще въ 1869 году доказывалъ, что уставное письмо въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ не соотвѣтствуетъ греческимъ рукописямъ IX—X вѣковъ, а соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ VI—VII вѣковъ, что въ эпоху дѣятельности первоучителей господствовали надстрочные знаки и правильное употребленіе знаковъ препинанія, чего нѣтъ въ древѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ“ *). И здѣсь, въ области языка, необходимо напомнить о медленности органическаго развитія. Наши историческія изслѣдованія, обращенныя къ древнѣйшей Руси, кажется, страдаютъ именно недостаткомъ вниманія къ общимъ законамъ развитія народной жизни. Отнеся крещеніе Болгаріи къ половинѣ IX вѣка и крещеніе Руси къ концу X-го, мы не задумывались надъ появившейся вслѣдъ за тѣмъ болгарской литературой и выдающимися произведеніями нашей, а когда задумались и не находили выхода изъ лабиринта, построеннаго давно утвердившимися представленіями о началѣ Руси, по неволѣ должны были признать такой быстрый литературный расцвѣтъ необъяснимымъ и загадочнымъ. Какъ объяснимъ мы себѣ языкъ нашихъ договоровъ первой половины X вѣка? На какомъ языкѣ эти договоры пи-

*) Труды археолог. съѣзда въ Москвѣ. I, CXV. Разыск. 307.

саны? Пытаясь рѣшить еще въ 1852 году вопросъ о языкѣ нашихъ лѣтописныхъ памятниковъ до Владиміра, покойный Срезневскій далъ такой отвѣтъ: „писаны на языкѣ, который русскіе, наши предки, могли назвать своимъ роднымъ, писаны для русскихъ; писали ли сами русскіе, или же варяги, греки, болгаре—все равно, лишь бы писали для русскихъ, по русски, о томъ, что нужно было русскимъ“ *). И теперь, кажется, мы не можемъ дать инаго отвѣта по вопросу о языкѣ нашихъ договоровъ. А сколько должно было пройти времени, чтобы могъ образоваться такой языкъ, чтобы оказаться готовымъ средствомъ для выраженія содержанія столь важнаго международнаго акта?

Съ отнесеніемъ начала христіанства и письменности у болгаръ по крайней мѣрѣ къ началу IX вѣка и между русскими славянами по крайней мѣрѣ къ половинѣ тогоже вѣка, мы конечно получаемъ цѣлое столѣтіе для объясненія органической постепенности въ развитіи жизни тѣхъ и другихъ; но и тогда наши хронологическія опредѣленія для объясненія столь сложныхъ и крупныхъ явленій едва ли окажутся достаточно точными, при соображеніи сосѣдства съ христіанской Византіей въ теченіи многихъ предшествовавшихъ вѣковъ. Притомъ извѣстно, что греки, въ политическихъ цѣляхъ, не упускали съ своей стороны случаевъ для привлеченія своихъ злѣйшихъ враговъ къ христіанству и для ослабленія тѣмъ самымъ ихъ враждебнаго настроенія: они спѣшили ознакомить всѣхъ, являвшихся къ нимъ, иноземцевъ не только съ богатствомъ дворца и столицы, но и съ святынею послѣдней, безъ сомнѣнія, съ цѣлями прозелитизма, а не затѣмъ только чтобы „похвастать и произвести на нихъ впечатлѣніе“. „Царь же Леонъ, говоритъ наша первоначальная лѣтопись о послахъ Олега, заключившихъ въ Царьградѣ договоръ съ греками, пристави къ нимъ мужи своя показати имъ церковную красоту, и полаты златыя, и въ нихъ сущая богатьства, злато много, и паволокы, и каменье драгое, и страсти господни, вѣнецъ и гвоздье и хламиду багряную, и мощи

*) Изв. Ак. Наукъ. III. стр. 65.

святыхъ, *учаще я ко вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру*".

Если съ юга и югозапада къ намъ проникало христіанство задолго до крещенія Руси, то и на западѣ возможно было его дѣйствіе на насъ со времени великой миссіи славянскихъ апостоловъ. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что въ слѣдъ за Болгаріей, Моравіей и Панноніей, на которыя обращены были подвиги Кирилла и Меѳодія, православное христіанство роспространялось въ Чехіи и Польшѣ.

Въ Чехіи православіе, еще при жизни первоучителей, утвердилось такъ прочно, что, какъ извѣстно, не рѣдко сказывалось и въ слѣдующей ея исторической судьбѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что границы чешскаго королевства еще въ IX вѣкѣ соприкасались съ русскимъ прикарпатскимъ населеніемъ, а въ слѣд. вѣкѣ, при Болеславѣ II, они простирались до Дуная и Карпатскихъ горъ на югѣ, до Стыря и Буга на востокѣ, до Варты и Одры у Вратиславля и Глогавы на сѣверѣ, такъ что на востокѣ границы доходили до Ятвяговъ въ Подлясьѣ, съ которыми такъ часто воевали наши первые князя, и до владѣній приднѣпровской Руси *). Такимъ образомъ для живыхъ и непосредственныхъ сношеній нашихъ съ Чехами съ первыхъ годовъ нашей государственной жизни не представлялось никакихъ препятствій. Замѣчательно, что древнѣйшіе чешскіе памятники, напр. житіе чешскаго князя Вячеслава, чинъ службы при перенесеніи его мощей изъ Болеславы въ Прагу сохранились только въ русскихъ рукописяхъ; самыя панноскія житія въ ихъ старѣйшемъ видѣ находятся въ русскихъ копіяхъ по рукоп. XII вѣка.

*) Такъ эти границы указаны въ учредительной грамотѣ пражскаго епископства, утвержденной германскимъ императоромъ Оттономъ I и папою Бенедиктомъ II; онѣ буквально повторены въ подтвердительной грамотѣ императора Генриха IV. Palacky, Dejiny Česke. I. 254—255. Jireček, Slovanske pravo v Čechach a na Moravě. 119. Ad orientem hos fluvios habet terminos.: Bug scilicet et Stir cum Cracovia civitate etc.

Сохранились несомнѣнныя историческія свидѣтельства о дѣйствіи миссіи Кирилла и Меѳодія и на Польшу. Извѣстно, что краковская область входила тогда въ составъ велико-моравскаго государства. Въ Паннонскомъ житіи Меѳодія упоминается какой-то князь, „силенъ вельми, *сѣдя на Вислѣхъ*". Онъ ругался надъ христіанами, былъ убѣждаемъ Меѳодіемъ къ принятію христіанства и въ послѣдствіи дѣйствительно принялъ его, принужденный къ тому, по пророчеству Меѳодія, силою. Славянское богослуженіе по греческому обряду въ Краковской области продолжалось еще въ XIII вѣкѣ. По словамъ польскаго ученаго Бѣлевскаго, „исторія славянъ въ IX и X вѣкахъ, по мѣрѣ того какъ мы узнаемъ ее точнѣе, убѣждаетъ насъ, что колыбель языка церковнаго (церковно-славянскаго) была преимущественно тамъ, гдѣ находилась также колыбель организованнаго польскаго общества, именно въ великой Моравіи. Возвѣщенное здѣсь Кирилломъ и Меѳодіемъ ученіе, продолжаетъ тотъ же авторъ, перешло въ послѣдствіи къ хорутанамъ Коцела и къ Борисовымъ болгарамъ; но нива, на которую главнымъ образомъ пали сѣмена ихъ проповѣди и гдѣ они принесли первые плоды, были славяне Ростислава и Святополка, держава которыхъ простиралась до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Выработанный между этими славянами первый письменный языкъ, на которомъ роспространяема была между ними вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности всѣхъ славянъ, и все, что писалось въ Польшѣ туземцами, какъ въ ту пору, такъ и долгое время потомъ, писалось не иначе какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами". Послѣдняя мысль подтверждается авторомъ фактами изъ исторіи польской письменности и оканчивается заключеніемъ, что „кириллица была нѣкогда повсемѣстно употребляема въ Польшѣ и написанныя Меѳодіемъ и его преемниками церковно-славянскія книги были образцомъ, по которому мы, какъ и прочіе славяне, воздѣлывали нашъ первоначальный письменный языкъ, пока языкъ этотъ около XIV вѣка не былъ вытѣсненъ вліяніемъ чешскаго". Бѣлевскій даже предполагаетъ, что извѣстная Супрасьльская рукопись, найденная близь Бѣлостока и изданная

Миклошичемъ въ 1851 году, заключающая въ себѣ житія древнихъ святыхъ, переведенныя съ греческаго, поученія греческихъ отцовъ церкви, между прочими и патріарха Фотія, есть одинъ изъ кирилловскихъ памятниковъ, писанныхъ въ Польшѣ въ XI вѣкѣ *).

Если восточное православіе съ его священными книгами и его славянскимъ богослуженіемъ такъ прочно утвердилось въ Чехіи, простиравшейся до Буга и Вислы, и въ Польшѣ во время апостольской дѣятельности Меѳодія и послѣ, продолжая распространяться по данному однажды направленію, то невозможно допустить, чтобы чисто-русское населеніе, съ древнѣйшаго времени занимавшее предгорья Карпатовъ, не испытало непосредственнаго вліянія тойже апостольской дѣятельности первоучителей. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что ими усвоено было тоже восточное православіе съ его книгами и славянскимъ богослуженіемъ, а также и въ томъ, что они же должны были оказаться наилучшими проводниками православія и въ приднѣпровскую русь во время, непосредственно слѣдовавшее за кончиною Меѳодія, а можетъ быть и при его жизни. Проф. Голубинскій, утверждая обращеніе угорскихъ русскихъ, непосредственныхъ сосѣдей нашей Червонной или Галицкой Руси, въ восточное православіе за сто лѣтъ до насъ, выражаетъ и убѣжденіе, что Владиміръ въ первое время получалъ отъ нихъ священниковъ. „Межъ Панноніей и Кіевомъ посредниками были прикарпатскія земли“, говоритъ проф. Кочубинскій, при чемъ даже отрицаетъ всякое участіе Болгаріи въ нашемъ раннемъ просвѣщеніи.

Такое общее движеніе во всемъ славянскомъ мірѣ по обращенію въ христіанство въ эпоху дѣятельности первоучителей не могло не отразиться и на русскихъ славянахъ, особенно если принять во вниманіе, что племенное единство въ то время чувствовалось живѣе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Припомнимъ слова нашего лѣтописца, высказанныя именно по поводу хри-

*) Предисловіе къ польскому словарю Линде, стр. 10—11. Гильфердингъ, Кирилло-Меѳодіевской сборникъ. М. 1863 стр. 170 и слѣд.

стіанской проповѣди между славянами: „единъ языкъ словѣнескъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая русь... А словѣнескъ языкъ и рускыи одинъ"... И вообще въ начальный періодъ образованія нашего государства, въ кіевскій, домонгольскій періодъ, Русь была гораздо болѣе открыта для запада и западъ для Руси, чѣмъ въ послѣдующій московскій періодъ. „Русь домонгольская, говоритъ проф. Голубинскій, вовсе не была тѣмъ, чѣмъ послѣ стала Русь Московская, именно—страной, весьма крѣпко запертой, въ которую весьма трудно попасть, а напротивъ была страной, совершенно открытой и доступной, находившейся съ западомъ въ такомъ же живомъ и тѣсномъ общеніи, какое существуетъ теперь со времени Петра Великаго" (I. 135. 448). Для доказательства довольно припомнить непрерывныя родственныя связи нашего княжескаго дома съ владѣтельными домами юга и запада, и не одними славянскими: изъ пяти законныхъ женъ Владиміра, упоминаемыхъ лѣтописцемъ, одна была гречанка, двѣ чехини и одна болгарка и, кромѣ первой, военноплѣнной, нѣтъ основанія отрицать высокаго ихъ происхожденія (тамже стр. 131); одинъ изъ сыновей Владиміра, Святополкъ, былъ женатъ на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, Ярославъ—на дочери шведскаго короля, Изяславъ—на сестрѣ короля польскаго Казиміра, а самъ Казиміръ—на дочери Ярослава, другая дочь была замужемъ за знаменитымъ Гарольдомъ, сыномъ Олава святаго, третья за французскимъ королемъ Генрихомъ I, четвертая за венгерскимъ королемъ Андреемъ I; дочь Всеволода Ярославича была сначала за нѣмецкимъ маркграфомъ, а потомъ за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, отъ котораго бѣжала къ знаменитой маркграфинѣ Тосканской Матильдѣ, дочь Святополка II была за польскимъ королемъ Болеславомъ Кривоустымъ, дочь Мономаха за венгерскимъ королемъ Коломаномъ и т. д. Этими связями, а равно и непрерывными сношеніями съ западомъ, мирными и враждебными, легко объясняются и частыя посольства съ запада къ Кіевскимъ князямъ особенно съ цѣлію привлеченія ихъ къ латинской церкви и наши на западъ. Припомнимъ рус-

скихъ пословъ при дворѣ Оттона I, миссіи Адальберта, Рейнберна, Бруно. Въ Кіевѣ жило весьма много пришельцевъ съ запада латинской вѣры, поселявшихся тамъ съ разными цѣлями— служилыхъ людей, торговцевъ, ремесленниковъ, колонистовъ. Въ Словѣ о латинахъ, приписываемомъ Ѳеодосію печерскому, замѣчено: „исполнися и наша земля злыя тоя вѣры людей“.

При такомъ живомъ и непрерывномъ общеніи нашемъ съ западомъ и особенно съ западными соплеменниками, ведущемъ свое начало, безъ сомнѣнія, отъ весьма давняго времени, при томъ живомъ еще сознаніи племеннаго единства, невозможно допустить, чтобы мы оставались чуждыми, сторонними великой миссіи славянскихъ первоучителей, „необходимо наоборотъ признать, скажемъ словами Гильфердинга, что русскій славянинъ, вмѣстѣ съ славяниномъ македонскимъ и болгарскимъ, вмѣстѣ съ моравцемъ, чехомъ и полякомъ были призваны къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ“, необходимо заключать, что мы были непосредственными участниками подвиговъ Кирилла и Меѳодія въ самое время ихъ совершенія, что мы непосредственно пріобщились къ великому движенію, совершавшемуся во всемъ славянскомъ мірѣ въ половинѣ IX вѣка. Волна этого великаго движенія проникала къ намъ и охватывала насъ съ трехъ сторонъ — юга, югозапада и запада, отъ черноморскихъ руссовъ, болгаръ и западныхъ славянъ. Такимъ образомъ при самомъ зарожденіи государственной жизни славянскаго племени нашимъ первоучителямъ суждено было насѣять сѣмена христіанскаго просвѣщенія по всѣмъ славянскимъ странамъ и явиться какъ бы предопредѣленными свыше предвѣстниками ихъ будущаго духовнаго общенія и единенія: „такъ точно въ иныхъ легендахъ мы читаемъ, младенца озаряетъ символическое пророческое видѣніе того, чѣмъ онъ долженъ быть въ возрастѣ зрѣлаго мужа“ (Кирилло-Меѳод. сборникъ стр. 170).

Въ этомъ заключается великое современное значеніе подвига святыхъ братьевъ, и я позволю себѣ заключить свое чтеніе пожеланіемъ, чтобы послѣдующее теченіе исто-

рической жизни всего славянства совершалось въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ значеніемъ, пожеланіемъ, чтобы возвѣщенное ими святое слово, явившееся на языкѣ стройномъ и величественномъ, „всіяло словѣньску языку въ неразуміи, въ мрацѣ грѣховнѣ сущу", чтобы оно ниспослало намъ ту „богоразумную тучу, которая напаяла бы боготочною росою изгорѣвшая грѣховною сухотою сердца наши" *).

*) Похвала св. Кириллу по сп. XV в. Кирилло-Меѳод. сборникъ стр. 317.

Н. Лавровскій.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ
О ГРЕКО-СЛАВЯНСКОМЪ ХАРАКТЕРѢ
дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія.

1.

Солунь.

Вопросъ о принадлежности Солунскихъ Братьевъ къ *народности греческой* или *славянской* до сихъ поръ считается спорнымъ. Большинство изслѣдователей признаетъ ихъ греками по происхожденію и образованію, ссылаясь на принадлежность къ Византійской имперіи ихъ роднаго города Солуня, а равно на высокій административный постъ (друнгарія) въ солунской темѣ ихъ отца Льва; но были голоса и за славянское происхожденіе нашихъ Первоучителей какъ въ древнее (Успеніе св. Кирилла) такъ и въ новѣйшее время (Погодинъ). Людямъ, которые измѣряютъ прошлое на аршинъ современности, казалось невозможнымъ согласить славянолюбіе Солунцевъ съ ихъ греческимъ, слѣдовательно какъ бы фанаріотскимъ происхожденіемъ.

Не трудно доказать, что оба эти противоположные взгляда равно произвольны и ненаучны. Изъ того обстоятельства, что Солунь былъ въ 9-мъ вѣкѣ византійскимъ городомъ и даже второю столицею Восточной имперіи, нельзя еще заключать объ отсутствіи въ немъ Славянъ не только въ низшихъ, но и въ высшихъ слояхъ населенія. Изъ греческихъ лѣтописцевъ и агіографовъ, особенно же изъ извѣстнаго житія св. Димитрія Солунскаго, мы знаемъ, что не только въ 9-мъ, но и въ 8, даже въ 7-омъ в. солунская тема была переполнена славянскими колонистами, которые до того въ ней усилились, что въ союзѣ

съ сосѣдними племенами нѣсколько разъ осаждали самый Солунь, хотя и не могли его взять. Въ мирное же время они переполняли улицы и базары византійскаго города, который манилъ ихъ всѣми соблазнами богатства, роскоши, образованности. Неудивительно, что славянскій языкъ уже въ 9-мъ в. сталъ, наряду съ греческимъ, вторымъ разговорнымъ языкомъ солунскаго общества, что засвидѣтельствовалъ и составитель Паннонскаго житія св. Меѳодія, вложивъ въ уста имп. Михаилу III слова: „Селоунꙗне вьси чисто словѣньскы бесѣдоуѭть". А такъ какъ въ то время не было въ Восточной имперіи закона, обрекавшаго славянскихъ уроженцевъ на общественное илотство, какъ это бывало въ имперіи Западной, то ничто не мѣшало имъ и въ Солунѣ, какъ въ Цареградѣ и индѣ, становиться друнгарями, стратигами, даже епископами, патріархами и пожалуй императорами, какъ свидѣтельствуютъ имена славянина Юстиніана I въ 6-мъ в. и Василія I въ 9-мъ в.

Съ другой стороны, настроеніе образованныхъ Грековъ 9-го вѣка въ отношеніи къ славянской народности никакъ не можетъ быть сравниваемо съ узкими и корыстными взглядами на нее нѣкоторыхъ позднѣйшихъ фанаріотовъ. Это видно между прочимъ и изъ живой поддержки, оказанной императоромъ Михаиломъ III, а равно цезаремъ Вардою и патріархомъ Фотіемъ Солунскимъ Братьямъ при устроеніи ими славянской церкви. Принимая славянолюбіе Кирилла и Меѳодія за доказательство ихъ славянскаго происхожденія, мы должны бы значитъ для послѣдовательности считать и патр. Фотія славяниномъ.

Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи совершенное молчаніе Паннонскихъ житій о народности Славянскихъ Первоучителей. Составитель этихъ житій едва ли опустилъ бы столь важное и обычное въ агіологической литературѣ указаніе, если бы считалъ его возможнымъ и необходимымъ. Ни греческое, ни славянское происхожденіе героевъ обоихъ житій не могло казаться чѣмъ либо предосудительнымъ и требующимъ умолчанія отъ ихъ составителя, написавшаго эти житія на греческомъ языкѣ, но вмѣстѣ въ чисто-славянскомъ духѣ. То же должны мы сказать и о славянскомъ переводчикѣ житій. Удержавъ въ немъ

всѣ подробности подлинника о греческомъ воспитаніи Солунскихъ Братьевъ, объ ихъ службѣ императору и патріарху какъ въ непосредственныхъ владѣніяхъ Византіи, такъ и въ отдаленныхъ отъ нея краяхъ востока, сѣвера и запада, едва ли бы нашъ вѣрный переводчикъ выбросилъ одинъ лишь фактъ греческаго ихъ происхожденія. Мы можемъ слѣд. полагать, что и въ греческомъ оригиналѣ или первоисточникѣ Паннонскихъ житій не было даже намека о томъ. По той же причинѣ молчитъ о происхожденіи Кирилла и Меѳодія и Италіянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента.

А между тѣмъ составитель того греческаго житія, которое легко въ основу Италіянской и обѣихъ Паннонскихъ легендъ, несомнѣнно жилъ въ очень близкое къ событіямъ время, по всей вѣроятности былъ даже однимъ изъ непосредственныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Почему же онъ не зналъ о ихъ происхожденіи? Или онъ не придавалъ никакого значенія ихъ принадлежности къ греческой либо къ славянской народности? Если не зналъ о томъ человѣкъ столь свѣдущій во всѣхъ остальныхъ подробностяхъ жизни Солунскихъ Братьевъ, то очевидно не часто заводили они о томъ рѣчь; если же онъ не придавалъ лишь значенія этому обстоятельству, то не думали ли такъ же и его герои?

Въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ убѣжденію, что Славянскіе Первоучители не придавали никакого вѣса національнымъ различіямъ между Греками и Славянами, и если не фактически, то хоть въ желаніи слили въ своихъ жилахъ кровь греческую и славянскую. Не потому ли и появилось у Югославянъ преданіе о происхожденіи Первоучителей отъ отца болгарина и матери гречанки, записанное въ 18 в. на Аѳонѣ Арсеніемъ Сухановымъ?

Такимъ образомъ, оставаясь на почвѣ первоисточниковъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ и восходящихъ къ нимъ преданій, мы можемъ сказать, что по происхожденію они *не были ни греками, ни славянами* въ тѣсномъ смыслѣ, а *греко-славянами* въ отношеніи какъ физическомъ, такъ и духовномъ.

1*

Кириллъ и Меѳодій являются самыми извѣстными и блестящими, но далеко не единственными представителями образовавшагося въ Византійской имперіи къ 8—9-му в. *греко-славянскаго этнологическаго типа.* Къ этому сложному типу, развившемуся изъ физической и психической помѣси греческихъ туземцевъ ѳрако-иллирскаго полуострова со славянскими пришельцами, принадлежала уже въ 9-мъ в. значительная часть населенія этого полуострова, съ его греческимъ продолженіемъ на юго-западѣ и малоазійскимъ на востокѣ. Не только Македонія, Ѳракія, Эпиръ, Ѳессалія, Эллада, Морея, но и часть Эгейскихъ и Іоническихъ острововъ были тогда пронизаны славянскими поселеніями, въ большей или меньшей степени перемѣшанными съ греческими. И въ Малой Азіи весь сѣверо-западный округъ, примыкавшій къ Пропонтидѣ и Эгейскому морю и составлявшій опсикійскую тему, былъ переполненъ ими въ 8—9 вв. Нѣкоторое время стихіи греческая и славянская, сосредоточенныя первая въ городахъ и приморьяхъ, а вторая по деревнямъ и внутри страны, сохраняли свою раздѣльность. Но въ концѣ концовъ наступало между ними взаимодѣйствіе и сліяніе, при чемъ на поверхности новаго сплава оказывались индѣ греческій, индѣ же славянскій языкъ. Торжество перваго или втораго не означало однако окончательнаго уничтоженія побѣжденной въ этомъ отношеніи стихіи. Она оставалась извѣстной долей въ крови смѣшаннаго населенія, въ его физическомъ и психическомъ типѣ, въ нравахъ и обычаяхъ, въ культурныхъ стремленіяхъ и способностяхъ.

Фактъ этотъ констатированъ впервые Фальмерайеромъ. Къ сожалѣнію, нѣмецкій ученый пожелалъ сдѣлать изъ него предметъ насмѣшки надъ Ново-греками, чѣмъ и вызвалъ сильную оппозицію въ средѣ ученыхъ ново-греческихъ, а отчасти и нѣмецкихъ. Первые не поняли, что смѣшанный составъ ново-греческой народности служитъ еще одной гарантіей ея даровитости и силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ роднитъ ее физически со славянскимъ племенемъ и обезпечиваетъ за Ново-греками органическое соучастіе въ культурной будущности этого великаго арійскаго народа. Что касается нѣмецкихъ оппонентовъ Фаль-

мерайера, то всѣ они, не исключая даже Гопфа, помѣшаны на политическихъ послѣдствіяхъ его гипотезы, въ смыслѣ якобы подспорья для панславизма. Если взглянуть на фактъ безъ національныхъ предразсудковъ и политической тенденціозности, то придется не только констатировать образованіе въ 8—9-мъ вв. въ Восточной имперіи многочисленнаго смѣшаннаго греко-славянскаго населенія, но и признать въ немъ фактъ первостепенной важности для дальнѣйшихъ судебъ какъ этой имперіи, такъ и всего Славянства, а чрезъ него всего человѣчества. Первымъ же по времени и важности культурнымъ выраженіемъ греко-славянизма была именно личность и дѣятельность славныхъ Солунцевъ.

II.

Цареградъ и Олимпъ.

Смѣшанность населенія Восточной имперіи, съ преобладаніемъ стихій греческой и славянской, до извѣстной степени амальгамированныхъ уже въ единствѣ типа греко-славянскаго, должна была какъ въ фокусѣ отразиться и въ столицѣ имперіи. Хотя первоначально, при Константинѣ Вел. и его непосредственныхъ преемникахъ до Юстиніана и Ираклія, въ Константинополѣ довольно видную роль игралъ элементъ романскій, однако съ теченіемъ времени онъ постепенно былъ подавленъ греческимъ, при содѣйствіи восточныхъ инородцевъ имперіи, въ составѣ которыхъ съ VI в. все болѣе и болѣе выдвигаются Славяне. Это выразилось не только въ постепенной замѣнѣ латинскаго языка греческимъ въ законодательствѣ и управленіи, но и въ постепенномъ освобожденіи Византіи отъ преданій языческаго Рима, въ ослабленіи связей съ Италіею, съ римскимъ патріархатомъ и его духовными чадами на Западѣ. Значительные контрасты въ міросозерцаніи и стремленіяхъ христіанскаго Востока и Запада успѣли опредѣлится до извѣстной степени къ 9-му в. Они выразились во второй его половинѣ въ извѣстномъ спорѣ пат-

ріарха Фотія съ папою Николаемъ I и его преемниками, спорѣ, который черезъ 200 л. закончился отпаденіемъ патріархата римскаго отъ остальныхъ.

Кириллу пришлось проходить свою среднюю и высшую школу въ Цареградѣ, въ періодъ оживленія въ немъ наукъ при Вардѣ и подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Фотія. Нечего и говорить, что въ такой школѣ даровитый юноша не могъ не усвоить себѣ всѣхъ лучшихъ сторонъ тогдашней греческой науки, быть можетъ и съ нѣкоторыми ея недостатками, главнымъ изъ коихъ было преобладаніе схоластики и слабость творчества. Характерно при этомъ для Кирилла, какъ чисто-греческаго ученаго того времени, преобладаніе въ его занятіяхъ богословской струи, что и привело его сначала къ „поповству", а затѣмъ къ важнымъ миссіонерскимъ поѣздкамъ въ разныя стороны свѣта. Такъ и Фотію ничего не стоило перемѣнить занятія статсъ-секретарскія на званіе патріарха и изслѣдованія филологическія на каноническія и обще-богословскія.

Подобное сочетаніе науки свѣтской съ духовною должны мы предположить и въ той школѣ, которую прошелъ Меѳодій. И ему пришлось смѣнить дѣятельность административную на іерархическую, въ связи съ церковно-литературной, при чемъ мы не видимъ въ послѣдней никакихъ пробѣловъ со стороны знанія или сноровки.

Занятія „греческой грамматикой и Омиромъ, геометріей и діалектикой, риторикой и ариѳметикой, астрономіей, музыкой и всѣмъ прочимъ *еллинскимъ ученіемъ*" (Панн. жит. гл. IV) не отчуждили однако Кирилла отъ славянскаго языка и народности. Тому должны были содѣйствовать преимущественно два обстоятельства: во 1. многочисленность славянскаго населенія въ Цареградѣ, и во 2. близость отъ столицы чисто-славянскихъ областей какъ на ѳракійскомъ, такъ и на малоазійскомъ берегахъ Бѣлаго моря (Пропонтиды).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы уже съ 6-го в. встрѣчаемъ въ Цареградѣ цѣлый рядъ высокихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ изъ Славянъ, напр. воеводъ Доброгоста, Всегорда и Татиміра въ VI в., Оногоста (Šafar. Sebr. Sp. II, 165, 169, 170, 211),

Сваруны и Небула въ VII в. (ib. 247, 248), патріарха цареградскаго Никиту въ VIII в. (ib. 211), а даже императоровъ Юстиніана I (ib. 170) и Василія I (ib. 212), то изъ этого можемъ заключать о присутствіи Славянъ въ высшихъ слояхъ византійскаго общества, при императорскомъ дворѣ и центральныхъ управленіяхъ имперіи. Еще несомнѣннѣе присутствіе въ Цареградѣ 8—9 вв. Славянъ въ составѣ низшаго—военнаго, гражданскаго и духовнаго—его населенія. При имп. Юстиніанѣ II образованъ былъ даже особый славянскій отрядъ, составлявшій родъ лейбъ-гвардіи, подъ командою славянина Небула (ib. 248). Правда, онъ не оправдалъ надеждъ императора и перешелъ въ войнѣ на сторону Арабовъ; но это не лишило императоровъ охоты и потомъ окружать себя славянскими войсками, въ числѣ которыхъ бывали и русскіе Славяне.

Въ средѣ купеческаго и ремесленнаго населенія Цареграда также находилось тогда множество Славянъ. Даже русскіе купцы имѣли, судя по договору Олега съ Греками, особый кварталъ (Св. Мамы) въ Цареградѣ.

И болгарскіе купцы имѣли въ тѣ вѣка свою факторію въ Цареградѣ. Левъ VI перенесъ ее по политическимъ соображеніямъ въ Солунь, гдѣ однако торговыя условія были менѣе выгодны, а фискальный гнетъ чиновниковъ гораздо чувствительнѣе. Это было между прочимъ причиною войны царя Симеона съ Греками 889 г. (Rambaud L'empire Grec 328).

Но главную массу славянскаго населенія Цареграда должны были доставлять славянскія области имперіи, т. е. темы ѳракійская, македонская, стримонская, солунская, элладская, морейская и опсикійская въ Малой Азіи, съ промыкающими къ послѣдней на востокѣ темами оптиматскою, вукелларскою и пафлагонскою, а на сѣверѣ корсунскою, гдѣ также находились тогда славянскія поселенія, хотя и въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ семи первыхъ темахъ.

Вообще нужно замѣтить, что Цареградъ, подобно Солуни, былъ въ тѣ вѣка отовсюду окруженъ славянскими поселеніями какъ на европейскомъ, такъ и на малоазійскомъ берегахъ Понта, Босфора и Пропонтиды.

Не удивительно, что и Кириллъ, прибывшій изъ Солуня въ отрочествѣ и проведшій здѣсь лѣтъ 15—20, не разучился въ Цареградѣ по славянски, а наоборотъ, еще развилъ въ немъ свою славянскую рѣчь до того замѣчательнаго совершенства, которому мы дивимся въ принадлежащемъ ему переводѣ священныхъ книгъ.

Особенно важною представляется въ этомъ отношеніи для поддержанія и развитія славянизма въ Кириллѣ, а равно и въ Меѳодіѣ, близость къ Цареграду переполненной тогда Славянами *опсикійской темы*, расположенной вокругъ *малоазійскаго Олимпа.*

Область эта, занимающая части древней малоазійской Мизіи и Виѳиніи, а равно прилегающая къ ней на востокѣ Пафлагонія съ древнѣйшихъ временъ являются какимъ то привиллегированнымъ угломъ славянскихъ поселеній въ Азіи. Еще Гомеръ зналъ въ Малой Азіи Генетовъ, которые, по мнѣнію Софокла и позднѣйшихъ писателей, особенно же Страбона, Т. Ливія, Тацита, Плинія, вывели изъ своей пафлагонской митрополіи и венетскую колонію въ Ломбардіи (Ламанскій, О Слав. въ Малой Азіи 178). Въ древней Виѳиніи находились города Κίος близь Никеи и Λίβυσσα близь Никомидіи, въ Пафлагоніи же была мѣстность ζάγωρον, смахивающія по названію на Кій, Любуша, Загорье (ib. 152 сл. 156). Въ краткомъ греческомъ житіи св. Климента Величскаго малоазійскій Олимпъ признается прародиной болгарскихъ Славянъ, изгнанныхъ де оттуда Александромъ Македонскимъ (ib. 153). Очень вѣроятно участіе Славянъ въ походахъ на Малую Азію черноморскихъ Готовъ въ III в., а Гунновъ въ V в. (ib. 150, 147), при чемъ многіе изъ этихъ Славянъ могли оставаться въ поселеніяхъ своихъ соплеменниковъ. Съ VII в. нашей эры начинается новая серія извѣстій о виѳинскихъ и пафлагонскихъ Славянахъ у византійскихъ писателей. Такъ по Ѳеофану въ 664 г. малоазійскіе Славяне (Εκλαβῖνοι) въ числѣ 5000 перешли на сторону Арабовъ и переселились въ Сирію, въ апамейскую область (ib. 2). Въ 687 г. имп. Юстиніанъ II переселилъ въ опсикійскую тему такое множество Славянъ изъ болгаро-македонской Словѣніи и окрестностей Солуня,

что изъ нихъ образованъ былъ отборный 30,000-ный отрядъ (λαὸς περιούσιος) подъ начальствомъ Небула. Въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ съ Арабами 20,000 Славянъ перешли, правда, на ихъ сторону, за что оставшіеся ихъ соплеменники были де жестоко наказаны Греками; но это конечно не пресѣкло славянскаго населенія въ опсикійской темѣ, которая и въ 10-мъ в., по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, была населена Славизіанами (ib. 3, 4, 8). Подъ 762 г. Анастасій сообщаетъ о большой иммиграціи Славянъ изъ Болгаріи въ М. Азію: въ числѣ 208,000, они поселились де на р. Артанѣ, въ древней Виѳиніи (ib. 6). Въ IX в. въ виѳинской епархіи упоминается Львомъ Мудрымъ что то въ родѣ Сербовъ: ὁ Γορδοσέρβων (ib. 14). По свидѣтельству же житія св. Димитрія Солунскаго, въ М. Азію и даже Пропонтиду, вплоть до Цареградскаго порта, заѣзжали иной разъ въ VII—VIII в. пираты славянскіе изъ Македоніи (ib. 16), а вѣроятно и изъ Ѳессаліи, Мореи (ib. 15) и прочихъ приморскихъ областей полуострова. Очень вѣроятно, что эти набѣги облегчены были содѣйствіемъ Славянъ малоазійскихъ, окружавшихъ съ юга Пропонтиду, Дарданелы и троянскіе нѣкогда берега Элейскаго моря, гдѣ эти пираты могли нерѣдко и селиться то въ одиночку, то большими толпами. Сношенія Славянъ опсикійскихъ съ европейскими соплеменниками продолжались очень долго, отчасти же поддерживаются и въ настоящее время (маньяскіе козаки), какъ это можно видѣть изъ данныхъ, собранныхъ В. И. Ламанскимъ (7 сл.).

Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать, что въ Малой Азіи, на склонахъ и въ ущельяхъ Олимпа, а равно по берегамъ окружающихъ его озеръ, рѣкъ и сосѣднихъ морей, обитало въ 9-мъ в. множество Славянъ, связанныхъ непрерывной исторической нитью съ генетскими или венетскими, т. е. славянскими же, вѣроятно, поселеніями древности и находившихся въ дѣятельныхъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ соплеменниками въ сосѣдней Ѳракіи и Македоніи, а даже и болѣе отдаленныхъ Словѣній Ѳессаліи, Эллады и Мореи.

Важно было бы рѣшить вопросъ о времени принятія христіанства подолимпскими Славянами; но оно уходитъ, повидимому, въ

такую сѣдую древность, о которой могъ бы расказать развѣ Евсевій Кессарійскій или пожалуй Прокопій, если бы они обратили вниманіе на этихъ Славянъ. Мы знаемъ кой что о началахъ христіанской проповѣди у Славянъ подбалканскихъ, поддинарскихъ, подальпійскихъ, подкарпатскихъ, подсудетскихъ и обѣихъ Сарматій (малой—польской и большой—русской); но ходъ христіанизаціи Славянъ малоазійскихъ покрытъ глубокимъ мракомъ. Можно однако болѣе или менѣе основательно предполагать, что *они раньше всѣхъ остальныхъ соплеменниковъ приняли христіанство*. Въ самомъ дѣлѣ, Малая Азія была, какъ извѣстно изъ Дѣяній апостольскихъ и изъ Апокалипсиса, однимъ изъ самыхъ раннихъ и сильныхъ его центровъ. Здѣсь находились тѣ семь церквей: Эфесъ, Смирна, Пергамъ, Ѳіатиръ, Сарды, Филадельфія и Лаодикія, которыхъ звѣзды и свѣтильники показались ап. Іоанну въ его пророческомъ видѣніи и къ которымъ обращены были внушенія и предсказанія „Перваго и Послѣдняго“. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей, какъ напр. Пергамъ и Ѳіатиръ, лежали въ близкомъ разстояніи отъ славянскихъ поселеній въ древней Мизіи и Виѳиніи. Съ сѣвера эта область опоясана была по Пропонтидѣ также очень старыми христіанскими центрами, каковы напр. Никея, Никомидія, Халкидонъ и наконецъ отдѣленный отъ нея лишь узкимъ проливомъ Константинополь. Удивительно ли, что склоны малоазійскаго Олимпа гораздо раньше покрылись церквами, монастырями, кельями, чѣмъ ущелья Олимпа македоно-ѳессалійскаго и даже подножья святой впослѣдствіи горы—Аѳона!

Присутствіе на Олимпѣ малоазійскомъ монастырей, скитовъ и келій въ 9-мъ в. не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ Анастасій библіотекарь, въ числѣ дѣйствительныхъ или выдуманныхъ обвиненій на патр. Фотія, помѣстилъ и то, что онъ въ 860-хъ годахъ разогналъ съ Олимпа отшельниковъ и сжегъ ихъ кельи (Hergenröther, Photius I, 530): конечно, это могло случиться развѣ съ завзятыми приверженцами низверженнаго патр. Игнатія и врагами Фотія.

Въ началѣ X в. патріархъ Николай Мистикъ избралъ изъ среды олимпскихъ монаховъ одного игумена въ послы къ Симео-

ну Болгарскому (ib. I, 538), очевидно, за его знакомство со славянскимъ языкомъ. Еще яснѣе виденъ священный характеръ Олимпа изъ разсказа византійскихъ историковъ 10-го в., особенно т. наз. Продолжателя Ѳеофана, о предсмертной поѣздкѣ на эту гору имп. Константина Багрянороднаго, около 959 г. Заимствую этотъ эпизодъ изъ пересказа Рамбо (L'empire Grec 47 сл.), согласнаго въ общихъ чертахъ съ изложеніемъ Лебо (Lebeau, Gesch. d. Morgenländis. Kaiserthums XVI т. 59 сл.), съ нѣкоторыми сокращеніями:

„Чувствуя свое здоровье потрясеннымъ и свою энергію ослабѣвающею, Константинъ рѣшился совершить паломническое хожденіе на Олимпъ виѳинскій. Это знаменитая гора представляла двойную приманку: для утомленной души и для тѣла. На ея склонахъ возвышались монастыри и кельи прославленныхъ по святости отшельниковъ; въ сосѣдствѣ же находились цѣлебныя теплыя воды, на которыхъ расположенъ былъ городъ Пиѳія, переименованный христіанами въ Сотеріополь. Эти воды были любимымъ пребываніемъ высшаго цареградскаго общества. Сверхъ того Виѳинія, вся покрытая памятниками и воспоминаніями древности, могла возбудить и научную любознательность императора, какъ историка и археолога. Къ сожалѣнію, обстоятельства этого хожденія скорѣе могли дать пищу печальнымъ предчувствіямъ паломника, чѣмъ возстановить его физическую и нравственную энергію. Богато разукрашенная императорская галера перевезла его въ Пренете, на малоазійскимъ берегу. Затѣмъ онъ посѣтилъ Никею, мѣсто перваго вселенскаго собора. У подножія Олимпа игуменъ монастыря св. Аѳиногора показалъ императору грамоту, составленную при Львѣ VI и заключавшую въ себѣ предсказаніе прежняго игумена, что наслѣдникъ Льва VI посѣтитъ Олимпъ при концѣ своей жизни. Константинъ узналъ де почеркъ отца и сознался игумену, что онъ чувствуетъ вѣрность этого предсказанія. Затѣмъ императоръ вскарабкался на Олимпъ, посѣтилъ самыя высокія кельи и поручилъ себя молитвамъ пустынниковъ. Спустившись въ Бруссу, онъ сталъ купаться въ ея теплыхъ водахъ. Между тѣмъ оказалось, что на вершинѣ Олимпа живетъ въ пещерѣ еще одинъ старый отшельникъ,

отмѣченный небеснымъ знаменіемъ. Императоръ собирался уже возобновить трудный подъемъ туда по ущельямъ, пропастямъ и извилистымъ тропинкамъ, но отшельникъ самъ прибылъ къ нему и сообщилъ о близкой кончинѣ. Дѣйствительно, Константинъ возвратился въ Цареградъ больной уже и вскорѣ умеръ.“

Итакъ, не только въ 10-мъ в., при Константинѣ VII, но и при его отцѣ Львѣ VI, въ 9 в., а по всей вѣроятности уже изъ древнихъ временъ Олимпъ былъ тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи сталъ Аѳонъ, священною горою какъ сосѣднихъ, такъ и болѣе отдаленныхъ областей греко-славянскаго міра. Естественно предположить, что въ подолимпскихъ монастыряхъ обитали не только греческіе, но и славянскіе чернецы, какъ они и теперь еще обитаютъ совмѣстно въ зографскомъ, русскомъ, хиландарскомъ и другихъ монастыряхъ и скитахъ Аѳона. Да и греческіе чернецы Олимпа, окруженнаго славянскими селами и наполненнаго славянскими пастухами, по неволѣ должны были знакомиться съ ихъ языкомъ, бытомъ и потребностями. Изъ того обстоятельства, что Славяне проникали въ тѣ вѣка даже на патріаршій и императорскій престолы, мы можемъ заключать объ отсутствіи въ Грекахъ 8—9-го в. національной вражды къ жившимъ рядомъ съ ними Славянамъ. Особенно рано должно было установиться такое мирное и любовное сожительство двухъ народностей въ странѣ, удаленной отъ сцены греко-болгарскихъ войнъ, съ ихъ жестокостями, братоненавистничествомъ и разными ужасами. Положимъ, въ 7—8-мъ вв. мы встрѣчаемъ еще у малоазійскихъ Славянъ нѣкоторыя вспышки противъ Грековъ, дезертирство къ Арабамъ, поддержку Славянъ-пиратовъ на Эгейскомъ морѣ и Пропонтидѣ и т. п.; но къ 9-му в. все это исчезаетъ и мы читаемъ съ тѣхъ поръ единственно объ услугахъ, оказанныхъ Грекамъ опсикійскими Славянами.

Нужно наконецъ имѣть въ воду и величественную природу опсикійскаго Олимпа, благодаря которой онъ сдѣлался еще раньше Олимпа македоно-ѳессалійскаго жилищемъ боговъ языческой Греціи, а впослѣдствіи одною изъ святынь христіанскаго востока. Въ самомъ дѣлѣ, Олимпъ этотъ, старшій братъ сосѣдней троянской нѣкогда Иды, хотя и уступаетъ нѣсколько по высотѣ

Олимпу македонскому (6000:9000 ф.), но все же онъ не имѣетъ въ этомъ отношеніи соперниковъ въ сѣверозападныхъ областяхъ Малой Азіи. Съ его снѣжныхъ вершинъ виднѣются и Черное море, и Босфоръ, съ окаймляющими его холмами, главы св. Софіи и окружающихъ ее теперь минаретовъ, вся Пропонтида, съ синѣющими ѳракійскими берегами, съ ея островами, полуостровами, заливами; къ востоку тянутся равнины Галатіи, Мизіи, Виѳиніи, а на югѣ горныя цѣпи Фригіи; на сѣверѣ плещутъ въ подножья Олимпа три прелестныя озера, на западѣ же бѣгутъ ему на встрѣчу безчисленные отроги Иды. Олимпъ малоазійскій не имѣетъ того сумрачнаго величія, которое характеризуетъ Олимпъ македонскій. То гора свѣтлая, радужная, сіяющая. Для Грековъ гомерическаго даже времени, для героевъ Иліады и Одиссеи, эта гора восходящаго солнца, Олимпъ восточный, имѣлъ больше прелести, чѣмъ сумрачный его соименникъ на западномъ горизонтѣ Эгейскаго моря.

Лишь впослѣдствіи, когда центры греческой поэзіи и жизни перенеслись изъ Малой Азіи въ Элладу и Пелопоннезъ, отношеніе двухъ Олимповъ къ народнымъ миѳамъ измѣнилось въ обратномъ отношеніи и Олимпъ малоазійскій опустѣлъ отъ небожителей. За то въ христіанское время онъ опять становится будто лѣстницей съ земли на небо, престоломъ новаго храма, новаго культа. И теперь еще лѣсистые склоны и ущелья Олимпа кишатъ монахамъ,—только не христіанскими уже анахоретами, а турецкими дервишами, вслѣдствіе чего онъ понынѣ слыветъ у Турокъ „Горою Монаховъ" (E. Gebhardt, L'Olympe, въ Revue des deux mondes 69 т. 996 стр.

Если мы сопоставимъ теперь физическія прелести малоазійскаго Олимпа и окружающихъ его равнинъ, особенно по Пропонтидѣ, священный искони характеръ этой мѣстности, богатство связанныхъ съ нею историческихъ преданій, ея близость къ Цареграду и Ѳракіи, греко-славянскій издревле составъ ея населенія, то поймемъ, что опсикійская тема, въ частности же Олимпъ и окружающіе его монастыри должны были оказывать могучее притягательное дѣйствіе на людей такого происхожденія, воспитанія и душевнаго склада, какими былъ Кириллъ и Меѳодій.

Въ самомъ дѣлѣ, даже въ Паннонскихъ житіяхъ Кирилла и Меѳодія, составленныхъ гдѣ то на западѣ, очень далеко отъ малоазійскаго Олимпа, мы находимъ ясный слѣдъ его воздѣйствія на обоихъ братьевъ. Подъ собственнымъ своимъ именемъ Олимпъ этотъ упоминается въ обоихъ Паннонскихъ житіяхъ, а именно:

1. въ житіи св. Меѳодія гл. III читаемъ: „**И обрѣть врѣмѧ, избысть кънѧжениꙗ [Словѣньска] и шьдъ въ Олимбъ, идеже живѫть свѧтии отьци, постригъ сѧ облѣче въ чрьны ризы и бѣ повиноуѩсѧ покоръмь и съвршаѩ вьсь испльнь мьнишьскыи чинъ, а кънигахъ прилежа**;

2. въ житіи же св. Кирилла гл. VII: (передъ хазарскою миссіею К.) **въ Олимбъ же шьдъ къ Меѳодию братоу своѥмоу, начать жити и молитвѫ творити беспрѣстани къ богоу, тъкъмо кънигами бесѣдоуѩ.**

Что Олимпъ этотъ находился не въ Ѳессаліи или въ Македоніи и что это не былъ Аѳонъ, какъ думалъ г. Бильбасовъ (II, 161), а именно греко-славянскій опсикійскій Олимпъ, явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

Мы не знаемъ, гдѣ находилось то „**словѣньскоѥ кънѧжениѥ**“, изъ котораго переселился св. Меѳодій на Олимпъ: могло оно находиться въ темѣ солунской, стримонской, македонской, ѳракійской, но могло лежать и въ одной изъ малоазійскихъ темъ напр. опсикійской или оптиматской, переполненныхъ тогда Славянами. Но несомнѣнно, что Олимпъ этотъ лежалъ по близости Цареграда, составлявшаго въ теченіе многихъ лѣтъ главную такъ сказать квартиру странствующаго по Востоку Кирилла. Будь то Олимпъ ѳессалійскій или Аѳонъ, не сподручно бы Кириллу заворачивать туда на побывку къ старшему брату, а царю Михаилу **въꙁискати философа** оттуда. Еще положительнѣе подтверждается это мѣстоположеніемъ монастыря Полихронъ, въ которомъ игуменствовалъ Меѳодій въ промежутокъ времени между хазарскою и моравскою миссіями, по свидѣтельству его Панн. жит. гл. IV. Монастырь этотъ находился не въ Ѳессаліи или Халкидикѣ, а именно подъ опсикійскимъ Олимпомъ, близь г. Кизика, на Мраморномъ морѣ, въ области сигріанской, которая

отъ олимпской отдѣлялась лишь рѣкою Рындакомъ (Бильбасовъ К. и М. II, 80). Этотъ, безъ сомнѣнія, монастырь и эту „гору“ разумѣлъ св. Кириллъ, когда, умирая въ Римѣ, упрашивалъ Меѳодія не оставлять изъ за нея паннонско-моравской паствы: „**ты любиши горѫ вельми, то не мози горы ради оставити оучения своего**“ (гл. VII). Полихронскій или одинъ изъ прочихъ подолимпскихъ въ М. Азіи монастырей имѣлъ, вѣроятно, въ виду Меѳодій, когда, ссылаясь на „заклятіе“ матери, требовалъ отъ папы Адріана II разрѣшенія унести изъ Рима тѣло брата для погребенія въ „своемъ монастырѣ“ (Пан. ж. св. Кир. гл. 18). Но главное то, что Олимпъ ѳессалійскій ни въ 9-мъ, ни въ послѣдующіе вѣка не былъ такою горою, „**идеже живѫть свѧтии отьци**“ (Пан. ж. св. Меѳ. гл. III). Аѳонъ же покрылся греко-славянскими монастырями не въ 8 или 9-мъ, а съ конца 10-го и по 14-й в., точнѣе съ 970 по 1385 г., какъ это доказано относительно 21 аѳонскихъ монастырей Фальмерайеромъ (Fragmente aus d. Orient, II, 40). Основателемъ аѳонскаго пустынножительства и перваго монастыря (Лавра) былъ св. Аѳанасій, въ концѣ X-го в. (ib. 25 сл.). Въ періодъ же дѣятельности Кирилла и Меѳодія на Аѳинѣ могли находиться развѣ отдѣльныя кельи, скрывавшіяся въ ущеляхъ и лѣсахъ отъ хищничества пиратовъ греческихъ, славянскихъ, особенно же арабскихъ, гнѣздившихся на о. Критѣ до 961 г., когда онъ былъ отвоеванъ имп. Никифоромъ Фокою.

Констатировавъ фактъ пребыванія Кирилла и Меѳодія подъ малоазійскимъ Олимпомъ, мы обратимся теперь къ другимъ мѣстамъ Паннонскихъ житій, изъ которыхъ уже не прямо, а косвенно вытекаетъ заключеніе о продолжительности и неоднократности этого пребыванія. Относительно Меѳодія это явствуетъ изъ приведеннаго мѣста объ особенной любви его къ Олимпу: „**а ты любиши горѫ вельми**“. Для того, чтобы полюбить извѣстную мѣстностъ и томиться по ней на чужбинѣ, необходимо съ ней сжиться, свыкнуться, сродниться физически или духовно. Олимпъ не былъ родиной Солунцевъ; однако Меѳодій мечталъ о немъ чаще, чѣмъ о Солуни. И мать нашихъ Первоучителей, разставаясь съ ними передъ поѣздкою, вѣроятно, въ Мора-

вію, не напрасно заклинала ихъ: **да иже ваю прьвѣе на сѫдъ идеть, да принесеть брата въ свои монастырь и тоу и погребеть** (П. жит. Кир. гл. 18). Очевидно, что и въ ея глазахъ подолимпскій монастырь этотъ былъ ближе ихъ сердцу, чѣмъ даже родная Солунь. Какія то особенныя любовныя скрѣпы связывали теперь цѣлое семейство съ синей Пропонтидой и бѣлѣющими надъ ней вершинами священнаго Олимпа. Не находилась ли и она уже здѣсь, въ одной изъ келій? Не послѣдовало ли все семейство, по смерти напр. отца Льва, въ эту пропонтидскую Словѣнію, поближе къ Цареграду, къ Кириллу? Не былъ ли и Меѳодій сначала стратигомъ въ той темѣ, гдѣ потомъ, вслѣдствіе какихъ то семейныхъ или общественныхъ разочарованій, постригся въ монахи и съ которою сроднился душей? На всѣ эти вопросы источники не даютъ прямыхъ отвѣтовъ, но нѣкоторыя ихъ указанія лучше всего объясняются этими именно предположеніями.

Такъ изъ Панн. жит. Кирилла мы узнаемъ, что окончивъ свое образованіе и выступивъ на общественное служеніе, въ званіи сначала „**вивлотикарꙗ оу патриꙗрха въ свѧтѣи Софии**“ (гл. IѴ), а вскорѣ затѣмъ „**оучитєлꙗ философии**“ (ib.) и наконецъ миссіонера (ib. гл. Ѵ I, Ѵ III сл.), нашъ философъ нерѣдко отлучался на болѣе или менѣе продолжительное время изъ столицы и скрывался въ какихъ то монастыряхъ и уединенныхъ мѣстахъ. Одинъ изъ этихъ монастырей находился на „Узкомъ морѣ“ (ib. гл. IѴ): **Оуньıи философъ..... на жѫꙁъкоѥ морѥ шьдъ, съкрыса отаи въ монастыри. Искашѧ же ѥго ѕ҃ мѣсѧць и ѥдва обрѣтошѧ и** (гл. IѴ). Названіе это соотвѣтствуетъ буквально греч. Στενόν, подъ которымъ разумѣлся обыкновенно Золотой Рогъ; но едва ли въ этомъ случаѣ монастырь этотъ находился въ такой непосредственной близости къ городу, а скорѣе на Босфорѣ или одномъ изъ малоазійскихъ заливовъ Пропонтиды. Въ противномъ случаѣ врядъ ли удалось бы бѣглецу-библіотекарю полъ-года скрываться въ этомъ монастырѣ отъ глазъ столичныхъ друзей и покровителей, въ числѣ которыхъ находился самъ логофетъ Ѳеоктистъ, одинъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, убитый Вардою въ 854—856 г. (Hergenröther, Photius I, 340 сл. 345).

По возвращеніи 24-лѣтняго Философа изъ сарацынской миссіи „на своѩ ꙁемлѩ“ (гл. VI), онъ лишь короткое время жилъ въ Цареградѣ, а затѣмъ: „не по мънозѣ врѣмене, отърекъса сего житиꙗ, сѣде на юдиномь мѣстѣ безъ млъвы, себѣ самомоу тъкъмо вънемлѩ“ (ib. гл. VII). Гдѣ могло находиться это „юдино мѣсто“, гдѣ нашъ отшельникъ (отърекъса сего житиꙗ) могъ жить „безъ млъвы“, имѣя при себѣ всего одного прислужника и живя приношеніями благочестныхъ людей (ib.)? Конечно, не въ Цареградѣ и не въ ближайшей его окрестности, а гдѣ нибудь на Узкомъ или на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ, либо въ прилегающихъ къ нему съ юга лѣсистыхъ горахъ. Мѣстность эта едва ли была очень удалена отъ Олимпа, гдѣ вслѣдъ затѣмъ и поселился Философъ вмѣстѣ съ Меѳодіемъ (ib.).

Сколько времени провелъ Кириллъ въ этихъ малоазійскихъ скитахъ и кельяхъ, мы навѣрное не знаемъ, но можемъ догадываться, что оно было довольно значительно, ибо обнимало весь промежутокъ времени между сарацынскою и хазарскою его миссіями. Въ этотъ именно періодъ времени, быть можетъ во второй его половинѣ, отказался отъ „млъвы бесѵиньны“ и старшій братъ Меѳодій, постригшійся въ монахи одного изъ подолимпскихъ монастырей. Мы не знаемъ, долго ли жилъ онъ тутъ сначала одинъ, а потомъ съ Кирилломъ; думаемъ однако, что изрядное время. Иначе не успѣлъ бы онъ столь сродниться и слюбиться съ этой „горою“, что это внушало лѣтъ десять спустя серьезныя опасенія умирающему въ Римѣ Кириллу (Пан. жит. Меѳ. гл. VII).

По возвращеніи изъ хазарской миссіи долго неразлучные братья раздѣлились: Кириллъ поселился въ Цареградѣ, уединившись („живѣаше безъ млъвы“, гл. XIII) при „цръкъви Сватыихъ Апостолъ“ (ib.), вѣроятно для составленія отчета о той миссіи; Меѳодій же, отказавшись отъ предложенной ему архіепископіи, поставленъ былъ въ игумены Полихронскаго монастыря (Пан. ж. Меѳ. гл. IV).

Но вотъ прибываетъ въ Цареградъ посельство отъ Ростислава и прочихъ велико-моравскихъ князей съ просьбою о снаряженіи въ ихъ землю такого „оучителꙗ, иже бы имъ въ свои

ѩзыкъ истѫжѭ вѣрѫ христиѩньскѫѭ съказалъ" (П. ж. Кир. гл. 14). Царь съ соборомъ возлагаютъ эту миссію на Кирилла съ Меѳодіемъ (ib., ср. П. ж. Меѳ. гл. V). Кириллъ соглашается, но съ условіемъ употребленія въ этой миссіи „**боукъвъ въ ѩзыкъ свои**", т. е. „**словѣньскыихъ кънигъ**" (ib.). Когда Михаилъ III, по соглашенію съ образованнымъ Вардою и др., не встрѣтилъ никакихъ препятствій къ тому, то Кириллъ принялся за дѣло: „**и тогда съложи письмена и начѧ бесѣдѫ пьсати евангельскѫѭ: искони бѣ слово и слово бѣ оу бога и богъ бѣ слово**" (П. ж. Кир. гл. XIV). Гдѣ же это произошло? По всей вѣроятности не въ самомъ Цареградѣ, но и не вдалекѣ отъ него.

Получивъ полномочіе на переводъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на „**словѣньскыи ѩзыкъ**", Кириллъ ушелъ изъ Цареграда: „**шьдъ же философъ, по прьвомоу обычаю, на молитвѫ сѧ наложи и съ инѣми съпоспѣшьникы. Въскорѣ же сѧ богъ емоу ѩви, послоушаѩ молитвы рабъ своихъ. И тогда съложи письмена** и т. д. (ib.). Итакъ, слѣдуя вкоренившимся уже обычаямъ своимъ, Философъ удаляется куда то изъ столицы, въ мѣсто располагающее къ молитвѣ,—къ молитвѣ не отшельника, а въ сообществѣ какихъ то споспѣшниковъ, слѣд. въ какомъ то общежитіи, монастырѣ. Въ числѣ этихъ споспѣшниковъ, „**иже бѣахѫ того же доуха, его же и си** (т. е. Солунскіе братья, П. ж. Меѳ. гл. 5), несомнѣнно находился игуменъ полихронскаго монастыря Меѳ.; онъ принималъ непосредственное участіе въ первоначальномъ переводѣ Кирилломъ евангелія: **псалтырь бо бѣ (Меѳодии) тъкъмо и евангелие съ апостолъмь и избьранными слоужьбами цръкъвьными съ Философъмь прѣложилъ прьвѣе** (ib. гл. 15).

Соображая всѣ эти указанія, мы приходимъ къ убѣжденію, что Кириллъ положилъ основаніе славянской письменности не въ Цареградѣ, а въ томъ же *Полихронскомъ* или какомъ *другомъ подолимпскомъ монастырѣ*, при содѣйствіи Меѳодія и другихъ мѣстныхъ монаховъ греко-славянскаго же происхожденія и духа („**того же доуха**" ib. гл. 5).

А если это такъ, то Олимпъ былъ первымъ, хотя и нѣмымъ свидѣтелемъ зарожденія греко-славянской письменности, церк-

кви, культуры! Не заслуживаетъ ли онъ того, чтобы на его сіяющей вершинѣ соорудить часовню имени Солунскихъ Братьевъ, а у его подножій, напр. надъ Маньяскимъ озеромъ, гдѣ раскинуто *Казакли*, селеніе русскихъ казаковъ-некрасовцевъ, или на развалинахъ древняго Полихрона — храмъ, достойный этой славной въ нашей исторіи мѣстности, этой колыбели греко-славянской образованности?

Пусть теперь затихъ славянскій языкъ на склонахъ „Горы Монаховъ" и у ея подножій, по берегамъ „опсикійскихъ" озеръ и Мраморнаго моря, съ его бѣлыми островами; все же изъ глубины вѣковъ, на разстояніи цѣлаго тысячелѣтія, языкъ этотъ очень внятно доносится до насъ въ текстахъ библейско-богослужебныхъ книгъ,—доносится голосъ слабый, но священный, какъ прощальное благословеніе умершей матери.

III.

Миссія сарацынская.

Хотя миссіонерскія поѣздки Кирилла и Меѳодія представляются въ житіяхъ подвигами болѣе или менѣе случайными, возникшими по внѣшнему вызову, а не по внутреннимъ побужденіямъ, не по собственному и сознательному ихъ почину, тѣмъ не менѣе, вникнувъ ближе въ характеръ этихъ трехъ миссій: а) *сарацынской*, б) *хазарской* и в) *моравско-паннонской*, мы найдемъ между ними и органическую связь, и единство руководящихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, даже сарацынская миссія, направленная въ землю не греческую и не славянскую, а мусульманскую и арабскую, по преобладающему составу населенія, была не только хронологическимъ, но и прагматическимъ введеніемъ въ миссію хазарскую и моравско-паннонскую.

Хотя коранъ долженъ быть признанъ одной изъ чистѣйшихъ эманацій симитскаго генія, наряду съ ветхозавѣтной библіей, тѣмъ не менѣе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи носители его

Арабы, а за ними и прочіе мусульманскіе народы, не исключая Персовъ и Турокъ, приняли въ себя множество элементовъ образованности греческой какъ древняго, языческаго, такъ и средняго, христіанскаго періода. Блестящая ученая дѣятельность Арабовъ багдадскихъ, каирскихъ, даже кордовскихъ, въ періодъ господства Аббасидовъ въ Азіи, Фатимидовъ въ Африкѣ и Омміадовъ въ Испаніи, объясняется не чѣмъ другимъ, какъ возрожденіемъ учености греческой въ переводахъ арабскихъ, при чемъ и самые эти переводы были сдѣланы не мусульманами, а несторіанами, якобитами и вообще христіанами Сиріи, Месопотаміи, Египта.

Сочиненія Платона, Аристотеля, Иппократа, Галліена и др. греческихъ философовъ, математиковъ, естествоиспытателей, медиковъ, распространились въ 8—9 вв. отъ Самарканда, Бухары, Мерви и Герата до Феца и Кордовы, проложивъ путь греческой образованности въ степи средней Азіи, пески Сахары и къ берегамъ Атлантическаго океана.

Отъ Грековъ же главнѣйше заимствовали старые Арабы свою архитектуру и другіе виды искуства, знанія техническія, дѣло военное и мореходное, многія отрасли промышленности, формы политической жизни, даже многія особенности религіознаго культа, а между прочимъ и страсть къ богословскимъ диспутамъ.

Багдадъ при Гарунѣ-эль-Рашидѣ и Эль-Мамунѣ былъ вторымъ Константинополемъ по культурной обстановкѣ и средствамъ образованія. Не будь тогда въ царствѣ халифовъ религіозныхъ отличій отъ царства греческаго, между Арабами и Греками легко могли бы установиться такія же отношенія, какъ между Греками и Славянами, т. е. они могли бы слиться въ одно культурное цѣлое. Къ сожалѣнію, коранъ пустилъ очень глубокіе корни въ чувствѣ и бытѣ Арабовъ, а впослѣдствіи Персовъ и Турокъ, и тѣмъ въ значительной степени замедлилъ процессъ ихъ культурнаго сліянія съ христіанами востока, который впрочемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ и даже долженъ совершиться въ будущемъ.

Въ половинѣ 9-го вѣка никто не могъ конечно предсказать тысячелѣтней будущности ислама и притомъ въ самыхъ древнихъ центрахъ восточнаго христіанства: въ Палестинѣ, Сиріи, Малой Азіи, Арменіи, Месопотаміи, Египтѣ. Попытка возстановить крестъ на куполахъ обращенныхъ въ мечети церквей Антіохіи, Дамаска, Эдессы, Іерусалима, Александріи не могла быть равнодушною для греческаго богослова и философа, какимъ былъ нашъ Кириллъ.

Но и не для одного греческаго: въ средѣ тѣхъ Арабовъ, къ которымъ онъ ѣздилъ, могли быть и Славяне. Въ самомъ дѣлѣ, еще въ VII в. въ сѣв. Сиріи, въ области Апамейской, находилось славянское селеніе Скевоковолъ (ἐν κώμῃ Σκευοκοβόλῳ), образованное изъ 5000 Славянъ, перешедшихъ на сторону Сарацынъ во время ихъ набѣга на Малую Азію въ 664 г. (Ламанскій Слав. въ М. Аз. 2) Въ 691 г. къ Арабамъ дезертировалъ 20.000 славянскій отрядъ изъ Опсикійцевъ (ib. 3).

Были славянскіе дезертиры къ Арабамъ и въ 694 г. (ib. 4). Въ 754 г. множество Славянъ (Σκλάβοι) сражалось подъ Тіономъ въ междоусобной войнѣ двухъ сирійскихъ эмировъ (ib. 5).

Баладури, писатель 9-го в., говоритъ, что арабскій полководецъ Марванъ во время набѣга на Хазарію взялъ въ плѣнъ 20.000 Славянъ и поселилъ ихъ за Кавказомъ (Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси[2] 280 сл.).

И Константинъ Багрянородный сохранилъ извѣстіе о сношеніяхъ съ Сиріей Руси приднѣпровской (De adm. imp. гл. 42). Нѣтъ никакой надобности передѣлывать эту Сирію въ Ширванъ, Серирь, Зихію (Илов. Раз. [2]286), такъ какъ арабскія владѣнія при Аббасидахъ простирались до Закавказья и Чернаго моря, которое конечно не лишено было сообщеній съ сирійскими и месопотамскими центрами халифата.

Въ 802—811 гг. и Славяне морейскіе въ войнѣ съ Греками пользовались содѣйствіемъ „Афровъ и Сарацынъ“ (Ламан. 15). Въ 923 г. царь Симеонъ былъ тоже въ сношеніяхъ съ африканскими Арабами, предполагая воспользоваться ихъ флотомъ для завоеванія Цареграда (ib.) Нѣсколько раньше того, въ 904 г., по взятіи Солуня критскими Сарацынами, множество мѣстныхъ

жителей было увезено въ плѣнъ и продано въ неволю, въ томъ числѣ конечно и славянскіе союзники Солунцевъ (Šafařik Sebr. Sp. II, 209). Въ 949 г. въ составѣ греческой арміи К. Гонгила, совершившаго столь неудачную экспедицію въ Критъ, находилось много Славянъ изъ опсикійской, ѳракійской, македонской и другихъ темъ имперіи (Rambaud L'empire Grec 430). Многіе изъ нихъ были взяты въ плѣнъ и увеличили собою число славянскихъ невольниковъ на рынкахъ Каира, Триполиса и др. сарацынскихъ городовъ Африки и Азіи.

Итакъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Кириллъ Философъ встрѣтилъ и Славянъ при дворѣ того эмира, который вызвалъ Грековъ на богословскій турниръ съ Арабами, описанный въ VI-ой главѣ Панн. ж. св. Кир.

Мысль о греческомъ источникѣ арабской образованности довольно ясно выражена и Кирилломъ Философомъ въ его преніяхъ съ арабскими мудрецами. На вопросъ ихъ въ концѣ побѣдоноснаго его диспута: **како ты вьсꙗ сиꙗ оумѣѥши**, Философъ отвѣтилъ: **Чловѣкъ нѣкыи, почрьпъ водѫ въ мори, въ мѣшьци ношааше ѭ и грьдѣашеса, глаголꙗ къ страньникомъ: видите ли водѫ, ѥꙗ же никъто же не имать, развѣ мене? Пришьдъ же ѥдинъ мѫжь поморьникъ и рече къ нѥмоу: неистовъ ли са дѣѥши, хвалꙗса тъкъмо о смрьдащеимь мѣшьци? А мы сего пѫчинѫ имѣѥмъ. Тако и вы дѣѥте: а отъ насъ сѫть вьсꙗ хѫдожьства ишьла** (гл. VI).

Такимъ образомъ, допуская, что „**Агарѣне оумьнаꙗ чадь и кънижьнаꙗ, оучена геометрии и астрономии и прочимъ оучениѥмъ**“ (ib.) и что они обнаружили при диспутѣ знакомство со всѣми науками (.....**отъ вьсѣхъ хѫдожьствии, ꙗже и сами оумѣахѫ** (ib.), Кириллъ Философъ все таки считаетъ арабскую науку „мѣхомъ воды“, зачерпнутой изъ „моря“ греческой мысли. Тѣмъ же величавымъ сравненіемъ—образомъ моря, то глубокаго и широкаго какъ геній Грека, то мелкаго и узкаго какъ метафизика Араба—воспользовался нашъ философъ и для сравнительной оцѣнки морали христіанской съ одной стороны, а мусульманской съ другой: **Богъ нашь ꙗко глѫбина ѥсть морьскаꙗ..... ваше**

же (морѥ) ѥсть жѧзъко и оудобьно, ѥже можеть прѣскоучити вьсѧкъ малъ и великъ (ib.).

Но въ этой узости и приземистости мусульманской морали съ одной стороны, а сарацынской философіи съ другой, и заключалось одно изъ главныхъ условій національнаго значенія корана для Арабовъ, Персовъ, Курдовъ, Турокъ и прочихъ южанъ, исполненныхъ „гнѣва и похоти“, какъ земля и рай Магомета. Вотъ почему нашъ Философъ не имѣлъ никакого успѣха въ этой сарацынской миссіи, не смотря на то, что теоретически онъ побѣдилъ (прѣпрѣ) своихъ совопросниковъ. По словамъ Панн. ж. они пытались даже отравить греческаго миссіонера: дашѧ ѥмоу ꙗдъ пити (гл. VI), но безъ успѣха.

Изъ того же житія мы знаемъ, что въ мѣстопребываніи владыкы срацииьска Амавріи, гдѣ происходили пренія Философа съ Агарянами, находились и христіане. Но какой народности: арабской, армянской, греческой, славянской? Если согласиться съ Горскимъ относительно тожества Амавріи съ Омаромъ, эмиромъ Мелитенскимъ, то въ числѣ этихъ христіанъ можно предположить и Славянъ, которые, какъ мы видѣли, въ 7 и 8 вв. нерѣдко перебѣгали отъ Грековъ изъ М. Азіи къ Арабамъ и селились въ сѣв. зап. Сиріи, слѣдов. въ мѣстности не очень далекой отъ Мелитены. Въ пользу догадки Горскаго можно привести фактъ, отмѣченный византійскими лѣтописцами 9-го в., о стычкахъ съ Мелитенскимъ эмиромъ Грековъ подъ командою логоѳета Ѳеоктиста, не имѣвшихъ рѣшительнаго успѣха и окончившихся ок. 855—856 г. взаимнымъ размѣномъ плѣнныхъ (Hergenröther, Photius I, 342). Логофетъ Ѳеоктистъ былъ покровителемъ нашего Философа, который обязанъ ему своимъ блестящимъ образованіемъ въ Цареградѣ. Очень вѣроятно, что логофетъ доставилъ своему даровитому питомцу возможность побывать въ Мелитенѣ съ цѣлію если не обращенія воинственныхъ подданныхъ эмира въ христіанство, то хоть подготовки къ тому умовъ или улучшенія участи мѣстныхъ христіанъ.

Нѣсколько раньше Кирилла ѣздили къ Сарацынамъ съ аналогичными цѣлями, но съ болѣе оффиціальнымъ характеромъ и въ болѣе торжественной обстановкѣ, цареградскій синкеллъ

(впослѣдствіи патріархъ) Іоаннъ Грамматикъ и царскій посолъ, знаменитый Фотій (ib. 343). Не смотря на почетъ, съ которымъ они приняты были Арабами, поѣздки эти имѣли столь же мало успѣха, какъ и миссіонерская поѣздка 24-лѣтняго Кирилла.

Если мы вспомнимъ однако, что Арабы, а за ними Турки помогли впослѣдствіи Грекамъ дать отпоръ Латинянамъ въ ихъ якобы „крестовыхъ" походахъ на Востокъ, а тѣмъ спасли его культурное прошлое и будущее, то должны будемъ признать не напрасными просвѣтительные труды греческихъ ученыхъ и миссіонеровъ въ сарацынскихъ земляхъ. По тѣснымъ же связямъ эллинизма со славизмомъ, труды эти не пропали и для послѣдняго. Съ этой точки зрѣнія сарацынская миссія Кирилла является органическимъ звеномъ въ плодотворной дѣятельности обоихъ братьевъ на нивѣ греко-славянской образованности.

IV.

Миссія хазарская.

Отвоевавъ отъ Римской имперіи и христіанской образованности значительную часть передней Азіи и сѣверной Африки, исламъ сталъ понемногу распространяться и на европейскихъ берегахъ Средиземнаго, Чернаго и Каспійскаго морей. Въ Испаніи онъ утвердился въ началѣ VIII в. столь прочно, что еще въ концѣ XVI в. въ Валенсіи, Аррагоніи, Мурсіи находились тайные исповѣстники корана, сносившіеся съ Турками съ предательскими противъ христіянъ цѣлями. Сицилія и южная Италія также долгое время находились въ рукахъ Сарацынъ. Не разъ они дѣлали набѣги на самый Римъ. Въ концѣ VII и нач. VIII в. Арабы и ихъ союзники едва не завоевали Цареграда. Кавказъ и Каспійское море очень рано обхвачены были съ юга сарацынскими владѣніями. Исламъ незамѣтно, но неотразимо надвигался уже съ VIII в. на южнорусскія степи и обхватывалъ кочевавшіе въ нихъ народы тюркскаго, чудскаго и даже славянскаго происхожденія. При благопріятныхъ для него условіяхъ

здѣсь могла образоваться вторая Испанія, сарацынскій мостъ и форпостъ на греко-славянскомъ востокѣ. Зерномъ для такого образованія, повидимому, суждено было сдѣлаться хазарскому царству, игравшему столь видную роль въ исторіи понто-каспійскихъ странъ IX—X вв.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Хазаріи довольно рано появляются не только мусульманскіе купцы, путешественники, географы, но и мусульманскіе миссіонеры. Ихъ задача была здѣсь значительно облегчена раннимъ утвержденіемъ въ этомъ промышленномъ и торговомъ царствѣ Евреевъ и юдаизма. Положимъ, послѣдній въ отношеніи историческомъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ къ мусульманству; но въ отношеніи бытовомъ и обрядовомъ многое роднитъ строгій монотеизмъ юдейскій съ мусульманскимъ, въ противоположность разчлененной догматикѣ и художественному культу соборнаго христіанства. Сверхъ того и нравственные идеалы корана гораздо ниже евангельскихъ, а слѣд. гораздо ближе къ ветхозавѣтнымъ, особенно въ талмудической травестиціи послѣднихъ.

Вотъ почему безнадежная сама по себѣ пропаганда юдаизма между Хазарами и другими припонтійскими и прикаспійскими народами въ вѣкъ нашего Кирилла не могла не возбуждать опасеній и тревогъ въ Грекахъ, какъ подготовка въ мусульманству. Съ этой точки зрѣнія хазарская миссія Кирилла представляется естественнымъ продолженіемъ и развитіемъ миссіи сарацынской, хотя та была обращена главнымъ образомъ противъ юдаизма, а эта противъ ислама.

Но кромѣ интересовъ общехристіанскихъ, кромѣ борьбы евангелія съ кораномъ и талмудомъ, хазарская миссія не лишена была и болѣе спеціальныхъ греко-славянскихъ цѣлей и задачъ.

Черное Море и прилегающія къ нему земли еще со временъ легендарныхъ Аргонавтовъ, со временъ Эсхила, Софокла, Геродота и др. классическихъ писателей, входили въ сферу культурнаго воздѣйствія малоазійскихъ, эгейскихъ, элладскихъ Грековъ. Крымъ и южная Скиѳія составляли вторую „великую Грецію", не уступавшую по значенію Великой Греціи сицило-италійской. Если бы кто сталъ оспаривать историческія свидѣтель-

ства о древней Ольвіи, Херсонесѣ, Боспорѣ, Пантикапеѣ, Фанагоріи, Фазисѣ, то достаточно и нѣмаго „языка камней", гробницъ, урнъ, монетъ и т. д., чтобы доказать непрерывность греческой образованности въ Черноморьѣ съ самыхъ древнихъ временъ. И эта образованность, сосредоточенная въ приморскихъ городахъ, распространялась далеко вглубь прилегающихъ материковъ, какъ видно напр. изъ разсказа Геродота о полускиѳскомъ и полугреческомъ народѣ Гелонахъ, жившихъ въ глубинѣ Скиѳіи, рядомъ съ Будинами (Šafař. Sebr. Sp. I, 215 сл.). Тоже доказываетъ археологія, на основаніи раскопокъ, особенно кладовъ и могилъ.

Когда Греція языческая замерла и уступила свою просвѣтительную миссію Греціи христіанской, то и въ этотъ второй періодъ греческой образованности Черноморье долго оставалось однимъ изъ ея очаговъ. Вѣдь и самый Цареградъ долженъ быть названъ городомъ скорѣе черноморскимъ, чѣмъ средиземно-морскимъ. Куполы св. Софіи были маякомъ, къ которому обращены были взоры не только черноморца, но и днѣпровца, донца, волховца. А по сю сторону „черной пучины", на тихо выступающемъ изъ мрака горизонтѣ полуночи, горѣли тысячами огней куполы церквей корсунскихъ, освѣщая и Крымъ, и Кавказъ, и Поазовье, и Поднѣпровье, вплоть до Кіева и далѣе, къ Смоленску, Новгороду, Ростову. Раіонъ просвѣтительнаго дѣйствія Корсуня былъ ничуть не меньше Солуня, а важность миссіонерской роли перваго для дальнѣйшихъ судебъ греческой церкви и образованности несравненно выше послѣдняго. Корсуню пришлось вознаградить утраты греческой церкви и на сарацынскомъ востокѣ, и на латинскомъ западѣ.

Если Солунь былъ колыбелью греко-славянской идеи, то Корсуню пришлось стать ея купелью, а вмѣстѣ историческимъ мостомъ между греческими и русско-славянскими центрами восточно-христіанской образованности.

Эту роль культурнаго моста между Византіей и Русью началъ играть Корсунь отнюдь не съ 10-го лишь вѣка, не со времени Владиміра Св., а гораздо раньше и во всякомъ случаѣ не позже хазарской миссіи Кирилла Философа.

Въ самомъ дѣлѣ, пора бы уже оставить старую гипотезу о тожествѣ Руси съ Варягами—норманскими, литовскими, вендскими или иными—и примириться съ мыслію, что уже въ 9-мъ в. жилъ на Днѣпрѣ и въ побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей, вплоть до Тамани, могущественный и мореходный славянскій народъ, давшій уже въ 9-мъ в. этимъ морямъ свое русское имя и скоро, въ 9—10 вв., наполнившій молвою о своихъ подвигахъ страницы греческихъ, латинскихъ, арабскихъ, славянскихъ и др. лѣтописей и актовъ. Если нашимъ варягоманамъ недостаточно свидѣтельствъ греческихъ о набѣгахъ Руси (Ῥῶς) на Цареградъ въ 865 и 941 гг.; латинскихъ (Бертинской лѣтописи) о сношеніяхъ русскаго кагана съ имп. Ѳеофиломъ въ 839 г.; арабскихъ о набѣгахъ Руси на берега Каспійскаго моря въ 880, 909—910, 914, 944 гг. и вообще о существованіи на границахъ Хазаріи въ 9—10 вв. сильнаго славянскаго народа Русь; славянскихъ о раннихъ походахъ на Цареградъ же, Дунай, Хазарію, о войнахъ Руси Тмутороканской съ народами подкавказскими и т. д.: если все это не убѣждаетъ ихъ въ очень раннемъ существованіи сильнаго русско-славянскаго государства между Днѣпромъ и Кубанью, то пусть же объяснятъ они безъ этого предположенія разсказъ Паннонскаго житія св. Кирилла о посѣщеніи имъ Корсуня (до 862 г., слѣд. до „призванія Варяговъ-Руси“ нашей Начальной Лѣтописи) и находкѣ тамъ русскаго евангелія и псалтыри: **обрѣте же тоу еванъгелие и псалътырь роусьскыими письмены пьсано и чловѣка обрѣтъ глаголѭшта тоѭ бесѣдоѭ и бесѣдова съ нимь, и силѫ рѣчи приимъ, своеи бесѣдѣ прикладаѩ различьнаа письмена гласьнаа и съгласьнаа, и къ богоу молитвѫ творѩ, въскорѣ начатъ чьсти и съказати, и мъноѕи сѧ емоу дивлѣахѫ, бога хвалѩште** (гл. 8).

Голословная фраза о „интерполяціи“ (Каспій, Дорна и Куника 632) тутъ не поможетъ, ибо приведенное мѣсто находится во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ Паннонскаго житія, которыхъ имѣется дюжины полторы.

Если же это не позднѣйшая вставка, если извѣстіе это находилось въ первоначальномъ славянскомъ спискѣ, а слѣдовательно и греческомъ оригиналѣ этого житія, то авторитетъ его

ни чуть не уступаетъ по важности сохраненному въ позднѣйшихъ сводахъ и спискахъ 14—15 вв. свидѣтельству Начальной Лѣтописи о призванiи Варяговъ-Руси.

Разсказъ Паннонскаго житiя о хазарской миссiи Кирилла и Меѳодiя имѣетъ и потому еще первостепенную историческую важность, что онъ заимствованъ составителемъ, по его собственнымъ словамъ, изъ подробнаго отчета объ этой миссiи самого Кирилла Философа: **отъ мънога же мы се оукраштьше въмалѣ положихомъ селико, памати ради, а иже хоштеть съвршеныихъ бесѣдъ сихъ сватыихъ искати, въ кънигахъ юго обраштеть ꙗ, ꙗже прѣложи оучитель нашь и архиюпископъ Меѳодии, братъ Константина Философа, раздѣль ꙗ на осмь словесъ** (гл. 10).

Это же или и другое сочиненiе о хазарской миссiи указано составителемъ Панн. житiя и въ гл. 8: **ꙗкоже пишеть въ обрѣтении юго.**

Итакъ, извѣстiе о русинѣ въ Корсуни, имѣвшемъ евангелiе и псалтырь въ русскомъ переводѣ до 862 г., слѣд. до призванiя Варяговъ-Руси въ Новгородъ, извѣстiе, восходящее къ началу 10-го, а можетъ быть и къ 9-му вѣку, даже къ личности самого Кирилла Философа, должно быть признано столь же несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, какъ разсказъ патр. Фотiя о набѣгѣ Руси на Цареградъ въ 865 г. Если же это извѣстiе противорѣчитъ легендѣ Начальной Лѣтописи о призванiи Рюрика съ братьями, то вина въ этомъ противорѣчiи падаетъ на Лѣтопись, а не на Панн. житiе. Исправлять послѣднее по Нестору или еще болѣе позднимъ русскимъ лѣтописцамъ было бы столь же странно, какъ напр. измѣнять показанiя древней Италiянской легенды о перенесенiи мощей св. Климента на основанiи позднѣйшихъ легендъ Моравской, Чешской, Сербской и т. п.

Правда, гг. Куникъ и Бильбасовъ (Кир. и Меѳ. II, 1 сл.), вслѣдствiе какой то непонятной антипатiи къ Паннонскимъ житiямъ, готовы были даже баснословной Солунской легендѣ (ib. 217) отдавать преимущество передъ ними; но, насколько намъ извѣстно, ни одинъ серьезный ученый не усвоилъ себѣ этого мнѣнiя. Наоборотъ, и въ западной историографiи авторитетъ обоихъ Паннонскихъ житiй, послѣ изслѣдованiй

Дюмлера, Ватенбаха, Рачкаго, Миклошича и др., съ каждымъ годомъ возрастаетъ, ибо всѣ новыя открытія (напр. лондонскіе регенты папскихъ писемъ) подтверждаютъ и оспариваемыя прежде данныя этихъ житій. Такъ и мнимая позднѣйшая интерполяція о русскомъ евангеліи и псалтыри въ Корсунѣ 850—860-хъ гг. подтверждается всѣми источниками 9—10 вв., а противорѣчитъ лишь позднѣйшимъ лѣтописнымъ легендамъ, которыхъ подлинность столь же сомнительна, даже невѣроятна, какъ принадлежность Кириллу Философу исполненной самыхъ грубыхъ историческихъ, географическихъ и лингвистическихъ анахронизмовъ Солунской легенды (Ср. Вороновъ, Источники для К. и М. 222 сл.).

Принимая подлинность вышеприведеннаго мѣста о русинѣ въ Корсунѣ и сопоставляя его съ данными греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и славянскихъ источниковъ о раннемъ существованіи и силѣ славянской Руси на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что означенный русинъ былъ славянинъ и что имѣвшійся у него переводъ евангелія и псалтыри былъ русско-славянскій. Готскимъ онъ не могъ быть, потому что тогда Кириллъ едва ли бы сталъ такъ скоро и легко читать и понимать этотъ языкъ, „сравнивъ только его гласные и согласные (фонетику) со своей (юго-славянской) рѣчью". Произвольно было бы причислять этотъ языкъ и къ какому либо изъ юго-славянскихъ, напр. болгарскому (какъ дѣлаетъ г. Иловайскій), ибо въ такомъ случаѣ составитель житія назвалъ бы его словѣнскимъ, сербскимъ, болгарскимъ и т. п., а не русскимъ.

Существованіе въ докирилловское время зародышей письменности у русскихъ Славянъ, особенно въ побережьѣ Чернаго и Азовскаго морей, не представляетъ ничего невозможнаго. Слова Черноризца Храбра объ употребленіи языческими Славянами „*чертъ и рѣзовъ*", а Славянами христіанскими (до Кирилла Философа) „*греческихъ и латинскихъ письменъ*" относятся не къ южнымъ лишь вѣтвямъ нашего племени, но и къ прочимъ, слѣд. косвеннымъ образомъ указываютъ и на русско-славянскую докирилловскую письменность. Прежде всего должна была получить ее та Русь, которая жила въ Крыму, въ непосредственной

близости Корсуня, Сурожа, Корчева (Пантикапея, Керчь), а также на противоположномъ, таманскомъ берегу Киммерійскаго Боспора (Керченскаго пролива) у Тмуторокани. Нѣкоторымъ указаніемъ на то служитъ разсказъ того же Панн. житія (гл. 12) о поѣздкѣ Кирилла изъ Корсуня въ „Фульскій языкъ", гдѣ нашъ Философъ, „сладъкыими словесы оуглаголавъ"—очевидно понявшій его рѣчь, слѣд. славянскій—народъ, велѣлъ срубить заповѣдный дубъ, при чемъ онъ давалъ „старѣйшинѣ" и „всѣмъ" прочимъ „лобзать евангеліе": не тоже ли „роусьскою евангеліе", какое онъ видѣлъ и изучилъ въ Корсунѣ?

Но независимо отъ Руси днѣпровско-азовской, которой существованіе и славянизмъ въ первой половинѣ IX в. неопровержимо доказывается Паннонскимъ житіемъ, и вся собственная Хазарія была уже тогда переполнена Славянами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ арабскіе географы и историки съ к. 9-го и въ 10-мъ вв.: Ибнъ-Хордадбехъ, Ибнъ-Достъ, Баладури, Ибнъ-Фадланъ, Табари, Масуди и др. То же подтверждаютъ и разсказы Начальной Лѣтописи, по словамъ которой основаніе кіевской Руси состояло собственно въ освобожденіи отъ хазарской власти племенъ, жившихъ между Днѣпромъ, Окою и Дономъ, именно Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей и Радимичей. Очень возможно, что Лѣтопись отнесла здѣсь къ 9-му вѣку и притомъ второй его половинѣ событія болѣе ранняго времени; возможно, что она и преувеличила древнюю зависимость племенъ русско-славянскихъ отъ Хазаръ. Во всякомъ случаѣ, тутъ отражается преданіе о старыхъ связяхъ Руси съ царствомъ хазарскимъ, въ отношеніи не политическомъ только, но и торговомъ, промышленномъ, служиломъ и т. п.

Итакъ, хазарская земля не менѣе Крыма и русскаго Пріазовья могла интересовать греко-славянскаго миссіонера такого склада мыслей и стремленій, какъ Кириллъ Философъ. Отправляясь туда по вызову царя и патріарха, т. е. Михаила III (фактически тогда правилъ умный и дѣятельный Варда) и Фотія, Кириллъ не могъ не знать, что онъ найдетъ тамъ не только Грековъ, Евреевъ, Хазаръ и Сарацынъ, но и Славянъ. Въ одномъ изъ проложныхъ житій св. Меѳодія мы читаемъ даже, что от-

правляясь въ Хазарію **Кириллъ оумоли брата своѥго Меѳодия ити съ собоѭ, ꙗко оумѣꙗше ꙗзыкъ словѣньскъ** (Добровскій Кир. и Меѳ. 106). Въ житіяхъ Паннонскихъ подобнаго показанія не встрѣчаемъ, но участіе въ этой миссіи и Меѳодія вполнѣ ими подтверждается.

Относительно языка, на которомъ объяснялся въ Хазаріи Кириллъ, въ Панн. жит. нѣтъ прямаго свидѣтельства, но косвенно указываются въ немъ языки жидовскій, самарянскій и русскій. Прибывъ въ Корсунь, Кириллъ **наоучися тоу жидовьстѣи бесѣдѣ** (гл. 8) и **отъ бога разоумъ приимъ, чьсти начатъ кънигы (Самареискы) бес порока** (ib.), конечно, не для теоретическихъ, а для миссіонерскихъ цѣлей. Въ тѣхъ же миссіонерскихъ видахъ изучилъ онъ въ Корсунѣ устную и письменную рѣчь смежной съ Хазаріей и разсѣянной по владѣніямъ кагана Руси.

Очень возможно, что уже въ ту эпоху русскій языкъ завоевывалъ себѣ въ Черноморьѣ и сосѣднихъ краяхъ значеніе языка международнаго, принадлежавшее тутъ прежде языку греческому. Ибо иначе на какомъ языкѣ могъ бы Кириллъ объясниться напр. съ Уграми, которые напали на него гдѣ то въ Крыму со злобною цѣлью, но присмирѣли прислушавшись къ его поучительнымъ рѣчамъ: **слышавъше оучительнаꙗ словеса отъ оустъ ѥго, отъпоустиша и съ вьсеѭ дроужиноѭ** (ib. гл. 8). По славянски, конечно, бесѣдовалъ съ „королемъ угорскимъ" и Меѳодій, странствуя уже въ 80-хъ годахъ 9-го в. въ „странахъ дунайскихъ" (Пан. ж. св. Меѳ. гл. 16), ибо мы никакъ не можемъ предполагать знакомства Солунскихъ Братьевъ съ какимъ либо финскимъ или тюркскимъ языкомъ. Достаточно было имъ знать языки греческій, латинскій и славянскій. Кириллъ Философъ сверхъ того владѣлъ еще вѣроятно языками еврейскимъ (съ нарѣчіемъ самарянскимъ, гл. 8, 13) и арабскимъ. Безъ знанія послѣдняго едва ли могъ бы онъ отправиться въ миссію сарацынскую, а равно выдержать состязаніе съ мусульманскими богословами у хазарскаго кагана, для чего необходимо было точное знаніе текстовъ не только библіи, но и корана.

Сознаніе принадлежности Хазаріи къ греко-славянскому культурному міру довольно ясно выразилось въ разсказѣ Панн.

жит. о хазарской миссіи. Во 1. она и вызвана де была хазарскимъ посольствомъ, которое ссылалось при этомъ на свою „старую дружбу и любовь съ Греками, этимъ великимъ народомъ, получившимъ отъ бога обладаніе царствомъ“: **сего ради сълемъ къ вамъ, старѫѩ дроужьбѫ и любъвь дрьжаште, ѩзыкъ бо велии сѫшть, отъ бога цьсарьство дрьжите** (гл. 8); во 2. въ благодарственномъ письмѣ кагана Хазары называютъ себя готовыми къ услугамъ царя, по его усмотрѣнію: **ѥсмы же вьси дроуѕи и приѩтели твоѥмоу цьсарьствоу и готови на слоужьбѫ твоѭ, аможе хоштеши** (гл. 11).

Несмотря на то матеріальный, осязательный результатъ хазарской миссіи былъ не особенно значителенъ: 200 крестившихся Хазаръ до 200 освобожденныхъ изъ неволи Грековъ, вотъ ариѳметическій показатель этого результата. Онъ не особенно возрастетъ и тогда, если мы прибавимъ открытіе въ Корсунѣ мощей св. Климента, сожженіе фульскаго заповѣднаго дуба и спасеніе отъ хазарскаго воеводы какого то „христіанскаго града“ (гл. 8, 12).

Совершенно другой получится выводъ, если мы взглянемъ на хазарскую миссію Солунцевъ, какъ на замаскированную миссію русско-славянскую. Нанесши хазарскимъ Жидамъ удары не менѣе тяжелые, какъ въ первую миссію сирійскимъ Сарацынамъ, Кириллъ Философъ подорвалъ нравственный кредитъ юдаизма и исламизма въ средѣ восточнаго Славянства и тѣмъ подготовилъ его постепенное обращеніе въ христіанство. О его дѣйствительномъ утвержденіи въ Руси довладимірской имѣется теперь столько уже данныхъ и византійскихъ, и славянскихъ, что нить, связывающая Корсунь половины 9-го и конца 10-го вв., не представляется чѣмъ либо гадательнымъ. На подмогу тѣмъ скромнымъ зачаткамъ русско-славянской письменности, которые видѣлъ и конечно благословилъ въ Крыму Кириллъ Философъ, вскорѣ прибываетъ изъ Цареграда же, изъ Болгаріи, Моравіи, Паннонія цѣлая славянская литература, организованная имъ и Меѳодіемъ изъ случайныхъ и дробныхъ докирилловскихъ зародышей. Эта литература, въ связи съ національной славянской церковью и независимымъ русскимъ государ-

ствомъ, становится самымъ могучимъ факторомъ въ медленномъ, но непрерывномъ ростѣ насажденной славными Солунцами не только на югѣ и западѣ, но и на русскомъ востокѣ греко-славянской образованности.

V.

Солунцы и патріархъ Фотій.

Просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меѳодія совпадаетъ замѣчательнымъ образомъ съ дѣятельностію знаменитаго цареградскаго патріарха Фотія. По возрасту онъ былъ, кажется, ровесникомъ Меѳодія и нѣсколько (лѣтъ на десять?) старше Кирилла. Послѣдній родился, по Панн. житію его (гл. 18), въ 827 г., Фотій же около 820 г. (ср. Hergenröther I, 316). Едва ли мы ошибемся предположивъ, что и Меѳодій былъ лѣтъ на 7—10 старше Кирилла (Панн. ж. Меѳ. гл. 4).

Всѣ трое были знатнаго происхожденія, получили блестящее свѣтское образованіе, но предпочли духовную карьеру, вступивъ въ нее въ 50-хъ годахъ IX-го в. Первымъ принялъ „**поповьство**" (ок. 850 г.) Кириллъ Философъ, за нимъ же Фотій (въ 857 г.) и Меѳодій. Миссіонерскія поѣздки Солунцевъ въ Хазарію и Великую Моравію совпадаютъ по времени съ первымъ патріаршествомъ Фотія (857—867). Первое низложеніе послѣдняго произошло одновременно съ вызовомъ Солунцевъ въ Римъ (867). Судъ Фотія въ Цареградѣ, а Кирилла и Меѳодія въ Римѣ происходилъ въ тѣ же 868 и 869 гг. Пятилѣтней ссылкѣ (870 до 875 гг.) осужденнаго т. наз. восьмымъ вселенскимъ соборомъ Фотія соотвѣтствуетъ до извѣстной степени полтретья-годичное (872—874 гг.) заключеніе Меѳодія въ Швабіи. Возвращеніе изъ заточенія Фотія въ Цареградъ (875 г.), а Меѳодія въ Велеградъ (874—875 гг.) также почти совпадаютъ по времени. Самый блестящій періодъ дѣятельности возстановленнаго въ патріаршествѣ Фотія (878—886 гг.) и на паннонско-моравской архіепископіи

Меѳодія (875—885 гг.) опять таки приблизительно совпадаютъ. Фотій пережилъ, кажется, лѣтъ на пять Меѳодія, но сошелъ вторично и окончательно съ исторической сцены лишь годъ спустя (осень 886 г.) по смерти послѣдняго (6 апр. 885).

Этотъ синхронизмъ важнѣйшихъ моментовъ жизни и дѣятельности Фотія съ одной стороны, а Кирилла и Меѳодія съ другой можетъ представляться случайнымъ наблюдателю поверхностному; но при болѣе внимательномъ изученіи событій того времени нельзя не замѣтить существованія тѣсной причинной связи между судьбою знаменитаго патріарха и славныхъ Солунцевъ. Эта связь обусловлена какъ личными ихъ отношеніями, такъ еще болѣе сродствомъ идей и общностію исторической обстановки.

Личныя отношенія Кирилла съ Фотіемъ завязались, вѣроятно, вслѣдъ за прибытіемъ перваго изъ Солуня въ Цареградъ, по вызову его покровителя Ѳеоктиста. Изъ Панн. ж. (гл. 3) мы знаемъ, что Кириллъ былъ выписанъ съ тою цѣлью, чтобы быть соученикомъ царя: да сѧ бꙑ съ цьсарьмь оучилъ. Допустимъ, что подъ царемъ здѣсь разумѣется не самъ Михаилъ III, бывшій значительно (лѣтъ на 10) моложе Кирилла, а кто либо другой изъ императорскаго семейства. Но и въ такомъ случаѣ Кириллъ, жившій у логоѳета Ѳеоктиста и считавшійся своимъ человѣкомъ во дворцѣ (логоѳетъ... дасть ѥмоу власть на своѥмь домоу и въ цьсарѥвѫ палатѫ съ дрьзновениѥмь ходити ib. гл. 4), не могъ не встрѣчаться въ немъ съ Фотіемъ, который также былъ вхожъ ко двору, какъ свойственникъ императрицы Ѳеодоры, на сестрѣ которой Иринѣ былъ женатъ братъ Фотія, патрицій Сергій (Hergenr. I, 349). Но и независимо отъ дворца могли встрѣчаться Кириллъ съ Фотіемъ и въ домѣ послѣдняго, котораго Панн. ж. (гл. 4) называетъ даже учителемъ Кирилла въ діалектикѣ и „прочихъ эллинскихъ ученіяхъ". Не обходилось при этомъ и безъ преній, которыя не нарушали однако самыхъ дружественныхъ отношеній между учителемъ и ученикомъ, засвидѣтельствованныхъ современникомъ ихъ Анастасіемъ Библіотекаремъ, который называетъ Кирилла вѣрнѣйшимъ другомъ Фотія: fortissimo ejus amico (Лавровскій К. и М. 203). А такъ какъ

Анастасій написалъ это уже по смерти Кирилла (въ предисловіи къ актамъ собора 869—870 гг.), то очевидно, что эти дружественныя отношенія, установившіяся въ ранней юности Философа, продолжались до самой его смерти.

Это подтверждается и свидѣтельствами то прямыми, то косвенными Панн. житій объ участіи патр. Фотія въ отправленіи Кирилла съ Меѳодіемъ въ миссіи сначала хазарскую, а потомъ и моравско-паннонскую (см. Лавров. ib. 191, 195 сл.).

Относительно же Меѳодія мы знаемъ, что на закатѣ дней своихъ (882—884 гг.) онъ ѣздилъ въ Цареградъ и былъ принятъ тамъ „съ чьстиѭ великоѭ и радостиѭ" не только царемъ Василіемъ I, но и патріархомъ Фотіемъ (Панн. ж. Меѳ. гл. 13).

Не одни впрочемъ внѣшнія сношенія и отношенія связываютъ Солунцевъ съ Фотіемъ, но и внутреннія ихъ стремленія и цѣли.

Они были люди не только одного круга и образованія, но и сходныхъ настроеній, характеровъ, міросозерцанія.

Всѣ трое были люди живаго и дѣятельнаго чувства, обращеннаго не на себя лишь и своихъ, но и на весь окружающій міръ, особенно же міръ восточный, христіанскій, православный; люди крѣпкой и упругой воли, которая не останавливается ни передъ какими трудностями и препятствіями, кромѣ нравственнаго долга; люди сильнаго и самостоятельнаго ума, изощреннаго логическимъ мышленіемъ и поддерживаемаго богатствомъ знаній, образовъ, картинъ. Въ ихъ религіозности не было ничего формальнаго и фанатическаго; въ ихъ священствѣ ничего сословнаго и меркантильнаго; въ ихъ монашествѣ ничего ограниченнаго и мизантропическаго.

Всѣ трое были миссіонеры по призванію, апостолы, полемисты,—но не любостяжатели, не фарисеи, не софисты.

Въ отношеніи физическомъ самымъ слабымъ оказался Кириллъ († 869 г.) и самымъ крѣпкимъ Фотій († 891 г.), но въ нравственномъ смыслѣ ни одинъ изъ нихъ не уступалъ другому. Это были характеры алмазной твердости, по которымъ никто не могъ провести черты, развѣ другъ по другу.

По блеску діалектики Кириллъ едва ли уступалъ Фотію, если судить о ней хотя бы по преніямъ съ Сарацынами, Евреями, треязычниками, воспроизведеннымъ до нѣкоторой степени въ Панн. житіяхъ. Но и Меѳодій во многихъ случаяхъ могъ помѣриться съ этими атлетами мысли въ умѣньи подчинять себѣ чужой умъ и волю.

Всѣ трое были дѣятели византійскаго происхожденія и воспитанія, но ни чуть не фанатики эллинизма, не греки-сепаратисты, не эксплоататоры чужихъ народностей.

Фотій умѣлъ дружить и ладить и съ Арабами, и съ Армянами, и съ Хазарами, Русью, Болгарами, Мораванами, даже многими Франками; онъ умѣлъ открывать хорошія стороны въ самихъ легатахъ папы, подчиняя ихъ неотразимому обаянію своего ума и характера. Доказательствомъ его сочувствій къ чужимъ народностямъ можетъ служить хотя бы слѣдующая выдержка изъ его Opusculum contra Francos § 19: Λέγουσι (Φράγγοι) μὴ δεῖν ἄλλαις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταύταις διαλέκτοις. ἑβραϊστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαϊστί (Hergenröther, Monumenta Graeca ad Photium 68 стр.), т. е. (Франки заслуживаютъ порицанія когда) говорятъ, что молиться можно лишь на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ.

Фотій былъ слѣд. такимъ же рьянымъ противникомъ треязычниковъ, какъ Кириллъ и Меѳодій. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что онъ былъ благопріятелемъ славянской письменности. Но это можно подтвердить и свидѣтельствомъ Панн. ж. Кир. гл. 14 о снаряженіи Солунцевъ въ моравскую миссію, при чемъ „**съборъ**“, подъ предсѣдательствомъ Михаила III и въ присутствіи конечно патріарха Фотія, разрѣшилъ, даже посовѣтовалъ Кириллу Философу изготовить славянскій переводъ священныхъ книгъ для Велико-Моравanъ.

Когда же лѣтъ черезъ 20 послѣ того Меѳодій съ учениками посѣтилъ въ Цареградѣ императора и патріарха, то они не только приняли его съ „великою честью“, но и „**оудрьжаша отъ оученикъ юго попа и дияконa съ кънигами** (П. ж. Меѳ. гл. 13), конечно, для отправленія славянскаго богослуженія въ греческой столицѣ или другихъ городахъ имперіи.

Очень вѣроятно, что Фотій подсказалъ Михаилу III и замѣчательныя слова о Славянахъ, сохраненныя въ его посланіи Ростиславу велико-моравскому (Панн. ж. Кир. гл. 14): да и вы (Славяне) причьтетеса велицѣхъ ѩзыцѣхъ, иже славать бога своимь ѩзыкъмь. Если же это дѣйствительно слова не Михаила III, даже не Варды, какъ мнѣ думается, а Фотія, то мы должны признать его какъ бы Симеономъ Богопріимцемъ славянской или греко-славянской идеи.

Нечего и говорить, что на Фотія очень мало импонировалъ тогдашній латино-германскій западъ, съ его нѣмецкимъ quasi-императоромъ и римскимъ quasi-намѣстникомъ Христа. Девять папъ пытались убѣдить его въ необходимости подчинить имъ христіанскій востокъ — и не убѣдили. Фотій не только отразилъ этотъ первый по времени крестовый походъ запада на востокъ, но еще перешелъ въ наступленіе и нанесъ латинникамъ тысячи такихъ ударовъ, отъ которыхъ они и понынѣ не могутъ оправиться. Онъ констатировалъ глубокое различіе и даже непримиримые контрасты въ церковной жизни латинскаго запада и византійскаго востока; разоблачилъ своекорыстные планы папъ, закутанные въ плащъ легитимизма; показалъ логическую и историческую несостоятельность цѣлаго ряда догматическихъ, каноническихъ и обрядовыхъ новшествъ Испаніи, Франціи, Германіи, построенныхъ на фальсификатахъ и постепенно навязанныхъ Риму; обличилъ слѣпой фанатизмъ латинскаго духовенства и его нетерпимость въ національныхъ вопросахъ: словомъ, противопоставилъ папизму церковь соборную и знамени порабощенія—знамя освобожденія.

Подъ этимъ послѣднимъ знаменемъ ратовали и наши Солунцы въ Моравіи и Панноніи, Венеціи, Римѣ и Швабахъ, какъ увидимъ нѣсколько ниже.

Единство взглядовъ Фотія и Солунцевъ не могло не отразиться на единствѣ—то внѣшнемъ, то внутреннемъ—ихъ дѣятельности въ областяхъ: а) миссіонерской, б) церковно-административной и в) полемическо-литературной.

Миссіонерская дѣятельность Фотія была очень обширна. Еще будучи свѣтскимъ человѣкомъ онъ ѣздилъ посломъ въ Баг-

дадъ или къ одному изъ мелкихъ арабскихъ эмировъ, при чемъ завязалъ тамъ связи, можетъ быть литературныя, продолжавшіяся много лѣтъ (Hergenr. I, 343). Въ 879 г. на Цареградскомъ соборѣ предъявлено было между прочимъ легатомъ іерусалимскимъ Ильею письмо къ Фотію отъ одного изъ сарацынскихъ эмировъ (ib. II, 598). Онъ умѣлъ завязать дружественныя сношенія и съ арабскими эмирами на о. Критѣ (ib. 598 сл.).

Въ началѣ 60-хъ годовъ Фотій переписывался съ армянскимъ католикосомъ и съ государемъ Великой Арменіи, убѣждая ихъ признать халкедонскій соборъ и отречься отъ монофизитской ереси (ib. I, 478 сл.). Въ 862 г. состоялся армянскій соборъ, гдѣ часть этихъ желаній Фотія была исполнена (ib. 495), хотя дѣйствительной уніи съ Греками все таки не послѣдовало. Очень вѣроятно участіе Фотія въ снаряженіи хазарской миссіи Кирилла Философа. Мы знаемъ уже, что послѣдній имѣлъ при этомъ сношенія и съ Русью въ Крыму, а можетъ быть и въ Тамани и самой Хазаріи. Не эти ли сношенія имѣлъ въ виду Фотій, упоминая въ окружномъ посланіи 866 г. объ обращеніи въ христіанство Руси: τὸ ἔθνος τὸ καλούμενον Ῥῶς (ib. 533), которая приняла де отъ него епископа и священниковъ (ib. 534)?

Въ 864 г. Фотій крестилъ чрезъ одного изъ своихъ епископовъ Бориса болгарскаго съ народомъ, для поученія котораго написано имъ особое посланіе 865 г. (ib. I, 601 сл.). Правда, въ слѣдующемъ же году Болгарія была отнята отъ Грековъ латинскимъ духовенствомъ; но оно могло тутъ удержаться не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ и съ 869 г. страна вновь находилась подъ цареградскимъ патріархатомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвращена на всегда въ лоно православной церкви.

Если не по почину Фотія, то во всякомъ случаѣ съ его вѣдома, одобренія и благословенія отправлена была въ 863 г. и моравско-паннонская миссія Кирилла и Меѳодія. Ея послѣдовательные фазисы были всего болѣе обусловлены отношеніями Рима къ Фотію, который слѣд. косвенно оказывалъ своей борьбою съ папствомъ энергическую поддержку Солунцамъ.

Итакъ, миссіонерская дѣятельность Фотія является какъ бы общей рамкой для отдѣльныхъ миссій Солунцевъ, въ спа-

ряженіи которыхъ патріарху могла принадлежать и руководящая роль. Конечно, Кириллъ и Меѳодій не принадлежали къ той заурядной монашеской братьѣ, которая лишена собственнаго почина въ выборѣ духовныхъ подвиговъ. Это были аристократы въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова — по происхожденію, образованію, уму и богатству. Если же они находились въ Цареградѣ на нижнихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, то лишь по собственному нежеланію подняться на ея вершину. Къ тому же Солунцы были оба или по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ въ личной дружбѣ съ Фотіемъ и на равной ногѣ съ нимъ. Понятно, почему и по Панн. ж. всѣмъ миссіямъ Кирилла и Меѳодія предшествовали совѣщанія съ ними то царя, то собора; тѣмъ не менѣе починъ къ миссіямъ исходилъ всякій разъ отъ царя, слѣд. косвенно отъ Фотія, хотя бы и по предварительному частному соглашенію его съ нашимъ Философомъ. Очень вѣроятно, что и тѣ посольства отъ Арабовъ, Хазаръ, Велико-Мораванъ, которыя служили дипломатическимъ вызовомъ миссій, также снаряжались и прибывали въ моменты, указанные византійскими дипломатами, по желанію Ѳеоктиста, Варды, Фотія. Особенно трудно повѣрить намъ случайности посольства велико-моравскаго и вызванной имъ миссіи моравско-паннонской въ 863 г. Эта „случайность“ какъ то странно совпадаетъ съ мятежными дѣйствіями папы Николая I противъ Фотія и всей восточной церкви (862—863 гг.). Плохо вѣрится „случайности“ и послѣдовавшаго одновременно почти съ тѣмъ крещенія Бориса и его бояръ (863 — 864 гг.), подготовленнаго уже давно, но назрѣвшаго именно вслѣдъ за путешествіемъ черезъ Болгарію Кирилла и Меѳодія. Скорѣе это былъ энергическій ходъ Фотія и единомышленныхъ съ нимъ Солунцевъ, въ отвѣтъ на притязанія папы Николая I подчинить себя древнюю „иллирскую префектуру“, административнымъ и іерархическимъ средоточіемъ которой былъ родной ихъ городъ, Солунь. Оставься тогда въ Болгаріи Кириллъ и Меѳодій, едва ли удалось бы Николаю I заманить къ себѣ въ 866 г. болгарское посольство и вслѣдъ затѣмъ наводнить подбалканскія земли латинскими ксендзами; но дѣла велико-моравскія были тогда гораздо слож-

нѣе и труднѣе болгарскихъ, а такихъ дѣятелей, какъ два Солунца, не могло быть болѣе и въ распоряженіи Фотія. Понятно, что ихъ не оказалось и въ Римѣ, ибо Формозы и Марины конечно не чета были Кириллу и Меѳодію! Такимъ образомъ Латиняне уже въ 869 г. потеряли — какъ оказалось на всегда — Болгарію, тогда какъ Великая Моравія была постепенно покрыта довольно плотнымъ слоемъ греко-славянскихъ идей и учрежденій, который не вполнѣ снесенъ западными дождями и вѣтрами и до настоящаго времени. Выдѣлить въ этомъ дѣлѣ историческіе вклады Фотія отъ Солунцевъ чрезвычайно трудно, даже невозможно, ибо это были дѣятели солидарные во всѣхъ отношеніяхъ и взаимно другъ друга поддерживавшіе—Фотій своимъ вліяніемъ на Грековъ, Солунцы же на Славянъ. Эта негласная коалиція трехъ греко-славянскихъ дѣятелей въ значительной степени объясняетъ отношеніе Рима и къ моравско-паннонской миссіи Братьевъ, а затѣмъ къ архіепископству Меѳодія. Падалъ Фотій, папы поворачивались спиною къ Солунцамъ; вставала его тѣнь на востокѣ и тотчасъ гонцы летѣли изъ Рима въ Швабы, въ Паннонію, въ Моравію, буллы старыя уничтожались новыми и Славяне вновь становились куріи дороже Нѣмцевъ, Меѳодій милѣе Вихинга! А съ другой стороны, когда славянская литургія утвердилась въ Моравіи и Панноніи, когда она постепенно вытѣснила латинскую мессу и въ Болгаріи, съ примыкавшими областями сербо-хорватскими, Фотій сталъ противникомъ столь опаснымъ, что Іоаннъ VIII рѣшился на компромиссъ, а легаты его не заикались даже на соборѣ 879 г. о приматѣ папскомъ. Едва ли „случайно“ совпадаютъ по времени и запальчивыя, бранныя даже разглагольствованія Стефана V, направленныя съ одной стороны на только что умершаго Меѳодія, съ другой же на сходившаго уже со сцены Фотія.

Не станемъ много распространяться объ аналогіяхъ между Фотіемъ и Солунцами въ ихъ іерархической дѣятельности: ихъ очень легко подмѣтить при безпристрастномъ взглядѣ на дѣло. Сколько бы ни портили чернилъ историки ультрамонтанскіе въ доказательство самозванства Фотія на цареградскомъ патріаршемъ престолѣ, они столь же мало могутъ убѣдить въ томъ

читателя, который не клянется словами игнатіанцевъ Никиты, Симеона, Стиліяна и плутоватаго Анастасія Библіотекаря, какъ не убѣдятъ его анонимы De conversione Carantanorum и баварскіе синоды въ самозванствѣ Меѳодія на каѳедрѣ паннонско-моравской!

Впрочемъ, вопросъ о легальности формы имѣетъ для насъ въ этомъ случаѣ очень второстепенное значеніе въ сравненіи съ высшею внутреннею законностію патріаршей роли Фотія и архіепископской Меѳодія. Свѣча, особенно столь высокая и лучезарная, какъ геній Фотія, какъ мысль Кирилла, какъ чувство Меѳодія, имѣетъ свое собственное внутреннее право стоять на престолѣ, на свѣтильникѣ. Вина патр. Игнатія заключается въ томъ, что по своей ограниченности онъ не могъ ни понять, ни признать преимуществъ въ исторіи умовъ большихъ передъ малыми, людей съ великимъ призваніемъ передъ заурядными рутинерами. Епископы баварскіе были, кажется, въ этомъ отношеніи дальновиднѣе Игнатія; они не отрицали новизны и силы просвѣтительныхъ идей Меѳодія, но считали просвѣщеніе массъ дѣломъ очень второстепеннымъ въ сравненіи съ фискальными интересами зальцбургской или пасавской каѳедръ. За то въ пользу Фотія высказались цареградскіе соборы 858, 861 (318 епископовъ), 867 (подъ его опредѣленіями находилось до 1000 подписей, ср. Hergenr. I, 652) и 879 г. (383 епископа, съ легатами папы и восточныхъ патріарховъ). Что значитъ въ сравненіи съ ними игнатіанскій соборъ 869 г., на которомъ присутствовало сначала всего 18 членовъ, а подъ конецъ не болѣе 102, не смотря на давленіе со стороны властей духовныхъ и свѣтскихъ, патр. Игнатія и имп. Василія I! Даже во время изгнанія Фотія и управленія Игнатія большинство іерарховъ Востока было на сторонѣ перваго, что и принудило императора вторично возвести на патріаршій престолъ имъ же низложеннаго прежде Фотія. Одни только монахи студитскіе (Hergenr. I, 392 сл.) да быть можетъ нѣкоторые изъ подолимпскихъ (ib. 530) были въ оппозиціи Фотію, наряду съ немногими ограниченными формалистами или оппортунистами въ средѣ епископовъ. Вообще же можно сказать словами Иліи, легата іерусалимскаго на собо-

рѣ 879 г., что три восточные патріархата всегда признавали даже низложеннаго Фотія, равно какъ и громадное большинство цареградскихъ епископовъ и священниковъ (ib. II, 477). Эта привязанность къ нему и клира, и міра на Востокѣ чѣмъ другимъ можетъ быть объяснена, какъ не достоинствами его патріаршаго управленія, твердостію въ отношеніяхъ къ Риму и широкою миссіонерскою дѣятельностію, что прямо и заявилъ на томъ же соборѣ еп. халкидонскій Захарія (ib. II, 487)! Одинъ Меѳодій могъ тогда сравниться съ Фотіемъ по вліянію на свой клиръ и паству въ Панноніи и Моравіи, о чемъ такъ краснорѣчиво говоритъ не только Паннонское житіе его (гл. 10), но даже зальцбургскій анонимъ, разсказывающій объ удаленіи изъ Панноніи Рихбалда вслѣдствіе прибытія „нѣкоего грека Меѳодія съ новообрѣтенными славянскими письменами“ (Бильбас. I, 124). Но еще ярче представятся намъ особенности іерархической дѣятельности Фотія и Меѳодія, если мы обратимъ вниманіе на дальнѣйшую судьбу ихъ епархій. Не будь Фотія, не поднялся бы до такой нравственной высоты цареградскій патріархатъ, съ которой онъ тысячу лѣтъ смотритъ спокойно и безбоязненно внизъ на гнѣвный прибой латинскихъ воинъ. Но съ другой стороны, какой широкій и глубокій слѣдъ не только въ западномъ, но и въ южномъ и восточномъ Славянствѣ оставила іерархическая дѣятельность Меѳодія, какъ организатора славянской церкви!

Въ отношеніи полемическо-литературномъ также можно усмотрѣть нѣкоторую аналогію между Фотіемъ и по крайней мѣрѣ однимъ изъ Солунцевъ—Кирилломъ. Къ сожалѣнію, отъ последняго ничего почти не дошло до насъ въ подлинномъ видѣ; но и по пересказамъ въ Паннон. житіи мы можемъ до нѣкоторой степени судить если не о всѣхъ частностяхъ полемическихъ сочиненій Философа, то по крайней мѣрѣ о главныхъ ихъ темахъ и основныхъ принципахъ. Такъ мы узнаемъ оттуда, что предметомъ отчасти устныхъ диспутовъ Кирилла, отчасти же и письменной разработки были: а) вопросъ объ иконопочитаніи (П. ж. гл. 5), б) о преимуществахъ евангелія передъ кораномъ (ib. гл. 6, ср. 11), в) объ анахронизмѣ юдаизма послѣ распространенія христіанства (ib. гл. 10), г) о несогласіи съ писаніемъ

и преданіемъ вселенской церкви ученія западныхъ треязычниковъ (гл. 15, 16), а быть можетъ еще д) о манихействѣ, въ сочетаніи съ остатками славянскаго язычества (гл. 15). Если не Кириллу, то Меѳодію пришлось безъ сомнѣнія не мало полемизировать и съ ученіемъ Запада объ исхожденіи св. Духа или т. наз. „іопаторскою ересью" (П. ж. Меѳ. гл. 12), пустившею тогда глубокіе корни не только между „Франками" Германіи, Галліи, Испаніи, но и въ самомъ Римѣ, какъ это явствуетъ изъ посланія папы Стефана V къ Святополку велико-моравскому въ концѣ 885 или нач. 886 г. (Бильбас. К. и М. I, 137 сл.).

Сравнивая эти темы съ содержаніемъ и направленіемъ Фотіевыхъ полемическихъ сочиненій, мы найдемъ между ними замѣчательную близость.

Еще въ юности Фотій принималъ столь дѣятельное участіе въ диспутахъ съ иконоборцами, что подвергся даже ихъ преслѣдованію и анаѳемѣ, совмѣстно со своимъ отцемъ и дядей (Hergenr. I, 320 сл.). И впослѣдствіи онъ не разъ выступалъ противъ иконоборцевъ какъ лично, такъ и чрезъ своихъ учениковъ (ib. 476 сл.). Въ своемъ громадномъ Μυριοβιβλίον онъ собралъ значительный патристическій матеріалъ для опроверженія иконоборчества (ib. 478). Въ письмахъ же къ ученикамъ, напр. къ Ѳеофану, онъ не только мотивируетъ свои взгляды на иконопочитаніе, но и вызываетъ ихъ на литературную его оборону (ib. 477; III, 226, ср. 254 сл.). Очень вѣроятно, что и Кириллъ въ своемъ диспутѣ съ иконоборческимъ экс-патріархомъ Іоанномъ (П. жит. гл. 5) руководился уроками и бесѣдами Фотія.

Вопросъ объ отношеніяхъ христіанства къ исламу былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ того времени. Самое иконоборчество было вызвано насмѣшками мусульманъ надъ почитаніемъ иконъ, которое казалось имъ видомъ фетишизма. Фотій еще въ ранней молодости ѣздилъ въ сарацынскія земли и, какъ мы видѣли, завязалъ съ нѣкоторыми изъ арабскихъ эмировъ сношенія, продолжавшіяся еще въ 879 г. Трудно предположить, чтобы при этомъ обходилось безъ разговоровъ о коранѣ и его отношеніяхъ къ евангелію.

Столь же трудно было восточному богослову 9-го в., особенно патріарху, котораго юрисдикція распространялась и на христіанъ крымскихъ, пріазовскихъ, хазарскихъ, подкавказскихъ,—не встрѣчаться съ юдаизмомъ въ теоріи и на практикѣ. О Фотіѣ это можно утверждать хоть бы по участію его въ снаряженіи хазарской миссіи нашего Кирилла. Не естественно ли думать, что отправляя его въ Хазарію патріархъ-учитель снабдилъ своего ученика подробной инструкціей, если не письменной, то хоть устной, которая и послужила затѣмъ программой для богословскихъ преній Философа и письменнаго ихъ воспроизведенія въ отчетѣ патріарху? Очень возможно, что отчетъ этотъ и составилъ тѣ кънигы о юдаизмѣ, которыя перевелъ затѣмъ на славянскій языкъ Меѳодій, „раздѣль ꙗ на осмь словесъ“ (П. жит. Кир. гл. 10).

Знакомство Фотія съ ученіемъ западныхъ треязычниковъ и осужденіе имъ этого ученія явствуютъ изъ вышеприведеннаго 19-го пункта въ приписываемомъ ему Opusculum contra Francos, который я повторю здѣсь еще въ латинскомъ переводѣ Гергенретера: Dicunt (Franci) non esse aliis linguis Deum laudandum, nisi his tribus: hebraica, graeca et latina (Hergenr. Monum. graeca ad Photium 68). Правда, въ Opusculum этомъ есть вставки, не принадлежащія Фотію (Hergenr. III, 224), но къ ихъ числу нѣтъ никакихъ основаній причислять означенный (19-ый) пунктъ, который вполнѣ согласенъ не только съ вѣковыми преданіями греческой церкви, но и съ прямымъ свидѣтельствомъ Панн. ж. гл. 14, гдѣ „епистолія“ къ Ростиславу велико-моравскому о важности для Славянъ совершеннаго Кирилломъ перевода богослужебныхъ книгъ на ихъ языкъ, по всей вѣроятности, составлена была самимъ патріархомъ. Самъ Гергенретеръ не только не видитъ препятствій относить эту (19-ую) статью въ Opusculum ко временамъ Фотія и въ частности къ его лицу, но даже отрицаетъ возможность подобной вставки въ позднѣйшее время (III, 207—208).

Если Кириллу Философу дѣйствительно пришлось встрѣтиться въ Великой Моравіи (не въ Болгаріи ли скорѣе?) съ греко-славянскими развѣтвленіями павликіанства (П. ж. Кир. гл. 15),

то въ борьбѣ съ нимъ ему могли пригодиться Фотіево Διήγησις περὶ τῶν νεοφάντων Μανιχαίων ἀναβλαστήσεως и его Συνταγμάτιον о той же ереси (III, 144 сл.).

Что касается „іопаторской ереси“, т. е. вставки на Западѣ въ символъ вѣры слова filioque, то въ этомъ вопросѣ Кириллъ и Меѳодій могли быть лишь учениками Фотія, которому безраздѣльно принадлежитъ честь разоблаченія этой ереси и опроверженія ея во множествѣ посланій и трактатовъ. Самый крупный изъ нихъ: Περὶ τῆς τοῦ παναγίου πνεύματος μυσταγωγίας, появился, правда, уже по смерти Меѳодія (885—886 гг. Hergenr. II, 644; III, 156), но первыя полемическія статьи о томъ Фотія тянутся съ 867 г., когда было составлено знаменитое окружное его посланіе къ восточнымъ патріархамъ: Ἐγκύκλιος ἐπιστολὴ πρὸς τοὺς τῆς ἀνατολῆς ἀρχιερατικοὺς θρόνους, въ пятомъ пунктѣ коего осуждается іопаторская ересь (Hergenr. I, 645 сл.). Согласіе въ вопросѣ объ исхожденіи св. Духа между Фотіемъ и Меѳодіемъ допускаетъ самъ кардиналъ Гергенретеръ (ib. I, 710).

Даже въ такихъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ женидьба на своячиницѣ, Меѳодій соглашался не съ западнымъ духовенствомъ, а именно съ Фотіемъ. Словамъ Панн. жит. Меѳодія: **ютеръ дроугъ, богатъ ѕѣло и съвѣтьникъ, оженися кѫпетроѭ своеѭ, рекъше ѩтрьвиѭ, и мъного казавъ** (Меѳодій) **и оучивъ и оутѣшавъ, не може ѥю развести, ини бо, божии раби творѧште сѧ, таи развраштаахѫ ѩ** (гл. 11), довольно близко соотвѣтствуетъ 22-ое обвиненіе противъ Латинянъ въ вышеозначенномъ Opusculum contra Francos: ἕκαστος αὐτῶν τὴν ἑαυτοῦ θυγατέρα διδοὺς εἰς νύμφην ἐκεῖθεν αὖθις λαμβάνει τὴν τοῦ συμπενθεροῦ θυγατέρα εἰς τὸ ἑαυτοῦ υἱὸν ἢ ἀδελφὸν ἢ ἄλλον συγγενῆ (Hergenr. Mon. gr. ad Photium 68; ср. его же Photius III, 212), т. е. выдавъ свою дочь въ замужество, каждый (изъ Франковъ) не затрудняется потомъ женить своего сына, брата или вообще родственника на дочери своего свата.

Что касается вопроса о папскомъ приматѣ, который впервые возведенъ былъ на Западѣ въ догму Николаемъ I и по достоинству оцѣненъ на Востокѣ Фотіемъ въ сочиненномъ имъ письмѣ Михаила III къ папѣ 865 г. (Hergenr. I, 657 сл.) и нѣкото-

рыхъ позднѣйшихъ посланіяхъ, то мы имѣемъ основаніе считать въ этомъ отношеніи Солунцевъ полными единомышленниками цареградскаго патріарха. Въ противномъ случаѣ едва ли бы рѣшились они принять въ 863 г. миссію въ Великую Моравію отъ Фотія, на которомъ уже съ 862 г. тяготѣла анаѳема папы Николая I (Hergenr. I, 510 сл.). По чьимъ полномочіямъ отправляли они потомъ во владѣніяхъ Ростислава славянское богослуженіе и просвѣщали велико-моравскій народъ въ теченіе 40—42 мѣсячнаго пребыванія въ его средѣ до вызова въ Римъ въ 867 г.? Конечно, того же отлученнаго папою отъ церкви Фотія! Едва ли вѣрою въ приматъ или непогрѣшимость папъ слѣдуетъ объяснять и тотъ засвидѣтельствованный письмомъ Іоанна VIII въ 879 г. фактъ, что Меѳодій въ теченіе 4—5 лѣтъ игнорировалъ его запрещеніе служить на славянскомъ языкѣ: Audimus et jam quod missam cantes in barbara, hoc est in sclavina lingua. Unde jam litteris nostris, per Paulum episcopum anconitanum tibi directis, prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum solempnia celebrares (Бильбас. К. и М. I, 131). Замѣтимъ здѣсь кстати, что еп. Павелъ анконскій упоминается и въ лондонскихъ регестахъ папскихъ писемъ, какъ легатъ папы въ 874 г. въ Германію, для выручки Меѳодія изъ швабскаго заточенія. Судя по цитованной выдержкѣ изъ посланія Іоанна VIII въ 879 г., этотъ Павелъ передалъ Меѳодію, вѣроятно какъ условіе освобожденія, запрещеніе папою славянскаго богослуженія (ср. Мартынова Saint Methode въ Revue des questions historiques 1880 г. octobre), которое однако Меѳодій совершенно игнорировалъ какъ до 879 г., такъ и послѣ него, вслѣдствіе чего папа Іоаннъ VIII и принужденъ былъ въ іюнѣ 880 г. взять назадъ свое двукратное запрещеніе (Бильбас. К. и Меѳ. I, 134).

Наконецъ, признаніе Меѳодіемъ папскаго примата было бы очень трудно примирить съ его поѣздкой въ Цареградъ къ царю Василію и патріарху Фотію въ 882—884 гг. (Панн. ж. Меѳ. гл. 13), т. е. въ такое время, когда Фотій состоялъ подъ отлученіемъ папъ Іоанна VIII (съ 881 г. Hergenr. II, 578) и Марина (ib. II, 657 сл.). Очевидно, какъ Кириллъ, такъ и Меѳодій отнюдь не признавали въ папѣ верховнаго главу церкви и счи-

тали патріарха цареградскаго слишкомъ возвышеннымъ по престолу, чтобы его могли сразить громы ватиканскаго соперника. Иначе не сносились бы они столь часто съ Фотіемъ, который, по счисленію аббата Ягера (Jager, Histoire de Photius 392), былъ анаѳематизованъ девятью папами!

Подъ конецъ своей жизни Меѳодій, по Панн. ж., перевелъ на славянскій языкъ между прочимъ и „номоканонъ, рекъше ꙁаконоу правило“ (гл. 15): не привезъ ли онъ его съ собой изъ цареградской поѣздки въ даръ отъ патр. Фотія, который переработалъ старый Номоканонъ именно около времени этой поѣздки, въ 883 г. (Hergenr. III, 106)?

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать выводъ о тѣсной связи идей и дѣятельности Солунцевъ съ одной стороны и Фотія съ другой. Связь эта тянется красной нитью черезъ всѣ періоды ихъ жизни и всѣ моменты дѣятельности. Она доказываетъ между прочимъ присутствіе славянизма въ греческихъ стремленіяхъ Фотія, а грецизма въ славянскихъ подвигахъ Кирилла и Меѳодія. Ихъ личная дружба и солидарность въ дѣйствіяхъ указываютъ на тѣсное сродство идей греческихъ со славянскими и на выработку уже въ IX в. не только теоретическихъ основъ, но и практическихъ формъ для развитія греко-славизма.

VI.

Сложеніе письменъ и переводъ книгъ.

Чѣмъ болѣе подвигается впередъ изученіе славянскихъ древностей, тѣмъ несомнѣннѣе становится довольно высокій уровень умственнаго, нравственнаго и общественнаго развитія Славянъ такъ называемаго доисторическаго періода, т. е. до 9-го в. Общеарійскій культурный фондъ былъ значительно ими пріумноженъ въ тысячелѣтіе ихъ отдѣльнаго жительства въ Европѣ, при болѣе или менѣе дѣятельныхъ связяхъ съ другими европейскими народами, особенно же съ Греками языческаго и христіанскаго періодовъ, а впослѣдствіи и съ Римлянами. Итоги умствен-

ной работы Славянъ докирилловскаго періода всего лучше видны изъ высокаго развитія ихъ языка въ 9-мъ в., въ сравненіи напр. съ готскимъ языкомъ ульфилиной библіи. Положимъ, Ульфила совершилъ свой переводъ за пять вѣковъ до Кирилла Философа; но все же изъ преимуществъ кирилловскаго языка передъ ульфилинымъ можно заключать о вѣкахъ энергической умственной дѣятельности Славянъ т. наз. доисторическаго періода. Въ частности эта дѣятельность обращена была и на развитіе языка, что обыкновенно бываетъ соединено съ появленіемъ письменности. И въ самомъ дѣлѣ, зародыши письменности существовали у Славянъ задолго до Кирилла Философа, какъ о томъ прямо свидѣтельствуетъ Черноризецъ Храбръ въ сочиненіи „О письменахъ", различающій даже троякую систему докирилловскаго письма: а) азбуку руническую (?черты и рѣзы), б) греческую и в) римскую. Первая конечно восходитъ къ глубочайшей древности: не даромъ скандинавскія саги выводятъ и сѣверно-германскія руны изъ восточно-славянскихъ (ванскихъ)! Къ сожалѣнію, отъ всей этой рунической письменности Славянъ не дошло до насъ ни одного несомнѣннаго памятника. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы таковыхъ не было: вѣдь и отъ блестящаго симеоновскаго періода болгарской письменности не сохранилось въ подлинникѣ ни одного памятника, тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ ихъ прежнемъ существованіи!

Когда и гдѣ азбука греческая смѣнила руническую въ примѣненіи къ славянскому языку, мы тоже не знаемъ, но можемъ догадываться, что это произошло довольно рано, особенно въ краяхъ сосѣднихъ съ сильными греческими культурными центрами: Корсунемъ, Цареградомъ, Солунемъ и др. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что греческими по основѣ буквами написаны были тѣ русскія евангеліе и псалтырь, которыя нашелъ въ Крыму нашъ Философъ около 860 г. То же можемъ мы предполагать о письменности Славянъ малоазійскихъ, ѳракійскихъ, македонскихъ, ѳессалійскихъ, элладскихъ, морейскихъ, рано обхваченныхъ культурнымъ потокомъ греческимъ и большею частію даже унесенныхъ имъ въ море эллинизма. Что касается болѣе удаленныхъ отъ центровъ греческой образованности и независимыхъ въ го-

сударственномъ и народномъ отношеніяхъ земель русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ, то она могла проникать туда съ меньшей быстротой и силой, почему и примѣненіе греческаго алфавита къ славянскому языку должно было послѣдовать здѣсь нѣсколько позже. На третьемъ планѣ стояли въ этомъ отношеніи земли словацкія, чехо-моравскія, сербо-лужицкія и польскія, куда греческія вліянія лишь съ трудомъ пробивались черезъ горы и рѣки, а потому и греческая письменность могла здѣсь распространиться и утвердиться лишь при особенно благопріятныхъ условіяхъ.

Въ иномъ положеніи очутились Славяне, занявшіе западный Иллирикъ, Паннонію, Норикъ, особенно же восточныя и сѣверныя побережья Синяго (Адріатическаго) моря. Культурное вліяніе Рима здѣсь давно уже начало помрачать лучи греческой образованности, а со временемъ и совершенно ихъ затмило. Прежде всего случилось это съ Венетами (Антами, Вѧтичами?), сѣверно-италійскими, которые уже въ первые вѣка нашей эры романизуются окончательно и безвозвратно. За ними шла очередь къ Славянамъ Истріи, Кварнерцамъ, приморскимъ Хорватамъ, у которыхъ латинская письменность должна была очень рано пустить глубокіе корни, подчинивъ себѣ письменность греческую какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ сочетаніи ея со славянскимъ языкомъ. Культурное вліяніе языческаго и христіанскаго Рима было здѣсь поддерживаемо церковнымъ и гражданскимъ вліяніемъ Аквилеи, которой роль для Славянъ Истріи и хорватскихъ побережій Адріатики была очень аналогична просвѣтительной роли Корсуня въ Крыму и побережьяхъ „Русскаго моря“, тогда какъ македонскому Солуню соотвѣтствовалъ въ этомъ отношеніи далматинскій Сплѣтъ. На третьемъ уже планѣ стояли болѣе внутреннія области Норика, Панноніи и Иллирика, гдѣ лучи западныхъ свѣтилъ были значительно разсѣеваемы и ослабляемы ихъ удаленіемъ и соперничествомъ свѣтилъ сѣверныхъ, восточныхъ, южныхъ, особенно Греціи и Византіи.

Что касается Албаніи и Эпира, то несмотря на географическую близость ихъ побережій къ Италіи они всегда оставались въ культурномъ единеніи съ Востокомъ, благодаря тѣснымъ свя-

зямъ съ Элладою, Солунемъ, Цареградомъ, а быть можетъ и сосѣдству южно-италійской Великой Греціи, которая еще въ 9-мъ в. была страною Востока, а не Запада, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Фотій въ Opusculum contra Francos; οἱ δὲ Καλαβροὶ χριστιανοὶ ὀρθόδοξοί εἰσιν ἀνέκαθεν καὶ τοῖς τῆς ἀποστολικῆς ἡμῶν ἐκκλησίας ἔθεσι τρόφιμοι (Hergenr. Mon. gr. ad Photium 62—63; ср. Photius III,184).

Соображая сказанное, мы можемъ предполагать, что латинская абецеда раньше всего должна была появиться у Славянъ сѣверно-италійскихъ, нѣсколько позже въ Истріи, Кварнерахъ и Приморьѣ хорватско-далматинскомъ, еще позже въ Норикѣ, Паннопіи и внутреннемъ Иллирикѣ, а наконецъ уже въ Албаніи съ Эпиромъ.

Такимъ образомъ, когда первоначальная руническая („черты и рѣзы“) славянская письменность начала вытѣсняться буквами греческими и латинскими, то исходными точками распространенія первыхъ мы можемъ признать Цареградъ, Корсунь, Солунь, вторыхъ же Римъ, Аквилею, Сплѣтъ: тѣ двигались съ юга на сѣверъ (сѣверо-востокъ, сѣверо-западъ), эти же съ запада на востокъ (сѣверо-востокъ, юго-востокъ). При такомъ если не встрѣчномъ, то все же поперечномъ движеніи онѣ должны были столкнуться между собой гдѣ нибудь въ Иллирикѣ, Панноніи, Албаніи, съ тѣмъ чтобы либо войти во взаимную комбинацію, либо послѣ упорной борьбы оставить поле за одной изъ чистыхъ системъ. Такую комбинацію представляетъ паннонско-хорватская глаголица, въ противоположность двумъ чистымъ графическимъ системамъ: а) греческо-славянской или кириллицѣ и б) латино-славянской или фрейзингенкѣ, съ ея позднѣйшими видоизмѣненіями. Но вернемся нѣсколько назадъ.

Въ какомъ же видѣ могли примѣняться въ докирилловскую пору греческія и латинскія буквы къ славянскому языку? Отвѣтъ на это представляетъ начертаніе славянскихъ мѣстныхъ и личныхъ именъ, а нерѣдко нарицательныхъ словъ и цѣлыхъ оборотовъ у писателей византійскихъ и западно-европейскихъ: начертаніе это ничѣмъ не разнится по почерку и правописанію отъ общепринятаго въ данной письменности и въ данную эпоху.

Слѣдуя этимъ образцамъ, и древнѣйшее славянское письмо должно было представлять механическое воспроизведеніе то греческихъ, то латинскихъ буквъ того вѣка и мѣстности, гдѣ оно примѣнено было къ славянскимъ записямъ, грамотамъ, переводамъ свѣтскаго или духовнаго содержанія. Если поэтому въ греческой и латинской палеографіи VII—VIII вв. отличаютъ почеркъ унціальный и курсивный, то и въ славянскомъ ихъ воспроизведеніи въ тѣ вѣка слѣдуетъ предполагать эти два основныхъ почерка, а быть можетъ и болѣе второстепенныя ихъ отличія, каковы напр. литургическій уставъ, письмо полуунціальное, минускульное и т. п.

Что касается собственно правописанія, то и оно должно было въ славянскихъ рукописяхъ воспроизводить навыки и условія тогдашней орѳографіи греческой на востокѣ, а латинской на западѣ, насколько это можно было соединить со звуковымъ строеніемъ славянскаго языка.

Понятно, что подобная графическая разношерстность и орѳографическая запутанность славянскихъ рукописей не могла не представляться хаосомъ, требующимъ устроенія: **словѣньска рѣчь (бѣ) безъ оустроєния** (Черноризецъ Храбръ). Разогнать этотъ хаосъ, эту „тьму верху бездны“, организовать изъ этихъ разнородныхъ и смѣшанныхъ элементовъ стройную каллиграфическую и орѳографическую систему, вполнѣ приноровленную къ духу славянскаго языка и практическимъ потребностямъ народа—вотъ задача, которую принялъ на себя, по порученію греческаго царя и патріарха, Кириллъ Философъ и которую онъ счастливо разрѣшилъ, собираясь около 862—863 гг. въ великоморавскую миссію: **и тогда съложи письмена и нача бесѣдѫ пьсати єваньгельскѫѭ: искони бѣ слово** (Панн. ж. Кир. гл. 14).

На какой же графической основѣ могъ построить свою азбуку нашъ Философъ: рунической, латинской или греческой? Уже a priori мы могли бы утверждать, что на послѣдней, ибо по происхожденію, воспитанію и принципамъ онъ не былъ, какъ мы видѣли, ни чистымъ славяниномъ, ни латинникомъ, а греко-славяниномъ; къ тому же „сложеніе письменъ“ произошло въ такой мѣстности и при такой исторической обстановкѣ, которая

исключаетъ всякую возможность примѣненія другой графической основы, кромѣ греческой. Мѣстомъ сложенія былъ, по всей вѣроятности, Полихронъ или одинъ изъ подолимпскихъ монастырей въ опсикійской Словѣніи. Въ числѣ „поспѣшниковъ" (П. ж. Кир. гл. 14) этого великаго подвига мы должны предполагать наряду съ Меѳодіемъ славянъ-монаховъ этой области. Послѣдовало „сложеніе" по вызову греческаго „собора" (ib.), на которомъ первый голосъ послѣ императора долженъ былъ принадлежать патр. Фотію, стоявшему уже тогда подъ анаѳемой папы Николая I. Одною изъ главныхъ цѣлей миссіи, въ которую былъ тогда снаряжаемъ Кириллъ, представляется вытѣсненіе изъ Великой Моравіи нѣмецкихъ ксендзовъ и латинскихъ книгъ. Послѣднее констатировано и баварскимъ анонимомъ въ запискѣ De conversione Carantanorum: usque dum quidam Graecus, Methodius nomine, noviter inventis sclavinis litteris, linguam latinam doctrinamque romanam atque litteras auctorales latinas philosophice superducens, vilescere fecit cuncto populo ex parte (Sclavorum) missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt (Бильбас. К. и М. I, 124 сл.). Возможно ли предположить, чтобы при такихъ условіяхъ и цѣляхъ Кириллъ пренебрегъ бывшею у него подъ рукою великолѣпною азбукою греческою и сталъ подбирать свои буквы изъ какой либо иной, напр. для звука В взялъ бы не греческую виту, а латинское V, для П не греческое П, а латинское Р, для Х не греч. Χ, а лат. h, въ чемъ стараются насъ увѣрить новославянскіе глаголиташи? Другое дѣло спеціальные звуки славянскаго языка, для которыхъ не было соотвѣтственныхъ знаковъ въ греческомъ алфавитѣ: тутъ Философъ уже не былъ связанъ послѣднимъ и могъ обратиться за дополнительными начертаніями не только къ латинской или еврейской азбукѣ, но пожалуй и къ сассанидской, если только она было ему знакома непосредственно или посредственно, какъ на томъ настаиваетъ В. Ѳ. Миллеръ.

Эти апріорныя соображенія становятся положительнымъ историко-литературнымъ фактомъ вслѣдствіе ихъ подтвержденія Черноризцемъ Храбромъ:

Потомь же чловѣколюбьць богъ..... посъла имъ (Славянамъ) **свѧтааго Константина Философа.... и сътвори имъ письмена.... ова оубо по чиноу грьчьскыихъ письменъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи.... И отъ сихъ сѫть четыри междоу десѧтьма подобьна грьчьскыимъ письменьмъ; сѫть же сиꙗ: а, в, г, д, є, ꙁ, и, ѳ, і, к, л, м, н, ѯ, о, п, р, с, т, ѵ, ф, х, ѱ, ѡ, а четыри на десѧть по словѣньскоу ѩзыкоу, ѩже сѫть сиꙗ: б, ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѫ, ѧ.**

Хотя это „Сказаніе о письменехъ“ не сохранилось въ первоначальномъ видѣ, а лишь въ спискахъ съ 14 в., однако принадлежность его самой глубокой древности (**сѫть бо ѥще живи, иже сѫть видѣли ихъ**, т. е. Кирилла и Меѳодія) не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Итакъ, по преданію, восходящему своими началами къ современникамъ и ученикамъ Солунцевъ, они изобрѣли ту славянскую азбуку, въ которой 24 буквы заимствованы цѣликомъ изъ греческаго алфавита, недостающія же придуманы **по словѣньстѣи рѣчи.**

Которая же изъ двухъ древнихъ славянскихъ азбукъ, кириллица или глаголица, болѣе отвѣчаетъ и исторической обстановкѣ „сложенія письменъ“, и ихъ греческой основѣ? Кажется и слѣпой долженъ отдать въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество кириллицѣ. Такъ оно и думали славяне и неславяне въ теченіе цѣлыхъ тысячи лѣтъ; но со временъ Добнера обнаружились колебанія въ традиціонномъ смыслѣ слова кириллица, которыя въ концѣ концовъ привели многихъ къ совершенному измѣненію его вѣковаго смысла, такъ что есть теперь не только въ Австріи, но и въ Россіи серьезные ученые, считающіе глаголицу изобрѣтеніемъ Кирилла Философа, а кириллицу—позднѣйшимъ ея видоизмѣненіемъ. На чемъ однако основываются права глаголицы на честь названія азбукой пракирилловской?

Долго было бы излагать постепенное развитіе этого ученія съ конца прошлаго вѣка и отмѣчать вклады, сдѣланные въ аргументацію глаголитизма Добнеромъ, Копитаромъ, Григоровичемъ, Шафарикомъ, Ганушемъ, Рачкимъ, Миклошичемъ, Ягичемъ и другими его поборниками, а равно возраженія противъ него

Добровскаго, Прейса, Срезневскаго, Бодянскаго, Викторова, Гильфердинга, Гейтлера и др. славянистовъ стараго и новаго времени.

Для нашей цѣли достаточно будетъ формулировать вкратцѣ главные доводы глаголиташей и опредѣлить ихъ удѣльный вѣсъ на вѣсахъ историко-филологической критики.

Доводы эти можно сгруппировать въ 3 серіяхъ: А. основанія *палеографическія*, Б.—*лингвистическія* и В.—*историческія*.

А. Въ числѣ *палеографическихъ* доказательствъ бо́льшей древности глаголицы въ прежнее время, напр. у Шафрика, важную роль играли тѣ глаголическія начертанія, которыя указываютъ на симитскій способъ письма справа налѣво, а также на связь съ азбуками восточными, съ рунами и съ готскимъ письмомъ. Но впослѣдствіи весь этотъ оріентальный и руническій балластъ былъ выкинутъ за бортъ и съ легкой руки англійскаго палеографа Тэйлора въ настоящее время лучшіе глаголиташи сосредоточили свои усилія на доказательствѣ происхожденія всѣхъ глаголическихъ буквъ изъ *греческаго курсива* 8—10-го вѣка. При этомъ какъ старое мнѣніе Шафарика о сходствѣ круглой глаголицы съ латинскимъ курсивомъ временъ Карла В., такъ и новое Гейтлера о происхожденіи большинства глаголическихъ буквъ изъ *латинскаго курсива*, особенно типа равенскихъ грамотъ (Geitler, Die albanesishen und slawischen Schriften 176), рѣшительно отвергаются, какъ несогласныя съ историческими указаніями на греческій, а не латинскій прототипъ изобрѣтенной Кирилломъ азбуки. Чтобы убѣдиться, на чьей сторонѣ здѣсь правда, достаточно сравнить палеографическія параллели для глаголическихъ буквъ изъ греческаго курсива у г. Ягича (Четыре критико-палеографическія статьи, табл. I. II. III) съ одной стороны, а изъ латинскаго курсива же у г. Гейтлера (Alb. u. sl. Schriften 132 сл.) съ другой. На мой глазъ параллели г. Ягича убѣждаютъ болѣе или менѣе лишь въ 3—4 буквахъ (напр. глаголич. **Б, Г, S, N**); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сходство тутъ самое отдаленное, объясняемое лишь общимъ происхожденіемъ алфавита греческаго и латинскаго, тогда какъ меж-

ду параллелями г. Гейтлера, заимствованными изъ послѣдняго, есть начертанія несомнѣнно однородныя съ глаголическими буквами, напр. для В, П, Х, О, И, С, Л и н. др. Самъ г. Ягичъ готовъ былъ допустить эту однородность между нѣкоторыми латинскими и глаголическими начертаніями въ первой нѣмецкой своей рецензіи на книгу Гейтлера (Archiv f. sl. Philologie т. VII 444 сл.): очевидно, сходство этихъ начертаній настолько бьетъ въ глаза, что его могутъ не замѣчать лишь не желающіе. Оно констатировано было и французскимъ славистомъ Лежеромъ въ его Cyrille et Methode. Почему же такъ рѣшительно и упорно отвергаютъ теперь глаголиташи всякое участіе въ глаголицѣ римскаго элемента? Единственно по трудности примирить его съ якобы кирилловскимъ ея происхожденіемъ и свидѣтельствомъ Храбра о греческой, а не римской основѣ придуманной Философомъ азбуки. Вотъ почему даже такой осторожный ученый, какъ г. Ягичъ, позволяетъ себѣ въ этомъ вопросѣ приводить вмѣсто объективныхъ доводовъ догматическое non possumus (Четыре критико-палеогр. статьи 152, 153, 160, 161, 174). И одновременно съ крайнимъ скептицизмомъ къ латинскимъ источникамъ глаголицы мы находимъ у него поразительное легковѣріе въ принятіи греческихъ ея параллелей, особенно когда дѣло доходитъ до выводовъ. При сопоставленіи отдѣльныхъ глаголическихъ буквъ съ греческимъ курсивомъ мы еще находимъ хоть изрѣдка у г. Ягича оговорки и колебанія (ib. 149, 151, 164, 173); но окончательный выводъ формулированъ самымъ категорическимъ образомъ: „я отказываюсь, говоритъ г. Ягичъ, отъ прежняго сомнѣнія и колебанія и прямо заявляю, что глаголица письмо *исключительно греческое*, курсивно-минускульное, *безъ участія* какихъ бы ни было восточныхъ и въ то же время *римскихъ элементовъ*“ (ib. 174, ср. 185).

Быть можетъ кто и повѣритъ ему въ томъ на слово. Что касается меня, то я больше довѣряю своимъ глазамъ, чѣмъ чужимъ натяжкамъ, и утверждаю, что по таблицамъ г. Ягича легко убѣдиться въ греческомъ источникѣ всѣхъ почти кирилловскихъ буквъ, но очень трудно, даже невозможно признать тотъ же источникъ и глаголическихъ начертаній, не смотря на то, что послѣднія

на таблицахъ г. Ягича „исполнены менѣе крупными шрифтами, чѣмъ они выходятъ наружу въ подлинникѣ“, съ той цѣлью, „чтобы въ контурахъ уравнить глаголическія буквы греческимъ“ (ib. 190), т. е. для увеличенія ихъ мнимаго сходства. Вмѣстѣ съ тѣмъ я утверждаю, что въ глаголицѣ есть довольно много буквъ *латинскаго происхожденія*, хотя и перемѣшанныхъ съ греческимъ курсивомъ и нѣкоторыми другими, не вполнѣ еще объясненными графическими элементами. Къ сожалѣнію, типографскія средства Варшавы лишаютъ меня возможности возпроизвести здѣсь тѣ параллели Гейтлера, на которыхъ основывается мой выводъ; но я не сомнѣваюсь, что просмотрѣвъ его сочиненіе каждый безпристрастный читатель согласится со мною по крайней мѣрѣ для дюжины глаголическихъ буквъ.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ очень слабые и потому почти оставленные теперь доводы глаголиташей на основаніи славянскаго наименованія глаголическихъ (но и кирилловскихъ!) буквъ, а равно на основаніи ихъ своеобразнаго числоваго значенія, которое представляетъ въ сущности дальнѣйшее развитіе древняго греко-кирилловскаго обозначенія буквами чиселъ,—перейдемъ ко второй группѣ палеографическихъ доказательствъ мнимой принадлежности глаголицы Кириллу Философу. Таковыми должны служить: заимствованныя якобы изъ глаголицы кирилловскія буквы: Ж, Ѵ, Ц, Ш, Щ и н. др.; глаголическіе палимпсесты, т. е. кирилловскія рукописи, на выскобленномъ глаголическомъ подлинникѣ; кирилловскіе списки изъ глаголическихъ оригиналовъ, удостовѣряемые остатками въ нихъ глаголическихъ буквъ, строкъ и цѣлыхъ страницъ, глаголическимъ буквеннымъ счисленіемъ и особенностями текста этихъ списковъ въ отношеніяхъ звуковомъ, морфологическомъ и лексикальномъ.

Относительно этихъ доводовъ замѣчу слѣдующіе. Глаголическій источникъ пяти означенныхъ, а равно и нѣкоторыхъ другихъ кирилловскихъ буквъ есть предположеніе, основанное скорѣе на желаніяхъ глаголиташей, чѣмъ на твердыхъ научныхъ данныхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ буквъ настолько противорѣчатъ общему стилю глаголицы и ея курсивнымъ (латинскому либо греческому) источникамъ, что уже по одному этому должны

быть выводимы изъ уставной (маюскульной) кириллицы. Г. Гейтлеръ совершенно убѣдительно доказываетъ это относительно глаголическихъ начертаній, соотвѣтствующихъ кирилловскимъ Ѣ, Ш, Щ, Y, Ц (Alb. u. sl. Schr. 114, 133), хотя это и оспариваетъ г. Ягичъ (Четыре статьи 134, 161); но за то едва ли кто согласится съ авторомъ „Албанскихъ и славянскихъ письменъ" въ глаголическомъ первоисточникѣ кирилловскихъ буквъ Ю, Ж, Ь, Ъ, Ы (стр. 134), противъ чего справедливо возстаетъ и г. Ягичъ (Четыре статьи 119, 134, 169 сл.). Если въ этомъ вопросѣ обнаруживается столь рѣзкое разногласіе между двумя лучшими знатоками глаголической палеографіи, то, очевидно, онъ далеко не можетъ считаться рѣшеннымъ въ смыслѣ желательномъ для глаголиташей, а потому едва ли научно съ ихъ стороны и пользоваться этимъ иксомъ для опредѣленія другихъ неизвѣстныхъ же величинъ.

Существованія глаголическихъ палимпсестовъ и кирилловскихъ списковъ съ глаголицы нельзя отрицать, хотя число такихъ памятниковъ не столь велико, какъ думали прежде, когда довольствовались двумя-тремя глаголическими буквами въ кирилловскомъ кодексѣ для признанія его списаннымъ съ глаголицы.

Появленіе палимпсестовъ не всегда однако объясняется архаичнымъ характеромъ соскабливаемаго текста; оно могло произойти и отъ малой распространенности послѣдняго въ той мѣстности, гдѣ написанъ верхній текстъ, какъ это можно предполагать о большинствѣ глаголическихъ палимпсестовъ.

Тѣми же причинами въ значительной степени можетъ быть объясняемо и появленіе кирилловскихъ списковъ съ глаголическихъ рукописей; они указываютъ на слабое знакомство Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ XI—XII вв. съ глаголицей, которая господствовала тогда въ странахъ пріадріатическихъ и примыкающихъ къ нимъ съ сѣверовостока.

Но если мы предположимъ даже, что глаголическіе тексты соскабливались или переписывались кириллицей главнѣйше по архаичности глаголическаго письма въ сравненіи съ кирилловскимъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто древность перваго

не больше и не меньше второй половины IX в., т. е. совпадаетъ со временемъ сложенія славянскихъ письменъ и перевода священныхъ книгъ.

Если же это совпаденіе отсюда не слѣдуетъ, то нельзя изъ него выводить принадлежности глаголицы Кириллу Философу. Могли вѣдь появиться глаголическіе кодексы и по его смерти и однако устарѣть въ томъ или другомъ отношеніи до XI, XII вв., когда появились предположительно тѣ палимпсесты и списки съ глаголицы.

Хронологическое первенство глаголицы передъ кириллицей основывали въ прежнее время и на графическихъ преимуществахъ послѣдней, видя въ ней большой шагъ впередъ въ сравненіи съ первой. Дѣйствительно, глаголица несравненно ниже кириллицы по сложности начертаній и вмѣстѣ ихъ нечеткости. Но если отсюда можно заключать о бо́льшей древности глаголицы, то пришлось бы признать ее азбукой чуть не допотопной, по крайней мѣрѣ древнѣе маюскульнаго письма греческаго и латинскаго. По тѣмъ же основаніямъ и запутанную русскую скоропись 17-го вѣка слѣдовало бы считать графическимъ праотцемъ прекраснаго устава и сноснаго полуустава древнихъ и среднихъ вѣковъ нашей письменности.

Б. Переходя отъ палеографическихъ основаній разбираемой теоріи къ *лингвистическимъ*, мы встрѣчаемъ здѣсь слѣдующія положенія глаголиташей: глаголическіе памятники превосходятъ кирилловскіе по обилію архаизмовъ языка и ошибокъ перевода; въ нихъ чаще встрѣчаемъ греческіе непереведенные термины, особенно въ текстахъ евангелія, апостола и псалтыри; тутъ же находятся обильные паннонизмы и моравизмы въ звукахъ, формахъ и словахъ, восходящіе ко временамъ апостольства Солунцевъ въ Великой Моравіи; на ту же мѣстность и эпоху указываютъ и многочисленныя заимствованія въ словахъ и оборотахъ изъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ, рѣже встрѣчающіяся въ рукописяхъ кирилловскаго письма.

Большая часть этихъ положеній, съ особенной полнотой развитыхъ въ сочиненіи Шафарика „О происхожденіи и родинѣ глаголитизма“, должны быть признаны вполнѣ вѣрными, съ тѣмъ

лишь дополненіемъ, что аналогичные архаизмы, паннонизмы, моравизмы, варваризмы и т. п. встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ рукописяхъ, напр. въ Супрасл. рук., Саввиной книгѣ, Погодин. псалтыри, Евгеніевск. пс., Никольскомъ, Болонскомъ и Хлудовскомъ евангеліяхъ и н. др. Если на этомъ основаніи можно предполагать о происхожденіи кирилловскихъ списковъ съ глаголическихъ оригиналовъ, то съ такимъ же правомъ можно утверждать и противное, т. е. существованіе кирилловскихъ прототиповъ и для древнѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ.

Но даже допустивъ происхожденіе Саввиной книги отъ глаголическаго прототипа, примѣрно отъ Ассеманова евангелія, мы тѣмъ не пріурочиваемъ еще послѣдняго непосредственно къ Кириллу Философу, ибо въ двухсотлѣтній періодъ времени книга эта могла нѣсколько разъ измѣнять свой графическій видъ, напр. изъ кирилловскаго въ 9-мъ в. перейти въ глаголическій въ 10-мъ в. и вновь перелиться въ первоначальную кирилловскую форму въ 10—11 вв.

Фрейзингенскія статьи показываютъ, что существовали въ 10—11 вв. и латинскіе списки церковно-славянскихъ переводовъ совершенно однороднаго съ глаголическими типа: ужели мы отсюда сдѣлаемъ выводъ о примѣненіи Кирилломъ латинской азбуки къ переводу патристическихъ и другихъ сочиненій? Едва ли кто признаетъ законность такого вывода изъ подобныхъ посылокъ; но не тотъ же ли пріемъ примѣняютъ къ дѣлу и глаголиташи, присваивая Кириллу глаголицу на основаніи архаизмовъ, паннонизмовъ и варваризмовъ въ нѣсколькихъ глаголическихъ кодексахъ, которыхъ вообще уцѣлѣло немного!

Итакъ, и лингвистическія данныя нисколько не обязываютъ насъ приписывать глаголицу Кириллу Философу; онѣ гораздо легче и проще объясняются предположеніемъ объ изобрѣтеніи имъ кириллицы и примѣненіи ея къ переводу книгъ сначала подъ Цареградомъ, потомъ же въ Моравіи и Панноніи, гдѣ на нихъ налегъ легкій мѣстный діалектическій слой, перешедшій съ этихъ первоначальныхъ кирилло-меѳодіевскихъ кодексовъ и въ глаго-

лическіе, и въ латинскіе, и въ позднѣйшіе кирилловскіе съ нихъ списки.

В. Остается еще вникнуть въ *историческіе* доводы глаголиташей. Они заключаются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) древнѣйшіе глаголическіе памятники ближе кирилловскихъ подходятъ де по времени написанія къ эпохѣ кирилло-меѳодіевской, напр. несохранившійся оригиналъ Рабской псалтыри, писанный при послѣднемъ солинскомъ архіепископѣ Ѳеодорѣ въ 880—890 гг. (Kopitar Glag. Cloz. III сл.); глаголическія книги, запрещенныя сплѣтскимъ соборомъ 925 г.; написанныя во второй половинѣ 10-го в. глаголическіе кодексы: Клоцовъ, Зографскій, Ассемановъ, отрывки Кіевскіе и др.; подпись попа Георгія на аѳонской грамотѣ 985 г.; истрійская грамота 1025; книга пророчествъ, переписанная въ 1047 попомъ Упиремъ Лихимъ и др. рукописи, предшествовавшія по времени кодексамъ кирилловскимъ, древнѣйшій изъ которыхъ, Остромировъ, написанъ въ 1056—57 гг;

б) на глубокую древность глаголицы указываетъ де и то, что уже въ XIII в. ея изобрѣтеніе приписываемо было блаж. Іерониму, какъ видно изъ буллы Иннокентія IV 1248 г.;

в) изобрѣтеніе глаголицы Кирилломъ доказываютъ де выраженія объ его азбукѣ анонима баварскаго: noviter inventis sclavinis litteris (Бильбас. К. и М. I, 124), а также Іоанна VIII: litteras denique sclavinicas, a Constantino quondam philosopho repertas..... jure laudamus (ib. 134), и въ Похвальномъ словѣ свв. Кириллу и Меѳодію: **нє на штоуждьмь основании своѥ дѣло полагаѭшта, нъ изнова письмена въображьша и съвршиста въ ѩзыкъ новъ** (Font. Rer. Boh. I, 63);

г) тоже подтверждаетъ де указаніе Охридской легенды на усовершенствованіе кирилловскихъ письменъ еп. Климентомъ: Ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἑτέρους γραμμάτων, πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὓς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος (Бильбас. К. и М. II, 305), въ чемъ слѣдуетъ де видѣть передѣлку нечеткой глаголицы въ болѣе ясную кириллицу; и

д) свидѣтельство Храбра ни мало не противорѣчитъ де этой гипотезѣ, если только въ выраженіи его: **и сътвори имъ пись-**

мєна три дєсѧтє и осмь, ова оубо по чиноу грьчьскыихъ пись-мєнъ, ова жє по словѣньстѣи рѣчи, подъ словамъ „**чинъ**“ разумѣть не начертаніе, а порядокъ буквъ, въ словахъ же: **отъ сихъ сѫть четыри мєждоу дєсѧтьма подобьна грьчьскыимъ письмєньмъ** подъ словомъ „**подобьна**“ понимать лишь нѣкоторую аналогію (Ягичъ Четыре статьи 189), а подъ „**письмєньмъ**“ либо *звуки* греческаго языка (Шафарикъ), либо стилизованныя буквы греческой *скорописи* (Ягичъ).

Не все въ этихъ положеніяхъ глаголиташей выдерживаетъ критику; отъ многаго они сами навѣрное отказались бы уже въ настоящее время. Такъ напр. существованіе солинской глаголической псалтыри 880—890 гг. было опровергнуто еще Добровскимъ въ его Glagolitica; никто не можетъ навѣрное доказать глаголитизма славянскихъ книгъ, запрещенныхъ сплѣтскимъ соборомъ 925 и вторично въ 1060-ыхъ годахъ, при папѣ Александрѣ II (Лавровскій, Кир. и Меѳ. 527), а равно папою Іоанномъ XIII въ 972 и Григоріемъ VII въ 1080 г. (ib. 533), тѣмъ болѣе, что въ учредительной грамотѣ пражскаго епископства буквы эти названы не только болгарскими, но и русскими: non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Rusiae aut slavinicae lingvae, sed...... unum..... eligas in hoc opus clericum, latinis adprime litteris eruditum (Бильбас. К. и М. I, 155 сл.).

Принадлежность второй половинѣ десятаго и первой одинадцатаго вѣка нѣкоторыхъ изъ глаголическихъ кодексовъ есть гипотеза, которую можно пожалуй допустить, но лишь наравнѣ съ предположеніемъ о доостромировскомъ происхожденіи и нѣкоторыхъ кирилловскихъ ихъ ровесниковъ, напр. Саввиной книги, Супрасл. рукописи и др.

Современность глаголической подписи попа Георгія съ аѳонскою грамотою 982 г. есть также одна догадка, на которой трудно что либо построить, какъ доказалъ Срезневскій. Существованіе глаголическаго оригинала книги Упиря Лихаго опирается лишь на одномъ неясномъ выраженіи въ позднемъ ея спискѣ (**ис коурилоницѣ**. Бусл. Ист. Христом. 193).

Преданія Хорватовъ о принадлежности глаголицы бл. Іерониму, воспроизведенныя въ буллѣ 1248 г., говорятъ скорѣе про-

тивъ, чѣмъ въ пользу ея принадлежности Кириллу Философу и гораздо легче объясняются предположеніемъ о докирилловской основѣ глаголицы, не созданной, а лишь переформированной въ 9—10 вв., подъ сильнымъ вліяніемъ возникшей въ 860-хъ годахъ кириллицы.

Выраженія: litterae inventae, repertae, „**изнова письмена въображьша**“ нисколько не противорѣчатъ изобрѣтенію Философомъ кириллицы, ибо во 1) въ ней дѣйствительно есть начертанія впервые имъ придуманныя, во 2) самая организація греческаго алфавита для однообразной и точной передачи славянскихъ звуковъ заслуживаетъ названія „изобрѣтеніе“, „новообразованіе“. Если же подъ послѣдними терминами понимать цѣлую систему совершенно неизвѣстныхъ прежде графическихъ знаковъ, то этому условію не удовлетворила бы и глаголица, основанная, какъ мы видѣли, на скорописи латинской или, какъ увѣряютъ Тэйлоръ и Ягичъ, на курсивѣ греческомъ.

Происхожденіе и смыслъ вышеприведеннаго свидѣтельства Охридской легенды о св. Климентѣ давно уже совершенно удовлетворительно разъяснены Гильфердингомъ (Собр. соч. I, 320 сл.). Это просто недоразумѣніе составителя Охридской легенды, происшедшее отъ неправильнаго пониманія имъ параллельнаго мѣста въ служившей ему источникомъ легендѣ Болгарской, гдѣ говорится, что св. Климентъ никогда не оставался празднымъ, а „напротивъ, или училъ дѣтей и притомъ различно: однимъ показывалъ начертаніе письменъ, другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго, иныхъ руководилъ и упражнялъ въ письмѣ, или.... писалъ книги“ (Бильбас. К. и М. II, 360). Если взять нѣкоторыя изъ выраженій этой легенды, напр. τοῖς μὲν τὸν τῶν γραμμάτων χαρακτῆρα γνωρίζων, τοῖς δὲ τὸν τῶν γεγραμμένων νοῦν σαφηνίζων (ib. 293), то нельзя не замѣтить буквальнаго почти сходства съ цитованнымъ мѣстомъ Охридской легенды (ib. 305), при полномъ различіи общаго смысла параллельныхъ текстовъ.

Въ полномъ блескѣ научный произволъ глаголиташей выражается въ ихъ толкованіи чрезвычайно яснаго, но совершенно не подходящаго къ ихъ теоріи Сказанія о письменехъ Черноризца Храбра. Для того чтобы оно соотвѣтствовало

этой теоріи, необходимо совершенно извратить смыслъ его словъ и тамъ, гдѣ Храбръ говоритъ о начертаніяхъ, подразумѣвать распорядокъ буквъ, а подъ письменами разумѣть звуки, или по крайней мѣрѣ слово „**подобьна**“ понимать въ смыслѣ самаго отдаленнаго сходства,

Если бы мы согласились и съ послѣднимъ и стали доискиваться въ глаголицѣ хотя бы и отдаленнаго лишь воспроизведенія 24 буквъ—унціальныхъ или курсивныхъ—греческихъ, то можемъ найти его лишь съ величайшими натяжками, тогда какъ полное сходство тѣхъ же 24 буквъ греческихъ съ кирилловскими никогда не возбудало никакихъ сомнѣній. Двѣ серіи знаковъ: а) **по чиноу грьчьскъıихъ письменъ**, и б) **по словѣньстѣи рѣчи** въ кириллицѣ очень явственны, между тѣмъ въ глаголицѣ онѣ совершенно сливаются, и непонятно, какъ могъ бы распознать ихъ Храбръ, если бы онъ дѣйствительно писалъ о глаголицѣ, а не о кириллицѣ. Объяснять это затрудненіе позднѣйшими значительными измѣненіями начертаній глаголическихъ, затершими ихъ первоначальный обликъ подъ перомъ Кирилла Философа, нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что насъ увѣряютъ въ существованіи глаголическихъ кодексовъ второй половины 10-го в., слѣд. на сто лѣтъ только удаленныхъ отъ эпохи кирилло-меѳодіевской. Къ тому же глаголическая письменность отличалась особеннымъ консерватизмомъ, при которомъ не только въ одинъ, но и въ два вѣка начертанія, положимъ греческаго курсива 9-го в., не могли измѣниться до неузнаваемости. Въ противномъ случаѣ, почему же не измѣнились въ такой же мѣрѣ буквы кирилловскія, которыхъ сходство съ греческими 9-го в. прямо бросается въ глаза не только въ 11-мъ, но и въ позднѣйшіе вѣка?

Итакъ, если глаголица существовала въ 9-мъ в., то она безъ сомнѣнія и тогда была столь же удалена отъ греческаго— и унціальнаго и курсивнаго—письма, какъ въ 10—11 вв. Самъ г. Ягичъ признаетъ это: „это первое славянское письмо *слишкомъ далеко* отъ его греческаго прототипа“, говоритъ онъ (Четыре статьи 189), но дальность эту считаетъ слѣдствіемъ „строго проведенной правильности стилистической“ (ib.) и ви-

дитъ въ послѣдней „значительную личную дѣятельность Константина Философа (ib. 188): „онъ не былъ де только регистраторомъ, а настоящимъ реформаторомъ греческаго письма въ пользу славянской рѣчи; ему обязано славянское письмо не только полнотою въ графической передачѣ всѣхъ звуковъ, но и составленіемъ особаго почерка, т. е. послѣдовательно проведеннаго стиля, имѣвшаго роковыя послѣдствія для его письма" (ib. 188).

Философскій умъ Кирилла выразился, значитъ, не въ томъ, что онъ шелъ къ цѣли прямою дорогою, не въ томъ, положимъ, что онъ прибавилъ къ 24 буквамъ греческимъ еще одну или полторы дюжины новообразованныхъ начертаній, а въ томъ, что принявшись по вызову *греческаго* царя и цареградскаго патріарха за сложеніе славянскихъ письменъ, онъ сталъ изощрять свою руку и голову выдумываніемъ различныхъ замысловатыхъ усложненій (ib. 160), какъ напр. крючковъ (ib. 151), кружковъ (ib. 150, 154, 155, 159), петель (ib. 163), головокъ (ib. 153, 156, 163), ушекъ (ib. 158), усиковъ (ib. 157), ножекъ (ib. 155), хвостиковъ (ib. 153, 161, 162) и тому подобныхъ „стилистическихъ прихотей" (ib. 155), точнѣе же—каллиграфическихъ курьезовъ и фокусовъ!

Нѣтъ, гг. глаголиташи, если глаголица не представляетъ письма, развившагося медленно, въ теченіе вѣковъ, изъ смѣшенія разнородныхъ графическихъ стихій, съ преобладаніемъ латинскаго и примѣсью греческаго курсива, а наоборотъ, плодъ единоличной дѣятельности какого нибудь „реформатора", то послѣдній заслуживаетъ названія скорѣе фокусника, чѣмъ философа! Но мы знаемъ изъ тысячи источниковъ, что Кириллъ былъ философъ: уже отсюда слѣдуетъ безусловная невозможность считать его изобрѣтателемъ глаголицы.

Въ такомъ случаѣ, кто же долженъ быть названъ ея физическимъ и духовнымъ родителемъ?

На это я не колеблясь отвѣчаю: Римъ и его духовныя чада.

Большое спасибо должна сказать славянская наука г. Гейтлеру за то, что онъ путемъ обширныхъ палеографическихъ на-

блюденій и сближеній установилъ связь глаголицы съ латинскимъ курсивомъ, предпочтительно передъ курсивомъ греческимъ, который занимаетъ тутъ уже второе мѣсто. Правда, точность этихъ наблюденій нѣсколько ослабляется, а наглядность сближеній значительно затемняется албанскими увлеченіями загребскаго профессора, именно его предположеніемъ, что глаголица развилась изъ латинской абецеды не непосредственно, а черезъ промежуточную форму старо-албанской азбуки, уцѣлѣвшей де въ скудныхъ остаткахъ прошлаго и нынѣшняго вѣка въ Эльбасанѣ (Geitler, Alb. u. sl. Schriften 65 сл.). Но при внимательномъ изученіи собраннаго г. Гейтлеромъ палеографическаго матеріала, въ просвѣтахъ хаотическихъ горъ и дремучихъ лѣсовъ албанской Гегаріи передъ нами постоянно мелькаютъ берега Италіи, виднѣются дворцы и храмы Аквилеи, Равенны, Анконы и чуется завоевательная сила Рима на побережьяхъ Адріатики.

Сила эта ослабляется, конечно, до нѣкоторой степени напоромъ эллинизма, однимъ изъ средоточій котораго былъ одно время равеннскій экзархатъ; но все же греческій элементъ играетъ тутъ, въ этой пріадріатической графикѣ, уже вторую роль въ сравненіи съ латинскимъ. Отсюда мы дѣлаемъ выводъ, что родиной глаголицы не можетъ считаться Албанія ни южная, ни сѣверная, даже не Далмація, а всего скорѣе Истрія и древняя Либурнія, т. е. адріатическое приморье отъ Аквилеи до Задра, на сѣверѣ же до Юлійскихъ и Динарскихъ Альпъ.

Въ Истріи и Кварнерахъ появленіе глаголицы теряется во мракѣ вѣковъ, такъ что ничто не мѣшаетъ относить тутъ ее хотя бы ко временамъ истрійскаго философа IV в. Этика (Kopitar Gl. Clor. XI; Pertz jun.) Тутъ найдены древнѣйшіе эпиграфическіе ея памятники, напр. высѣченная на камнѣ надпись коркская (Geitler A. u. sl. Schr. 183) и двѣ башскія на томъ же ос. Коркѣ (Veglia, ib. 186, 187). Отсюда происходятъ и нѣкоторые изъ древнѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ, напр. Glagolita Clozianus (Kopitar IV сл.). Здѣсь глаголица издревле употреблялась и въ грамотахъ (истр. съ 1025 г.?), въ законникахъ (винодольскій), въ письменности духовной (Рабская псалтырь

1222 г.) и въ церковномъ богослуженіи. Для этой единственно области разрѣшено оно было по просьбѣ епископа сеньскаго Иннокентіемъ IV въ 1248 г., въ видѣ уступки вкоренившемуся въ этой мѣстности (Хорватскомъ Приморьѣ) обычаю: in Slavonia est littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a b. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis....... Nos igitur..... licentiam tibi in illis dumtaxat partibus, ubi de consvetudine conservantur praemissa,.... concedimus postulatam (Бильбасовъ К. и М. I, 158). Самое указаніе Сенянъ на бл. Іеронима, какъ изобрѣтателя глаголицы, можетъ быть объясняемо не только какъ благочестивая ихъ хитрость, расчитанная на обманъ папы (Добровскій), но и какъ дѣйствительное народное убѣжденіе въ глубочайшей древности этой азбуки въ ихъ странѣ. Лишь этой древностію можно объяснять и замѣчательную живучесть глаголицы именно въ древней Либурніи, гдѣ она не вполнѣ вытравлена и до настоящаго времени.

Истро-либурнской прародиной глаголицы легко объясняется и ея смѣшанный составъ, съ преобладаніемъ элемента римскаго надъ греческимъ, какъ болѣе близкаго и туземнаго надъ отдаленнымъ и пришлымъ; и легкость связей съ сосѣдней Панноніей, которой глаголица обязана своими многими кирилловскими начертаніями и вообще своей организаціей по типу паннонской кириллицы; и дальнѣйшее распространеніе этой пропитанной уже кириллизмомъ глаголицы въ Боснію, Далмацію, Албанію, Македонію, а вѣроятно и Паннонію, со смежными на сѣв. вост. славянскими странами; и обиліе въ глаголическихъ кодексахъ хорватизмовъ (Ягичъ Маріин. ев. 423, 425, 433), въ смѣшеніи съ чертами сосѣднихъ говоровъ словинско-паннонскихъ (напр. ж = о: Ягичъ Мар. ев. 424; Гейтлеръ Psalterium manastira Sinai XXI) и моравскихъ (напр. жд = з; из = вы: Мар. ев. 437 сл.; Psalterium Sinai XVII). Словомъ, при этой гипотезѣ получаютъ самое естественное объясненіе всѣ тѣ особенности глаголитизма, которыя непонятны при любомъ другомъ объясненіи его источниковъ и путей распространенія.

Что касается времени первоначальнаго воздѣйствія принесенной изъ Цареграда въ Паннонію кириллицы на эту истро-ли-

бурнскую графику, то его можно отнести, пожалуй, къ періоду первыхъ хожденій Меѳодія—сначала съ Кирилломъ (867 г.), а потомъ одного (870 и сл. годы)—изъ Панноніи въ Италію и обратно, при чемъ ихъ путь могъ пролегать отчасти и по истро-либурнской землѣ.

Изъ посланія Іоанна VIII ad Montemerum, Sclavorum ducem (Бильбас. К. и М. I, 129; ср. Ljubić, Ogledalo kn. pov. jugosl. I, 102 сл.) мы можемъ заключать, что и Хорватія, вся или отчасти, входила въ составъ паннонской архіепископіи Меѳодія. Если это вѣрно, то въ своихъ разъѣздахъ по епархіи онъ не разъ могъ заглядывать въ Хорватское Приморье.

Не менѣе важенъ по послѣдствіямъ для него былъ разгромъ сначала Нѣмцами, а потомъ и Мадьярами велико-моравскаго государства и организованной Меѳодіемъ церкви. Тѣснимый съ запада, сѣвера и востока народъ долженъ былъ, какъ и въ XIII в. отъ Татаръ, скрываться въ Альпы карнійскіе, юлійскіе, динарскіе, въ Карстъ, Капеллу, Велебитъ, а равно въ Хорватское Приморье, Истрію и острова Кварнерскаго архипелага. Между этими бѣглецами должно было находиться не мало моравско-паннонскихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія (Ljubić, Ogledalo kn. pov. jugosl. I, 105), а въ числѣ ихъ могли быть и нѣкоторые изъ седмичисленниковъ, напр. Гораздъ и Лаврентій, которыхъ Болгарская легенда упоминаетъ въ числѣ выдающихся учениковъ Меѳодія, изгнанныхъ изъ Великой Моравіи (Бильбас. К. и Меѳ. II, 287), но не знаетъ направленія ихъ пути и мѣста служенія, ограничиваясь исторіей Климента, Наума и Ангеларія, какъ переселившихся въ Болгарію (ib. 289).

Попавъ въ старыя гнѣзда глаголицы, кириллица не могла сразу вытѣснить ее изъ народнаго употребленія, а наоборотъ слилась съ ней въ болѣе или менѣе органическую систему знаковъ и формъ языка, характеризующую такъ называемый паннонскій изводъ глаголическихъ рукописей. Впослѣдствіи наносный слой письменности кирилло-меѳодіевской, съ ея моравско-паннонскими приращеніями, все болѣе утончался въ Хорватскомъ Приморьѣ съ Истріей и Кварнерами, подъ давленіемъ мѣстныхъ говоровъ, что привело наконецъ къ образованію здѣсь

особаго хорватскаго извода, съ угловатымъ письмомъ вмѣсто прежняго округлаго; но и послѣднiй несправедливо называется болгарскимъ и противополагается хорватскому, ибо существуютъ и эпиграфическiе остатки круглой глаголицы въ Хорватiи, напр. древняя коркская надпись (Geitler 183). Паннонскiй изводъ господствовалъ въ Приморьѣ лѣтъ двѣсти, въ 10—11 вв., одновременно съ разцвѣтомъ хорватскаго государства, которое было тогда такимъ же средоточiемъ и опорою глаголицы, какъ Болгарiя 10 в. и Русь 11 в. кириллицы. Въ этотъ безъ сомнѣнiя перiодъ времени распространилась глаголица въ Далмацiю и въ Боснiю, а затѣмъ и въ Албанiю съ Македонiей, гдѣ она могла найти прiютъ особенно у греко-ненавистныхъ богомиловъ, какъ азбука антигреческая по своему происхожденiю и типу. Проникнувъ затѣмъ въ Боснiю, богомилы еще тѣснѣе сроднились съ глаголицей, чѣмъ и объясняется существованiе нѣсколькихъ глаголическихъ кодексовъ богомильскаго происхожденiя (ср. Ягичъ, Марiин. ев. 475 сл.). Когда богомилы, увлекаемые какимъ то порывомъ съ востока на западъ, изъ мiра греческаго въ латинскiй, пробрались въ Италiю и Францiю, то они захватили съ собой и кое какой хорватско-боснiйскiй багажъ, а въ томъ числѣ глаголицу. Для современныхъ французовъ сектаторы эти, имѣвшiе свои центры въ Болгарiи, все таки представлялись не Хорватами, а Болгарами, почему и на сохранившемся въ Парижѣ глаголическомъ букварѣ 12—13 в. мы читаемъ надпись: Abecenarium Bulgaricum. Гораздо обычнѣе однако было въ 13—14 вв. наименованiе глаголицы „хорватской азбукой", litterae croaticae, какъ въ 16—17 вв. litterae illyricae въ томъ же приблизительно смыслѣ.

Подведемъ теперь итоги изложеннымъ замѣчанiямъ о кириллицѣ и глаголицѣ:

1. Дуализмъ этихъ азбукъ основывается на докирилловскомъ употребленiи Славянами алфавита греческаго на Востокѣ и латинскаго на Западѣ.

2. Кириллъ Философъ былъ организаторомъ не латинской, а греческой системы славянскаго письма. Положивъ въ основу его 24 буквы греческаго унцiально-литургическаго письма, онъ

прибавилъ къ нимъ еще одну или полторы дюжины начертаній, видоизмѣнивъ для этой цѣли нѣкоторыя буквы греческія (напр. Ѧ, Ѫ изъ А; Ъ, Ь, Ы, Ѣ изъ основнаго знака въ Б и В; ю изъ ιου; ѕ изъ ς и т. п.) или принявъ соотвѣтственныя буквы изъ другихъ знакомыхъ ему алфавитовъ.

3. Организованное Философомъ греко-славянское письмо или кириллица вслѣдъ за изобрѣтеніемъ перенесено было Солунцами въ Великую Моравію, которая наряду съ Цареградомъ стала второй митрополіей этой азбуки и центромъ ея распространенія въ земли болгарскія, русскія, польскія, чешскія, серболужицкія, хорутано-словинскія и сербо-хорватскія.

4. Проникнувъ изъ Великой Моравіи (со включеніемъ Панноніи) въ Хорватское Приморье и Истрію, кириллица натолкнулась въ ней на своеобразное и очень старое мѣстное письмо, основанное на латинскомъ курсивѣ, съ примѣсью курсива греческаго и нѣкоторыхъ другихъ графическихъ стихій. Отъ комбинаціи кириллицы съ этимъ древнимъ истро-либурнскимъ письмомъ выработалась въ послѣдней четверти 9-го и въ 10-мъ вв. круглая глаголица.

5. Эта латино-греко-славянская азбука стала органомъ довольно замѣчательной, хотя и не самостоятельной письменности, благодаря разгрому Панноніи и усиленію въ 10—11-мъ вв. хорватскаго государства, которое проложило глаголицѣ путь въ Боснію, Далмацію, а равно въ Паннонію 10—11-го в., откуда она могла затѣмъ проникать въ прочія юго-славянскія и западно-славянскія земли (ср. Кіевскіе и Пражск. глаг. отрывки).

6. Распространяясь на югъ, глаголица столкнулась съ богомильствомъ, котораго антигреческимъ тенденціямъ она отвѣчала лучше кириллицы, почему и вошла отчасти въ сектаторскую письменность.

7. Впослѣдствіи однако эта уніятская графика повсемѣстно была вытѣснена болѣе однородными системами, именно кириллицей на востокѣ и латинкой на западѣ, уцѣлѣвъ лишь въ своемъ старомъ, насиженнномъ истро-либурнскомъ гнѣздѣ.

8. Въ XIII в. хорватская глаголица получила отъ папы патентъ терпимости, въ XIV же в. она пользовалась поддержкою и одного могущественнаго императора (Карла IV), дѣлавшаго попытки пересадить ее въ Чехію: но это оказалось невозможнымъ отчасти по противодѣйствію треязычниковъ, отчасти же по внутренней несостоятельности самой этой азбуки въ сравненіи не только съ кириллицей, но даже съ латинкой.

9. Смѣшаннымъ латино-греко-славянскимъ происхожденіемъ и уніятскимъ, межеумочнымъ характеромъ глаголицы объясняется и тотъ энтузіазмъ, который она донынѣ возбуждаетъ въ средѣ западныхъ славистовъ, недолюбливающихъ въ кириллицѣ ея отъявленно греческій или греко-славянскій типъ и значеніе.

Представивъ посильное разъясненіе вопроса о двухъ славянскихъ азбукахъ, мы перейдемъ теперь къ генезису церковно-славянскаго литературнаго языка и коснемся старыхъ пререканій о діалектическихъ его соотношеніяхъ.

Хотя происхожденіе церковно-славянскаго языка уже лѣтъ полтораста служитъ предметомъ научнаго обслѣдованія и имѣетъ обширную литературу, однако оно и теперь еще не можетъ считаться вполнѣ разъясненнымъ. Трудность рѣшенія этого вопроса лучше всего видна изъ разнообразія отвѣтовъ, предложенныхъ различными учеными: одни видѣли въ священномъ языкѣ нашей церкви и древней письменности языкъ праславянскій (Шлецеръ, Карамзинъ, Раковецкій), другіе праюгославянскій (Добровскій, Шафарикъ), третьи древне-болгарскій или болгаро-македонскій (Іорданъ, Шлецеръ, Шафарикъ, Востоковъ, Срезневскій), четвертые древне-сербскій (Коль, Соларичъ), пятые древне-русскій (Коль, Погодинъ), шестые древне-моравскій или древне-словацкій (Іорданъ, Шлецеръ, митр. Евгеній, Калайдовичъ), седьмые паннoно-словинскій (Копитаръ, Шафарикъ, Миклошичъ, Ягичъ) или паннoно-моравскій (Ягичъ), иные наконецъ древній общеславянскій искусственный языкъ (Раковецкій, Срезневскій, Ламанскій). Нерѣдко одинъ и тотъ же ученый въ разные періоды принималъ на этотъ счетъ различныя гипотезы: такъ Шафарикъ первоначально раздѣлялъ взглядъ Доб-

ровскаго на ѳрако-македоно-иллирскую родину ц. слав. языка; потомъ онъ перешелъ къ мнѣнію Востокова о болгарскомъ его происхожденіи, а наконецъ—къ паннонской теоріи Копитара и Миклошича. Причиною такого разногласія является не только самая трудность вопроса, напоминающаго географическую проблему объ источникахъ Нила, но и различіе методовъ, приложенныхъ къ его разрѣшенію. Одни ставили его на чисто историческую почву, пренебрегая данными славянской діалектологіи; другіе, наоборотъ, сосредоточивали свое вниманіе на свидѣтельствахъ языка, игнорируя показанія грамотъ, лѣтописей, житій. По первому напр. методу разработана теорія моравская, по второму же паннонская. Морависты считаютъ свидѣтельство Нестора важнѣе принадлежности Мораванъ къ сѣверно-западной, а не юго-восточной группѣ славянскихъ нарѣчій; паннонисты же изъ-за дюжины формъ и нѣсколькихъ десятковъ словъ словино-хорватскаго типа и слышать не хотятъ о солунскомъ происхожденіи и цареградскомъ воспитаніи Кирилла Философа, а равно о переводѣ имъ евангелія и н. др. книгъ не въ Панноніи, даже не въ Моравіи, а по близости отъ Цареграда.

Нечего и говорить, что при такомъ одностороннемъ пользованіи то историческими лишь, то лингвистическими данными невозможно удовлетворительное разрѣшеніе столь запутаннаго и по существу, и по разнымъ личнымъ примѣсямъ вопроса. Лишь при совмѣстномъ примѣненіи обоихъ означенныхъ методовъ можно его распутать, какъ то доказываетъ очень удачная попытка проф. Ламанскаго въ его статьѣ: Непорѣшенный вопросъ (Ж. М. Н. Пр. 1869 г. № 1), примыкающая къ изслѣдованіямъ Срезневскаго (Памятники юсоваго письма) и старой догадкѣ Раковецкаго объ искусственномъ образованіи и смѣшанномъ діалектическомъ составѣ ц. слав. языка.

Присоединяясь въ общихъ чертахъ къ этой послѣдней теоріи, я считаю необходимымъ нѣсколько видоизмѣнить исходную ея точку и точнѣе опредѣлить удѣльный вѣсъ діалектическихъ наслоеній этого языка.

Проф. Ламанскій избираетъ точкой отправленія для своей теоріи македонскую родину Солунцевъ и языкъ ихъ дѣтства;

я же думаю, что при этомъ необходимо принять во вниманіе еще время, мѣсто и условія, при которыхъ Кириллъ Философъ принялся за переводъ священныхъ книгъ. Случилось же это, какъ выше показано, не въ періодъ отрочества или юности Кирилла, не въ Солунѣ, не въ Македоніи (вопросъ о Брегальницѣ вполнѣ удовлетворительно разъясненъ Вороновымъ въ Кир. и Меѳ. 196 сл.), а въ полной зрѣлости его лѣтъ и мысли, въ Полихронѣ или другомъ подолимпскомъ монастырѣ, при сотрудничествѣ Меѳодія и другихъ „споспѣшниковъ“ изъ мѣстной книжной братьи. При такихъ условіяхъ переводъ могъ быть совершенъ не на македонское, а болѣе близкое къ Цареграду и Полихрону нарѣчіе, напр. ѳракійско-цареградское или опсикійско-словѣнское, всего же скорѣе на языкъ образованныхъ Славянъ въ Цареградѣ и въ побережьяхъ Бѣлаго (Мраморнаго) моря. Примыкая въ смыслѣ діалектическомъ къ говорамъ Македоніи и Болгаріи, языкъ этотъ долженъ былъ значительно возвышаться уже надъ непосредственностію и терминологической бѣдностію сельскихъ говоровъ не только этихъ областей, но и Ѳракіи и опсикійской Словѣніи. Въ немъ мы можемъ предполагать уже извѣстное грамматическое единообразіе и лексикальную устойчивость, между прочимъ нѣкоторый навыкъ къ передачѣ христіанскихъ понятій и обозначенію предметовъ христіанскаго культа. Вспомнимъ, что эти пропонтидскіе Славяне давно уже были христіане, что слѣд. въ ихъ селеніяхъ были церкви, происходило богослуженіе—положимъ, греческое, но съ примѣненіемъ къ проповѣдямъ, а вѣроятно и къ молитвамъ, славянскаго языка.

Такимъ образомъ, въ устахъ Кирилла и Меѳодія звучалъ уже тогда не какой либо сельскій крестьянскій жаргонъ, а до извѣстной степени сложившійся общественный языкъ, вполнѣ созрѣвшій къ литературному примѣненію и употребленію. Этимъ объясняется многое въ характерѣ и судьбахъ ц. слав. письменности: поразительная быстрота перевода важнѣйшихъ библейскихъ и богослужебныхъ книгъ, его высокія литературныя достоинства, устойчивость и живучесть освященныхъ этимъ переводомъ формъ языка, терминовъ и текстовъ, словомъ, дается

естественная разгадка тому, что иначе казалось бы чудомъ или миѳомъ.

Когда славянская письменность вмѣстѣ съ богослуженіемъ перенесена была изъ Цареграда въ Великую Моравію, то выработанный на Пропонтидѣ и освященный авторитетомъ Цареграда, имперіи, патріархіи, а наконецъ обаяніемъ личныхъ бесѣдъ, проповѣдей, уроковъ народу Кирилла и Меѳодія языкъ оказался на такой нравственной высотѣ, о которой до тѣхъ поръ не могли и мечтать мѣстные жители Моравіи, Словачины, Панноніи. Они охотно и добровольно подчинились пересаженному къ нимъ литературному языку Славянъ пропонтидскихъ и стали имъ пользоваться въ богослуженіи, школѣ, письменности. Лишь исподоволь и невольно начали потомъ просачиваться въ этотъ языкъ то фонетическія, то грамматическія, то лексикальныя особенности мѣстныхъ говоровъ Великой Моравіи, но это не измѣнило основнаго его фона, а ложилось лишь своеобразными на немъ узорами. И это относится не только къ книгамъ, принесеннымъ Солунцами изъ Цареграда (Пан. ж. Кир. гл. 14; ср. П. ж. Меѳ. гл. 15), но и къ переведеннымъ въ самой Великой Моравіи (П. ж. Меѳ. гл. 15). Очевидно, и велико-моравскіе ученики Солунцевъ и сотрудники ихъ подвиговъ настолько усваивали священный языкъ своихъ учителей и настолько дорожили чистотою его формъ и состава, что лишь изрѣдка и будто обмолвкой вносили въ него свои моравизмы, словенизмы, паннонизмы.

По смерти Солунцевъ завѣщанный ими литературный языкъ хранился какъ святыня не только въ первомъ поколѣніи ихъ продолжателей, но и въ дальнѣйшихъ, не только въ сочиненіяхъ ихъ земляка (изъ Македоніи или Ѳракіи?) Климента, но навѣрное и въ трудахъ велико-мораванина Горазда, если и онъ прибавилъ что нибудь къ литературному наслѣдію Учителей. Такъ установился и распространился на югѣ, западѣ и востокѣ общеславянскій литературный языкъ, на которомъ молились Богу, учили и писали не одни уже пропонтидскіе Славяне, но и болгарскіе, македонскіе, сербо-хорватскіе, словено-паннонскіе, чехо-моравскіе, б. м. и сербо-лужицкіе съ польскими, а нако-

нецъ — подкарпатская, крымская, днѣпровская, донская, двинская, волховская и поволжская Русь!

Черты мѣстныхъ говоровъ лишь тонкой струею просачивались въ составъ и строй этого славянскаго санскрита. Если еще въ второй половинѣ XI в. могли появляться въ отдаленномъ отъ югославянскихъ центровъ кирилло-меѳодіевскаго языка Новгородѣ такіе точные списки съ первоначальныхъ кодексовъ, какъ Остромирово ев., то удивительно ли, что и въ Хорватскомъ Приморьѣ, Паннонiи, Моравiи, Чехiи, словенскомъ и русскомъ Подкарпатьѣ могли списываться въ 10—11 вв. Зографское, Ассеманово и Марiинское евангелія, Кіевскіе и Пражскіе глаголическіе отрывки, Синайская псалтырь, Саввина книга, Супрасльская рукопись и т. п. древніе кодексы? Удивительно ли, что въ концѣ 9-го или началѣ 10-го в. могла появиться въ тѣхъ же странахъ славянская переработка греческихъ жизнеописаній Кирилла и Меѳодія (Паннонскія житія) и могло быть составлено самостоятельное Сказаніе объ убіеніи св. Вячеслава, князя чешскаго? Фрейзингенскія статьи показываютъ, что даже въ глубинѣ Карнійскихъ Альпъ западные миссіонеры и проповѣдники должны были обращаться къ посредничеству ц. слав. языка, хотя и въ латинской транскрипціи.

Лишь впослѣдствіи, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ эпохи кирилло-меѳодіевской, установленный Солунцами и ихъ учениками языкъ былъ настолько измѣненъ напоромъ мѣстныхъ діалектовъ, что распался на нѣсколько довольно самостоятельныхъ изводовъ, каковы: средне-болгарскій, сербо-хорватскій, старо-русскій. Для 9—11-го вв. мы не можемъ предполагать такой рѣзкой разрозненности въ этой области. Различія древнѣйшихъ глаголическихъ и кирилловскихъ кодексовъ не только типа Саввиной книги, но и Остромирова евангелія обыкновенно очень преувеличиваются. Г. Ягичъ предполагаетъ даже въ Болгаріи 10-го в., эпохи Симеоновой, что-то въ родѣ новой редакціи кирилловскаго перевода, вслѣдствіе которой вышли де такіе кодексы, какъ Остромирово ев. (Маріин. ев. 450). Свою нелюбовь къ послѣднимъ онъ доводитъ до того, что въ Specimina linguae palaeoslovenicae помѣщаетъ Остромирово ев.,

Туровское ев., Сборникъ 1073 г. и т. под. кодексы лишь въ приложеніяхъ, какъ второстепенный матеріалъ для изученія ц. славянскаго языка! А чѣмъ же собственно отличаются по языку юсовые глаголическіе и однородные съ ними кирилловскіе кодексы отъ Остромирова ев.? Двумя-тремя звуковыми особенностями, нѣсколькими этимологическими формами да тремя-четырьмя дюжинами словъ. Во всемъ остальномъ полнѣйшее единство языка со стороны грамматической, лексикальной, фразеологической.

Нужно имѣть слишкомъ уже выпуклую лингвистическую лупу, чтобы придавать такое рѣшающее значеніе діалектическимъ тонкостямъ, въ родѣ напр. формъ: трѣва или трава, питѣти и питати, попелъ и пепелъ, авити и ꙗвити, ꙁърить и ꙁьрить, ꙁемьꙗ и ꙁемлꙗ, хоштета и хоштете, идѣашете и идѣасте, иꙁидъ и иꙁидохъ, приꙗсъ и приꙗхъ, привѣсъ и приведохъ, бимъ и быхъ, или въ родѣ синонимовъ: а) кънижьникъ—кънигъчии, область—власть, братръ—братъ; дрѧселъ—дрѧхлъ, велии—великъ, небесьскъ—небесьнъ, ꙁемьскъ—ꙁемьнъ; благословестити—благословити, распѧти—пропѧти; б) балии — врачь, жалии—гробъ, сънъмъ—съборъ, кокотъ—коуръ, кънигы—писаниѥ, сапогъ—чрѣвии, плаштаница—понꙗвица, неприꙗꙁнь—лѫкавыи; искрьнии—ближьнии, шоуи—лѣвъ, скрьбьнъ—печальнъ; грѧсти—ити, мѫдити—къснити, хлѫпати—просити, ꙁаклопити—ꙁатворити, вѣнити—цѣнити, натроути—напитати, неродити—небрѣшти, въслѣпати—въсходити, пригласити — приꙁъвати, вѣрѫ ꙗти — вѣровати, ѥтеръ — ѥдинъ, иночѧдъ — ѥдиночѧдъ; въспрь—горѣ, спыти — беꙁоума, ꙗдро—скоро, тачеѥ—хоужде, искони—испрьва, въ началѣ; в) власфимиꙗ—хоула, цѧта—пѣнѧѕь, сребрьникъ; ѥпеньдитъ—срачица, кринъ — цвѣтъ сельныи, миро — хриꙁма, осмрьнено—оцьтено, пира—мошьна, врѣтишта; прапрѫдъ—багърꙗница, скандѣлъ—съблаꙁнъ, скиниꙗ—кровъ, сѣнь; стадиꙗ—попьриште, ипокритъ—лицемѣръ, соударь — оуброусъ, петра—камы, миса—блюдо и немногихъ другихъ (ср. Ягича, Маріин. ев. 463—474). Часть этихъ синонимовъ могла существовать, пожалуй, и при жизни Солунцевъ, которые безъ сомнѣнія заботились о постепенномъ очищеніи своего перевода отъ варвариз-

мовъ (в) и болѣе точномъ подборѣ терминовъ (б). Другія изъ параллельныхъ формъ и словъ могли мало по малу войти въ первоначальный текстъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ говоровъ или по личнымъ конъектурамъ переписчиковъ, при чемъ основной фонъ языка и перевода нисколько не измѣнился.

Охотно допускаю, что кодексы глаголическіе во многомъ вѣрнѣе сохранили первоначальный кирилловскій текстъ, ибо тутъ, въ Хорватіи или Панноніи 10—11-го вв., было меньше литературнаго движенія и жизни, чѣмъ въ Болгаріи 10-го в. или Руси 11-го в.; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, будто въ этихъ кодексахъ во всѣхъ случаяхъ нужно видѣть подлинные кирилло-меѳодіевскіе варіанты, ибо и на нихъ отражалось до нѣкоторой степени воздѣйствіе мѣстныхъ паннono-словинскихъ и хорватскихъ говоровъ, какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексикальномъ отношеніяхъ. Нѣтъ никакой возможности доказать, напр., что тѣ 92 слова, на основаніи которыхъ Шафарикъ доказываетъ, въ своемъ сочиненіи: Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, паннонизмъ ц. слав. языка, всѣ находились въ первоначальномъ кирилло-меѳодіевскомъ текстѣ: многія изъ нихъ могли и впослѣдствіи, въ 10—11 вв., войти въ этотъ текстъ, какъ въ Болгаріи входили слова и формы областныя болгарскія, въ Сербіи сербскія, а на Руси русскія.

Самымъ лучшимъ критеріемъ въ этомъ отношеніи былъ бы для насъ словарчикъ языка пропонтидскихъ Славянъ, на который, какъ выше показано, переведены первыя и важнѣйшія библейско-литургическія книги; къ сожалѣнію, языкъ этотъ вымеръ, какъ и паннонско-словинскій, и намъ теперь при опредѣленіи отношеній перваго къ послѣднему приходится рѣшать уравненіе съ двумя неизвѣстными или малоизвѣстными величинами. Нѣкоторымъ подспорьемъ могли бы служить при этомъ мѣстныя и личныя названія Славянъ пропонтидскихъ и паннонскихъ, сохраненныя въ греческихъ и латинскихъ грамотахъ и хроникахъ 7—9-го вв.; но и этотъ подземный ключъ не пробуравленъ еще до надлежащей глубины.

Подведемъ теперь итоги изложеннымъ соображеніямъ о церковно-славянскомъ языкѣ:

1. первымъ источникомъ его служили докирилловскіе переводы священныхъ книгъ христіанскаго культа, особенно составленные греческими миссіонерами для Славянъ пропонтидскихъ (ѳракійскихъ, цареградскихъ, подолимпскихъ);

2. вторымъ источникомъ была разговорная рѣчь славянскаго образованнаго общества въ Цареградѣ и прилегающихъ къ нему на европейскомъ и азіятскомъ берегахъ Мраморнаго моря греко-славянскихъ городахъ, селеніяхъ, монастыряхъ,—рѣчь, близкая діалектически къ говорамъ болгаро-македонскимъ, но и отличная отъ нихъ по уровню развитія;

3. Кириллъ Философъ съ Меѳодіемъ и „споспѣшниками" изъ этихъ пропонтидскихъ Славянъ перевели съ греческихъ оригиналовъ евангеліе (апракосъ), псалтырь, апостолъ и важнѣйшія литургическія книги на тотъ языкъ, на которомъ они бесѣдовали между собою въ Цареградѣ, Полихронѣ, подъ Олимпомъ, воспользовавшись, вѣроятно, при этомъ и бывшими подъ рукою переводами прежнихъ греко-славянскихъ вѣроучителей;

4. переводъ этотъ послужилъ нормою и образцомъ для послѣдующихъ переводовъ въ Великой Моравіи, Болгаріи и индѣ, а равно для позднѣйшихъ переводныхъ и оригинальныхъ славянскихъ сочиненій духовнаго содержанія;

5. діалектическія наслоенія на кирилло-меѳодіевскую основу ложились очень медленно и поверхностно, не измѣняя общаго пропонтидскаго фона, который въ библейскихъ и богослужебныхъ книгахъ донынѣ сохранился у юго-восточныхъ Славянъ.

Сопоставивъ теперь наши выводы о греко-славянскомъ происхожденіи кирилловскаго письма съ одной стороны, а языка съ другой, мы находимъ между ними не только полное единство характера и духа, но и полное согласіе со всѣми остальными историческими данными о происхожденіи, воспитаніи и направленіи основателей славянской письменности, а равно съ греческими источниками и общимъ восточно-христіанскимъ типомъ нашей образованности.

VII.

Велико-моравская миссія.

Сарацынская миссія Кирилла и хазарская обоихъ братьевъ были лишь подготовительными моментами ихъ апостольской дѣятельности; настоящимъ же средоточіемъ и полнымъ развитіемъ ея является третья и послѣдняя совокупная ихъ миссія — велико-моравская. Она господствуетъ надъ предшествовавшими и по важности возложенной на миссіонеровъ задачи, и по тяжести подъятыхъ ими трудовъ, и по благотворности совершенныхъ подвиговъ.

Миссіонерствуя въ Малой Азіи или Сиріи, въ Крыму или Подкавказьѣ, Солунцы не выходили собственно за рубежи греко-восточнаго міра, ибо какъ Арабы, такъ и Хазары развивались подъ культурными лучами Византіи, этого свѣточа восточныхъ странъ и народовъ.

Великая Моравія имѣла, конечно, передъ Сиріей и Хазаріей преимущества сплошнаго славянскаго населенія, которое къ 9-му в. успѣло утвердиться не только въ подгорьяхъ Карпатовъ и Судетовъ, но и въ котловинѣ средне-дунайской, и даже западнѣе, на Мурѣ, верхней Дравѣ, въ ущельяхъ штирійскихъ, хорутанскихъ, баварскихъ и тирольскихъ Альпъ. Населеніе это безспорно было родственнѣе и ближе нашимъ Солунцамъ, чѣмъ Арабы или Хазары; но за то оно было поставлено въ очень трудныя этническія и историческія условія, которыя затрудняли и усложняли подвигъ греко-славянскихъ миссіонеровъ.

Трудность эта заключалась, во 1, въ географической и племенной разрозненности велико-моравскаго населенія, раздѣленнаго то цѣпями и отрогами горъ, то теченіемъ громадной рѣки, то политическими рубежами княжествъ моравскаго, нитранскаго, блатенскаго, а также примыкавшихъ къ Великой Моравіи земель чешскихъ, польскихъ, карпато-русскихъ, сербо-хорват-

скихъ и проч.; во 2) въ хаотическомъ смѣшеніи стараго и новаго, языческаго и христіанскаго, патріархальнаго и культурнаго— въ народномъ сознаніи, бытѣ, учрежденіяхъ, характеризующемъ вообще переходныя эпохи и фазы народной жизни; въ 3) въ антагонизмѣ славянской старины съ культурными новшествами, которыя насильственно вторгались съ Запада въ неудобоваримой латино-нѣмецкой формѣ и въ 4) въ противодѣйствіи греко-славянскимъ проповѣдникамъ всего этого Запада, съ его орудіями и союзниками въ средѣ мѣстныхъ населеній.

Противодѣйствіе это было тѣмъ серьезнѣе и опаснѣе, что оно опиралось на большія матеріальныя и нравственныя силы. Хотя Гунны и Авары значительно очистили долину средняго Дуная отъ занимавшихъ ее нѣкогда ѳрако-иллирскихъ, кельто-романскихъ и германскихъ народностей, однако при Каролингахъ нѣмецкая колонизація вновь направилась въ эту благословенную природою долину и успѣла покрыть своей сѣтью не только Верхнюю, но и Нижнюю Паннонію и западныя подолья Моравіи.

Муравьиная дѣятельность нѣмецкихъ колонистовъ была направляема сюда и поддерживаема довольно зрѣлой политической и церковной организаціей тогдашней Германіи, установленной еще въ VIII в. св. Бонифаціемъ и Каролингами.

За нѣмцемъ-колонистомъ стоялъ тутъ съ одной стороны нѣмецъ-солдатъ, маркграфъ, герцогъ, король, императоръ, а съ другой стороны нѣмецъ-ксендзъ, монахъ, епископъ, архіепископъ.

И что равносильнаго этой грозной и сомкнутой коалиціи латино-нѣмецкой имперіи и церкви могли противопоставить тогда разрозненные, разстроенные, смущенные Славяне Подунавья?

Федеративный союзъ 2—3 племенъ, мускульную силу ополченцевъ, случайный геній полководца и энтузіамъ народной ненависти къ латино-нѣмецкимъ насильникамъ? Да, это годится на время, но очень короткое время. Созданный случайно союзъ распадается; напряженіе мускуловъ ослабѣваетъ; геній одного измѣняетъ или падаетъ; чувство ненависти не можетъ на долго служить связующимъ цементомъ людей и обществъ, какъ чувство разрушающее, а не творческое.

Борьба продолжительная и успѣшная возможна лишь при извѣстномъ равновѣсіи силъ и равенствѣ оружія: противъ луковъ луками, противъ системъ системами, противъ сильныхъ и глубокихъ идей идеями же.

Можно ли говорить о такомъ равновѣсіи силъ въ борьбѣ съ цѣлымъ нѣмецкимъ племенемъ одной-двухъ славянскихъ народностей,—съ большой и организованной имперіей какого нибудь дробнаго союза нѣсколькихъ патріархальныхъ племенъ? Могли ли отразить напоръ цѣлой системы культурныхъ идей, въ которыя вошли и наслѣдія античнаго міра, и обновляющая струя христіанства, хотя бы самые геніальные вожди тогдашняго западнаго Славянства,—если же не отразить, то хоть усвоить эти идеи сознательно, черезъ преломляющую призму своего, а не чужаго національнаго генія?

Лучшій отвѣтъ на эти вопросы представляетъ намъ судьба прибалтійскаго Славянства. Тамъ не было недостатка ни въ личномъ мужествѣ, ни въ даровитыхъ военачальникахъ, ни въ пылкой ненависти къ Нѣмцамъ, однако Славяне эти „погибоша аки Обрѣ" и земли ихъ стали центромъ обновленной нынѣ имперіи Гогенштауфеновъ!

Та же, безъ сомнѣнія, судьба постигла бы и земли великоморавскихъ Моймировичей, если бы самый дальновидный изъ нихъ, Ростиславъ, не прибѣгъ къ помощи Византіи и не выпросилъ себѣ оттуда греко-славянскихъ миссіонеровъ.

Собираясь по этому вызову и предложенію восточнаго императора „**съ совѣтьникы**" (Пан. жит. Кир. гл. 14) въ Великую Моравію, Кириллъ Философъ сознавалъ, конечно, всю трудность этой миссіи, особенно при совершившемся тогда разрывѣ патр. Фотія съ папою Николаемъ I; тѣмъ не менѣе онъ, „**и троудьнъ сы тѣлъмь и больнъ**" (ib.), принялъ на себя этотъ подвигъ, сознавая, что „**сеѩ рѣчи не можетъ инъ никътоже исправити** (ib.).

Но онъ не пошелъ въ Моравію одинъ и съ пустыми руками. Въ сообщники своего тяжелаго и высокаго подвига онъ взялъ старшаго брата, Меѳодія, съ которымъ ѣздилъ и въ хазарскую миссію и котораго передъ смертью называлъ однояремнымъ воломъ, взрывающимъ туже борозду: **се, брате, вѣ сѫпрѫга бѣа-**

ховѣ, юдинѫ браздѫ тѧжаща (П. жит. Меѳ. гл. 7). Въ даръ же Ростиславу, его князьямъ и народу, призвавшимъ изъ Цареграда оучитела, иже бы имъ въ свои ꙗзыкъ истѫꙗ вѣрѫ христианьскѫꙗ съказалъ (П. жит. Кир. гл. 14), Философъ принесъ съ собою „боукъвы въ ихъ ꙗзыкъ", т. е. евангеліе, апостолъ, псалтырь и важнѣйшія богослужебныя книги въ славянскомъ переводѣ (ср. П. жит. Меѳ. гл. 15). Этотъ священный даръ предназначенъ былъ къ тому, чтобы и Славяне возвысились до роли великихъ народовъ, имѣющихъ національную церковь и богослуженіе: да и вы причьтетеса велицѣхъ ꙗзыцѣхъ, иже славать Бога своимь ꙗзыкъмь (Пан. жит. Кир. гл. 14).

Итакъ, славянская національная письменность: вотъ моментъ, когда блѣднѣютъ и тонутъ утреннія звѣзды и восходитъ солнце нашего историческаго дня; вотъ точка, гдѣ наша племенная рѣка изливается въ культурное море, широкое, глубокое, далекое, какъ моря Греціи, Италіи, Индіи и немногихъ другихъ великихъ арійскихъ странъ!

Славянская національная церковь: вотъ фундаментъ дальнѣйшей образованности христіанскаго востока; вотъ идеальный сводъ, на которомъ блестятъ лучшія свѣтила нашего прошлаго и пролегаютъ „млечные пути" будущаго.....

Дошьдъшоу же юмоу Моравы, съ великоꙗ чьстиꙗ приꙗтъ и Ростиславъ и събьравъ оученикы въдасть ꙗ оучити. Въскорѣ же са вьсь цркъвьныи чинъ прѣложи и наоучи ꙗ оутрьнѣи и годинамъ, обѣдьнѣи и вечерьнѣи и павечерьници и таинѣи слоужьбѣ. И отъврьзостеса, по пророчьскоуоумоу словеси, оуши глоухыихъ оуслышати кънижьнаꙗ словеса и ꙗзыкъ ꙗсьнъ бысть гѫгнивыимъ. Богъ же са възвесели о семь вельми и диꙗволъ постыдѣса (П. жит. Кир. гл. 15).

И тако четыредесатъ мѣсаць сътвори въ Моравѣ и иде сватитъ оученикъ своихъ. Приꙗтъ же и идѫщь Коцелъ, кънаѕь паноньскъ, и възлюби вельми словѣньскы боукъвы и наоучиса имъ и въдавъ до патидесатъ оученикъ оучитиса имъ и великѫ юмоу чьсть сътвори, мимо проводи и (ib.)

Въ этихъ немногихъ строкахъ Паннонскаго житія обрисованъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ и подвиговъ всемірной

исторіи. Въ короткій промежутокъ времени, между 862 и 867 г., трудами двухъ греко-славянскихъ Миссіонеровъ положено основаніе славянской письменности, школы, церкви, культуры. Въ подольяхъ Моравы, Вага, Грона, Рабы, Муры, Дравы и средняго Дуная; въ лѣсахъ и ущельяхъ Карпатовъ, Судетовъ, Альпъ; въ замкахъ князей, старшинъ, воеводъ, въ хижинахъ поселянъ, въ шалашахъ горныхъ пастуховъ: всюду затеплились лампады, запылали огни,—не передъ иконами лишь святыхъ, какъ бывало и прежде, а въ глубинахъ сознанія, въ тайникахъ сердца, на распутьяхъ личной и общественной жизни. Ударомъ волшебнаго жезла выбитъ былъ изъ камня ключъ живой воды, утолившій духовную жажду не Ростиславовыхъ лишь Моравань и Коцеловыхъ Словенцевъ, но всего славянскаго Востока, при тысячелѣтней уже смѣнѣ поколѣній, путей, судебъ.

Чтобы оцѣнить все величіе этого подвига, мы должны перенестись мыслію въ тѣ вѣка и мѣста, гдѣ Солунцамъ пришлось дѣйствовать. Существовала ли тогда въ странахъ, сопредѣльныхъ съ Великой Моравіей, національная письменность и церковь? Нѣтъ, ея тамъ не было, ибо латинскій языкъ былъ совершенно непонятенъ народу не только въ странахъ кельто-германскихъ, но и въ романскихъ, не только въ Ирландіи, Шотландіи, Англіи, Германіи, но и во Франціи, Испаніи, Италіи. Блестящіе зародыши готской письменности давно были подавлены, вслѣдствіе переселенія носителей ея съ христіанскаго Востока на Западъ, изъ областей греческихъ въ латинскія. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, что Западъ столь же неблагопріятствовалъ развитію національностей въ области литературной, церковной и вообще культурной, сколько содѣйствовалъ ему Востокъ. Въ самомъ дѣлѣ, Кириллъ Философъ имѣлъ полное право противопоставлять въ этомъ отношеніи своей христіанскій Востокъ пилатническому Западу: **мы же мънogы роды ꙁнаѥмъ, кънигы оумѣюща и Богоу славѫ въꙁдающа своимь ѩꙁыкъмь къждо; ꙗвѣ же сѫть си: Ормени, Перси, Аваꙁъѕи** (Абхазцы), **Ивери** (Грузины), **Соугди, Готѳи, Обри, Роуси, Коꙁари, Аравлꙗни, Ѥгуптꙗни, Соури и инии мъноѕи** (Пан. жит. Кир. гл. 16).

Что можетъ противопоставить этому богатому и свободному развитію національныхъ церквей Востока централистическій Западъ?

Менѣе, чѣмъ ничего, ибо онъ не только не насаждалъ такихъ церквей, но еще подавлялъ ихъ своимъ нивеллирующимъ вліяніемъ, какъ это случилось съ Готами. И у Кельтовъ, особенно въ отдаленной отъ Рима Ирландіи и Шотландіи, утвердилась было независимая національная церковь какъ по языку, такъ и по организаціи. Еще въ 8—9-мъ вв. богословы, философы и миссіонеры иро-шотландскаго происхожденія занимали довольно независимое отъ Рима положеніе, напр. зальцбургскій архіепископъ Виргилій въ VIII в., знаменитый богословъ Скотъ Эригена въ IX в. и н. др. Къ сожалѣнію, Англо-саксы, Франки, Италіянцы парализовали благородныя усилія богослововъ иро-шотландскихъ. Особенно погубна была въ этомъ отношеніи дѣятельность т. наз. нѣмецкаго апостола Бонифація. Бенедиктинецъ этотъ не только самъ носилъ ярмо римскихъ папъ, но и многихъ другихъ склонилъ къ тому же во Франціи и Германіи. Даже благородный Алкуинъ былъ увлеченъ потомъ примѣромъ Бонифація, хотя и по другимъ, болѣе политическимъ, чѣмъ религіознымъ соображеніямъ. Карлъ Великій окончательно ввелъ Нѣмцевъ въ фарватеръ папской политики, отъ которой не могли уже ихъ эманципировать ни Оттоны, ни Генрихи, ни Фридрихи. Два западные претендента на господство въ христіанскомъ мірѣ—духовное и мірское, папа и императоръ, должны были заключить между собою сдѣлку, вслѣдствіе которой Германія подпала церковной власти перваго, Италія же политической втораго. Съ тѣхъ поръ и рѣчи не могло уже быть о національномъ устройствѣ нѣмецкой церкви. Наоборотъ, Нѣмцы стали самыми усердными паладинами папъ въ дѣлѣ латинизаціи всѣхъ христіанскихъ церквей.

Удивительно ли, что нѣмецкіе князья, бароны, клиръ и простая четь съ такимъ ожесточеніемъ напали на Солунцевъ за національзацію велико-моравской церкви! Не казалась ли она иронiей, укоромъ и угрозою для Нѣмцевъ, чувствовавшихъ на своей шеѣ римское ярмо, а на языкѣ—латинскую узду? Духов-

ное освобожденіе презрѣннаго народа рабовъ (Slavus—sclavus!) не представлялось ли вѣрной порукой ихъ близкаго освобожденія политическаго, экономическаго, племеннаго?

Во всякомъ случаѣ, при національной церкви неумѣстны уже становились въ областяхъ велико-моравскихъ латино-нѣмецкіе епископы, миссіонеры, ксендзы; ихъ церкви пустѣли, славянская паства таяла и доходы прекращались. Приходилось переносить свои духовныя лавочки въ Пассовъ, Зальцбургъ, либо въ Саксонію и славянское Полабье. Такъ поступилъ напр. по прибытіи въ Паннонію Меѳодія покинутый своей паствой архипресвитеръ Рихбальдъ: quod ille (Richbaldus) ferre non valens, sedem repetivit Juvavensem (Бильбас. К. и М. I, 125 сл.). Тоже случилось съ нѣмецкими ксендзами и въ Моравіи около 873 г., какъ видно изъ Панн. житія Меѳодія: **приключи же сѧ тъгда, Моравлꙗне, оштоущьше нѣмьчьскꙑѩ попꙑ, иже живѣахѫ въ нихъ, не приꙗѭща имъ, но ковъ коужща на нѩ, изгънашѧ вьсѧ** (гл. 10).

Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что интересы и чувства Нѣмцевъ съ одной стороны, а Велико-моравaнъ съ другой въ отношеніи къ славянской церкви, учрежденной Солунцами, были не только различны, но и прямо противоположны. Не удивительно, что и императоры-Каролинги усердно поддерживали своихъ епископовъ въ борьбѣ со славянской церковью.

А Римъ? Долженъ ли и онъ былъ стать въ ряды нѣмецкихъ антагонистовъ этой церкви либо даже во главѣ ихъ, или наоборотъ, принять ее подъ свое покровительство, какъ милое и законное дѣтище?

Для отвѣта на этотъ вопросъ обыкновенно обращаются къ сохранившимся посланіямъ папъ Адріана II, Іоанна VIII и Стефана V, въ которыхъ высказываются ихъ взгляды на славянскую церковь; но пріемъ этотъ не ведетъ къ цѣли, ибо во 1) взгляды эти оказываются очень разнорѣчивыми, даже противорѣчивыми между собою, и во 2), говоря о политикѣ папскаго Рима, необходимо держаться магистральной ея линіи, а не временныхъ и случайныхъ отъ нея уклоненій.

Разсматривая отношеніе Рима къ національнымъ церквамъ съ этой болѣе общей точки зрѣнія, мы легко замѣтимъ, что онъ всегда былъ отъявленнымъ врагомъ послѣднихъ. Наслѣдовавъ централизаціонныя преданія Рима древняго, императорскаго, Римъ папскій считалъ своей задачей не развитіе, а наоборотъ, подавленіе національныхъ элементовъ церкви, во имя ея единства, понятаго самымъ внѣшнимъ, формальнымъ образомъ. Вотъ почему въ тысячахъ своихъ миссій во всѣ страны Европы и во всѣ части свѣта онъ никогда не задавался Кирилловскимъ вопросомъ: аще имѫть боукъвы въ ѩзыкъ свои (Панн. ж. Кир. гл. 14). Никогда въ головѣ миссіонера римскаго не промелькнула столь простая, повидимому, мысль, что проповѣдывать христіанство безъ содѣйствія національной письменности все равно, что „на водѣ бесѣдѫ напьсати“ (ib.). Въ противномъ случаѣ, въ многомилліонной массѣ римскихъ католиковъ мы нашли бы хотя одинъ живой или мертвый народъ, получившій отъ Рима національную письменность, съ примѣненіемъ ея къ богослуженію. Но такого не было и нѣтъ, ибо такъ называемыя уніятскія церкви Европы и Азіи организованы не Римомъ, а восточными учителями, и лишь впослѣдствіи, большею частію насильственно, приведены въ подчиненіе ему.

Посланія Адріана II къ велико-моравскимъ князьямъ въ 869—870 г. и Іоанна VIII къ Святополку въ 880 г., въ которыхъ разрѣшается славянское богослуженіе и осуждается треязычная ересь (Пан. ж. Меѳ. гл. 8; Бильбас. К. и Меѳ. I, 134), вполнѣ парализуются противоположными и, очевидно, болѣе искренними ихъ энунціаціями въ посланіяхъ Іоанна VIII 873 и 879 гг. и Стефана V въ 885—886 гг. (Бильбас. К. и Меѳ. I, 131, 142). Еще краснорѣчивѣе подтверждаютъ это дѣянія тѣхъ же папъ, равно какъ и старшаго ихъ современника Николая I въ Болгаріи. Если дѣйствительно который нибудь изъ этихъ папъ сочувствовалъ славянскому языку и письму въ богослуженіи, то что мѣшало ему примѣнить ихъ къ дѣлу при устроеніи въ 866—869 гг. болгарской церкви? Вѣдь тогда существовала уже славянская литургія и не безызвѣстна была папамъ, которые могли лично присутствовать на ней въ Римѣ еще въ 868 г.:

приимъ же папежь кънигы словѣньскыѩ, освѧти и положи ѩ въ црькъви свѧтыѩ Мариѩ.... пѣшѧ же съ ними литоургиѭ. И по семь повелѣ папежь дъвѣма єпископома, Формосоу и Гѫдьрихоу, свѧтити словѣньскыѩ оученикы. И ꙗко ѩ свѧтишѧ, тъгда пѣшѧ литоургиѭ въ црькъви свѧтаго Петра словѣньскыимь ѩзыкъмь (Пан. ж. Кир. гл. 17; ср. П. ж. Меѳ. гл. 6).

Упущеніе это со стороны латинскихъ миссіонеровъ тѣмъ значительнѣе, что Римъ придавалъ величайшее значеніе своему болгарскому пріобрѣтенію и что закрѣпить послѣднее за собой онъ могъ не чѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ народнаго языка въ богослуженіе болгарской церкви.

Но допустивъ его въ литургію славянскую, не создалъ ли бы Римъ очень опаснаго прецедента для всѣхъ остальныхъ подчиненныхъ его патріархату народовъ? Вѣдь не могли же Славяне, эти пасынки западной Европы, получить отъ папы льготу, въ которой потомъ ему пришлось бы отказать своимъ нѣмецкимъ сынамъ. Дозволить же всѣмъ народамъ національную организацію церкви значило усилить ихъ мѣстную автономію, слѣд. ослабить связи съ Римомъ и въ самомъ корнѣ подрѣзать вожделѣнный приматъ папъ.

Итакъ, Римъ дѣйствовалъ очень послѣдовательно и по своему разумно, когда воздвигъ гоненіе на славянскую грамоту и церковь и назвалъ даже еретикомъ своего панноно-моравскаго архіепископа. Правда, нѣкоторые ультрамонтанскіе писатели отрицаютъ теперь это гоненіе, но оно неопровержимо доказывается цѣлымъ рядомъ дипломатическихъ документовъ, важнѣйшіе отрывки которыхъ я приведу здѣсь въ оригинальномъ латинскомъ текстѣ, чтобы не оставить мѣста для возраженій по этому существенному вопросу.

I. Audimus etiam, quod missam canentes in barbara, hoc est in sclavina lingua. Unde jam litteris nostris, per Paulum episcopum anconitanum tibi directis, prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum solempnia celebrares, sed vel in latina, vel graeca lingua (Іоаннъ VIII въ 873 и 880 гг. Бильбас. К. и М. I, 131; ср. Starine XII, 213 сл.).

II. Methodium namque superstitioni, non aedificationi, contentioni, non paci insistentem audientes plurimum mirati sumus; et si ita est ut audivimus, supertitionem ejus penitus abdicamus..... Divina autem officia et sacra mysteria ac missarum solemnia, quae idem Methodius Sclavorum lingua celebrare praesumpsit, quod ne ulterius faceret supra sacratissimum beati Petri corpus juramento firmaverat (?!), sui perjurii reatum perhorrescentes, nullo modo deinceps a quolibet praesumatur. Dei namque nostraque apostolica auctoritate sub anathematis vinculo interdicimus, excepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si evangelii vel apostoli expositio ab eruditis eadem lingua annuncietur et largimur et exortamur (Стефанъ V въ 885—886 гг. Бильбас. I, 142; ср. Starine XII, 220).

III. Sed absit hoc a fidelibus,..... ut doctrinam evangelii...... praetermittentes, ad Methodii doctrinam confugiant, quem in nullo volumine inter sacros auctores comperimus. Unde hortamur..... ut secundum mores romanae ecclesiae Sclavinorum terrae ministerium sacrificii peragant, in latina scilicet lingua, non autem in extranea (Іоаннъ X въ 925 г. Бильбас. К. и М. I, 152 сл.).

IV. Quis etenim specialis filius sanctae romanae ecclesiae.... in barbara seu sclavinica lingua Deo sacrificium offerre delectatur? Non quippe ambigo, ut in eis aliud maneat, qui in sclavinica lingua sacrificare contendunt, nisi illud quod scriptum est: ex vobis exierunt et non sunt ex nobis (id. ib. 154).

V. Verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Rusiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potiorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, latinis adprime litteris eruditum (Іоаннъ XII въ 972 г., ib. 155 сл.).

VI. Sclavos, nisi latinas litteras didicerint, ad sacros ordines promoveri..... prohibemus (Александръ II въ 1061—1062 гг. Starine XII, 222).

VII. Firmatum est et statutum, ut nullus de cetero in lingua sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in latina et graeca, nec aliquis ejusdem linguae promovetur ad sacros ordines. Dicebant enim gothicas litteras a quodam Methodio haere-

tico (!!) fuisse repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendo conscripsit, quamobrem divino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatus (утвержденное Александромъ II постановленіе Сплѣтск. собора въ 1062 г. Бильб. К. и М. I, 156 сл.).

VIII. Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum sclavonicam linguam apud vos (Bohemos) divinum celebrari annueremus officium, scias nos huic petitioni tuae nequaquam posse favere... Neque enim ad excusationem juvat, quod quidam religiosi viri hoc quod simpliciter populus quaerit patienter tulerunt, seu incorrectum dimiserunt... Unde ne id fiat quod a vestris imprudenter exposcitur auctoritate beati Petri inhibemus, teque ad honorem omnipotentis Dei huic vanae temeritati viribus totis resistere praecipimus (Григорій VII въ 1080 г. ib. 157).

Эти подлинныя выписки изъ опредѣленій шести папъ: Іоанна VIII и Стефана V въ IX в., Іоанна X и Іоанна XIII въ X в., Александра II и Григорія VII въ XI в. служатъ неопровержимымъ доказательствомъ глубокой, хотя и затаенной по временамъ вражды Рима къ славянской церкви и письменности. Выводъ этотъ, вполнѣ согласный съ общей его политикой въ національныхъ вопросахъ, ни мало не подрывается разрѣшеніемъ Иннокентія IV въ 1248 г. отправлять славянское богослуженіе въ сеньской епархіи по глаголическимъ книгамъ (Бильбасовъ К. и М. I, 158) и Климента VI въ 1346 г. совершать такое же богослуженіе въ одномъ изъ пражскихъ монастырей (ib. 158 сл.), ибо это были частныя уступки, вынужденныя у папъ упорствомъ Хорватовъ-глаголитовъ въ первомъ случаѣ и настойчивымъ требованіемъ имп. Карла IV въ послѣднемъ.

Напрасно потому нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи сваливаютъ на однихъ Нѣмцевъ всю вину въ образованіи ереси треязычной или пилатниковъ, на которыхъ столько разъ жалуется составитель или составители обоихъ Паннонскихъ житій. Съ ними долго и упорно приходилось бороться Солунцамъ не только въ В. Моравіи (П. ж. Кир. гл. 15), но и въ Венеціи (ib. 16) и даже въ самомъ Римѣ (П. жит. Меѳ. гл. 6). Если же по временамъ папа какъ будто отрекался отъ этой застарѣлой

ереси, въ которой упрекалъ, какъ мы видѣли, латинянъ и патр. Фотій (Mon. graeca ad Photium 68), то это объясняется разными политическими условіями и цѣлями куріи. Такъ посланіе Адріана II къ велико-моравскимъ князьямъ съ осужденіемъ треязычниковъ въ 870 г. объясняется побѣдами Ростислава надъ Нѣмцами въ 868—869 гг. и опасеніемъ папы потерять провинцію велико-моравскую, какъ еще случилось незадолго передъ тѣмъ, въ 869 г., съ областію болгарской; аналогичное же посланіе къ Святополку Іоанна VIII въ 880 г. вызвано новымъ усложненіемъ отношеній Рима къ Византіи, опасностями отъ южно-италійскихъ Сарацынъ, окончательною утратою Болгаріи и грандіознымъ развитіемъ силъ Святополковой Велико-моравіи. Нѣкоторое значеніе могло имѣть въ обоихъ случаяхъ и личное присутствіе въ Римѣ Меѳодія, давленіе его высокаго ума, характера и авторитета.

Наконецъ, при сравненіи треязычниковъ старо-нѣмецкихъ со старо-италійскими мы не должны забывать общаго различія стилей политики нѣмецкой и италіянской: первая развивается прямолинейнѣе, вторая извилистѣе; та болѣе бросается въ глаза рѣзкостію своихъ проявленій, эта же легко ускользаетъ отъ вниманія скрытостію движеній; та грубѣе, смѣлѣе, топорнѣе, эта тоньше, мягче, осторожнѣе. Однако цѣли обѣихъ нерѣдко могли быть тѣ же и результаты получались сходные.

Такъ оно и случилось въ треязычномъ спорѣ. Въ концѣ концовъ оказалось, что папы относились къ славянскому языку и письменности ничуть не дружелюбнѣе зальцбургскихъ или пассовскихъ іерарховъ и моравскаго ихъ агента Вихинга, но лучше умѣли замаскировывать при этомъ свои настоящія мысли и цѣли.

Кто изъ двухъ антагонистовъ славянской церкви: Римъ или Германія, нанесъ ей болѣе тяжелыхъ ударовъ, это вопросъ, который едва ли не придется рѣшить въ смыслѣ совершенно противоположномъ желаніямъ и увѣреніямъ адвокатовъ папства......

Тяжелы были труды Солунцевъ въ ихъ послѣдней велико-моравской миссіи, но велики и историческія ея послѣдствія.

Миссія эта продолжалась не одинъ-два мѣсяца, какъ сарацынская, даже не 8—12 мѣсяцевъ, какъ мы можемъ предполагать о хазарской миссіи, а три-четыре года по Паннонскимъ житіямъ (три лѣта по П. ж. Меѳ. гл. 5 и четыредесатъ мѣсяць по П. ж. Кир. гл. 15) и даже четыре съ половиною по легендѣ Италіянской (Бильбас. К. и М. II, 224). Если же прибавить къ этому и время, проведенное Братьями въ сборахъ и на пути сначала изъ Цареграда въ Моравію (862—863 гг.), а потомъ изъ Панноніи въ Венецію и Римъ (867 г.) и наконецъ болѣе чѣмъ годичное пребываніе въ послѣднемъ (867—869 гг.), въ борьбѣ съ треязычниками за велико-моравскія насажденія, то получимъ для этой миссіи семилѣтній почти (862—869 гг.) періодъ времени.

Семь славныхъ лѣтъ! Какіе размѣры силъ и какое ихъ напряженіе должны мы предположить въ великихъ славянскихъ Труженикахъ, которые успѣли въ эти немногіе годы: установить опредѣленную и вполнѣ цѣлесообразную систему графическихъ знаковъ; выработать общія правила славянской орѳографіи и подробности ихъ примѣненія; опредѣлить этимологическія и синтактическія нормы новаго литературнаго языка; дать ему фразеологическую отдѣлку и терминологическую устойчивость; установить правильныя соотвѣтствія между составомъ и строемъ языка греческихъ оригиналовъ и славянскихъ переводовъ; перевести цѣлый кругъ необходимыхъ при богослуженіи библейскихъ и литургическихъ книгъ; образовать славянскую народную школу; организовать богослуженіе въ довольно обширной церковной области; положить основы духовному просвѣщенію ея населенія, и наконецъ пріобрѣсти для христіанской образованности цѣлое племя, призванное къ первостепенной исторической роли!

Что значитъ въ сравненіи съ этимъ величіемъ трудовъ и подвиговъ славныхъ Солунцевъ въ велико-моравской миссіи одновременная съ ней (866—869 гг.) дѣятельность римскихъ миссіонеровъ въ Болгаріи! Стоило болгарскому князю разорвать въ 869 г. іерархическія связи своей области съ Римомъ, и отъ всей этой дѣятельности Формозовъ, Павловъ, Мариновъ съ братьей не осталось и слѣда,—тогда какъ церковное зданіе, соору-

женное въ Вел. Моравіи руками Кирилла и Меѳодія, въ короткій промежутокъ 4—5 лѣтъ, нѣсколько вѣковъ выдерживало и колебанія мѣстной почвы, и напоръ западныхъ вѣтровъ, и ослабленіе духовной жизни въ раздѣленномъ, а потому долго порабощенномъ Востокѣ!

Положимъ, своды и куполы этого велико-моравскаго сооруженія выведены были нѣсколько позже, въ періодъ архіепископства Меѳодія; но его фундаменты заложены и стѣны выстроены еще при жизни Кирилла и по его смѣлому плану.

VIII.

Поѣздка въ Римъ.

Греко-славянскій характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія до 867 года не оспаривается даже западными серьезными историками новѣйшаго времени; но поѣздка Братьевъ въ Римъ представляется имъ крутымъ поворотомъ съ Востока на Западъ и вступленіемъ въ фарватеръ латино-нѣмецкой жизни, которымъ они плыли де уже до смерти. Посмотримъ, насколько оправдывается такой взглядъ сохраненными въ первоисточникахъ историческими данными. Но предварительно замѣтимъ, что и a priori мы могли бы отрицать такой поворотъ отъ своего къ чужому, такое культурное ренегатство въ людяхъ подобнаго ума, образованія и характера.

Что же говорятъ намъ источники о поѣздкѣ Солунцевъ въ Римъ? **И тако четыредесатъ мѣсаць сътвори** (Кириллъ) **въ Моравѣ, и иде свяатитъ оученикъ своихъ** (П. ж. Кир. гл. 15); **оувѣдѣвъ же такова мѫжа** (Кирилла), **апостоликъ Никола посъла по ны** (К. и Меѳ.), **желаѩ видѣти ꙗ ꙗко аньгела божиꙗ** (П.ж. Меѳ. гл. 6); his omnibus auditis, Papa gloriosissimus Nicolaus, valde laetus super his quae sibi ex hoc relata fuerant redditus, mandavit et ad se venire illos litteris apostolicis invitavit (Итал. лег. у Бильбас. К. и М. II, 224). Итакъ, поѣздка эта предпринята была по вы-

зову папы Николая I и съ ближайшей цѣлію рукоположенія моравскихъ учениковъ Солунцевъ.

Изъ дальнѣйшаго разсказа тѣхъ же первоисточниковъ видно, что сверхъ рукоположенія учениковъ имѣлись при этомъ въ виду и другія цѣли. Главною же было разрѣшеніе вопроса о *славянской литургіи*. Введеніе ея въ Великой Моравіи казалось величайшимъ соблазномъ и безуміемъ всѣмъ латино-нѣмецкимъ современникамъ. Противъ нея возставали **латиньстии и фрѧжьстии архиюреи съ юреи и оученикы** въ В. Моравіи (П. ж. Кир. гл. 15); она возмущала душу духовенства баварскаго (Анонимъ у Бильбас. К. и М. I, 124 сл.); она приводила въ изумленіе и смущеніе клиръ венеціянскій (П. ж. Кир. гл. 16) и вызывала протесты въ средѣ римскаго населенія: **бѣахѫ же ютера мънога чадь, юже гоуждаахѫ словѣньскыѩ кънигы, глаголѭште, юко недостоить никоторомоу же ѩзыкоу имѣти боукъвъ своихъ, развѣ Юврѣи и Грькъ и Латинъ, по Пилатовоу пьсанию, юже на крьстѣ господьни напьса** (П. ж. Меѳ. гл. 6).

При такомъ взглядѣ на славянскую литургію всего Запада, фактическое введеніе славянскаго языка въ богослуженіе велико-моравской церкви не могло считаться прочнымъ и долговѣчнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не было санкціонировано подлежащею духовною властью. Моравія же съ обѣими Панноніями входила тогда такъ или иначе въ патріархатъ римскій. Слѣд. поѣздка въ Римъ была безусловно необходима для упроченія результатовъ велико-моравской миссіи; ибо кто другой, кромѣ Солунцевъ, располагалъ тогда въ Великой Моравіи такимъ умомъ, образованіемъ и авторитетомъ, чтобы побороть въ Римѣ всѣ противодѣйствія и склонить папу къ признанію славянскаго языка, наряду съ латинскимъ, вторымъ литургическимъ языкомъ въ предѣлахъ его обширнаго патріархата?

Вторымъ капитальнымъ вопросомъ, требовавшимъ соглашенія велико-моравскихъ Миссіонеровъ съ папою, было учрежденіе или лучше возстановленіе *паннонской архіепископіи*, съ устраненіемъ правъ и притязаній архіепископа зальцбургскаго. Наконецъ, третьимъ такимъ вопросомъ могло представляться возведеніе одного изъ Миссіонеровъ въ *архіепископскій*, втора-

го же въ *епископскій санъ*, для іерархическаго устроенія новопросвѣщенной церковной области.

Конечно, ни одна изъ этихъ основныхъ цѣлей поѣздки Солунцевъ въ Римъ, ни даже всѣ онѣ въ совокупности не могли бы оправдать ея въ томъ случаѣ, если бы Римъ находился уже тогда въ разрывѣ съ восточными средоточіями христіанства. Къ счастію, до этого было еще далеко. Въ IX в., въ періодъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, лишь начинался тотъ споръ церкви западной съ восточными, который черезъ двѣсти лѣтъ привелъ ее къ печальному расколу, объ устраненіи котораго столько вѣковъ молится напрасно соборная церковь.

Правда, въ знаменитомъ Окружномъ посланіи патр. Фотія въ 867 г. исчислено уже много пунктовъ разногласія между церквами восточными и западною, въ родѣ напр. поста по субботамъ, целибата ксендзовъ, миропомазанія бискупами, вставки въ символъ filioque и пр. (Hergenr. Photius I, 642 сл.); правда, что въ томъ же году въ Константинополѣ происходилъ соборъ, отлучившій Николая I отъ церкви (ib. 649 сл.); правда, что этотъ папа формулировалъ еще въ 860 г. свое мнимое главенство въ церкви (ib. 415) и вызвалъ этимъ сильный протестъ на Востокѣ (ib. 656 сл.): но во всемъ этомъ было много и недоразумѣній, и преувеличеній, и субъективныхъ примѣсей, которыя при примирительномъ настроеніи могли бы разсѣяться, не оставивъ глубокихъ послѣдствій.

Серьезное значеніе имѣли при этомъ лишь догматическое разногласіе въ вопросѣ объ исхожденіи св. Духа да притязанія папъ на главенство въ церкви.

Хотя источники латинскаго ученія о св. Духѣ открываются уже въ сочиненіяхъ бл. Августина и папы Льва I и хотя вставка filioque появилась въ Испаніи еще въ 589 г. и оттуда проникла въ 8-мъ в. во Францію, а послѣ Ахенскаго собора 809 г. распространилась и по Германіи, однако папы долго сопротивлялись этой вставкѣ. Такъ Левъ III протестовалъ противъ нея, несмотря на авторитетъ Карла Великаго и Алкуина (Herzog, Abriss d. Kirchengesch. II, 93 сл.). Еще въ 879 г. легаты Іоанна VIII на т. наз. восьмомъ вселенскомъ соборѣ подписали направ-

ленное противъ этой вставки опредѣленіе его о неизмѣнности никейскаго символа (Hergenr., Photius II, 518, 535). Сохранилось даже посланіе того же Іоанна VIII къ Фотію противъ этой вставки (ib. II, 541), но латинскіе историки оспариваютъ его подлинность (ib. 549).

Во всякомъ случаѣ, Кириллъ и Меѳодій не могли еще слышать въ Римѣ символа со вставкой filioque, а слѣд. не могли считать папъ отвѣтственными за это произвольное измѣненіе никейскаго исповѣданія вѣры Испанцами, Французами, Нѣмцами.

Что касается вопроса о главенствѣ папъ, то и онъ появился довольно поздно, собственно при возстановленіи Каролингами римской имперіи, а потому и не могъ еще въ половинѣ 9-го в. разорвать единства вселенской церкви. Теоретическая основа этого главенства, лже-исидоровскія декреталіи, поддѣланы были во Франціи не раньше 851—852 гг. (Herzog, Kirchengesch. II, 53) и впервые пущены были въ ходъ Николаемъ I въ 864 г. (ib. 54), а опровергнуты Фотіемъ (Hergenröt. Photius, I, 663). Долго еще сами римскіе прелаты скептически относились къ этому едва зараждавшемуся тогда „догмату“ и не прочь были при извѣстныхъ условіяхъ ставить папу на второе мѣсто, послѣ патріарха цареградскаго. Такъ на константинопольскомъ соборѣ 879—880 г. папскіе легаты, кардиналъ Петръ и епископы Павелъ и Евгеній, удовольствовались вторымъ мѣстомъ, предоставивъ предсѣдательство патріарху Фотію (Hergenröther, Photius II, 464 сл.). Вообще, на этомъ соборѣ придерживались слѣдующаго старшинства пяти патріархатовъ: цареградскій, римскій, іерусалимскій, александрійскій, антіохійскій (ib. 471). Быть можетъ, такая скромность папскихъ легатовъ объясняется ихъ надеждою возсоединить съ Римомъ Болгарію; но и въ такомъ случаѣ соборъ 879—880 г. доказываетъ, что мысль о приматѣ папъ не особенно была тогда укоренена въ сознаніи даже западныхъ іерарховъ. По всей вѣроятности, она и разсѣялась бы потомъ такъ же безслѣдно, какъ аналогичныя притязанія Іоанна IV Постника и нѣкоторыхъ другихъ цареградскихъ патріарховъ, если бы не поддержали ея

расчеты западныхъ императоровъ, недомысліе средневѣковыхъ королей, дисциплина латино-нѣмецкаго клира и раболѣпіе народовъ.

Если такимъ образомъ Римъ держался еще въ 9-мъ в. общенія съ восточными патріархатами; если онъ посылалъ своихъ легатовъ на константинопольскіе соборы того времени, напр. 869 и 879 гг.; если и греческіе іерархи въ свою очередь пересылались съ папами общительными посланіями и письмами, не исключая самого Фотія (Hergenröther, Photius I, 407; II, 315): то что же могло мѣшать общенію съ папою нашихъ Солунцевъ въ тѣ же 60—70-ые годы девятаго вѣка?

Можно бы указать, пожалуй, здѣсь на то обстоятельство, что Николай I былъ отлученъ отъ церкви константинопольскимъ соборомъ 867 г., слѣд. непосредственно передъ поѣздкой Братьевъ въ Римъ: но, во 1. они могли и не знать о томъ въ Моравіи собираясь въ дальній путь, тѣмъ болѣе, что и въ Римѣ акты этого собора, подписанные въ маѣ, стали извѣстны лишь къ осени означеннаго года, Западу же они оповѣщены папою лишь въ октябрѣ мѣс. (Hergenröther, Photius I, 668), когда Кириллъ и Меѳодій находились уже въ пути; во 2. Николай I не пережилъ нанесеннаго ему Фотіемъ удара и умеръ мѣсяца черезъ три, 13 ноября 867 г., до прибытія въ Римъ славянскихъ Учителей, такъ что имъ и не пришлось вступить въ общеніе съ отлученнымъ отъ церкви папою, и въ 3. въ то самое время, именно 24 октября 867 г., произошло низложеніе патр. Фотія и вслѣдъ затѣмъ (23 ноября) возведеніе Игнатія, при чемъ отношенія греческой церкви къ Риму радикально измѣнились, такъ что и рѣчи не могло уже быть о перенесеніи на преемника Николаева, Адріана II, отлучительнаго приговора того цареградскаго собора. Наоборотъ, между папою и патр. Игнатіемъ установились было самыя дружественныя отношенія, которыя лишь въ 870 г. были нарушены неожиданнымъ возсоединеніемъ Болгаріи съ цареградскимъ патріархатомъ. Слѣд. греко-славянскіе Миссіонеры, прибывъ въ Римъ въ самомъ началѣ папства Адріана II, т. е. вскорѣ послѣ 17 дек. 867 г. (cum ante non multos dies supradictus papa Nicolaus transiisset ad Dominum, secundus Adrianus.... honorifice satis eos recepit. Итал. лег. у Бильбас. К. и М. II, 225), не имѣли ника-

кихъ основаній руководиться въ отношеніяхъ къ папѣ опредѣленіемъ цареградскаго собора, состоявшимся въ маѣ 867 г.

Мы не знаемъ подробностей о переговорахъ Солунцевъ съ Адріаномъ II по дѣламъ велико-моравской церкви, но знаемъ, что переговоры эти велись очень долго и окончились благополучно лишь благодаря настойчивости, уму и авторитету моравскихъ Миссіонеровъ и нѣкоторымъ благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ.

Читая въ Паннонскихъ житіяхъ и Италіянской легендѣ разсказъ о пребываніи Солунцевъ въ Римѣ, мы склонны были по первому впечатлѣнію считать ихъ миссію скоро и легко выполненною, благодаря личному вмѣшательству папы: **приимъ же папежь кънигы словѣньскыѧ, освѧти и положи ѩ въ црькъви свѧтыѩ Мариѩ.... И по семь повелѣ папежь дъвѣма єпископома, Формосоу и Гѫдьрихоу, свѧтити словѣньскыѩ оученикы. И ꙗко ѩ свѧтишѧ, тъгда пѣшѧ литоургиѭ въ црькъви свѧтаaго Петра словѣньскъıимь ѩзыкъмь** (Пан. ж. Кир. гл. 17).... **Свѧти (апостоликъ) оученикы єго** (Кирилла), **положь словѣньскоє єваньгелиє на алътари свѧтаaго апостола Петра. Свѧти же на поповьство (архиєпископьство?) блаженааго Меѳодиꙗ** (П. жит. Меѳ. гл. 6). Multis itaque gratiarum actionibus praefato Philosopho pro tanto beneficio (мощи св. Климента) redditis, consecraverunt ipsum (?) et Methodium in episcopos, nec non et ceteros eorum discipulos in presbyteros et diaconos (Итал. лег. у Бильб. К. и М. II, 225).

Вникнувъ однако нѣсколько глубже въ подробности, сообщаемыя тремя легендами, мы замѣтимъ, что дѣло шло не такъ легко и просто.

Прежде всего удивляетъ насъ продолжительность пребыванія Братьевъ въ Римѣ. Прибывъ туда въ концѣ 867 или самомъ началѣ 868 г., они провели тамъ цѣлый этотъ (868-ой) годъ и притомъ въ такихъ трудахъ, которыя сломили нѣжный организмъ Кирилла: **постигъшиимъ же и мъногъıимъ троудомъ, болѣти начѧ** (П. ж. Кир. гл. 18). Въ началѣ слѣдующаго 869 г. онъ и **почи о господѣ, бывъ лѣтъ четыредесѧтъ и дъва, въ четврьтыи на десѧть дьнь мѣсѧца феброуариꙗ, въ индиктъ. в., отъ твари вьсего мира въ лѣто ҂ѕтоз** (ib.). Меѳодій же и по смер-

ти брата не сразу выбрался изъ Рима. Напрасно онъ хотѣлъ воспользоваться для того „заклятіемъ матери" относительно перевозки покойнаго Кирилла въ подолимпскій монастырь (ib.) Не только гробъ Кирилла присужденъ былъ Риму, но и самъ Меѳодій оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не вытребовалъ наконецъ его блатенскій князь Коцелъ: посълавъ же Коцелъ къ апостоликоу, проси Меѳодиꙗ,... да бы юмоу отъпоустилъ. И рече апостоликъ: не тебѣ юдиномоу, но и вьсѣмъ странамъ тѣмъ словѣньскыимъ сълѭ и оучитель отъ бога.... (П. жит. Меѳ. гл. 8).

Не просвѣчиваетъ ли здѣсь мысль, что въ Римѣ нарочно проволакивали возвращеніе въ Велико-Моравію греко-славянскихъ миссіонеровъ, быть можетъ не довѣряя ихъ преданности папѣ? Можно ли допустить, чтобы люди, принявшіе на себя такой подвигъ, какъ религіозное просвѣщеніе цѣлаго народа, добровольно оставались цѣлый годъ и болѣе того въ чуждомъ имъ городѣ и средѣ, посвящая время отправленію славянскихъ литургій въ римскихъ храмахъ, диспутируя съ любознательными римлянами о сочиненіяхъ Псевдо-Ареопагита (Анастасій Библіот. у Бильбас. К. и М. I, 128) и другихъ отвлеченныхъ предметахъ (П. жит. Кир. гл. 17), либо разъясняя тамошнимъ евреямъ хронологію Ветхаго Завѣта (ib.)?

Что славянская литургія встрѣтила въ Римѣ оппозицію, это несомнѣнно изъ вышеприведеннаго уже мѣста Пан. ж. Меѳодія гл. 6: бѣахѫ же ютера мънога чадь, юже гоуждаахѫ словѣньскыꙗ кънигы (гл. 6). Въ числѣ противниковъ ея находились и епископы, напр. Формозъ: и повелѣ юдиномоу юпископоу, иже бѣ тоюже ꙗзѣѭ больнъ, и свати отъ оученикъ словѣньскъ три попы а дъва анагноста (ib.) Что этотъ епископъ былъ Формозъ, видно изъ параллельнаго мѣста Пан. ж. Кир.: повелѣ папежь дъвѣма епископома, Формосоу и Гѫдьрихоу, свѧтити словѣньскыꙗ оученикы (гл. 17). Латино-нѣмецкій фанатизмъ епископа (потомъ папы) Формоза извѣстенъ и изъ другихъ источниковъ (Gregorovius, Gesch. d. Stadt Rom III, 186 сл.). Будучи папою, онъ анаѳематизовалъ умершаго уже Фотія, за что въ свою очередь ему пришлось по смерти быть посаженнымъ на судъ Стефана VI и брошеннымъ въ Тибръ (ib. 236)!

Bayerische Staatsbibliothek München

Если, несмотря на все это противодѣйствіе ближайшихъ совѣтниковъ папы, Адріанъ II склонился въ концѣ концовъ къ славянской литургіи и проклялъ треязычниковъ (ѩже апостоликъ пилатьнꙑ и триѩꙁꙑчьникꙑ нарєклъ, проклатъ. Пан. ж. Меѳ. гл. 6, ср. 8), то это объясняется не только силою доводовъ, представленныхъ въ пользу славянскаго богослуженія Кирилломъ (ср. П. жит. Кир. гл. 16) и воспроизведенныхъ въ письмѣ папы къ Ростиславу 869—870 г. (П. жит. Меѳ. гл. 8), но и политическими обстоятельствами того времени.

Положеніе папы Адріана II въ первые годы его папствованія было очень затруднительно. Передъ самымъ его возведеніемъ на престолъ, въ періодъ interregnum, на Римъ нагрянулъ сполетскій герцогъ Ламбертъ, разграбилъ при содѣйствіи жившихъ въ городѣ Франковъ и Лонгобардовъ церкви и монастыри и, захвативъ многихъ римскихъ дѣвицъ, ушелъ съ добычей восвоя-си (Gregorovius, Gesch. d. St. Rom. III, 167). Приверженцы властолюбиваго Николая I распустили слухъ, будто Адріанъ II желаетъ оставить начертанный имъ путь папской политики и уничтожить плоды его дѣятельности. Для успокоенія умовъ папа вынужденъ былъ торжественно утвердить всѣ декреты своего предмѣстника (ib. 168), за что враги послѣдняго въ насмѣшку прозвали Адріана II николаитомъ (ib. 169). Дочь этого папы была уведена однимъ знатнымъ патриціемъ Элевѳеріемъ, который вопреки волѣ Адріана обвѣнчался съ ней; когда же въ это дѣло вмѣшался и императоръ Людовикъ II, то Элевѳерій закололъ свою жену и тещу (ib. 169). Въ этой семейной трагедіи принималъ какое то участіе и братъ Элевѳерія, кардиналъ Анастасій, который былъ за то вторично отлученъ папою отъ церкви, передъ 12 окт. 868 г. (ib. 169—170). Отношенія папы къ императору Людовику II, воевавшему тогда въ южной Италіи противъ Сарацынъ, были довольно натянуты, вслѣдствіе вмѣшательства папъ въ семейныя дѣла короля Лотара (ib. 172). Но особенно затруднительны были дѣла болгарскія. Извѣстно, что въ августѣ 866 г. въ Римъ прибыло, совершенно неожиданно для Николая I, посольство отъ Бориса, князя болгарскаго, съ просьбою о поставленіи для Болгаріи патріарха или хоть ар-

хіепископа. Въ отвѣтѣ на эту просьбу папа послалъ въ Болгарію миссію, подъ предводительствомъ епископовъ Формоза и Павла, которые и приступили къ организаціи болгарской церкви на латинскій манеръ. Это не удовлетворило однако Бориса, который лѣтомъ 867 г. вторично выслалъ въ Римъ посольство, прося поставленія для Болгаріи особаго архіепископа въ лицѣ того же Формоза, въ чемъ Борису опять было отказано. Въ 868 г., слѣд. во время пребыванія въ Римѣ Солунцевъ, явилось третье болгарское посольство, ходатайствуя болѣе настойчивымъ образомъ о поставленіи въ болгарскіе архіепископы хотя бы папскаго миссіонера Марина. Но всѣ эти Формозы и Марины представлялись самимъ папамъ людьми столь ненадежными, что Адріанъ II, какъ и Николай I, не согласился съ выборомъ Бориса, а предложилъ ему какого то Сильвестра. Въ 869 г. прибыло наконецъ въ Римъ четвертое и послѣднее болгарское посольство, съ просьбою о поставленіи въ архіепископы либо Формоза, либо Марина. Когда папа и тутъ отказалъ, соглашаясь на поставленіе любаго другаго, кромѣ двухъ названныхъ его же миссіонеровъ, то возмущенный этимъ Борисъ прервалъ въ 869 г. сношенія съ Римомъ и отправилъ посольство въ Цареградъ. Тамъ происходилъ въ концѣ 869 и началѣ 870 г. извѣстный „восьмой вселенскій соборъ" латинниковъ, который въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій опредѣлилъ, что Болгарія должна принадлежать цареградскому, а не римскому патріархату.

Печальный для Рима ходъ и исходъ этого дѣла не могли не отразиться на переговорахъ съ Адріаномъ II вел.-моравскихъ миссіонеровъ. Правда, прискорбная развязка болгарскихъ дѣлъ обнаружилась лишь къ концу 869 и началу 870 г.; но предвидѣть ее можно было и раньше, примѣрно въ то время, когда составлена была знаменита „єпистолиꙗ" къ Ростиславу, Святополку и Коцелу, сохраненная Паннонскимъ житіемъ Меѳодія (гл. 8).

Но сверхъ болгарскихъ усложненій не могли не дѣйствовать на рѣшенія Адріана II по велико-моравскому дѣлу и побѣды князя Ростислава, одержанныя надъ Нѣмцами въ войну 868—869 гг. и вознесшія его на вершину силы и славы. Можно было бояться, что могущественный славянскій князь, еще въ 862 г.

вступившій въ сношенія съ цареградскимъ патріархатомъ и получившій оттуда миссіонеровъ, окончательно разорветъ связи съ Римомъ, если папа не исполнитъ его желаній относительно славянскаго богослуженія и независимой архіепископіи.

Вотъ по какимъ побужденіямъ и соображеніямъ вынужденъ былъ Адріанъ II, послѣ долгаго проволакиванья, согласиться на требованія велико-моравскихъ миссіонеровъ, или собственно Меѳодія, ибо Кириллъ такъ и не дождался развязки дѣла. Онъ палъ, какъ истомленный подъ сохой волъ, недотянувъ борозды: **се, брате, вѣ сѫпрѫга бѣаховѣ, єдинѫ браздѫ тѧжащꙗ и азъ на лѣсѣ падаѭ, свои дьнь съконьчавъ** (П. жит. Меѳ. гл. 7); палъ съ мыслію о своемъ вѣрномъ стадѣ (ib.; П. жит. Кир. гл. 18), объ окружающихъ ученикахъ (ib. гл. 18), даже о далекомъ своемъ греческомъ царѣ (**отъселѣ нѣсмь азъ ни цьсарю слоуга, ни иномоу никомоу же на земли** ib.) и завѣтномъ малоазійскомъ Олимпѣ (П. жит. Меѳ. гл. 7),— но ни словомъ не вспомнилъ онъ при этомъ „апостолика“ и его совѣтниковъ. Наоборотъ, онъ молился Богу объ истребленіи треязычной ереси (**погоуби триѩзычьнѫѭ єресь.** П. жит. Кир. гл. 18), къ которой принадлежали, какъ мы видѣли, не одни Нѣмцы, но и „**єтера мънога чадь**“ въ самомъ Римѣ (П. жит. Меѳ. гл. 6).

Правда, Кириллъ не могъ жаловаться на плохой внѣшній пріемъ въ Римѣ: **дошьдъшоу ємоу Рима, изиде самъ апостоликъ Адриꙗнъ противъ ємоу съ вьсѣми гражданы и свѣщѧ несѫще** (П. жит. Кир. гл. 17). И по смерти Кирилла папа велѣлъ устроить ему самые торжественные похороны: **повелѣ же апостоликъ вьсѣмъ Грькомъ, иже бѣахѫ въ Римѣ, тако и Римлꙗномъ вьсѣмъ, съ свѣщами съшьдъшеся пѣти надъ нимь и сътворити проводжениє ємоу, ꙗкоже и самомоу папежоу сътворити** (ib. гл. 18). Но всѣ эти внѣшніе знаки вниманія и уваженія не могли замѣнить недостатка внутренняго сочувствія и единомыслія. Не потому ли и Меѳодій такъ настаивалъ на перенесеніи бренныхъ останковъ Кирилла изъ Рима подъ Олимпъ? Не прозиралъ ли онъ пророческимъ окомъ то время, когда мощи славянскаго Апостола будутъ въ Римѣ предметомъ не почитанія, а пренебреженія и осужденія, когда его священный гробъ будетъ вы-

брошенъ изъ мѣста упокоенія и пропадетъ въ средѣ другихъ безвѣстныхъ гробовъ Рима, какъ это и случилось впослѣдствіи?

Характерно и то обстоятельство, что Меѳодій отклонилъ отъ Кириллова гроба честь стоять вмѣстѣ съ папскими въ „**црькъви свѧтааго апостола Петра**", предпочитая уже для него **да лѧжеть въ црькъви свѧтааго Климента** (П. жит. Кир. гл. 18). Не боялся ли Меѳодій, что этимъ путемъ имя и память Кирилла были бы ассоціированы въ сознаніи потомковъ съ тенденціознымъ культомъ „князя апостоловъ", якобы передавшаго папамъ свое намѣстничество на землѣ и ключъ отъ неба (ср. Hergenröther, Photius I, 662 сл.)? Быть можетъ, по той же причинѣ не принялъ Константинъ Философъ въ монашествѣ имени Климента, мощи котораго онъ перенесъ въ Римъ, а Кирилла (іерусалимскаго или александрійскаго?).

Тѣмъ не менѣе Меѳодій, уже по смерти Кирилла, при нѣкоторомъ давленіи Коцела (П. жит. Меѳ. гл. 8), а вѣроятно и другихъ велико-моравскихъ князей, т. е. Ростислава и Святополка, добился утвержденія папою и славянскаго богослуженія, и отдѣльной архіепископіи. Первое явствуетъ изъ вышеупомянутой „епистоліи" Адріана II къ этимъ тремъ князьямъ (ib), второе же изъ одновременнаго возведенія Меѳодія въ санъ паннонскаго архіепископа. Въ „епистоліи" папа не только разрѣшаетъ Меѳодію введенное Кирилломъ славянское богослуженіе, но и грозитъ отлученіемъ отъ церкви противникамъ его: **Мꙑ же..... оумꙑслихомъ..... посълати Мєѳодиꙗ.... на странꙑ вашѧ. ... да вꙑ оучить, ꙗкоже ѥсте просили, съказаѩ кънигꙑ въ ꙗзꙑкъ вашь, по вьсемоу црькъвьноуоумоу чиноу испльнь, и съ свѧтоѭ мьшеѭ, рекъше съ слоужьбоѭ и крьщениѥмь, ꙗкоже ѥсть Философъ началъ Константинъ** (ib.) **Аще же къто отъ събьранꙑихъ вамъ оучитель начьнеть дрьзнѫвъ инако развращати вꙑ, гадѧ кънигꙑ ꙗзꙑка вашего, да бѫдеть отълѫченъ, нъ тъкъмо въ сѫдъ данꙑи црькъве, доидє сѧ исправить** (ib.).

Установленіе Адріаномъ для Великой Моравіи отдѣльной паннонской архіепископіи, съ возведеніемъ Меѳодія „**на столъ свѧтааго Андроника, апостола отъ .о.**" (ib.) есть также несомнѣнный фактъ, удостовѣренный какъ Паннонскимъ житіемъ

Меѳодія (гл. 8), такъ и разными документальными свидѣтельствами, напр. инструкціей Іоанна VIII легату Павлу въ 873 г. (Бильбас. К. и М. I, 126; ср. Starine XII, 213 сл.), его же посланіемъ къ королю Людовику Нѣмецкому того же года (Бильб. К. и М. I, 127 сл.) и наконецъ тремя письмами папы въ томъ же 873 г. къ баварскимъ іерархамъ: зальцбургскому, пассовскому и фрейзингенскому, гдѣ Меѳодій постоянно титулуется архіепископомъ и даже легатомъ: Methodium archiepiscopum, legatione apostolicae sedis ad gentes fungentem (Starine XII, 215, ср. 213, 214). Изъ послѣднихъ писемъ видно, что въ 873 г. Меѳодій уже не менѣе трехъ лѣтъ томился въ швабской тюрьмѣ, состоя паннонскимъ архіепископомъ (per tres vim pertulit annos ib. 213; a sede tribus annis pellentes ib. 214). Слѣдовательно онъ возведенъ былъ въ этотъ санъ не позже 870 г., ибо прошло конечно нѣкоторое время между появленіемъ Меѳодія въ Панноніи (вѣроятно еще въ 869 или началѣ 870 г.) и трехлѣтнимъ заключеніемъ его въ Швабіи (съ 870 или 871 до 873 г.). По всей вѣроятности, учрежденіе паннонской архіепископіи послѣдовало еще въ 869 г., въ бытность тамъ Меѳодія, но по смерти Кирилла, ибо свидѣтельство Панн. житія Меѳодія (гл. 8) о вторичной поѣздкѣ его въ Римъ, въ короткій промежутокъ времени между возвращеніемъ въ Паннонію и заключеніемъ въ Швабіи, представляется очень неправдоподобнымъ. Происхожденіе этого недоразумѣнія вполнѣ удовлетворительно разъяснено Вороновымъ (Кир. и Меѳ. 55).

Итакъ, хотя поѣздка въ Римъ соединена была съ величайшими трудностями для Солунцевъ и даже стоила жизни одному изъ нихъ, тѣмъ не менѣе она была необходимымъ звеномъ и благотворнымъ моментомъ ихъ апостольской дѣятельности. Они не только не отреклись при этомъ отъ своего греко-славянскаго знамени, но наоборотъ, добились еще признанія его законности въ самомъ средоточіи латино-нѣмецкой образованности. Этимъ создана была легальная и съ внѣшней стороны почва, на которой могъ развергнуть потомъ свою энергичную іерархическую дѣятельность Меѳодій, какъ архіепископъ паннонскій и моравскій.

IX.

Паннонско-моравская архіепископія.

Пятнадцати-лѣтнее архіепископское служеніе Меѳодія въ Панноніи и Моравіи является заключительнымъ моментомъ апостольской дѣятельности Солунцевъ, вѣнчаніемъ духовнаго зданія, воздвигнутаго по почину Фотія, по планамъ Кирилла Философа, при участіи Меѳодія и другихъ подолимпскихъ „споспѣшниковъ“, примѣнительно къ общему стилю восточно-христіанскихъ церковныхъ сооруженій. Выводя крыши и куполы велико-моравскаго зданія, Меѳодій ни на волосъ не отступилъ отъ этихъ плановъ и стиля, даромъ что папа Іоаннъ VIII называлъ его своимъ легатомъ, посломъ: Methodium, legatione apostolicae sedis ad gentes fungentem; istius fratris et coëpiscopi, quin potius et missi nostri (Starine XII, 215). Папскія инструкціи ни мало не измѣнили взглядовъ греко-славянскаго Миссіонера и его исторической роли въ Великой Моравіи. Наоборотъ, какъ скоро эти инструкціи приходили въ коллизію съ убѣжденіями Архіепископа и завѣтами его почившаго брата, Меѳодій ставилъ послѣдніе несравненно выше первыхъ и шелъ своимъ путемъ, вопреки предписаніямъ папъ. Въ 873 напр. году Іоаннъ VIII, помогшій Меѳодію освободиться изъ трехлѣтняго заключенія въ Швабіи, потребовалъ отъ него, какъ бы въ награду за оказанную услугу и для успокоенія нѣмецкихъ треязычниковъ, не служить впредь литургіи на славянскомъ языкѣ, а лишь на латинскомъ или греческомъ языкахъ: litteris nostris, per Paulum episcopum anconitanum tibi directis prohibuimus, ne in ea lingua sacra missarum solempnia celebrares, sed vel in latina vel graeca lingua (Бильбас. Кир. и М. I, 131; ср. Starine, XII, 213 слл.). Что же Меѳодій?— Онъ не обратилъ на это требованіе папы ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ по прежнему отправлять въ своей архіепископіи богослуженіе на славянскомъ языкѣ, какъ то засвидѣтельствовано въ 879 г. тѣмъ же папою Іоанномъ VIII: audimus etiam, quod missam cantes in barbara, hoc est in sclavina

lingua (Бильбас. I, 131). Столь же мало поколебало взглядъ Меѳодія на треязычную ересь и вторичное запрещеніе славянскаго богуслуженія Іоанномъ VIII въ 879 г. (ib.). Но такъ какъ политическія обстоятельства къ тому времени нѣсколько ухудшилось, особенно когда Святополкъ сблизился съ Арнульфомъ и подчинился вліянію его агента Вихинга, то Меѳодій счелъ необходимымъ вторично съѣздить въ Римъ для личнаго разъясненія папѣ незаконности и опасности его требованій относительно возстановленія латинской мессы вмѣсто славянской литургіи. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣлъ бы отказъ Іоанна VIII на представленія Меѳодія. Очень возможно, что Мораване послѣдовали бы тогда примѣру Болгаръ и разорвали связи съ римскимъ патріархатомъ. Эта печальная перспектива въ Моравіи и горестный урокъ въ Болгаріи и побудили, вѣроятно, Іоанна VIII отмѣнить прежнее двукратное запрещеніе славянской литургіи и узаконить утвержденный Солунцами фактъ ея существованія въ обширной церковной области. Но рѣшеніе папы, выраженное въ его письмахъ къ Святополку велико-моравскому 880 г. и архіепископу Меѳодію въ 881 г. (Бильбас. К. и М. I' 131—136), обусловлено было главнымъ образомъ не этими опасеніями, а твердостію паннонскаго Архіепископа, который и слышать не хотѣлъ объ уничтоженіи славянскаго богослуженія. Лишь по смерти этого непреклоннаго и независимаго человѣка могли папы окончательно пристать къ треязычникамъ, какъ это сдѣлалъ Стефанъ V немедленно по полученіи свѣдѣній о кончинѣ Меѳодія, въ концѣ 885 или началѣ 886 г.: divina autem officia et sacra mysteria ac missarum solemnia, quae idem Methodius Sclavorum lingua celebrare praesumpsit, nullo modo deinceps a quolibet praesumatur (ib. 142; ср. Starine XII, 220, гдѣ впрочемъ невѣрно обозначенъ годъ инструкціи Стефана V).

Вторымъ пунктомъ разногласій архіеп. Меѳодія съ ученіемъ латинской церкви былъ его взглядъ на догматъ объ исхожденіи св. Духа. Хотя, какъ мы выше видѣли, ученіе это, выросшее на почвѣ испано-франко-нѣмецкой, не вошло еще тогда въ оффиціальную догматику куріи, однако поворотъ ея къ этому ученію уже замѣчался. Самъ Іоаннъ VIII, папа-политикъ, прида-

вавшій вообще мало значенія догматическимъ тонкостямъ и готовый поступиться не только вставкой filioque, но и приматомъ во вселенской церкви за возвращеніе Риму Болгаріи,—не могъ игнорировать жалобъ нѣмецкихъ епископовъ и клириковъ на неправовѣріе Меѳодія и въ посланіи къ нему отъ 15 іюня 879 г. выразилъ удивленіе, что, по слухамъ, онъ отступаетъ отъ ученія римской церкви: audivimus, quod non ea, quae sancta romana ecclesia didicit et quotidie praedicat, tu docendo doceas, et ipsum populum in errore mittas (Бильбас. К. и М. I, 131). Что подъ этими неопредѣленными фразами скрывается обвиненіе въ восточномъ ученіи о св. Духѣ, видно отчасти изъ посланія Іоанна VIII къ Святополку въ іюнѣ 880 г., гдѣ разсказывается о произведенномъ въ Римѣ разслѣдованіи вышеизложеннаго обвиненія, при чемъ оказалось де, что Меѳодій придерживается *символа вѣры*, согласнаго съ ученіемъ римской церкви, вселенскихъ соборовъ и отцовъ церкви (ib. 132). Еще яснѣе формулированъ предметъ догматическихъ разногласій Меѳодія съ западною церковью въ разсказѣ Панн. житія объ этихъ именно жалобахъ и папскомъ приговорѣ. Враги Меѳодія тутъ прямо названы іопаторцами: **иже болѧть иопаторьскоѭ ѥресиѭ** (гл. 12). Что въ спорѣ этомъ папы принимали въ сущности сторону Нѣмцевъ, а не Меѳодія, это видно какъ изъ возведенія по его смерти въ архіепископы паннono-моравскіе Вихинга, главы іопаторцевъ, такъ и изъ пресловутаго посланія Стефана V къ Святополку зимою 885—886 г., въ которомъ прямо доказывается, что св. Духъ исходитъ и отъ Сына: pater enim a nullo, filius a patre, spiritus sanctus ab utroque (procedit. Ср. Бильбас. К. и М. I, 139).

Изъ того же посланія, составляющаго родъ обвинительнаго акта противъ Меѳодія и апологіи Вихинга, мы узнаемъ, что первый не держался и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ латино-нѣмецкаго вѣроученія того времени, напр. зараждавшагося уже тогда догмата о главенствѣ папъ (Бильбас. К. и М. I, 138), постановленій о постахъ (ib. 140 сл.) и т. п.

Вообще, въ вѣроученіи латино-нѣмецкомъ съ одной стороны, а Меѳодіевскомъ съ другой, очевидно, существовали важныя различія, если Стефанъ V могъ назвать своего архіепископа

и легата распространителемъ суевѣрій и разрушителемъ мира: superstitioni non aedificationi, contentionti non paci insistentem (ib. 142). Въ противномъ случаѣ, рѣшился ли бы папа совѣтовать Святополку разогнать противниковъ Вихинга, какъ сѣятелей тернія, какъ больныхъ овецъ, заражающихъ стадо: zizaniorum seminatores ab ecclesiae gremio abjici sancimus, et ne una ovis morbida totum gregem contaminet nostro vigore refrenari et a vestris finibus procul excludi praecipimus (ib. 143)? Затаенная вражда въ Римѣ къ Меѳодію была, очевидно, очень сильна, если самъ папа рѣшился разглашать о немъ по смерти такія небылицы, —болѣе того, такую сознательную и злостную клевету, какъ клятвенное якобы обязательство Меѳодія, данное въ Римѣ, надъ гробомъ ап. Петра, не служить болѣе литургій на славянскомъ языкѣ: quod ne ulterius faceret supra sacratissimum beati Petri corpus juramento firmaverat (Стефанъ V въ посланіи 885—886 г. у Бильбас. К. и М. I, 142). Что фактъ этотъ выдуманъ папою Стефаномъ V, это видно изъ противорѣчія его положительному свидѣтельству современника второй поѣздки Меѳодія въ Римъ, Іоанна VIII (ib. 134); о сознательности же и тенденціозности этой выдумки можно заключать изъ того, что Стефанъ V въ 885—886 г. не могъ не знать цѣлей, характера и результатовъ означенной поѣздки, тѣмъ болѣе, что слѣдъ ея остался и въ корреспонденціи Іоанна VIII, уцѣлѣвшей до нашихъ дней.

Но самымъ очевиднымъ доказательствомъ внутренней солидарности папъ съ нѣмецкими противниками Меѳодія служитъ низложеніе Стефаномъ V избраннаго умиравшимъ архіепископомъ преемника, Горазда, и поставленіе на его мѣсто злѣйшаго врага Меѳодіева, нитранскаго епископа Вихинга. Я не знаю, насколько слѣдуетъ придавать вѣры свидѣтельствамъ Стефана V въ означенномъ тенденціозномъ посланіи 885—886 г. (Бильб. К. и М. I, 142), а равно Болгарской (ib 349) и Моравской (ib. 325) легендъ о наложеніи Меѳодіемъ анаѳемы на означеннаго Вихинга, о чемъ не сохранилось ни малѣйшаго упоминанія въ Паннонскомъ житіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Вихингъ вполнѣ заслужилъ анаѳему своими интригами и даже подлогами, констатированными самимъ папою Іоанномъ VIII въ посланіи 23 мар-

та 881 г. (Бильбас. К. и М. I, 135); но очень сомнительно, чтобы Меѳодій прибѣгъ къ этому крайнему средству церковнаго обличенія. Допустимъ однако, что заслуженная анаѳема Вихингу была объявлена: давало ли это право Стефану V переносить ее на голову новопреставившагося паннонскаго Архіепископа, котораго Іоаннъ VIII называлъ даже папскимъ легатомъ? А между тѣмъ папа Стефанъ V не затруднился это сдѣлать: Anathema vero pro contemnenda catholica fide qui indixit in caput redundabit ejus (Бильбас. К. и М. I, 142)!! Можно ли послѣ того говорить о солидарности взглядовъ и задачъ архіепископа Меѳодія съ одной стороны, а римской куріи того времени съ другой?

Нѣтъ, Меѳодій въ качествѣ папскаго легата оставался все тѣмъ же греко-славянскимъ миссіонеромъ, поборникомъ культурныхъ идей христіанскаго Востока, а не латино-нѣмецкаго Запада. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ и разсказъ Паннонскаго житія о поѣздкѣ архіепископа Меѳодія въ Цареградъ въ послѣдніе годы его жизни, по вызову греческаго царя и, конечно, его патріарха Фотія: **Богъ милостивыи въложи въ срьдьце цьсарю** (Василію I) **и посъла кънигы къ нѥмоу** (Меѳодію): **ꙗко, отьче чьстьныи, вельми тебе желаѭ видѣти, то добро сътвори, потроудисѧ до насъ, да тѧ видимъ, доньдеже ѥси на семь свѣтѣ и молитвѫ твоѭ приимемъ. Абиѥ же шьдъшоу ѥмоу тамо, приꙗтъ и съ чьстиѭ цьсарь великоѭ и радостиѭ и, оучениѥ ѥго похваль, оудрьжа отъ оученикъ ѥго попа и диꙗкона съ кънигами. Вьсѭ же волѭ ѥго сътвори, ѥлико хотѣ, и не ослоушавъ ни о чьсомь же, облюбль и одарь вельми, проводи и пакы славьно до своѥго стола. Тако же и патриархъ** (П. жит. Меѳ. гл. 13). Если вспомнимъ, что поѣздка эта могла совершиться лишь послѣ 880 г., т. е. во время новаго разрыва Фотія съ папами изъ-за Болгаріи и, по всей вѣроятности, при папѣ Маринѣ (882—884 гг.), злѣйшемъ врагѣ цареградскаго патріарха (Gregorovius, Gesch. d. St. Rom. III, 216), то она представится намъ очень краснорѣчивымъ объясненіемъ изложенныхъ отзывовъ о Мефодіѣ Стефана V и отлучительнаго приговора, произнесеннаго, хотя и условно лишь, надъ покойнымъ Архіепископомъ. Будь Меѳодій тогда

уже папистомъ, не могъ бы въ Цареградѣ царь съ патріархомъ „похвалити юго оученик и оудрьжати отъ оученикъ юго попа и диакона съ кънигами (ib.). Если же папская анаѳема не была произнесена надъ Меѳодіемъ еще при жизни его, напр. Мариномъ, то это объясняется политическими условіями тогдашней Италіи, Германіи и Великой Моравіи.

Маринъ вступилъ на папскій престолъ при самыхъ тревожныхъ обстоятельствахъ. Его предшественникъ Іоаннъ VIII погибъ (15 дек. 882 г.) насильственною смертію, отравленный сначала какимъ то родственникомъ, а потомъ еще добитый обухомъ по головѣ (Gregorovius. Gesch. d. St. Rom. III, 214). Маринъ добился тіары какими то темными путями (malis artibus ib. 216). Римъ и Италія обуреваемы были раздорами французской и нѣмецкой партій, интригами и войнами разныхъ герцоговъ, напр. Гвидона сполетскаго и Беренгара фріульскаго; на югѣ полуострова хозяйничали Сарацыны, разграбившіе въ 883—884 гг. даже знаменитый Монте-Кассинскій бенедиктинскій монастырь, этотъ Печерскъ Италіи и средоточіе латинскаго миссіонерства. А между тѣмъ нѣмецкій протекторъ Марина, Арнульфъ, былъ вовлеченъ въ 882 г. въ тяжелую войну со Святополкомъ велико-моравскимъ, который утвердилъ свою власть и въ Нижней Панноніи, послѣ десятилѣтняго (874—884) властвованія въ ней Нѣмцевъ. До Меѳодія ли было тогда Марину? Въ столь же стѣсненномъ положеніи былъ и преемникъ его Адріанъ III, пропапствовавшій всего годъ съ небольшимъ и умершій (8 іюня 885) на пути изъ Рима въ Вормсъ (Gregorovius, Gesch. d. St. Rom. III, 218).

Въ нѣсколько лучшемъ положеніи былъ Стефанъ V (885—891). Имперія при Карлѣ Толстомъ (884—887) была одной тѣнью прежняго величія и не могла производить сильнаго давленія на рѣшенія папы. Въ Баваріи и Восточной Маркѣ сидѣлъ Арнульфъ, помирившійся уже со Святополкомъ (885 г.) и нуждавшійся въ содѣйствіи папы для задуманнаго низложенія Карла Толстаго и занятія имперіи Каролинговъ. Въ Италіи въ аналогичномъ положеніи находился Гвидонъ сполетскій, все еще ратоборствовавшій противъ Беренгара фріульскаго и помогшій папѣ

въ обузданіи Сарацынъ. Словомъ, политическій горизонтъ папъ нѣсколько прояснился. Даже послѣдовавшая въ 885 г. окончательная утрата всѣхъ видовъ Рима на Болгарію развязала руки папы по отношенію къ Великой Моравіи. Возобновивъ отлучительный приговоръ надъ Фотіемъ, Стефанъ V не считалъ болѣе нужнымъ церемониться и съ Меѳодіемъ, благо онъ лежалъ уже въ гробѣ. Вотъ при какихъ условіяхъ возникло знаменитое посланіе его къ Святополку 885—886 гг., которое представляется самымъ откровеннымъ и искреннимъ выраженіемъ взглядовъ куріи на архіепископское служеніе Меѳодія. Маска, прикрывавшая дипломатическія лица Николая I, Адріана II, Іоанна VIII, здѣсь отложена въ сторону и долго сдерживаемое негодованіе куріи на подвигъ двухъ греко-славянскихъ Миссіонеровъ излилось въ потокѣ обвиненій, обличеній и даже условныхъ проклятій. Документъ этотъ бросаетъ столь яркій свѣтъ на всю дѣятельность Солунцевъ въ Великой Моравіи и отношенія къ ней Рима, онъ служитъ столь неопровержимымъ доказательствомъ антиримскаго образа мыслей и дѣйствій греко-славянскихъ Миссіонеровъ, что доказывать противное возможно лишь по устраненіи этого роковаго для ультрамонтанъ документа. Вотъ почему ультрамонтанствующіе историки употребляли всевозможныя усилія для доказательства его подложности. Даже нашъ критическій Вороновъ (Кир. и Меѳ. 292 слл.) соблазнился ихъ примѣромъ, въ чемъ скоро раскаялся. Въ настоящее время этотъ вопросъ окончательно рѣшенъ новооткрытыми въ Лонд. музеѣ регестами папскихъ писемъ (Starine XII, 206 слл.), между которыми находится и Commonitorium (Стефана V) Dominico episcopo, Joanni et Stephano presbiteris, euntibus ad Sclavos, т.е. инструкція легатамъ къ Святополку, вполнѣ тожественная съ содержаніемъ посланія къ нему 885—886 г. (Starine XII, 220 сл.). Это открытіе окончательно рѣшаетъ споръ объ отношеніяхъ Солунцевъ къ Риму и обратно, вполнѣ подтверждая проницательный взглядъ на нихъ П. А. Лавровскаго (Кир. и Меѳ. 459 слл.).

Но, скажутъ намъ, почему же выручилъ въ 873 г. Іоаннъ VIII Меѳодія изъ *швабскаго заключенія*? Для правильнаго от-

вѣта на этотъ вопросъ необходимо вникнуть въ обстоятельства этого заключенія и освобожденія его изъ тюрьмы при участіи папы.

Паннонская архіепископія, которой древнимъ средоточіемъ былъ городъ Срѣмъ (Sirmium) на нижней Савѣ и которая возводила свои преданія къ начальнымъ временамъ христіанства, именно къ другу ап. Павла Андронику, была разорена и разрушена въ періодъ великаго переселенія народовъ. Ея каѳедра перенесена была въ VI в. изъ Срѣма въ Первую Юстиніану (въ Македоніи). По покореніи же паннонскихъ Аваровъ Карломъ Великимъ въ 791—796 гг., область эта вошла въ составъ архіепископіи зальцбургской. Нижней Панноніей архіепископы зальцбургскіе управляли непосредственно, Верхнюю же предоставили вѣдѣнію зависимыхъ отъ Зальцбурга епископовъ пассовскихъ. Послѣдніе распространили по немногу свою власть и на собственную лѣво-бережную Моравію.

Какъ ни туго подвигалась христіанизація Моравaнъ и Паннонцевъ изъ Пассова и Зальцбурга, все же баварскіе миссіонеры, при содѣйствіи нѣмецкихъ императоровъ, королей, герцоговъ, графовъ, успѣли въ 60—70 л. покрыть Великую Моравію сѣтью своихъ церквей и приходовъ и пріучить какъ Нѣмцевъ, такъ и Славянъ къ мысли о принадлежности долины средне-дунайской къ зальцбургской церковной провинціи. Такой взглядъ утвердился, конечно, и въ Римѣ и до 869—870 г. мы не встрѣчаемъ протестовъ папъ противъ іерархическаго подчиненія обѣихъ Панноній и Моравіи Зальцбургу и Пассову. Подобные протесты были бы впрочемъ и безсильны измѣнить рѣшенія Карла Великаго при немъ или непосредственныхъ его преемникахъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что папы довольны были установившимися помимо ихъ участія отношеніями и считали свои интересы въ этомъ случаѣ солидарными съ зальцбургскими. Наоборотъ, папы всегда ревнивы были къ непомѣрному расширенію архіепископскихъ провинцій и предпочитали возможное дробленіе ихъ по старо-римскому принципу: divide et impera!

Зальцбургская архіепископія была уже въ 9-мъ в. одною изъ обширнѣйшихъ церковныхъ провинцій Германіи. Присое-

диненіе къ ней еще двухъ Панноній и Моравіи не только нарушало равновѣсіе силъ между іерархами средней Европы, но представлялось опаснымъ и для Рима, тѣмъ болѣе, что въ архіепископіи этой еще хранились остатки старой иро-шотландской организаціи и поддерживались преданія независимыхъ отъ Рима миссіонеровъ: Фридолина, Руперта, Виталиса, Корбиніана, Пирмина, Виргилія и др. (ср. Werner, Bonifacius, der Apostol der Deutschen, 158 сл., 161, 176, 421). Дѣятельность св. Бонифація не прошла, конечно, безслѣдно и для Баваріи; но она не имѣла здѣсь столь рѣшительнаго успѣха, какъ въ Франконіи или Тюрингіи, и не находила столь общаго признанія не только въ 8-мъ, но и въ 9-мъ в. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательно полное молчаніе о Бонифаціѣ анонимнаго автора полуоффиціальной зальцбургской записки De conversione Carantanorum, который между тѣмъ съ великимъ сочувствіемъ разсказываетъ о миссіонерской дѣятельности знаменитаго антагониста Бонифаціева архіеп. Виргилія (ср. Бильбас. К. и М. I, 114 сл.). При такомъ сепаратистическомъ направленіи баварской церкви 9-го в. могли ли тогдашніе папы сочувствовать удвоенію и даже утроенію провинціи зальцбургской черезъ подчиненіе ей всего велико-моравскаго государства? Нѣтъ, папскіе интересы не совпадали здѣсь со стремленіями баварскихъ іерарховъ, а скорѣе шли въ разрѣзъ съ ними. Этимъ главнѣйше и объясняется столкновеніе Адріана II и Іоанна VIII съ архіеп. зальцбургскимъ Адальвиномъ и его суфраганами: еп. пассовскимъ Германрихомъ и фрейзингенскимъ Ганнономъ (Starine XII, 213, 214, 215).

Столкновеніе это по мотивамъ и значенію совершенно однородно съ походомъ папы Николая I противъ архіепископовъ равеннскаго, кельнскаго и трирскаго въ 60-хъ годахъ того же 9-го в. (Gregorovius, Gesch. d. St. Rom. III, 130, 143). Если и Николай I и Іоаннъ VIII вели эту борьбу съ энергіей и настойчивостію, то это объясняется не спеціальными поводами столкновеній, не личными напр. качествами Іоанна архіеп. равеннскаго, Гунтера кельнскаго, Теутгауда трирскаго или Меѳодія паннонскаго, не соболѣзнованіемъ къ судьбѣ злополучной Вальдрады, не заботами о націонализаціи велико-моравской церкви,

—а мотивами церковно-политическими. Задавшись мыслію о главенствѣ во вселенской церкви, могли ли Николай I, Адріанъ II, Іоаннъ VIII хладнокровно смотрѣть на автокефальныя стремленія зальцбургскаго архіепископа и заключеніе въ темницу поставленнаго Римомъ для Панноніи архіепископа, съ титуломъ даже папскаго легата?

Мы должны слѣд. удивляться не тому, что папа обнаружилъ въ 873 г. такую энергію въ оборонѣ Меѳодія, а скорѣе тому, что этого не случилось раньше. Въ инструкціи Іоанна VIII легату Павлу, посланному въ 873 г. въ Германію по дѣлу Меѳодія, упоминаются, правда, „многія прежнія посольства и письма“ о томъ же (apostolicam sedem per ipsum triennium plurimis missis et epistolis proclamantem. Starine XII, 214), но, очевидно, мѣры эти были недостаточно рѣшительны, если они три года оставались безъ успѣха. Или папскій голосъ былъ столь безсиленъ тогда въ Баваріи? Возможно и это, но едва ли не вѣрнѣе предполагать въ самихъ папахъ колебанія по дѣлу Меѳодія, хорошо извѣстныя въ Баваріи, а потому и парализовавшія въ глазахъ Адальвина, Германриха, Ганнона значеніе и силу папскихъ протестовъ по этому дѣлу. Въ противномъ случаѣ, почему раньше не пустили папы въ ходъ церковнаго интердикта, къ которому прибѣгъ лишь въ 873 г., послѣ трехлѣтняго узничества Меѳодія, Іоаннъ VIII? Или онъ не зналъ о страданіяхъ узника? На это какъ будто указываетъ одно мѣсто въ его посланіи Ганнону фрейзингенскому: когда тебя спрашивали де въ Римѣ про Меѳодія, то ты прикидывался не знающимъ его (Romae, cum super eo interrogareris a nostris, te illum nosse mentiendo negasti. Starine XII, 216). Но если въ Баварію ѣздили въ 870—873 гг. нѣсколько посольствъ изъ Рима по дѣлу Меѳодія, то какъ посмѣлъ бы отрицать свое въ немъ участіе означенный фрейзингенскій епископъ, бывшій чуть ли не главнымъ дѣятелемъ этого насильственнаго акта (cunctarum afflictionum sibi a vestratibus illatarum ipse inceptor, ipse instigator, immo ipse fueris auctor. Starine XII, 216)? Это возможно было лишь въ томъ случаѣ, если папскіе посланцы закрывали въ Баваріи глаза и уши при разслѣдованіи возложеннаго на нихъ дѣла, или если въ Римѣ долго

сквозь пальцы смотрѣли на насилія надъ Меѳодіемъ нѣмецкихъ іерарховъ. На послѣднее какъ будто указываетъ и то обстоятельство, что Ганнонъ фрейзингенскій, ѣздившій между 870 и 873 гг. въ Римъ, вѣроятно по дѣлу Меѳодія, быть можетъ для передачи составленной тогда записки De conversione Carantanorum, не только не былъ осужденъ папою, но еще получилъ отъ него какой то почетный чинъ, въ родѣ легата въ Германіи: Insuper et cum proprium sancti Petri hominem esse te diceres, ut patrimonii in Germania siti curam gereres (Starine XII, 215).

Почему же однако въ 873 г. заговорилъ папа энергичнѣе съ баварскими епископами и пригрозилъ имъ интердиктомъ за Меѳодія? Очевидно, къ тому времени произошли либо въ Римѣ, либо въ Германіи такія измѣненія, которыя обусловили этотъ поворотъ папской политики. Однимъ изъ условій этого поворота могла быть перемѣна на папскомъ престолѣ: дряхлый, но тугой „николаитъ“ Адріанъ II умеръ въ ноябрѣ 872 г., и его мѣсто занялъ даровитый, дѣятельный и дальновидный Іоаннъ VIII. Очень возможно, что взглядъ куріи на относительную опасность греко-славянскихъ идей Меѳодія съ одной стороны, а самовольныхъ дѣйствій баварскихъ іерарховъ съ другой, измѣнился при немъ на столько, что нерѣшительная политика въ паннонскомъ вопросѣ Адріана II была оставлена и подавленіе баварской оппозиціи стало на дневную очередь. Къ тому же и политическая обстановка въ Германіи и Великой Моравіи къ 873 г. существенно измѣнилась. Заключеніе Меѳодія въ 870—871 г. совпадаетъ почти по времени съ низверженіемъ и ослѣпленіемъ князя Ростислава, благодаря измѣнѣ его племенника Святополка, выдавшаго дядю Нѣмцамъ въ 870 г. Когда вскорѣ затѣмъ и Святополкъ былъ арестованъ въ Баваріи, то кто могъ поддержать новопоставленнаго паннонскаго Архіепископа? Коцелъ блатенскій? Но и его собственное положеніе было въ высшей степени шатко по занятіи Моравіи и Верхней Панноніи Нѣмцами.

Вотъ историческая обстановка, при которой Меѳодій былъ вызванъ на судъ баварскихъ епископовъ, подъ предсѣдательствомъ короля Людовика Нѣмецкаго, вѣроятно зимою 870—871 г. въ г. Пассовѣ (Starine XII, 215), и послѣ всевозможныхъ оскорбле-

ній и истязаній (colaphis affligentes ib. 214; sub divo diutius acerrima hiemis et nimborum immanitate castigans..... et adeo in insaniam veniens (епископъ пассовскій), ut in episcoporum consilium tractum (Methodium) equino flagello percuteres, nisi prohiberetur ab aliis. ib. 215) брошенъ въ тюрьму, кажется во фрейзингенской епархіи (ib. 216). Въ тюрьмѣ этой онъ могъ, пожалуй, встрѣтиться и съ ослѣпленнымъ Нѣмцами Ростиславомъ, который кончилъ свой тревожный вѣкъ въ заключеніи, гдѣ то въ глуши Баваріи.

Но вотъ, въ 871, невѣрный, но высоко-даровитый Святополкъ вырывается изъ нѣмецкихъ рукъ и наноситъ имъ въ 872—873 гг. цѣлый рядъ тяжелыхъ ударовъ. Велико-Моравія воскресаетъ въ прежней силѣ и весною 874 г. Нѣмцы принуждены подписать крайне для нихъ невыгодный и обидный миръ форхгеймскій. Могли ли баварскіе епископы удерживать долѣе въ своей тюрьмѣ архіепископа Меѳодія, даже помимо папскаго интердикта? Освобожденіе его рѣшено было побѣдами Велико-моравань, а не интердиктомъ Іоанна VIII; послѣдній могъ развѣ ускорить 2—3 мѣсяцами возвращеніе славнаго узника въ его епархію. Это подтверждается и разсказомъ Панн. житія Меѳодія объ изгнаніи Моравaнами (около 873 г.) „нѣмецкихъ поповъ" и о ходатайствѣ передъ папою о возвращеніи имъ архіепископа: **Моравлѩне.... къ апостоликоу посълаша: ꙗко и прьвѣѥ отьци наши отъ свѧтааго Петра крьщениѥ приꙗли сѫть, то даждь намъ Меѳодиꙗ архиѥпископа и оучителꙗ. Абиѥ же посъла и апостоликъ** (гл. 10).

Мы видѣли впрочемъ, что и это нѣсколько запоздалое и невольное вмѣшательство папы не было безкорыстно: легатъ Павелъ долженъ былъ взять съ освобождаемаго Меѳодія обязательство не отправлять болѣе богослуженія на славянскомъ языкѣ (Бильбас. К. и М. I, 131). Къ счастію, Меѳодій не былъ человѣкомъ компромиссовъ и не способенъ былъ покупать личную свободу цѣною народнаго рабства. Наоборотъ, онъ шелъ на встрѣчу личнымъ страданіямъ за правду: **истинѫ глаголѭ прѣдъ цьсари и не стыждѫса**, говорилъ онъ своимъ баварскимъ тиранамъ, **а вы творите волѭ вашѫ на мьнѣ; нѣсмь бо лоучии тѣхъ**,

иже сѫть правьдѫ глаголѭште мъногами мѫжами житиꙗ сего иꙁ-были (П. ж. Меѳ. гл. 9).

Такимъ образомъ, разсмотрѣнный эпизодъ изъ подвижнической жизни Меѳодія не только не опровергаетъ вышеизложеннаго взгляда на отношенія его къ Востоку и Западу, къ Византіи и Риму, къ Славянству и Германіи, но еще служитъ краснорѣчивымъ его подтвержденіемъ. Лютая ненависть къ греко-славянскому Учителю баварскихъ епископовъ служитъ болѣе вѣрнымъ показателемъ истинныхъ чувствъ къ нему всего латино-нѣмецкаго Запада, чѣмъ дипломатическая фразеологія Іоанна VIII. Будь Меѳодій адептомъ и агентомъ папства, не стали бы такъ враждовать къ нему Адальвины, Германрики, Ганноны, а впослѣдствіи Вихингъ съ толпой единомышленниковъ въ Вел. Моравіи и Германіи. Между папскимъ Римомъ и средневѣковой Германіей, особенно церковной, не было вѣдь такого антагонизма, при которомъ служеніе первому влекло бы за собой непремѣнно нарушеніе правъ послѣдней. Наоборотъ, папство и германизмъ были обыкновенно союзниками, особенно въ отношеніяхъ къ греко-славянскому Востоку. О южной, баварско-австрійской Германіи это можно сказать и въ настоящее время. Возможно ли при такихъ условіяхъ полагать рѣзкую грань между отношеніями къ архіеп. Меѳодію Рима съ одной стороны, а Нѣмцевъ съ другой?

Нѣтъ, кажущійся союзъ папъ съ греко-славянскимъ Миссіонеромъ, при разборѣ его тяжьбы съ баварскими епископами въ 870—873 гг., а потомъ съ Вихингомъ въ 880 и слѣд., былъ на дѣлѣ лишь случайнымъ перемиріемъ папъ въ тайной и явной борьбѣ ихъ съ Солунцами. Борьба эта составляетъ одинъ изъ эпизодовъ тысячелѣтняго антагонизма Рима съ Греціей, папства съ соборною церковью, культуры латино-нѣмецкой съ греко-славянскою. Кириллъ и Меѳодій являются здѣсь столь же характерными представителями и опредѣляющими дѣятелями христіанскаго Востока, какъ напр. Бенедиктъ, Бонифацій, Вихингъ, Адальбертъ—Войтѣхъ, Францискъ д' Ассизи, Игнатій Лойола и др. служатъ типичными выразителями стремленій и духа латино-нѣмецкаго Запада.

Послѣднимъ и самымъ непреложнымъ доказательствомъ греко-славянскаго характера архіепископской дѣятельности Меѳодія служатъ ея жизненные слѣды, ея историческіе результаты. Дѣла краснорѣчивѣе словъ; учрежденія безспорнѣе преданій; судьбы странъ и народовъ документальнѣе буллъ, легендъ, сказаній. Не имѣй мы ни одного посланія Адріана II, Іоанна VIII, Стефана V; не уцѣлѣй до насъ легенды Паннонскія, Италіянская, Болгарская, Моравская, Чешская, Сербская; не сохранись лѣтописныхъ извѣстій о велико-моравской миссіи и архіепископіи: все же мы знали бы о появленіи въ 9-мъ в. на среднемъ Дунаѣ, въ долинѣ верхней Моравы и побережьяхъ Блатенскаго озера, греко-славянскихъ миссіонеровъ, организовавшихъ въ этихъ краяхъ и сопредѣльныхъ съ ними земляхъ русскихъ, польскихъ, чешскихъ, словинскихъ, сербо-хорватскихъ, болгарскихъ, особую совершенно отличную отъ латинской церковь, школу, письменность. Ибо въ противномъ случаѣ, кто и когда освободилъ велико-моравскую область отъ наплыва латино-нѣмецкихъ идей и учрежденій? Кто положилъ въ Панноніи и Моравіи основаніе греко-славянской церкви, существовавшей тамъ въ 10, 11, 12, 13-мъ *) вѣкахъ? Кто и когда просвѣтилъ въ духѣ этой церкви Боривоя и Людмилу чешскихъ и на двѣсти лѣтъ задержалъ наводненіе латино-нѣмецкими идеями котловины верхне-лабской? Кто посѣялъ первыя сѣмена народнаго образованія въ польскомъ, словацкомъ и русскомъ Подкарпатьѣ? Кто утвердилъ славянскую церковь въ Хорватскомъ Приморьѣ, а на время и въ нѣкоторыхъ частяхъ подъальпійской Словѣніи? Кто образовалъ въ краяхъ подсудетскихъ тѣхъ Климентовъ, Наумовъ, Ангеларіевъ, тѣхъ Гораздовъ, Саввъ, Лаврентіевъ, которымъ несомнѣнно обязаны своимъ славянскимъ просвѣщеніемъ Болгарія, Македонія, Албанія, а вѣроятно и земли сербскія?

*) Доказательства очень продолжительнаго существованія греко-славянской церкви въ Венгріи не только восточной, но и западной (древней Панноніи), представлены будутъ мною въ особой статьѣ.

Видя такое обиліе духовныхъ водъ, во всѣ стороны славянской земли разбѣгающихся изъ велико-моравскаго средоточія, мы въ правѣ предположить въ послѣднемъ существованіе какого нибудь подоблачнаго глетчера, служащаго источникомъ тѣхъ водъ. Однородность же ихъ по химическому составу, температурѣ, силѣ тока доказываетъ общность метеорологическихъ, геологическихъ и иныхъ условій возникновенія этихъ ключей, ручьевъ, рѣкъ. Лишь въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи онѣ на столько расходятся между собою, что становятся нерѣдко членами различныхъ водныхъ системъ и изливаются въ различныя культурныя моря: на западѣ въ латино-нѣмецкое, а на югѣ, сѣверѣ и востокѣ въ греко-славянское. Многіе же глубокіе и сильные нѣкогда славянскіе потоки и совсѣмъ увы! пересохли подъ жгучими лучами западныхъ свѣтилъ.

При благопріятныхъ условіяхъ могли бы однако и они вновь заиграть волною. Необходимо лишь возсоединиться имъ съ тѣмъ начальнымъ и центральнымъ историческимъ глетчеромъ Славянства, который, бѣлѣя на дальнемъ и давнемъ горизонтѣ между двухъ гигантскихъ конусовъ, кирилловскаго и меѳодіевскаго, не перестаетъ питаться атмосферическими осадками восточнаго неба и въ свою очередь питать чистыми струями сердцевыя артеріи нашего духовнаго организма.

А. Будиловичъ.

2 апр. 1885 года.

СЛОВѢНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ЕГО СУДЬБЫ

У НАРОДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ.*)

I.

Въ 885-омъ году, 6-го апрѣля, скончался архіепископъ Моравско-панонскій, Меѳодій, великій славянскій апостолъ, учитель и мученикъ. Да, мученикъ! Чего-же не вытерпѣлъ онъ отъ нѣмецко-латинскихъ епископовъ, которые его всячески преслѣдовали, били и, наконецъ, бросили въ темницу, все за то, что онъ прославлялъ Бога не на латинскомъ, а на славянскомъ языкѣ и отнималъ-де славянское стадо у тѣхъ нѣмецкихъ пастырей! Но, своей кончиной, Меѳодій не искупилъ своего подвига. Кончина славянскаго архіепископа ускорила только козни нѣмецко-латинскаго духовенства, козни, строенныя издавна ненавистному словѣнскому богослуженію; ученики Меѳодія прогнаны изъ Моравіи и Панонія, и словѣнскій языкъ въ церкви мало по малу уступалъ латинскому, пока наконецъ черезъ два столѣтія не умолкъ совсѣмъ въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ въ Чехіи, въ монастырѣ Сазавскомъ. Равнымъ образомъ, какъ нѣмецкіе епископы чернили и клеветали на Меѳодія и его учениковъ, такъ и въ послѣдствіи нѣмецкіе священники въ Чехіи—

*) „Словѣнскимъ" называемъ языкъ церковно-славянскій, по примѣру всѣхъ древнѣйшихъ писателей (ѩзыкъ словѣньскъ, словѣнскій, словенскій). Знаемъ, что „словѣнскій (словенскій, словянскій, словинскій)" и „славянскій (славенскій)" собственно одно и тоже; но въ виду установившагося названія „языки славянскіе" (русскій, сербскій, польскій, чешскій и др.) предпочитаемъ называть одинъ изъ нихъ, языкъ подунайскихъ Словѣнъ—„словѣнскимъ." Востоковъ называетъ его тоже „словенскимъ".

клеветали на Сазавскихъ монаховъ, что эти Словѣне имѣютъ какое-то письмо иное, что они служатъ словѣнскимъ глаголомъ, стоя предъ Божіимъ престоломъ, и что они, такимъ образомъ, распростаняютъ ересь. Совершенно такъ вели себя тоже итальянскіе епископы въ Хорватіи, проклиная словѣнское богослуженіе и провозгласивъ Меѳодія еретикомъ; но здѣсь, на славянскомъ югѣ, словѣнское богослуженіе сохранилось, рядомъ съ господствующимъ латинскимъ, дольше чѣмъ въ Чехіи, да отчасти до сихъ поръ. Только у православныхъ славянъ, у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, сохранился словѣнскій языкъ всецѣло и раздается въ ихъ церквахъ до сихъ поръ.

Словѣнскій языкъ какъ письменный, образовался раньше, чѣмъ всѣ остальные славянскіе языки. На этомъ языкѣ говорили подунайскіе Словѣне въ древней Паноніи и Дакіи, несомнѣнно автохтоны тѣхъ земель, но извѣстные подъ этимъ своимъ названіемъ только съ VI-го вѣка послѣ Р. Х. Уже во время римскаго владычества въ этихъ подунайскихъ странахъ встрѣчаются славянскія названія: Плесо, Быстрица, Борзава, Черна, Волка, Бревки (Breuci, нын. Брайцы), Преданенсы (поздн. Predenecenti) и др. Обширныя земли подунайскихъ Словѣнъ считались у всѣхъ Славянъ прародиной многихъ славянскихъ племенъ, какъ объ этомъ разсказываютъ древнія преданія русскія, польскія и чешскія. Подунайскіе Словѣне со временемъ исчезли почти совсѣмъ, уступивъ Мадьярамъ и Румынамъ, или ассимилируясь съ ними; но значительные слѣды Словѣнъ сохранились до сихъ поръ въ географическихъ названіяхъ въ странахъ нынѣ мадьярскихъ и румынскихъ, равнымъ образомъ и въ языкахъ мадьярскомъ и румынскомъ; до сихъ поръ названія Буда (Будинъ), Пештъ (Пешть), Балатонъ (Блатно), Быстрица, Залатна, (Златна), Думброва, Богданешти и др. указываютъ на прежнее словѣнское населеніе въ Угріи, Семиградіи и Румыніи. Также сохранилось много словѣнскихъ словъ въ языкахъ мадьярскомъ и румынскомъ: galamb (голѫбь), péntek (пѫтъкъ), rožda (ръжда), pešt (пешть), serenče (срѫча, срѫшта), lindină (лѫдина), lunkă (лѫка), baština (баштина), župăn, gospodar, и пр. Мадьяры и Румыны приняли тоже свое государственное устройство отъ Сло-

вѣнъ, и до сихъ поръ многія названія этого рода указываютъ на словѣнское ихъ происхожденіе, какъ напр. краль, войвода, жупанъ, банъ, стольникъ и др. У Румынъ словѣнскій языкъ употреблялся въ церкви и въ государствѣ до XVII-го вѣка, и въ Брашовѣ, Тирговиштѣ, Шебешѣ, Долгомъ Полѣ и др. печатались церковныя книги на словѣнскомъ языкѣ, и румынскіе князья въ Валахіи издавали грамоты болгарско-словѣнскія.

Вотъ единственные остатки и слѣды многочисленныхъ Словѣнъ, которые жили когда-то въ Паноніи и въ Дакіи, гдѣ еще недавно замерли послѣдніе звуки ихъ языка въ Семиградіи. Только въ древнемъ южномъ Норикѣ и въ южной Паноніи пережила одна отрасль Словѣнъ всѣ бурныя времена и сохранилась здѣсь (Словенцы) до сихъ поръ. Но потери на сѣверѣ вознаграждены на югѣ. Изъ подунайскихъ странъ переселялись Словѣне въ задунайскія страны, въ Мизію, Илирію, Македонію, Ѳракію, Ѳесалію до самой Греціи. Въ VI—X-омъ вѣкахъ Словѣне были народъ огромный, самый многочисленный между Славянами, занимая всѣ земли отъ Карпатовъ на югъ до Тайгета, между морями Адріатическимъ, Эгейскимъ и Чернымъ. Между Словѣнами въ Мизіи образовали государство иноплеменники, *Болгаре,* отъ которыхъ задунайскіе Словѣне приняли это названіе какъ свое національное. Словѣне въ задунайскихъ странахъ встрѣтились и смѣшались съ тамошними автохтонами ѳрако-илирскаго происхожденія, по большей части уже романизованными (Румыны, Влахи), по меньшей части еще илирско-эпиротскими (Шкипетары, Албанцы); прежніе Тимочане, нынѣшніе Шопы и Піянцы, припоминаютъ ѳрако- илирскихъ Тимаховъ, Сапаіевъ и Паіоновъ; нѣкоторыя особенности нынѣшняго болгарскаго языка, которыми тотъ языкъ отличается отъ остальныхъ славянскихъ, именно отъ сербскаго, едва-ли можно объяснить иначе, какъ вліяніемъ языковъ илирско-албанскаго и румынскаго.

Словѣне, народъ многочисленный, раздѣлялись на многія племена, (Ободричи, Преденеценты—Браничевцы, Сѣверяне, Моравяне, Драговичи, Бръзяки, Вагенеты, Езеричи и др.), которыя по всей вѣроятности отличались своими нарѣчіями; Езеричи

поселившіеся въ греческой Мореѣ, Бръзяки—въ албанско-влашской Македоніи, Сѣверяне и Драговичи—въ влашской Мизіи и Ѳракіи, стали говорить на другомъ словѣнскомъ нарѣчіи, чѣмъ на пр. оставшіеся въ Дакіи Ободричи или Преденеценты; да до сихъ поръ карпатскіе Словаки и альпійскіе Словенцы, первоначально тоже племена дунайскихъ Словѣнъ, отличаются другъ отъ друга, и говорятъ уже на двухъ „словенскихъ" языкахъ.*) Рядомъ съ Словѣнами въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова поселились на западѣ тоже „Словине", подъ именами Хорватовъ и Сербовъ, которые распространяясь изъ Паноніи и Дакіи (Карпы и Сарматы) на югъ въ приморскую Далмацію, граничили съ Словѣнами по Савѣ, Дринѣ, Ибру и Дриму; ихъ „словинскій" языкъ (хорватско-сербскій) отличался тоже существенно отъ „словѣнскаго". Посреди Словѣнъ въ Паноніи поселились, съ моравско-словенскими князьями Прибиной и Коцеломъ, многіе Словаки. Да славянскія слова въ мадьярскомъ языкѣ указываютъ доселѣ на различіе славянскихъ (словѣнскихъ, словенскихъ) нарѣчій существовавшихъ въ тѣ времена, въ IX—X вѣкахъ, въ подунайскихъ странахъ; такъ на пр. мадьярскія слова: серенче, памач, медье, указываютъ скорѣе на группу западныхъ нарѣчій, словенско-хорватско-сербскія: срѧча—срећа, помоч—помоћ, међа, чѣмъ на восточныя-словѣнскія: срѧшта, помошть, межда (хотя есть и мадьяр. mesgye рядомъ съ megye); мадьярскія слова кенез, витез, месарош, гатьа, указываютъ тоже на западную группу (кнез, витез, месо, гаћи), а не на восточную (кънѧзь, витѧзь, мѧсо, гашти).

Подунайскіе Словѣне сносились на сѣверѣ, въ Паноніи и въ Дакіи, съ Римлянами, а потомъ на югѣ уже за Дунаемъ съ византійскими Греками. Эти сношенія и въ послѣдствіи особенно христіанство, создали первыя попытки писанія письмомъ латинскимъ и греческимъ. Но то и другое письмо было недостаточно для передачи всѣхъ звуковъ словѣнскихъ; и по

*) Формы *Словакъ* и *Словенецъ* относятся къ *Словѣнинъ* (*Словянинъ*), какъ Полякъ—Полянинъ, Моравакъ—Моравецъ—Мораванинъ (Моравянинъ) и пр.

этому Словѣне, если не писали и не гадали своими чертами и рѣзами, писали свою „словѣнскую рѣчь безъ устроенія", какъ выражается одинъ болгарскій Словѣнинъ X-го вѣка, черноризецъ Храбръ. Это „неустроеніе" греческаго письма для словѣнскаго языка устранено только во второй половинѣ IX-го вѣка, когда ученый Солунянинъ *Константинъ* приспособилъ греческое письмо къ словѣнскому языку, прибавивъ разными комбинаціями (удвоеніемъ и сочетаніемъ греческихъ буквъ) буквы необходимыя для передачи словѣнскихъ звуковъ: *б*, *ж*, *ц*, *ч*, *ш*, *ъ*, *ь*, *і* (т. е. *j*), *ѣ*, ѧ, ѫ. Это греческо-словѣнское письмо развилось съ одной стороны въ такъ называемую *глаголицу*, которая основывается на греческомъ курсивѣ и которую употребляли преимущественно юго-западные Славяне, а съ другой стороны въ такъ называемую *кириллицу*, которая основывается на греческомъ письмѣ унціальномъ и вошла въ употребленіе преимущественно у Славянъ юго-восточныхъ и восточныхъ *).

II.

Переводъ священныхъ книгъ на „словѣнскій" языкъ начался еще въ предѣлахъ Византійскаго царства, на языкъ тѣхъ задунайскихъ Словѣнъ въ Македоніи, который Константинъ хорошо зналъ. Главный же трудъ перевода совершился уже въ Панонiи, въ области главной дѣятельности Константина, его брата Меѳодія и ихъ сподвижниковъ и учениковъ изъ Словѣнъ панонскихъ, и пожалуй и изъ Словѣнъ византійскихъ или даже изъ Моравянъ и Словаковъ. Въ Панонiи и въ Дакіи, заселенныхъ Словѣнами, употреблялся такойже „словѣнскій" языкъ,

*) Не входимъ здѣсь въ подробности вопроса о словѣнскомъ письмѣ, и замѣтимъ только, что и такъ назыв. „глаголица" (названіе довольно позднее) такое же греческое письмо, какъ и „кириллица". Ср. *Ягича:* Четыре критико-палеографическія статьи (1884).

хотя, можетъ быть, немножко отличавшійся отъ „словѣнскаго“ языка македонскихъ Словѣнъ *). Изъ Панонiи словѣнскія книги распространились съ одной стороны на сѣверъ къ Моравянамъ и Словакамъ, къ Чехамъ и Ляхамъ, а съ другой стороны на югъ къ Хорватамъ, Сербамъ и особенно къ Болгарамъ, вѣроятно и къ остальнымъ Словѣнамъ въ Дакіи, наконецъ на Русь, преимущественно изъ Болгаріи, но вѣроятно еще раньше изъ Панонiи и Дакіи.

Послѣ смерти панонско-моравскаго архіепископа Меѳодія и вслѣдствіе начавшагося тогда гоненія словѣнскихъ священниковъ и словѣнскаго богослуженія нѣмецко-латинскими епископами, многіе ученики Константина и Меѳодія ушли преимущественно въ первое тогда славянское царство, въ Болгарію, и продолжали здѣсь дѣятельность своихъ учителей. Но скоро Моравія освободилась отъ нѣмецкихъ епископовъ. Въ самомъ концѣ IX-го в. (въ 899-мъ г.) папа Іоаннъ IX устроилъ вновь моравскую церковь съ самостоятельнымъ архіепископомъ и тремя епископами, и вѣроятно разрѣшилъ вновь словѣнское богослуженіе. Это возбудило взрывъ негодованія баварскихъ епископовъ, которые только что вытравили словѣнскихъ учениковъ Меѳодія изъ Моравіи при помощи варварскихъ нѣмецкихъ солдатъ (στρατιῶται βάρβαροι Νεμιτζοί), и все требовали отъ Моравянъ безусловнаго подчиненія: sive velint sive nolint regno nostro subacti erunt **) Словѣнское богослуженіе сохранилось и послѣ паденія Великой Моравіи въ подвластныхъ Уграмъ славянскихъ странахъ. Вообще въ основанномъ на развалинахъ Великой Моравіи новомъ государствѣ Угорскомъ и дальше на востокѣ въ странахъ по Тисѣ и Марошѣ восточно-христіанская церковь существовала дальше, хотя она

*) Объ этой дѣятельности Константина и Меѳодія см. статью *Рачкаго* (въ сборникѣ Tisućnica slovjen. apost. svv. Ćirila i Metoda, 1863).

**) Житіе св. Климента (Fontes rer. bohem. I. 92, Бильбасовъ Кириллъ и Меѳодій I. 289), письмо баварскихъ епископовъ папѣ 900 г. (Ginzel, Codex 68).

послѣ примкнутія Угріи къ Риму, очутилась на второмъ планѣ передъ господствующей церковью латинской. Нѣкоторые князья угорскіе (мадьярскіе) уже въ X-омъ вѣкѣ сносясь съ Царьградомъ, принимали христіанство восточнаго греческаго обряда; въ XI-мъ вѣкѣ упоминаются въ Весcпримѣ, Вышеградѣ и др. „греческіе" монастыри, вѣроятно не столько „греческіе" (въ отношеніи языка), а скорѣе „словѣнскіе". Въ мадьярскомъ языкѣ нѣкоторыя слова изъ церковной терминологіи—словѣнскаго происхожденія (*пап*—попъ, *сент*—свѧтъ, *керест*—крестъ, крьстъ, *маласт*—милость, *покол*—пъкло, и др.). Въ этихъ „греческихъ" монастыряхъ Угріи несомнѣнно списывались церковныя книги не только греческія, но и словѣнскія, при чемъ могло быть здѣсь извѣстно греческо-словѣнское письмо въ обоихъ своихъ видахъ, глаголическое и кирилловское. Память о дѣятельности Кирилла и Меѳодія сохранялась навѣрное и въ Угріи, которая находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Чехіей и Польшей, съ карпатской Русью, съ Хорватіей, Сербіей, Болгаріей. Въ Угріи же могли быть написаны и пространныя житія Кирилла и Меѳодія ихъ учениками, которые не всѣ бѣжали въ Болгарію, или по ихъ разсказамъ. Угрія была вѣроятно соединяющимъ звеномъ между словѣнскимъ духовенствомъ, уцѣлѣвшимъ у Чеховъ, Моравянъ, Словаковъ, Ляховъ, и у Хорватовъ, Сербовъ, Болгаръ, даже между югозападными Славянами и Словѣнами въ Дакіи и Русью *).

*) Нѣкоторыя указанія на греческую церковь въ Угріи см. у *Будиловича* Очерки изъ церковной исторіи у западныхъ Славянъ I. О праж. епископѣ Войтѣхѣ, 102, въ книгахъ *Сасинка* (Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska), *Крха* (Kritické úvahy o staršich dějinách našich, II.), *Пича* (Abstammung der Rumänen, Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht). Вопросъ о родинѣ и о языкѣ житій свв. Кирилла и Меѳодія (такъ наз. панонскихъ) не рѣшенъ еще окончательно; Вороновъ (Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія) предполагаетъ греческій подлинникъ написанный въ Болгаріи. Замѣтимъ, что словѣнскія житія св. Константина и св. Вячеслава были извѣстны тоже Хорватамъ, куда они могли попасть скорѣе изъ Угріи, чѣмъ изъ Болгаріи.

Въ *Чехіи* существовало словѣнское богослуженіе въ X — XI-ыхъ вв. рядомъ съ латинскимъ, которое однако вслѣдствіе присоединенія Чехіи къ Германіи и основанія въ Прагѣ латинской епископіи (973 г.) сдѣлалось господствующимъ. Еще въ началѣ X-го в. при постригахъ молодаго княжича Вячеслава Вратиславовича (въ 910 г.) въ Прагѣ, присутствовали епископы, очевидно не латинскіе а словѣнскіе, изъ Моравіи-ли или изъ самой Чехіи *). Словѣнскія книги были въ большомъ почетѣ и въ Чехіи, ихъ любила княгиня Людмила, ихъ изучалъ и ея внукъ Вячеславъ, на равнѣ съ латинскими и греческими. Словѣнскія житія свв. Ивана, Людмилы, Вячеслава и церковныя службы послѣднему составлены въ Чехіи, и распространились оттуда къ остальнымъ Славянамъ, на югъ къ Хорватамъ и на востокъ на Русь; да восточная православная церковь русская причислила Людмилу и Вячеслава къ лику своихъ святыхъ. Пражская латинская епископія основана съ условіемъ, чтобъ она не была словѣнская (slavonicae linguae), и она вѣроятно и позаботилась о постепенномъ вытѣсненіи словѣнскаго богослуженія въ своемъ округѣ. Но чешскій народъ и сами многіе князья любили словѣнское богослуженіе, которое въ XI-омъ в. нашло себѣ убѣжище въ Сазавскомъ монастырѣ управляемомъ св. Прокопіемъ. Въ этомъ монастырѣ богослуженіе совершалось до конца XI-го в. на словѣнскомъ языкѣ, и только тогда, вслѣдствіе козней латинско-нѣмецкаго духовенства, словѣнскіе монахи должны были уйдти въ Угрію и замѣнены латинскими. Тогда же и словѣнскія книги истреблены и растеряны—deleti omnino et disperditi, говоритъ Сазавскій лѣтописецъ **).

*) Fontes rer. bohem. I, 127. („Нотарій“ не имя епископа а его должность—нотарія, канцлера, или это вмѣсто: етеръ).

**) О словѣнскомъ богослуженіи въ Чехіи см., кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Чехіи и Моравіи (Палацкаго, Дудика, Иречка и др.), соч. Гинцеля, Лавровскаго, Бильбасова о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, Ганки остатки слов. богослуж. въ Чехіи, Будиловича о св. Войтѣхѣ, Срезневскаго славяно-русская палеографія, Невоструева (въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije, XXI), выше упомянутое сочиненіе Крха, и др.

Слѣды словѣнскаго богослуженія сохранились однако до сихъ поръ въ чешской церковной терминологіи, въ которой рядомъ съ латинскими и нѣмецкими словами встрѣчаются тоже слова словѣнскаго происхожденія: церкевь (нынѣ циркевь), крест, вскрешеніе, попъ и др. Чешская форма имени *Климентъ* указываетъ на греческое Κλήμεντ—,а не на латинское Clemens. Наконецъ раздается до сихъ поръ въ чешской церкви старинная пѣснь *Господине помилуй ны*, въ словѣнскомъ происхожденіи которой не можетъ быть сомнѣнія; въ ней слова *помилуй ны* (по чешски: смилуй се надъ нами), *спасъ* (по чеш. спаситель), *миръ* (по чеш. свѣтъ), свидѣтельствуютъ о времени ея возникновенія, въ періодъ дѣятельности Меѳодія и его учениковъ у западныхъ Славянъ *).

О словѣнскомъ богослуженіи въ *Польшѣ* не имѣется такихъ положительныхъ извѣстій, какъ въ Чехіи. Дѣятельность панонско-моравскаго архіепископа Меѳодія распространилась и за Карпаты въ подвластную Святополку землю на верхней Вислѣ, гдѣ „сильный поганскій князь Вислянъ" крещенъ Меѳодіемъ. Словѣнское богослуженіе сохранилось въ Краковской землѣ несомнѣнно и послѣ распаденія Великой Моравіи и послѣ устройства латинской церкви и іерархіи въ Польшѣ, рядомъ съ господствующей латинскою, какъ это было въ Чехіи, Угріи и Хорватіи. Кончину Болеслава Храбраго оплакивали Латиняне и Словѣне (Latinorum et Slavorum incolae), и сына Болеслава, Мѣшка, упрекали въ Германіи въ любви къ „греческому" языку въ богослуженіи **). Другихъ достовѣрныхъ извѣстій о сло-

*) Срв. *Миклошича* Die christliche Terminologie der slav. Sprachen. О словахъ *спасъ* и *миръ* замѣчаетъ уже первый чешскій толкователь этой пѣсни, Янъ Голешовскій (1397 г.), что эти слова не чешскія, а „хорватскія", подразумѣвая подъ Хорватами—словѣнскихъ монаховъ, отправлявшихъ тогда въ одномъ пражскомъ монастырѣ богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ хорватскаго извода.

**) *Bielowski* Monumenta Polon. histor. I. Мнѣніе Мацѣёвскаго (Historya prawodawstw Słowiań. II. 325) и Бартошевича (Arcybiskupstwo Krakowskie въ Encyklop. powszech.) о существованіи словѣнской архіепископіи въ Краковѣ еще въ XI-мъ вѣкѣ опровергаетъ

вѣнскомъ богослуженіи въ Польшѣ не имѣется. Церковная терминологія польская примыкаетъ къ чешской, напр. попъ, церекевь (употреблявшееся въ Польшѣ до XV-го вѣка вмѣсто kościół), Климентъ (Климунтъ, Климантъ) и др. Латинско-нѣмецкая іерархія въ Польшѣ скоро изгладила всѣ слѣды дѣятельности Меѳодія и его учениковъ. Но еще шесть столѣтій спустя въ 1645-мъ г., замѣчаетъ католическій епископъ Перемышльскій, просвѣщенный Пясецкій (конечно больше по своему славянскому чутью, чѣмъ по историческимъ даннымъ) что Поляки и всѣ Славяне открещиваются отъ стремленій и козней Нѣмцевъ и считаютъ все, что бы ни выходило оттуда, подозрительнымъ и вреднымъ; по этому они не хотѣли познакомиться съ христіанствомъ посредствомъ Нѣмцевъ, а посредствомъ восточныхъ Грековъ, Кирилла и Меѳодія *).

Съ конца XI-го в. словѣнскій языкъ замолкъ въ церквахъ чешско-моравской и польской; и если Чехи и Поляки слышали иногда этотъ языкъ, то это было случайно. Такъ напр. ко двору благочестиваго чешскаго короля Вячеслава II. (1283—1305) приходили священники изъ разныхъ странъ, не только изъ западныхъ, но и изъ восточныхъ, изъ Греціи, Руси, Угріи, Сербіи и Хорватіи, и отправляли передъ королемъ богослуженіе на языкахъ греческомъ или словѣнскомъ **). Только позже, съ половины XIV-го вѣка, Чехи и Поляки услыхали у себя дома, въ двухъ монастыряхъ, пражскомъ и краковскомъ, опять сло-

Малецкій (Kościelne stosunki w pierwotnej Polsce, Przewodnik naukowy 1875, 393 и ср. 1877, 282). Монеты съ русской надписью „Болеславъ" чеканены по всей вѣроятности въ Кіевѣ. О молитвѣ Гнѣзненской церкви см. ниже.

*) Polonia et Slavonia tota abhorret a studiis et artibus Germanorum, et quidquid venit inde et qualequale illud sit, praeter operas mechanicas, sibi noxium reputat et rejicit suspectum. Unde et fidem chistianam noluit discere a Germanis, sed per orientales Graecos, Cyrillum et Methodium, et postmodum per Gallos Italosque, licet remotiores agnoscere maluit (Chronica, 41).

**) Лѣтопись Петра Збраславскаго (Fontes rerum bohem. IV. 70).

вѣнскій языкъ, но уже не въ древнемъ его видѣ, а по изводу хорватскому, какъ онъ развился у адріатическихъ Славянъ.

Изъ Великой Моравіи, именно изъ Паноніи, словѣнское богослуженіе распространилось на югъ на балканскомъ полуостровѣ, отъ части еще при жизни обоихъ апостоловъ Константина и особенно Меѳодія, какъ въ южной Паноніи и въ хорватской Далмаціи, отъ части послѣ смерти Меѳодія, какъ въ Болгаріи и въ Сербіи. Этому распространенію не мало способствовало преслѣдованіе словѣнскаго богослуженія и духовенства въ Великой Моравіи, и тоже паденіе этого славянскаго государства вслѣдствіе мадьярскаго наѣзда; убѣжищемъ многихъ преслѣдуемыхъ и бѣжавшихъ были сосѣднія хорватско-сербская Далмація, и болгарскія Мизія, Македонія съ Илиріей. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и въ завоеванныхъ Мадьярами странахъ, не только въ Моравіи и въ Паноніи, а тоже въ Дакіи между тамошними Словѣнами и Румынами, словѣнскій языкъ сохранился въ церкви, и не уступилъ сейчасъ латинскому, сдѣлавшемуся потомъ господствующимъ въ Угріи. И въ этой словѣнско-мадьярско-румынской Дакіи, примыкавшей и въ культурномъ отношеніи къ Великой Моравіи и потомъ къ Болгаріи, навѣрное не перестали писать по словѣнски, равнымъ образомъ какъ здѣсь позже печатались церковныя книги словѣнскія.

Югозападные Словѣне (*Словенцы*) познакомились съ словѣнскимъ богослуженіемъ въ Паноніи; но ихъ соплеменники въ Норикѣ (Каринтіи, Краинѣ, Штиріи и пр.) остались подъ опекой нѣмецко-латинскаго духовенства. Впрочемъ и въ древнѣйшемъ письменномъ памятникѣ хорутанско-словенскаго языка, такъ наз. Фрейзингскихъ отрывкахъ, писанныхъ въ X-мъ в. латиницей, замѣтно вліяніе словѣнской церковной терминологіи (крест, неприязн, треба, цьркъва, обѣт, цесарство, мочи, и др.). Кажется, что этотъ памятникъ или его прототипъ былъ извѣстенъ и въ Паноніи и распространился и къ другимъ Славянамъ; въ одномъ словѣнско-русскомъ поученіи XII — XIII вѣка встрѣчаются слѣды этого древне-словенскаго памят-

ника *). Если позже литургія въ словенскихъ земляхъ кое гдѣ совершалась на словѣнскомъ языкѣ, то это было случайно и, по всей вѣроятности, перенесено туда изъ сосѣдней Хорватіи. Такъ въ XIV-мъ в. кое гдѣ въ Австріи отправлялась литургія на словѣнскомъ языкѣ (in windischer Sprache), который де распространенъ далеко и широко, такъ что съ нимъ не можетъ помѣриться ни одинъ языкъ въ мірѣ; такъ думаетъ записавшій это Нѣмецъ, смѣшивая здѣсь языки словенскій (windisch), словѣнскій (церковный) и общій „славянскій". Еще въ XVI—XVII вв. около Тріеста, и въ областяхъ Горицкой, Краньской (Краинѣ) и южной Штиріи (Windische Mark), въ нѣкоторыхъ церквахъ употреблялся словѣнскій языкъ, по всей вѣроятности хорватскаго происхожденія **).

Въ *Далмаціи*, т. е. въ Хорватіи и въ южно-сербскихъ княжествахъ Холмскомъ и Діоклейскомъ или въ позднѣйшемъ королевствѣ Словинскомъ (regnum Slavorum), словѣнскому богослуженію пришлось вести упорную борьбу съ латинскимъ, которое поддерживалось латинско-итальянскими епископами Далмаціи и папской куріею; но хорватско-сербскій народъ и его духовенство съ любовью придерживались словѣнскаго (словинскаго) богослуженія и церковныхъ книгъ греческо-словѣнскихъ писанныхъ глаголицей. Два раза, въ 924-мъ и 1059-мъ гг. на соборахъ въ Сплѣтѣ, папская курія и латинскіе епископы Далмаціи запретили словѣнскій языкъ въ богослуженіи. Но не смотря на эти запрещенія, народъ не хотѣлъ разстаться съ словѣнскимъ богослуженіемъ, да въ Діоклейскомъ (Словинскомъ) королевствѣ, въ епархіи митрополита Діоклейско-Барскаго, подчиненнаго Риму, еще во второй половинѣ XI-го вѣка находились рядомъ съ монастырями латинскими тоже монастыри греческіе или сло-

*) *Kopitar* Glagolita Clozianus, XXXIII, *Срезневскій* о малоизв. памятникахъ N-го XXVI, *Miklosich* Die christl. Terminologie der slav. Sprachen, 3.

**) Radič въ Letopis Matice sloven. 1879, стр. 4, *Marn*: Jezičnik 1867, V. 58, *Valvasor*: Ehre des Herzogth. Krain VI. 272. VII. 404.

вѣнскіе (Graecorum sive Sclavorum), и въ половинѣ XII-го вѣка въ городѣ Барѣ одинъ попъ перевелъ югославянскую лѣтопись съ языка словѣнскаго на латинскій. Только въ половинѣ XIII-го вѣка сама папская курія разрѣшила употребленіе словѣнскаго языка и письма въ хорватской церкви, хотя само письмо стали приписывать уже не „еретику“ Меѳодію, а св. Іерониму. Не смотря однако на такое разрѣшеніе папы, латинскій языкъ остался и впредь языкомъ господствующимъ въ хорватско-далматской церкви, да онъ сталъ мало по малу вытѣснять словѣнскій языкъ изъ многихъ церквей хорватскихъ, такъ что нынѣ въ Истріи и въ сѣверной Хорватіи (въ Загребской епархіи) не встрѣчается уже словѣнское богослуженіе, хотя оно еще въ XVII—XVIII вв. кое гдѣ тамъ встрѣчалось. Оно употребляется въ нѣкоторыхъ церквахъ приморской Хорватіи и Далмаціи, въ епархіяхъ Сеньской, Керцкой, Задарской, Сплѣтской и Шибеницкой. Но словѣнскій (словинскій) языкъ и словѣнское богослуженіе не пользовалось особымъ уваженіемъ и расположеніемъ со стороны латинской іерархіи, которая не рѣдко относилась враждебно къ словѣнскому богослуженію „св. Іеронима“, хотя бы одобренному самимъ папой. Горько жалуется на такое презрѣніе словѣнскаго богослуженія Модрушскій епископъ Николай (ок. 1470 г.); и что такія сѣтованія не были безъ основанія, видно напр. по распоряженіямъ далматско-сплѣтскаго архіепископа Андрея въ 1535 г., по которымъ ни одинъ священникъ словинскаго (словѣнскаго) языка (глаголяшъ) не могъ быть членомъ сплѣтскаго капитола, и священникомъ въ Сплѣтѣ, Омишѣ и другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ. Да еще въ началѣ нашего вѣка на островѣ Лошинѣ населеніе боролось за словѣнское богослуженіе противъ притязаній латинскаго духовенства, но безъ успѣха *).

*) О словѣнскомъ богослуженіи въ Хорватіи см. *Assemani* Kalendaria ecclesiae universae IV, *Шафарика* Památky hlahol. písemnictví, Гинцеля, Лавровскаго, Бильбасова о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, *Ягича* Ист. хорват. и серб. литер., *Ткальчича* въ Archiv für slav. Philologie IV. 433, *Кукулевича* въ сборникѣ Rad jugoslav. akademije

III.

Любопытно прослѣдить, какъ относились римскіе папы къ вопросу о словѣнскомъ богослуженіи.

Папа *Адріанъ II* (868 г.) „пріимъ книгы словѣньскыя освяти и положи я въ церкви св. Марія, пѣша же съ ними литургію, потомъ пѣша литургію въ церкви св. Петра словѣнскымъ языкомъ, и въ другый день пѣша въ церкви св. Петронилы и въ третій день въ церкви св. Андрея, и оттуду пакы у великаго учителя языческаго Павла апостола въ церкви въ нощи пѣша святую литургію словѣнскы надъ святымъ гробомъ". (Житіе св. Константина, гл. 17).

Тотъ же папа Адріанъ II, въ письмѣ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу (869 года) одобряетъ словѣнское богослуженіе, трудъ философа Константина и его брата Меѳодія, „мужа съвьршена разумъмь и правовѣрьна", и только требуетъ, „да на мъши пьрвѣѥ чьтуть апостолъ и евангеліє римьскы таче (потомъ) словѣньскы". Если же кто нибудь изъ противниковъ словѣнскаго богослуженія, начьнеть дьрзнувъ инако развращати вы гадя книгы ѩзыка вашего, да будеть отлученъ, нъ тъкъмо въ судъ данъ цьркве, донде ся исправить. Ти бо суть вълци а не овьця, ѩже достоить отъ плодъ ихъ знати и хранити ся ихъ". (Житіе св. Меѳодія гл. 8)*).

Папа *Іоаннъ VIII*, который такъ защищалъ „sanctissimum fratrem nostrum archiepiscopum Methodium" противъ ярыхъ и грубыхъ епископовъ нѣмецкихъ, мучившихъ его „tyrannice et bestiali feritate colaphis, acerrima hiemis et nimborum immanitate, carceralibus poenis",—тотъ же самый папа, уже десять лѣтъ спус-

кн. 57, и др.—Любопытно, что именно въ сплѣтской епархіи словѣнское богослуженіе всегда процвѣтало; такъ напр. въ 1688 г. въ числѣ 30-и приходовъ (загородныхъ) было только 8 латинскихъ, остальные были словинскіе; теперь же насчитывается больше 60 словинскихъ приходовъ (paroeciae et capellaniae).

*) Fontes rerum bohem. I. 35, 45.

тя послѣ письма Адріана (879 г.), упрекаетъ Меѳодія за то: „quod missas cantes in barbara hoc est in sclavina lingua", вопреки запрещенію его, „ne in ea lingua sacra missarum solemnia celebrares, sed vel in latina, vel graeca lingua, sicut ecclesia Dei toto terrarum orbe diffusa et in omnibus gentibus dilatata cantat. Praedicare vero aut sermonem in populo facere tibi licet". Но папа Іоаннъ повидавшись съ Меѳодіемъ въ Римѣ и убѣдившись въ его правовѣрности (illum orthodoxum reperientes), одобрилъ словѣнское благослуженіе въ государствѣ Святополка (880 г.). „Litteras sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, jure laudamus, et in eadem lingua Christi domini nostri praeconia et opera enarrentur jubemus. Neque enim tribus tantum sed omnibus linguis dominum laudare auctoritate sacra monemur, quae praecipit dicens: Laudate dominum omnes gentes et collaudate eum omnes populi. Et apostoli repleti Spiritu sancto locuti sunt omnibus linguis magnalia Dei. Hinc et Paulus coelestis quoque tuba insonat monens: Omnis lingua confiteatur, quia dominus noster Jesus Christus in gloria est Dei Patris. De quibus etiam linguis in prima ad Corinthios epistola satis et manifeste nos admonet, quatenus linguis loquentes ecclesiam Dei aedificemus. Nec sanae fidei vel doctrinae aliquid obstat, sive missas in eadem sclavinica lingua canere, sive sacrum evangelium vel lectiones divinas novi et veteris testamenti bene translatas et interpretatas legere aut alia horarum officia omnia psallere: quoniam qui fecit tres linguas principales, hebraeam scilicet, graecam et latinam, ipse creavit et alias omnes ad laudem et gloriam suam. Jubemus tamen, ut in omnibus ecclesiis terrae vestrae propter majorem honorificentiam evangelium latine legatur et postmodum sclavinica lingua translatum in auribus populi, latina verba non intelligentis, adnuncietur, sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur. Et si tibi et judicibus tuis placet, missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum tibi sollemnia celebrentur" *).

*) Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ слышны великія мысли просвѣщенныхъ братьевъ апостоловъ Константина и Меѳодія о словѣнскомъ языкѣ (litterae sclaviniscae— кънигы словѣньскы который

Но уже одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ папы Іоанна, *Стефанъ VI*, возсталъ противъ слювѣнскаго языка въ богослуженіи и запретилъ его въ письмѣ Святополку (885—886 гг.): „Divina officia et sacra mysteria ac missarum solemnia, qnae Methodius Sclavorum lingua celebrare praesumpsit, quod ne ulterius faceret supra sacratissimum beati Petri corpus juramento firmaverat, sui perjurii reatum perhorrescentes nullo modo deinceps a quolibet praesumatur. Dei namque nostraque apostolica auctoritate sub anathematis vinculo introdicimus, excepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si evangelii vel apostoli expositio eruditis eadem lingua annuncietur, et largimur

они такъ усерно защищали противъ нѣмецкихъ и итальянскихъ епископовъ. Эти латинскіе епископы и попы (нѣмецкіе и фряжскіе) въ Паноніи и Моравіи, отстаивали привилегію только трехъ языковъ, еврейскаго, греческаго и латинскаго, въ богослуженіи, считая употребленіе словѣнскаго языка унизительнымъ для церкви: quidam Graecus, Methodius nomine, noviter inventis sclavinis litteris, linguam latinam doctrinamque romanam atque litteras auctorales latinas philosophice superducens, vilescere fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt—жалуются они папѣ. Съ этимъ латинско-нѣмецкимъ духовенствомъ, съ этими „тріязычниками", боролся Константинъ въ Паноніи (Житіе св. Конст. гл. 15). Также и въ Венеціи спорилъ Константинъ съ латинскими епископами, попами и черноризцами, которые собрались на него какъ вороны на сокола, и стали защищать эту „тріязычную ересь". Но ученый Константинъ блестящимъ образомъ опровергъ такое дикое мнѣніе своихъ противниковъ: „Како вы ся не стыдите, три языки токмо мняще а прочимъ всѣмъ языкомъ и племеномъ слѣпымъ велящe быти и глухымъ? Скажите ми бога творяще немощна, яко не могуща сего дати, ли завистива не хотяща дати? Мы же многы роды знаемъ, книгы имѣюща и богу славу въздающа своимъ языкомъ кождо". Приводя же изъ Св. Писанія (изъ псалтири, евангелій, посланій св. Павла) обширныя реченія подтверждающія его мысль, кончилъ: „Всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Исусъ Христосъ въ славу Богу Отцу. Сими же словесы и инѣми больши посрамль я остави". (Житіе св. Конст. гл. 16, и срв. житіе св. Меѳодія гл. 6, гдѣ разсказывается, что самъ папа Адріанъ проклялъ этихъ тріязычниковъ).

et exortamur, et ut frequentissime fiat monemus, ut omnis lingua laudet Deum et confiteatur ei" *).

Папа *Іоаннъ IX*, судя по выше упомянутому переустройству моравской церкви (въ 889-мъ г.), возбудившему взрывъ негодованія между нѣмецкими епископами, вѣроятно отнесся вновь дружелюбно къ словѣнскому богослуженію.

Папа *Іоаннъ XIII* въ письмѣ чешскому князю Болеславу II (ок. 972 г.) разрѣшаетъ основаніе пражской епископіи: „Verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica, unum potiorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, latinis adprime literis eruditum" **).

Папа *Григорій VII* пишетъ чешскому королю Вратиславу (1080 г.): „Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum Sclavorum linguam apud vos divinum celebrari annueremus officium, scias nos huic petitioni tuae nequaquam posse favere. Ex hoc nempe saepe volventibus liquet non immerito sacram scripturam omnipotenti Deo placuisse quibusdam locis esse occultam: ne, si ad liquidum cunctis pateret, forte vilesceret et subjaceret despectui, aut prave intellecta a mediocribus in errorem induceret. Neque enim ad excusationem juvat, quod quidam religiosi viri hoc, quod simpliciter populus quaerit, patienter tulerunt, seu incorrectum dimiserunt; cum primitiva ecclesia multa dissimulaverit, quae a sanctis patribus postmodum firmata christianitate et religione crescente, subtili examinatione correcta sunt. Unde ne id fiat, quod a vestris imprudenter exposcitur, auctoritate beati Petri inhibemus, teque ad

*) Это письмо папы Стефана, до недавна считавшееся подложнымъ, оказывается, по вновь открытой инструкціи папскимъ легатомъ (Starine югослав. академіи XII, 220), подлиннымъ. О времени его написанія см. Časopis Českého Musea 1881, 295.

**) Это письмо извѣстно не въ подлинной формѣ, а по хроникѣ Косьмы Пражскаго, который вѣроятно помѣстилъ его въ своей хроникѣ только по памяти, не придерживаясь оригинала.

honorem omnipotentis Dei huic vanae temeritati viribus totis resistere praecipimus“ *).

Папа *Іоаннъ X* въ письмѣ далматскимъ епископамъ (924 года) порицаетъ „doctrinam Methodii, quem in nullo volumine inter sacros auctores comperimus“, и требуетъ отъ нихъ, чтобъ всѣ въ Далмаціи „in Sclavinorum terra secundum mores sanctae romanae ecclesiae ministerium sacrificii peragant in latina scilicet lingua non autem in extranea. Et quia Sclavini specialissimi filii sanctae romanae ecclesiae sunt, in doctrina matris permanere debent. Gaudemus, si Sclavini nostram doctrinam sequi delectantur, ut Deo sacrificium gratum exhibeant“. Въ письмѣ же Хорватскому королю Томиславу и Холмскому князю Михаилу, духовенству, жупанамъ и всему народу „per Sclavoniam et Dalmatiam commorantibus“, папа думаетъ, что „Sclavinorum regna in primitiis apostolicae et universalis ecclesiae esse commemorata, cum a cunabulis escam praedicationis apostolicae ecclesiae perceperunt cum lacte carnis“ **). По этому „quis etenim specialis filius sanctae romanae ecclesiae, sicut vos estis, in barbara seu sclavinica lingua Deo sacrificium offere delectatur“. Наконецъ папа Іоаннъ X утвердилъ постановленія Сплѣтскаго собора, въ томъ числѣ и десятое: „Ut nullus episcopus nostrae provinciae audeat in quolibet gradu sclavinica lingua promovere; poterit tamen in clericatu et monachatu Deo deservire. Nec in sua ecclesia sinat eum missam facere, praeter si necessitatem sarcerdotum haberet, per supplicationem a romano pontifice licentiam ei sacerdotalis ministerii tribuat“.

Папа *Александръ II* утверждаетъ (1061 — 62 гг.) постановленія Сплѣтскаго собора 1059 — 60 гг., въ томъ числѣ и постановленіе: „Sclavos, nisi latinas litteras didicerint, ad sacros ordines promoveri, et clericum, cujuscunque gradus sit laicali servituti vel

*) Erben, Regesta Bohemiae et Moraviae I, Ginzel Codex, Starine XII. 213.

**) Папа Іоаннъ X выразилъ здѣсь мысль высказанную позже и русскимъ лѣтописцемъ: Словѣньску языку учитель есть Андронигъ апостолъ; въ Моравы ходилъ апостолъ Павелъ, и училъ ту; ту бо есть Илюрикъ, ту бо бѣша Словѣне первое.

mundiali fisco amodo subjugari sub excommunicationis vinculo omnimodo prohibemus" *).

Тотъ же папа *Александръ II* въ письмѣ митрополиту Діоклейскому и Барскому Петру (1067 г.) поручаетъ всѣ епархіи его митрополіи въ южной Далмаціи, „monasteria quoque tam Latinorum quam Graecorum sive Sclavorum".

Папа *Иннокентій IV* въ письмѣ хорватскому епископу Сеньскому (и вѣроятно и другимъ, 1248 г.) одобряетъ словѣнское богослуженіе: „Porrecta nobis petitio tua continebat, quod in Slavonia est littera specialis, quam illius terrae clerici se habere a B. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis cele-

*) Rački Documenta historiae Chroaticae 188, Starine XII, 221. Постановленія Сплѣтскаго собора 1059—60 гг. неизвѣстны въ подлинникѣ, а только въ пересказѣ далматскаго лѣтописца, Итальянца Ѳомы архидіакона Сплѣтскаго (полов. XIII-го в.), который не очень долюбливалъ далматскихъ Славянъ. Онъ разсказываетъ (Hist. Salonit. cap. XVI, русскій переводъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1876, Сентябрь), что на этомъ соборѣ „firmatum est et statutum, ut nullus de caetero in lingua sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in latina et graeca; nec aliquis ejusdem linguae promoveatur ad sacros ordines. Dicebant enim, gothicas litteras a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in eadem sclavonica lingua mentiendo conscripsit; quam ob rem divino judicio repentina dicitur morte fuisse damnatus. Cum hoc statutum fuisset synodali sententia promulgatum et apostolica auctoritate confirmatum, omnes sacerdotes Sclavorum magno sunt moerore confecti; omnes quippe eorum ecclesiae clausae fuerunt, ipsi a consuetis officiis siluerunt". Подъ „gothicae litterae" въ Далмаціи, съ XI—XII вв., подразумѣвали вовсе не готское письмо Ульфилы, а письмо „словѣнское (словинское)" т. е. глаголицу, а Готовъ считали Словинами (Славянами), единоплеменниками Болгаръ. Такъ разсуждаютъ, въ пол. XII в. Діоклейскій попъ (ut libellum Gothorum, quod latine Sclavorum dicitur regnum, ex sclavonica littera verterem in latinam), въ началѣ XIII в. сербскій король Стефанъ (отъ племене Гоѳи нарекомаго бльгарскаго), дальше Ѳома Сплѣтскій, Черва (сближаетъ даже мадьярско *Тотъ*—Славянинъ Словакъ, съ *Готъ*), Орбини и другіе ученые писатели и поэты Далмаціи и др. до начала XIX в. (еще Раичъ и Аппендини).

brandis. Unde ut illis efficiaris conformis, et terrae consuetudinem, in qua existis episcopus, imiteris, celebrandi divina officia secundum praedictam litteram, a nobis licentiam suppliciter postulasti. Nos igitur attendentes, quod sermo rei, et non res sermoni subjecta, licentiam tibi in illis dumtaxat partibus, ubi de consuetudine observantur praemissa, dummodo ex ipsius varietate litterae sententia non laedatur, auctoritate praesentium concedimus postulatam".

Папа *Иннокентій IV* въ 1252 г. пишетъ Керцкому епископу, что онъ можетъ разрѣшить словѣнское богослуженіе монахамъ въ Омишлѣ, „cum ipsi qui Sclavi existunt et sclavicas litteras habeant, discere latinas litteras non possunt", и дозволяетъ, „ut in litteris sclavicis secundum ritum ecclesiae Romanae divina officia valeant celebrare, prout iidem et praedecessores sui facere consueverunt" *).

Съ тѣхъ поръ словѣнское письмо и богослуженіе, подъ прикрытіемъ св. Іеронима, употреблялось, съ разрѣшенія папской куріи, въ части хорватской церкви, и нѣкоторое время тоже въ двухъ монастыряхъ „словѣнскихъ" въ Прагѣ (1347—1419) и въ Краковѣ (1390—ок. 1470) **). Въ слѣдствіе развитія славистики св. Іеронимъ долженъ былъ, въ нашемъ вѣкѣ, уступить свое мѣсто прежнимъ владѣльцамъ, свв. Константину и Меѳодію. Наконецъ въ 1863 г. папа Пій IX перенесъ день празднованія свв. Кирилла и Меѳодія въ западной церкви съ 9 Марта на 5 Іюня, и въ 1880 г. (энциклика отъ 30 Сентября „Grande munus") папа Левъ XIII сдѣлалъ этотъ праздникъ обще-католическимъ, одобряя по примѣру нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ Адріана II, Іоанна VIII, Венедикта XIV— дѣятельность обоихъ славянскихъ апостоловъ и ихъ трудъ—богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ ***).

*) *Theiner*: Monumenta Slavorum merid. I. 79.

**) См. разные документы у Гинцеля (Codex), и у Бильбасова Кириллъ и Меѳодій I.

***) Разумѣется, что папа въ этой энцикликѣ (и въ своей рѣчи католическимъ паломникамъ славянскимъ въ Римѣ 1881 г.) не могъ

IV.

Главнымъ убѣжищемъ учениковъ св. Меѳодія и словѣнскаго богослуженія, прогоняемыхъ изъ Моравіи и Панопіи, сдѣлалась *Болгарія,* которая при сильномъ царѣ Симеонѣ (888 – 927) стала первымъ царствомъ на балканскомъ полуостровѣ, угрожая самому Царьграду; но съ другой стороны, въ отношеніи церковномъ и литературно-культурномъ, примкнула тѣсно къ Византіи. По примѣру византійско-греческой литературы развилась и въ Болгаріи словѣнская письменность, снабжая множествомъ литературныхъ памятниковъ, писанныхъ кириллицей, не только Болгарію и примыкающія къ ней Сербію, Дакію и Панонію, но тоже Русь. Въ южной Болгаріи (Македоніи и Илиріи) рядомъ съ кириллицей употреблялась и глаголица до XIII вѣка, имѣя здѣсь вѣроятно опору въ церкви Богомиловъ.

Такимъ образомъ послѣ ослабленія и паденія словѣнскаго богослуженія на западѣ въ Моравіи и Панопіи, въ Чехіи и въ Угріи, его убѣжищемъ сдѣлалась на югѣ хорватско-сербская Далмація и Болгарія. Отъ церковно-литературной дѣятельности словѣнско-глаголической въ хорватско-сербской-Далмаціи и болгарской Македоніи и Илиріи въ X—XII вѣкахъ уцѣлѣло не много, нѣсколько евангелій (Зографское, Ватиканское Маріинское), псалтирь и молитвословъ (Синайскіе), слова св. отцевъ (отрывки Клоца), и нѣсколько другихъ отрывковъ церковныхъ книгъ. Рукописи Клоца и Маріинская списаны, кажется, въ хорватско-сербской Далмаціи, другія въ болгарской Македоніи; но все это уже не подлинники, а списки съ болѣе древ-

обойдтись безъ извѣстныхъ намековъ и желаній на счетъ уніи, и безъ памятной медали съ кирилловскою надписью: „Св. Кириллъ, св. Меѳодій, молите ся о насъ. Римъ. Да вси едино суть“. Но въ 1880 г. можно было по крайней мѣрѣ обойдтись безъ разныхъ ошибокъ, въ родѣ тѣхъ, что св. Меѳодій утвердилъ болгарскаго короля Богориса въ католической вѣрѣ, и что онъ основалъ епископіи во Львовѣ и въ Кіевѣ.

нихъ рукописей временъ св. Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ. Также и отъ церковно-литературной дѣятельности словѣнско-кирилловской въ Болгаріи и въ другихъ подунайскихъ странахъ сохранилось не много древнихъ списковъ, евангелія Савы и отрывки другихъ, житія святыхъ и слова (Супрасльская рукопись) и др. Гдѣ и когда написаны или списаны напр. евангеліе Савы или Супрасльская рукопись, въ Паноніи или въ Дакіи, въ Болгаріи или въ Сербіи, неизвѣстно. Одно изъ такихъ словѣнско-болгарскихъ евангелій попало на Русь, и здѣсь оно списано въ сѣверномъ Новгородѣ для посадника Остроміра діакономъ Григоріемъ въ 1057—1067 гг. Этотъ годъ, сопоставленный съ годами написанія Кіевскихъ Изборниковъ (1073 и 1076), даетъ возможность приблизительно опредѣлить время написанія другихъ древнѣйшихъ словѣнскихъ памятниковъ, глаголическихъ и кирилловскихъ. Во всѣхъ упомянутыхъ древнѣйшихъ памятникахъ словѣнскихъ сохранился словѣнскій языкъ, вообще говоря, очень чистъ, употребляя правильно ѫ и ѫ, тоже ь и ъ, безъ значительной примѣси мѣстныхъ языковъ славянскихъ, хорватско-сербскаго, болгарскаго, русскаго; между тѣмъ, въ послѣдующихъ за евангеліемъ Остроміра на Руси писанныхъ словѣнскихъ памятникахъ вліяніе русскаго языка болѣе значительно, даже въ памятникахъ второй половины XI вѣка, напр. въ Изборникѣ списанномъ въ 1073 г. въ Кіевѣ діакономъ Іоанномъ съ Изборника написаннаго для болгарскаго царя Симеона, стало быть съ рукописи первой половины X-го вѣка. Вліяніе мѣстныхъ языковъ усиливалось со временемъ, такъ что словѣнскій языкъ памятниковъ второй половины XI в. и XII в. писанныхъ на Руси, въ Хорватіи, Сербіи, Болгаріи, значительно отличается отъ языка напр. евангелій Зографскаго или Ватиканскаго, Савы или Остромірова. Поэтому сохранившіяся древнѣйшія словѣнскія рукописи, глаголическія и кирилловскія, можно отнести наипозже къ второй половинѣ XI вѣка. Что касается отношенія языка словѣнскихъ памятниковъ глаголическихъ и кирилловскихъ, то разница заключается не въ языкѣ, одинаковомъ въ тѣхъ и другихъ (съ незначительными отступленіями), не въ различіи текста переводимаго

съ греческаго, а происходитъ отъ разныхъ редакцій и списковъ греческаго подлинника, и отъ субъективнаго взгляда того или другаго писца, который могъ предпочесть другое слово, другую форму, другую фразу, находимымъ въ спискѣ или въ подлинникѣ *).

Въ *Хорватіи* глаголица, письмо первоначально круглое, въ теченіи XII-го вѣка стало измѣняться въ болѣе угловатое, равнымъ образомъ какъ круглое латинское письмо измѣнялось въ угловатое готическое. Если вѣрно, что рукопись Клоца списана въ Хорватіи, а евангеліе Маріинское въ областяхъ хорватско-сербскихъ, то письмо этихъ памятниковъ представляло бы древнѣйшій извѣстный почеркъ хорватско-сербской глаголицы. Угловатая глаголица встрѣчается въ словѣнско-хорватскихъ памятникахъ конца XII-го и XIII-го вѣка (житіе Іоанна Богослова, житіе св. Ѳеклы, слово Іоанна Златоуста); но переходъ отъ глаголицы круглой къ угловатой замѣтенъ въ надписи на островѣ Керкѣ ок. 1100 г. и въ отрывкѣ апостола XII-го в. Глаголицу употребляли Хорваты не только въ книгахъ церковныхъ, но и въ письменныхъ памятникахъ свѣтской литературы, въ статутахъ, грамотахъ и пр., и въ печатныхъ церковныхъ книгахъ, начиная съ перваго изданія служебника напечатаннаго въ Венеціи въ 1483 году. Древнѣйшіе словѣнскіе памятники церковные, писанные въ Хорватіи, примыкаютъ тѣсно къ греческимъ текстамъ, какъ напр. въ упомянутыхъ житіяхъ свв. Іоанна Богослова и Ѳеклы, въ словѣ Іоанна Златоуста

*) Вопросъ объ отношеніи словѣнскаго текста въ древнѣйшихъ памятникахъ надо разсмотрѣть послѣ критическаго изданія памятниковъ. Срв. *Шафарика* Památky hlahol písemnictví, стр. XXXI, Ursprung u. Heimat des Glagol. 25; *Ягича* Evangjelije u sloven. prievodu (въ Tisućnica), Четыре критико-палеографическія статьи (1884 года), и его изданія евангелій Зографскаго, Ватиканскаго и Маріинскаго; введеніе *Миклошича* въ его Altslovenische Formenlehre (1874 г.).

и въ апостолѣ; да одна церковная пѣснь написана глаголицей не только въ своемъ „словѣнскомъ" текстѣ, но и въ „грьчкомъ" *).

Послѣ исчезновенія глаголицы въ южной Болгаріи и замѣненія ея кириллицей, которая сдѣлалась господствующимъ письмомъ у всѣхъ православныхъ и богомильскихъ Славянъ, глаголица, сохранившаяся только въ Хорватіи и поставленная уже подъ опеку св. Іеронима и Рима, приняла характеръ католическаго словѣнскаго (словинскаго) письма (litterae slavicae), да стала называться часто и хорватскимъ письмомъ. По этому въ XV вѣкѣ хорватскій переводчикъ разсказа Діоклейскаго попа (XII-го вѣка) о дѣятельности св. Константина философа: „Constantinus vir sanctissimus ordinavit presbyteros ut literam lingua sclavonica componens, commutavit evangelium Christi atque psalterium et omnes divinos libros veteris ut novi testamenti de graeca litera in sclavonicam"—перевелъ такимъ образомъ: „Свети муж Костанц нареди попове и книгу хрватску, истумачи из грчкога хрватску книгу и хрватски истумачи евангеліа и све епистуле цриквене и тако старога како новога закона" **).

Только позже Хорваты познакомились тоже съ кириллицей посредствомъ сосѣднихъ Сербовъ, именно Босніи, гдѣ со временемъ образовался особый видъ кирилицы, такъ назыв. буквица. Такимъ образомъ Хорваты писали глаголицей, кириллицей и латиницей, между тѣмъ какъ остальные Славяне довольствовались латиницей (на западѣ) или кириллицей (на юговостокѣ и востокѣ).

Отъ богатой литературы словѣнско-кирилловской въ *Болгаріи* X-го вѣка, не уцѣлѣло никакихъ подлинныхъ рукописей означенныхъ годомъ, и памятники этой литературы сохранились только въ позднѣйшихъ спискахъ, преимущественно на Руси. Рукописи Савы и Супрасльская стоятъ ближе къ этой

*) *Срезневскій*: Свѣдѣнія о малоизвѣстн. памятникахъ N. 70, 71, 74; *Ягичъ* въ сборникѣ Rad jugoslav. akad. II. 1; *Шафарикъ* Památky hlahol. písm. 57, *Берчичъ* Čitanka stslov. jezika 33. Срв. тоже *Ягича* Primeri starohrvat. jezika, *Берчича* Ulomci sv. pisma.

**) О названіяхъ словѣнскаго письма вообще и въ Хорватіи срв. книгу *Рачкаго* Pismo slovjensko.

литературной дѣятельности въ Болгаріи или въ другихъ подунайскихъ странахъ; но съ другой стороны не исключена возможность, что и такія рукописи могли быть списаны и на Руси писцами, которые могли придерживаться болѣе тщательнымъ образомъ словѣнскаго подлинника, чѣмъ сдѣлалъ напр. Новгородскій діаконъ Григорій. Словѣнско-болгарскіе памятники, начиная съ XI--XII-го вѣка за исключеніемъ немногихъ выше упомянутыхъ глаголическихъ, написаны кириллицей, напр. Октоихъ Струмицкій, евангелія Терновское, Дечанское, Зографское, псалтирь Охридская, апостолы Охридскій, Слѣпченскій, Струмицкій, кормчая книга, житія, службы и др. Изъ Болгаріи словѣнскій языкъ и кириллица распространились въ *Сербію*, именно въ восточную (Расскую), въ западную (Боснію), и наконецъ и въ югозападную (Холмъ и Діоклею). Кириллицей написаны словѣнско-сербскія евангелія Мирослава (1190), Волка (1202), Шишатовацкое (1324), Никольское (1404), апостолъ Шишатовацкій (1324), псалтирь Бранка Младеновича (1346), и др. библейскія книги, кормчія, житія, типики и пр. *). Съ конца XV-го вѣка (1494) печатаются книги словѣнско-сербскія и словѣнско-болгарскія (въ Румыніи), въ Цетиньѣ, Бѣлградѣ, Римѣ, Брашовѣ и пр.

На *Русь* словѣнскій языкъ распространился главнымъ образомъ посредствомъ Болгаріи X-го вѣка; поэтому Русскіе познакомились уже съ кириллицей, между тѣмъ какъ отъ глаголицы на Руси сохранились незначительные слѣды **). Какія книги употребляли русскіе христіане IX-го и X-го вѣковъ, до водворенія христіанства на Руси при князѣ Владимірѣ, неизвѣстно; при

*) Нѣкоторые памятники изданы Миклошичемъ, Даничичемъ, Ягичемъ, Шафарикомъ и др., особо или въ югослав. журналахъ (Гласник, Старине), въ обоихъ сборникахъ Срезневскаго о малоизвѣст. памятн. и о пам. юсоваго письма, и пр. Срв. *Новаковича* Примери кньижевности и језика старога и србско-словенскога.

**) Особенно любопытна рукопись словѣнско-русская XII вѣка, въ которой нѣкоторыя слова написаны смѣшаннымъ письмомъ, кириллицей и глаголицей (Извѣстія имп. акад. наукъ X. 580).

давнихъ сношеніяхъ дунайскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ (Руси) послѣдніе могли съ христіанствомъ и словѣнскими книгами познакомиться еще раньше, посредствомъ Словѣнъ въ Дакіи, съ которыми они граничили по Карпатскимъ горамъ и по Днѣстру. Ничего болѣе достовѣрнаго нельзя сказать о евангеліи и псалтири, писанныхъ „русскими письменами", которыя Константинъ философъ нашелъ въ Корсунѣ въ Тавріи на пути въ Козарію, стало быть еще до приспособленія имъ греческаго письма къ словѣнскому языку; эти „русскія" письменные памятники могли быть дѣйствительно русскіе, т. е. писанные на языкѣ Кіевской Руси (Полянъ), хотя и греческимъ письмомъ еще „безъ устроенія", равнымъ образомъ какъ напр. еще недавно написаны нѣкоторые письменные памятники на языкѣ семиградскихъ Словѣнъ латиницей, или какъ для Болгаръ печатались книги на болгарскомъ языкѣ, но простымъ греческимъ письмомъ. Греческое письмо знали черноморскіе Славяне уже съ древнѣйшихъ временъ. Неизвѣстно тоже, что это за „кѵрилоца, куриловица", изъ которой въ 1047 г. попъ Упирь Лихій въ Новгородѣ списалъ книгу пророковъ. Съ X-го вѣка словѣнскія книги списывались на Руси кириллицей, евангелія Остроміра и Туровское (XI в.), Мстислава, Галичское, Добрила (XII в.), псалтири, слова, сборники, разныя библейскія и богослужебныя книги, кормчія, и пр. Съ конца XѴ-го вѣка (1491 г.) начинаются печатныя книги для Руси и на Руси, въ Краковѣ, Прагѣ, Вильнѣ, Москвѣ, Острогѣ, Львовѣ, Кіевѣ и пр. *).

Ѵ.

Словѣнскій языкъ сдѣлался, первый между славянскими языками, *литературнымъ*, прежде всего *церковнымъ*, почти у всѣхъ Славянъ. Но у западныхъ Славянъ употребленіе его скоро прекратилось, у Хорватовъ онъ остался ограниченнымъ только на

*) Нѣкоторые словѣнско-русскіе памятники изданы вполнѣ, другіе отъ части, напр. въ обоихъ упомянутыхъ сборникахъ Срезнев-

часть ихъ церкви, не имѣя впрочемъ влянія на хорватскій; только у Славянъ православныхъ, у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, онъ сохранился какъ языкъ церковный съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, имѣя всегда большее или меньшее вліяніе на ихъ языки. Словѣне и ихъ языкъ исчезаютъ въ своей подунайской прародинѣ, оставляя только нѣкоторые слѣды въ языкахъ и учрежденіяхъ своихъ преемниковъ и господъ, Мадьяръ и Румынъ. Словѣнскій языкъ дѣлается, подобно латинскому, *языкомъ мертвымъ*. Мѣсто словѣнскихъ хозяевъ занимаютъ хозяева другіе, хотя и родственные, чешско-моравскіе, хорватскіе, сербскіе, болгарскіе, русскіе, и чужіе, Волохи (Румыны), которые распространяются въ Дакіи, поглощая тамошнихъ Словѣнъ. Всѣ они охраняютъ словѣнскій языкъ какъ дорогое наслѣдство свв. апостоловъ славянскихъ; но съ теченіемъ времени уже они не въ состояніи сохранить словѣнскій языкъ въ первобытной чистотѣ, и налагаютъ на него печать *чешскую (и моравско-словенскую)*, *хорватскую, сербскую, болгарскую (и волошскую), русскую*.

Въ IX-мъ в., когда Константинъ и Меѳодій и ихъ помощники впервые стали писать по словѣнски, раздѣленіе славянскихъ языковъ было уже давно совершившимся фактомъ. Словѣнскій языкъ рѣзко отличался не только отъ языковъ западно-славянскихъ (чешскаго и ляшскаго), отъ восточно-славянскаго русскаго, но даже отъ ближайшихъ югославянскихъ языковъ, словенскаго и хорватско-сербскаго. Словѣне тонко различали глухія ь и ъ, въ срединѣ и въ концѣ словъ, ы (т. е. ъј) и и, ѣ, употребляли носовыя ѫ ѧ, *жд* и *шт*, говоря: *дьнь*, *съмрьть*, *пръстъ*, *грьдъ*, *влъкъ* и *плъкъ*, *вѣра*, *свѧтъ*, *мѫжь*, *межда*, *ношть*, *штуждь*, *градъ*, *глава*. Эти слова произносили западные Славяне: *день* и *дзень*, *смрьть* и *смрть* и *смерць*, *пръст*, *прст* и *перст*, *грьд* и *грд* и *гард*, *вльк* и *влк* и *вильк*, *плък* и *плук* и *пелк*, *вѣра* и *вира*, *сват* и *свѧт*, *муж* и *мѫж*, *меза*

скаго, въ истор. христоматіи Буслаева, и пр. Срв. *Срезневскаго* Древніе памятники русскаго письма и языка (Извѣстія Имп. Акад. наукъ, X.).

(*мезꙗ*) и *медза*, *ноц*, *цуз* и *цудз*, *град* и *гард*, *грод*, *глава* и *глова*; восточные Славяне: *день*, *смерть*, *перст*, *горд*, *волк*, *вера*, *свꙗт*, *муж*, *межа*, *ноч*, *чужь*, *город*, *голова*, *олень* (вмѣсто западнаго и южнаго ѥлень). Южные Хорваты и Сербы знали только одну глухую ь, которая въ концѣ словъ тоже исчезаетъ, а въ серединѣ словъ замѣняется рано ясной, или тоже исчезаетъ: *сьтьникь* скоро измѣнилось въ *сьтник*, *сатник*, *сьмрьть* въ *смрт*, *вльк* (позже *вук*), *вѣра* — *вера* — *вира*; вмѣсто носовыхъ *свет* и *муж*; вмѣсто ы — и: *бити* (бꙑти и бити, хотя Сербы долго писали бꙑти); вм. межда и ношть—*медꙗ*, *међа*, (Хорв. *меꙗ* и *нотъ*, *ноћ* *). Что касается подунайскихъ Словѣнъ, заселявшихъ Норикъ и югозападную Панонію (Словенцы) и задунайскія страны, Мизію, Ѳракію, Македонію и пр. (Словѣне-Болгаре), то ихъ словѣнскій языкъ рано подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Словѣне въ Норикѣ уже въ X-мъ в., судя по Фрейзингскимъ памятникамъ, не знали ꙑ, ѧ и ѫ (съ рѣдкими исключеніями), *жд*, *шт*, говоря какъ и нынѣ или подобно тому, *смерт* (zemirt т. е. *сьмрьт*), *бити*, *свети*, *содни ден*, *мо веру*, *грехи*, *жеѥн* (т. жѧждьнъ), *всемогочи*, *полт*. Задунайскіе Словѣне (Болгаре), которые вышли изъ подунайскихъ Словѣнъ, могли долго сохранить свой чистый словѣнскій языкъ, такъ что царь Михаилъ еще могъ сказать обоимъ Солунскимъ уроженцамъ Константину и Меѳодію, что ,,вьси Селунꙗне чисто словѣньскꙑ бесѣдуѭтъ", подразумѣвая подъ Селунянами вообще Словѣнъ македонскихъ и другихъ. Но словѣнскій языкъ Болгаръ скоро подвергся значительному вліянію языковъ влаш-

*) Имя моравскаго князя Святополка пишется у современниковъ: *Suentopulcus*, *Szuentiepulc*, *Sfentopulchus*, *Zuentibaldus*, Σφενδοπλόκος, т. е. Свѧтоплъкъ, какъ его называли Словѣне. Но у другихъ Славянъ его имя произносилось вѣроятно уже тогда иначе, подобно позднѣйшему произношенію, и кънѧзь Свѧтоплъкъ Словѣнъ назывался у Чеховъ (Моравянъ и Словаковъ) кнѥзь Сватоплук, у Ляховъ кнѧдзь Свѧтопелк, у Русскихъ кнꙗзь Свꙗтополк, у Хорватовъ и Сербовъ кнез Светоплък (Sphetopelek въ XII в.).

скаго (румынскаго) и албанскаго, которые измѣнили не только его фонетику, но и граматику. Словѣнско-болгарскій языкъ сохранилъ *жд* и *шт*, ѫ (одинъ, смѣшиваемый съ *ь*), но потерялъ носовые звуки (съ рѣдкими исключеніями), которые замѣняются ѫ, *а*, *е*. Эти особенности словѣнско-болгарскаго языка являются уже въ его древнѣйшихъ памятникахъ XI—XII вв. и подъ прикрытіемъ тогдашняго письменнаго языка; въ немъ смѣшиваются ѫ и *ь*, ѧ и ѫ, которые однако означаютъ уже не носовые звуки, а гласныя ѫ, *а*, ъı, ıа, *е*.

Славяне западные, южные и восточные, принявъ словѣнскій языкъ въ свой церковный и литературный, должны были его изучать какъ чуждый, хотя и родственный, равнымъ образомъ какъ въ Италіи и во Франціи учились латинскому языку. Рукописей IX-го вѣка, прямыхъ свидѣтелей письменной дѣятельности Константина и Меѳодія и ихъ непосредственныхъ учениковъ временъ царя Симеона, — не сохранилось, и древнѣйшія сохранившіяся рукописи — уже списки, вторые и третьи, XI-го вѣка. Списывая церковныя книги писцы въ Болгаріи, Хорватіи, Сербіи, Россіи, съ начала тщательно придерживались словѣнскаго подлинника. Такимъ образомъ сталося, что напр. языкъ евангелія Остромірова, списаннаго въ сѣверной Руси въ Новгородѣ, языкъ евангелія Зографскаго списаннаго вѣроятно въ южной Болгаріи, языкъ Маріинскаго евангелія, списаннаго вѣроятно въ сербскихъ странахъ, существенно не различается (не говоря о различіи рецензіи текста), и можетъ представлять первоначальный языкъ словѣнскаго подлинника X-го вѣка, хотя ихъ писцы, русскій, болгарскій, сербскій, говорили уже на различныхъ славянскихъ языкахъ, и по этому русскій уже иногда смѣшивалъ ѫ съ своимъ *у*, болгарскій ѧ съ *е*, а сербскій часто ѫ съ *у*. Но со временемъ такіе писцы не были уже въ состояніи, освободиться отъ все усиливающагося вліянія живаго роднаго языка, который помимо воли самаго писца заявлялъ свои права, у одного менѣе, у другого болѣе.

Одинъ изъ самыхъ тщательныхъ такихъ писцовъ, русскій діаконъ Григорій, списалъ въ 1056 — 1057 гг., несомнѣнно съ словѣнской рукописи X-го вѣка писанной въ Болгаріи, *еван-*

геліе для Новгородскаго посадника Остроміра, и сохранилъ въ своемъ спискѣ особенности чуждаго для него языка словѣнскаго удивительно вѣрно; но и этотъ писецъ не могъ преодолѣть вліянія своего русскаго языка, и назвалъ свою родину *Новгородъ* и своего князя *Володимиръ*, написалъ *богомъ* вмѣсто *богъмъ*, *поручениѥ* вм. *порѫченнѥ*, *древо* вм. *дрѣво*. Когда же въ томъ же самомъ Новгородѣ, полъ вѣка спустя (до 1117 г.), писецъ Алексѣй списывалъ евангеліе для князя Мстислава, то вліяніе русскаго языка заявило свои права уже болѣе сильнымъ образомъ; Алексѣй уже не понималъ значенія ѫ и ѧ, употреблялъ ихъ не правильно, или смѣшивалъ ѧ съ ꙗ, ѫ и ѭ съ *у* и *ю*; тамъ гдѣ его землякъ Григорій писалъ правильно: мѫжь, придошѧ, бесѣдуѭщема, бꙗахѫ, Симону — Алексѣй писалъ: мужь, придоша, бесѣдующема, бѧаху, Симонѫ; своего князя онъ конечно назвалъ Мьстиславъ вънукъ Вьсеволожь сынъ Володимирь.

Не иначе было въ Кіевѣ. Отъ дѣятельности писцовъ, переводившихъ при князѣ Ярославѣ книги съ языка греческаго на словѣнскій, не уцѣлѣло ничего. Они могли съ начала употреблять еще болѣе правильный языкъ словѣнскій, чѣмъ діаконъ Григорій; но со временемъ словѣнскій языкъ и на южной Руси поддался вліянію мѣстнаго языка, и когда въ Кіевѣ въ 1073 году „диакъ Іоаннъ“ списывалъ *Изборникъ* великому князю Святославу съ такого же Изборника для болгарскаго царя Симеона (начала X-го вѣка), то его русскій языкъ игралъ здѣсь уже большую роль, чѣмъ у Новгородскаго діакона Григорія. Дьякъ Іоаннъ не зналъ значенія ѫ и ѧ, смѣшивая ихъ съ *у* и ꙗ, *а*; онъ писалъ: лѫбо (вм. любо), чѧсъ (чꙗсъ, часъ), ѧждь (ꙗждь, даже по русски: ꙗжь, ѣжь), глаголюшти (вм. глаголѭшти), главу сущѫ (вм. главѫ сѫщѫ), человѣкомъ, поросѧте, полоненъ, и другіе чистые руссизмы. Но съ другой стороны въ тоже самое время, когда Кіевскій дьякъ Іоаннъ списывалъ Изборникъ, другой русскій писецъ могъ придерживаться строже словѣнскаго подлинника, какъ это сдѣлалъ напр. писецъ словъ Григорія Богослова.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ славянскихъ на принятый въ письменности, преимущественно церковной, языкъ словѣнскій, образовались особыя его рецен-

зіи или *изводы* съ своими особенностями и отличительными чертами: изводъ *словѣнско-чешскій*, который однако не могъ развиться вполнѣ, съ *з* и *ц* вмѣсто *жд* и *шт*,—*дло* вм. —*ло*; изводъ *словѣнско-хорватскій* и *словѣнско-сербскій*, безъ ѫ и ѧ, которые замѣняются черезъ *у* и *е*, съ однимъ *ь*, который часто выпускается или переходитъ въ *а*, съ *ы*, который смѣшивается съ *и*; изводъ *словѣнско-болгарскій*, смѣшивающій ѫ и ѧ не только между собой но и съ другими гласными, *ъ* и *ь*; изводъ *словѣнско-русскій*, замѣняющій ѫ и ѧ черезъ *у* и ꙗ (ѧ—я), *ѣ* черезъ *е*, *ъ* и *ь* часто черезъ *о* и *е*, *жд* черезъ *ж*, *шт* черезъ *щ* (т. е. *шч*). Надо замѣтить, что языкъ свѣтской письменности хорватской, сербской, русской, языкъ лѣтописей, законовъ, грамотъ и пр. болѣе народенъ, подвергаясь вліянію словѣнскаго языка менѣе, чѣмъ языкъ церковныхъ книгъ; менѣе всѣхъ почувствовалъ вліяніе церковнаго языка народный языкъ католическихъ (и богомильскихъ) Хорватовъ и Сербовъ. Сильнѣе было вліяніе церковнаго языка между православными Славянами, хотя и здѣсь есть значительныя различія; такъ напр. языкъ сербскихъ житій и лѣтописей стоитъ къ словѣнскому языку ближе, чѣмъ языкъ русскихъ лѣтописей; писцы сербскихъ грамотъ въ Сербіи, Босніи, Холмѣ, Зетѣ, пишутъ одни на словѣнскій ладъ: граждане, помошть, светаго, а другіе чисто по сербски: грађане, помоћ, светога.

Словѣнско-чешскій изводъ *) образовался подъ вліяніемъ языка Моравянъ, Словаковъ и Чеховъ, но онъ не могъ развиться, такъ какъ словѣнскій языкъ у западныхъ Славянъ исчезъ въ концѣ XI-го вѣка, и могъ сохраниться дальше развѣ только въ подкарпатской Угріи между Словаками. Западнымъ Славяниномъ написаны въ XI-мъ вѣкѣ въ Чехіи,

*) Употребляемъ здѣсь слово „чешскій“ въ обширномъ смыслѣ подразумѣвая подъ этимъ тоже моравскій и словенскій (Словаковъ). Несомнѣнно существовалъ и *словѣнско-ляшскій* (*польскій*) изводъ, такъ какъ словѣнское богослуженіе сохранилось въ Польшѣ до XI-го вѣка; но за неимѣніемъ болѣе положительныхъ филологическихъ данныхъ надо довольствоваться однимъ фактомъ, что существовалъ и такой изводъ.

Моравіи или въ землѣ Словаковъ, или пожалуй и въ Панонiи, словѣнско-глаголическія пѣснопѣнія (пражскіе отрывки), переведенныя съ греческаго, и словѣнско-глаголическій служебникъ римскій (кіевскіе отрывки), переведенный съ латинскаго (слова: прѣфациѣ, мьшѣ, надъ оплатъмь, Фелицита). Только западный Славянинъ списывая словѣнскую церковную книгу, могъ написать: *модлитву* (вмѣсто молитвѫ), *свѣтидлъна* (вм. свѣтильна), *въседли* (вм. въсели), *дазь* (вм. даждь), *тузимъ* (вм. туждимъ), *пица* (вм. пишта), *помоць* (вм. помошть), *просѧце* (вм. просѧште), и пр. Можетъ быть, что словѣнско-глаголическій служебникъ римскій принадлежалъ Сазавскому монастырю, находившемуся въ пражской епархіи подвластной Риму. Знали-ли Чехи (Моравяне, Словаки) кириллицу, извѣстную въ сосѣдней Угріи, не можемъ ни отрицать ни утверждать; словѣнско-кирилловскіе памятники чешскаго извода пока неизвѣстны *).

*) Праж. отрывки издалъ Шафарикъ, кіевскіе Срезневскій (Свѣд. о малоизвѣст. памятникахъ N. LXXVII). Возраженія Миклошича (Altslov. Lautlehre 1878, pag. 219, 226, 238) противъ западнославянскаго происхожденіи этихъ памятниковъ — неосновательны, мнѣніе Макушева (Чтенія о старочешской письменности)—ошибочно. Слѣды западно-славянскаго вліянія замѣтны и въ древнесловен. Фрейзинг. отрывкахъ (выгнан, модлим се), въ словѣнско-глагол. псалтири Синайской, списанной въ Болгаріи (выгънахъ), и др. Слова записанныя латиницей въ одной латин. рукописи пражской (Časopis Česk. Musea 1878, 536)—не словѣнскія, а старочешскія (Archiv für slav. Philologie VI. 279). Найденный въ Градцѣ отрывокъ кирилловскаго евангелія—не чешскаго происхожденія, а словѣнско-русскаго извода (Ганка: Остатки слав. богослуженія въ Чехіи, стр. 1–5). Что касается кирилловскаго евангелія, подареннаго Карломъ IV. пражскому словѣнскому монастырю, то могли только Чехи XIV-го вѣка заблуждаться, думая, что это евангеліе писалъ „русскимъ письмомъ св. Прокопій“ (по этому назвалъ его Ганка „Сазавскимъ“). Языкъ этого евангелія указываетъ не на Чехію XI-го в., а на страны болгарско-волошско-южнорусскія XIV в., какъ вѣрно опредѣлилъ уже Копитаръ (Срв. *Билярскаго* Судьбы церковнаго языка I). Къ этому разряду принадлежитъ тоже кирилловская записка въ Райградскомъ латин. Martyrologium, и поэтому не можетъ быть очень древняя, какъ кажется Галабалѣ (Sbornik Velehradský III. 296).

Хорваты, Сербы, Болгаре, Русскіе, принявъ словѣнскія книги, сохраняли ихъ языкъ съ начала въ возможной чистотѣ; что касается Словѣнъ, оставшихся въ Паноніи и въ Дакіи, то, за неимѣніемъ болѣе опредѣленныхъ данныхъ, можно только догадываться, что и они относились къ принятымъ изъ Паноніи или изъ Болгаріи словѣнскимъ книгамъ съ такимъ же благоговѣніемъ. По этому словѣнскій языкъ въ древнѣйщихъ глаголическихъ и кирилловскихъ памятникахъ (Зографскомъ, Клоца, Ватиканскомъ, Синайскомъ, Маріинскомъ, Савы, Супрасльскомъ, Остроміра, словъ Григорія и др.)—одинъ, не говоря о нѣкоторомъ разногласіи лексикальномъ (напр. куръ—пѣтель—петехь—кокотъ, напасть—искушеніе, балии—врачь, шуи—лѣвъ), и формальномъ (напр. формъ: ведетꙿ — веджтꙿ и ведеть—веджть), и о тонкихъ слояхъ мѣстныхъ языковъ, которые еще не трудно снять.

Если вѣрно, а не только вѣроятно, что рукописи Клоца и Маріинская списаны въ областяхъ хорватско-сербскихъ (ркп. Клоца хранилась въ Хорватіи) въ XI-мъ вѣкѣ, съ болѣе древнихъ рукописей, то языкъ этихъ списковъ представлялъ бы словѣнскій языкъ, употребляемый въ богослуженіи хорватско-сербской церкви во время Сплѣтскаго собора и основанія митрополіи Діоклейско-Барской. Какъ бы то ни было, а уже въ XII-мъ в. словѣнскій языкъ подвергся здѣсь важнымъ измѣненіямъ въ отношеніи фонетическомъ.

Хорваты и Сербы, не зная ѧ и ж, замѣнили ихъ своими *е* и *у*, употребляли одинъ *ь* (а *ꙿ* встрѣчается изрѣдка только въ древнѣйшихъ памятникахъ), который въ концѣ словъ только пишется по старому обычаю, но не произносится, а въ срединѣ словъ часто замѣняется *а* (словѣн. сътьникъ перемѣнилось въ сьтьникь т. е. сьтник, въ латин. грамотахъ setenik, setinik, setnik, sitnik, нынѣ сатник); *ы* (а не ъı) употребляли изрѣдка по старому обычаю и замѣняли его *и*. Но иначе словѣнскій языкъ въ церковныхъ книгахъ хорватскихъ и сербскихъ сохранился съ начала довольно правильный, и Хорваты и Сербы писали и читали въ церкви все *рождьство*, *между* (*междю*), *ношть* (писали *нощь*), *идуште*, *светаго*, хотя они произносили эти слова на своемъ языкѣ иначе. Когда эти хор-

ватско-сербскія фонетическія особенности введены въ церковныя книги словѣнскія Хорватіи и Сербіи, нельзя ближе опредѣлить, такъ какъ до сихъ поръ найденные памятники (отрывки церковныхъ книгъ) несомнѣнно хорватско-сербскаго извода—не древнѣе конца XII-го и начала XIII-го вѣка; а въ этихъ книгахъ тѣ особенности встрѣчаются уже повсюду. Замѣтимъ, что въ древнѣйшемъ памятникѣ хорватскаго языка, въ глаголической надписи ок. 1100 года, встрѣчается одинъ ꙁ (Звъниміръ кралъ хрьватьскъ, црѣкьвъ), *е* и *у* (светую, кънеза), *и* (ми).

Къ древнѣйшимъ памятникамъ словѣнскаго языка хорватско-сербскаго извода XII-аго вѣка принадлежитъ отрывокъ служебника, въ которомъ встрѣчаются церковныя пѣснопѣнія на словѣнскомъ и на греческомъ языкахъ, но греческія писаны не по гречески, а глаголицей *). „Одинь грьчки а други словѣньски велиемь гласомь сию пѣснь: Оте тонь ставронь просилосань парономи тонь кирионь тись доксись (то есть ὅτε τὸν σταῦρον προςήλωσαν παράνομοι τὸν κύριον τῆς δόξης). Егда на крижи нечистиви пригвоздише господа слави" и пр. Этотъ греческо-словѣнскій служебникъ употреблялся очевидно въ церквахъ греческихъ, православныхъ, и судя по языку, относится къ XII-му вѣку. Но такъ какъ тогда въ Хорватіи (сѣверной Далмаціи)—гдѣ рядомъ съ латинскимъ богослуженіемъ существовало кое гдѣ и греческое **), —словѣнское богослуженіе запрещенное въ половинѣ XI-го в. едва-ли уже существовало, то можетъ быть, что этотъ служебникъ употреблялся

*) Šafařik: Památky hlahol. písemn. 57, Berčić: Čitanka staroslovеn. jezika 33.

**) По разсказу Ѳомы Сплѣтскаго соборъ 1059—1060 гг. постановилъ, „ut nullus in lingua sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in latina et graeca“ (см. выше стр. 19). Въ 1198 г. папа Иннокентій III. пишетъ Задерскому капитолу: Cum in ecclesia vestra, quae sub obedientia sedis apostolicae perseverans Graecorum hactenus et ritum servaverit et linguam... non tam latinus, quam barbarus (Славянинъ?) sit intrusus, то папа велитъ избрать новаго архіепископа (Kukuljević: Codex diplomat. Croatiae II. 189).

гдѣ нибудь въ южной Далмаціи, въ „Словинскомъ королевствѣ“ Діоклейскомъ, въ митрополіи Барско-Діоклейской; здѣсь во второй половинѣ XI-го вѣка, и можетъ быть и позже, существовали монастыри латинскіе, греческіе и словѣнскіе, которые могли быть въ сношеніяхъ съ болгарскою Македоніей и Иліріей.

Хорваты измѣнили фонетику своего церковнаго языка самымъ рѣшительнымъ образомъ; уже въ древнѣйшихъ ихъ церковныхъ книгахъ нѣтъ и слѣда ѧ и ѫ и ꙑ, а ъ встрѣчается только изрѣдка въ древнѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ ь, который потомъ означается простой черточкой или кавычкой, или совсѣмъ выпускается, или наконецъ мѣняется въ ясную *а*; въ одномъ и томъ же самомъ памятникѣ можно встрѣтить формы *тьште* и *дань*, *сьблюдеть*, *сьмрьти*, а позже *отаць*, *начань*, *данась* или просто *отац*, *дан*, и прочь *). Также *ѣ* мѣняется иногда на хорватское *и*. Вслѣдствіе все усиливающагося вліянія живаго языка хорватскаго на церковный языкъ словѣнско-хорватскій или скорѣе на его фонетику въ церковныя книги входили новыя формы хорватскія, но не всецѣло, такъ какъ рядомъ съ ними оставались и болѣе древнія. Это встрѣчается и въ книгахъ рукописныхъ и печатныхъ (1483—1561 гг.). Такъ напр. въ евангеліи Реймскомъ 1395 г. встрѣчаются формы: *вьпль* и *взвапи*, *плть*, *нь* и *на*, *рождаство*, *жеждюще*, *осуждѣни*, и изрѣдка *осуень*; въ служебникахъ 1368 и 1483 гг. *междю* и *мею*, *осуђение*, *нуђахота* и *нуѣхота* (стар. нѫждаашете въ Зограф.), гдѣ ђ = j; въ служебникѣ 1483 г.: *одѣжда*, *просмрждают*, *обѣждь*, подлѣ обыкновенныхъ *роиство* (стар. рождьство), *одѣем* (ст. одеждемъ), *прѣе* и *прие* (ст. прѣжде), *жаюште* (ст. жаждѫштии); въ служебникѣ 1528 г.: *прѣжде*, *обиждю*, *зиждуштеи*, подлѣ обыкновенныхъ: *осуѣите* (ст. осѫждаите), *одѣю* (ст. одеждѫ), *даи* (ст.

*) Это *а* вмѣсто ь (дьньсь, нын. данас) несомнѣнно болѣе позднее, такъ какъ въ латин. грамотахъ XI—XII вв. такія слова пишутся Vilcizo, Velcoz (т. е. Вьлкьць, нын. Вукац), Bratizo (т. е. Братьць, Братац), Suinimir (Звьнимир, въ глагол. надписи Зъвънимиръ, нынѣ Званимир), setenic, setinic, setnic, sitnik (сьтьникь, нынѣ сатник), и пр.

даждь); *вриме* подлѣ *врѣме*, *прие* подлѣ *прѣе*; въ часословѣ 1561 г.: *семрть*, *вазмите*, *гнѣван*, *магла*, *мазда*, *конаць вримень*, *на мѣсте*, и пр., но все еще *своего*, *светаго*.

Не смотря однако на такія фонетическія перемѣны церковнаго словѣнско-хорватскаго языка, самый текстъ церковныхъ книгъ, принятыхъ изъ Панонін и списываемыхъ съ словѣнско-панонскихъ и можетъ быть, тоже сь словѣнско-болгарскихъ (Маріинское евангеліе?), остается, вообще говоря, тотъ же самый, примыкая къ греческому и тѣмъ самымъ и къ словѣнскому православныхъ Славянъ, Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Этотъ текстъ только позже исправлялся по латинской вульгатѣ, впрочемъ болѣе въ формальномъ отношеніи. По этому въ словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются словѣнско-греческія слова: *цесарь* и *цесарствие*, *цесараство* (т. е. цесарьство), *архиерѣи*, *ђемунь—игемонь* (въ Зограф. *иђемонъ*), *аминь* (подлѣ амень), *цесарь Ирудь* (rex Herodes), *влсви от встока* *), *кесарь Тиверии*, *Авраамь*, *Зоровавель*, и пр. рядомъ съ латинскими *Габриель*, *Бабилонь*, *Макабѣиские* и пр. Любопытно слово *цесарь*, хотя Хорваты говорили *краль*. Такъ напр. въ молитвѣ Господнѣ (еванг. Мат. VI. 9) Хорваты по церковнымъ словѣнско-глаголическимъ книгамъ молились „приди цесарствие (цесараство) твое", а въ обыденной жизни „приди кральевство (кралѣвство) твою". Послѣднее слово введено въ книги глаголическія (хорватскія) и кирилловскія (сербскія) только протестантами Хорватами, Далматиномъ и Истріаниномъ, въ ихъ хорватскомъ (глаголическомъ) и сербскомъ (кирилловскомъ) переводѣ Катихизиса (1561 г.) и Новаго Завѣта (1563 г.). Приводимъ здѣсь молитву Господню: 1) по словѣнско-хорватскому рукопис. служебнику XV-го в. (Berčić: Ulomci sv. pisma IV. 6);

*) Такъ въ еванг. 1395 г., въ служебникѣ 1483 г. и пр.; въ ев. Остроміра и въ др. *влъсви отъ въстока*, въ серб. еванг. 1404 г. *влъхвы отъ въустока;* въ нын. хорват. библіи *мударци из истока*, въ сербской *мударци од истока*. Срв. текстъ евангелій Реймскаго и Остроміра въ изданіи перваго у Ганки.

2) по словѣнско-сербскому евангелію Никольскому 1404 г. (изд. Даничичъ); 3) по словѣнско-болгарскому рукоп. евангелію XV-го вѣка (въ библіотекѣ Шафарика); 4) по евангеліямъ Зографскому (Ватиканскому и Маріинскому) и Остроміра; 5) по хорватско-сербскому переводу Новаго Завѣта 1563 г.; 6) по новымъ переводамъ, хорватскому (*х.*) Скарича и сербскому (*с.*) Караджича.

1. Отьче нашь иже еси нь небесихь.
2. Отьче нашь иже еси на небесѣхь.
3. Отьче нашь иже еси на небесехь.
4. Отьче нашь иже еси на небесехъ.
М. си *В.* небеси
О. ѥси
5. Отче нашь ки ѥси у небесихь.
6. *х.* Отче наш кој си на небесих.
с. Оче наш који си на небесима.

1. Свети се име твое.
2. Да светить се име твое.
3. Да свѧтить сѧ имѧ твое.
4. Да свѧтитъ сѧ имѧ твое.
О. свѧтить *О.* твоѥ.
5. Свети се име твоѥ.
6. *х.* Нека буде свеђено име твоје.
с. Да се свети име твоје.

1. Да придеть цесарствие твое.
(служебникъ 1528: цесараство)
2. Да придеть царьство твое.
3. Да пріидеть царствіе твое.
4. Да придетъ цѣсарьствие твое.
В. цесарство
О. придеть *М.* цесарествие.
О. цесарьствиѥ твоѥ.

5. Приди краљество твоѥ
(кир. кралѣвство)
6. *х.* Нека приде краљество твоје.
с. Да дође царство твоје *).

1. Буди вола твоѣ ѣко нь небесихь и нь земли.
2. Да будеть вола твоѣ ѣко на небесѣхъ и на землы.
3. Да бѫдеть волѣ твоа ꙗко на небеси и на земли.
4. Да бѫдетъ волѣ твоѣ ѣко на небеси и на земли.
М. бодетъ *М.* земи.
О. бѫдеть волꙗ твоꙗ ꙗко...
5. Буди вольа твоꙗ как на небѣ и на земльи.
(*кир.* како)
6 *х.* Нека буди испуњивана воља твоја како на небу тако и на земљи.
с. Да буде воља твоја и на земљи као на небу.

1. Хлѣбь нашь вьседаньни даи намь данась.
2. Хлѣбь нашь насуштьни даждь намь данась.
3. Хлѣбь нашь насѫщніи даждь намь днесь.
4. Хлѣбъ нашь настоꙗшт(ънъі) даждь намъ днесь.
В. насѫщьнъі дьнесь.
М. наставъшааго дьне даждъ дънесь.
О. насѫщьнъіи дьньсь.
5. Хлиб нашь всагданьни даи намь данась.
6. *х.* Крух наш свакдањи дај нам данас.
с. Хљеб наш потребни дај нам данас **).

*) У насъ нѣтъ подъ рукой хорватскаго перевода евангелій и епистолъ Бернардина Сплѣтскаго (1495 г.) и Зборошича (1543 г.), напечатанныхъ латиницей. Не сомнѣваемся, что они пишутъ *кральество*; но Комуловичъ въ своемъ римскомъ катихизисѣ (1580 г.) употребляетъ глаголическое *цесараство* (Dobrovský Glagolitica, изд. Ганки 52).

**) *Въседаньни, всагданьи*, по латин. quotidianus. Насѫщьнъіи, по греч. ἐπιούσιος; въ нѣскольких евангеліяхъ слов.-русскихъ XIV до XV вв. тоже *наставшаго дьне* (Описаніе славянскихъ рукописей мос-

1. И отпусти намь дьлги наше.
2. И отьпусти намь дльгы наше.
3. И остави намь длъгы нашѧ.
4. И отъпусти намъ дльгъı нашѧ.
В. остави *В. М.* длъгъı
О. остави *О.*
5. И одпусти намь дуге наше.
(*кир.* дьлге)
6. *х.* И одпусти нам дуге наше.
с. И опрости нам дугове наше.

1. Ѣкоже и ми отпущаемь длжникомъ ньшимь.
2. Ѣко и мы отьпуштаемь дльжьникомь нашимь.
3. Ꙗкоже и мы оставлѣемь дльжникомь нашимь.
4. Ѣко и мъı отъпуштаемъ дльжьникомъ нашимъ.
В. оставлѣемъ длъжьникомъ
М. отъпуштаемъ длъжъникомъ
О. оставлꙗѥмъ длъжьникомъ
5 Како и ми отпущамо душником нашимь.
(*кир.* дьлжникомь)
6 *х.* Како и ми одпуштамо дужником нашим.
с. Као и ми што опраштамо дужницима својијем.

1. И не ваведи нась в напасьть.
2. И не уведи нась вь напасть. *)
3. И не въведи нась вь напасть.
4. И не въведи насъ въ напасть.
М. вьведи *В.* искушеніе.

ков. синодальной библіотеки I. 240). Въ слов.-болгар. евангеліи Дечанскомъ XIII—XIV вв. тоже *наставшааго дьне*. (Срезневскій: Слав. памятники юсоваго письма, 388).

*) Въ двухъ слов.-серб. евангеліяхъ XIV в. *искушенѥ* (Опис. рукоп. Хлудова, 11).

5. И не наведи нась в напасть.
6. *х.* И не уведи нас у напаст.
с. И не наведи нас у напаст.

1. Нь избави нась от неприѣзьни.
2. Нь избави нась оть неприѣзьни *).
3. Нѫ избави нась оть лѫкаваго.
4. Нъ избави ны отъ неприѣзни.
В. лѫкавааго.
О. неприıазни.
5. Да избави нась оть зла.
6. *х.* Дали избави нас од зла.
с. Но избави нас ода зла.

1. (нѣтъ)
2. Ѣко твое ѥсть царьство и сила и слава у вѣкы амин.
3. Ѩко твое есть царство и сила и слава вь вѣкы аминь.
4. Ѣко твое естъ цѣсарьствие и сила и слава въ вѣк(ы) вѣкомъ аминь.
В. цесарство. . . . въ вѣкъ аминъ.
М. цѣсарьствие. . . вь вѣкы аминь.
О. Ѩко твоѥ ѥсть цесарьствиѥ . . . въ вѣкъı амин.
5. Зач твоѥ ѥсть краљество и сила и слава ва веки амень.
6. *с.* Јер је твоје царство и сила и слава на вијек амин.

VI.

Католическіе Хорваты, подвластные Риму, который то запрещалъ то разрѣшалъ употребленіе словѣнскаго языка въ ихъ церкви, должны были довольствоваться древнѣйшими словѣн-

*) Въ двухъ слов.-серб. еванг. Хлудова *лукаваго.*

скими церковными книгами, принятыми еще изъ Панонiи, или списываемыми уже въ самой Хорватiи, до XI—XII-хъ вѣковъ. Только эти древнѣйшiя рукописи и сдѣланные по нимъ списки были въ католической Хорватiи возможны; о заимствованiи Хорватами священныхъ книгъ словѣнскихъ у сосѣднихъ соплеменныхъ Сербовъ и Болгаръ, которыхъ Римъ прозывалъ „схизматиками“ и „еретиками“ (Богомиловъ—Патаренъ), нечего было и думать. Равнымъ образомъ и католическiе Хорваты не могли разсчитывать на распространенiе своихъ церковныхъ книгъ, писанныхъ въ добавокъ трудной глаголицей, въ сосѣднiя сербскiя и болгарскiя страны. Здѣсь смотрѣли на латинянъ и на ихъ „латинскую ересь“ не лучше, чѣмъ на полувѣрцевъ—еретиковъ, и раздѣляли народы на православные съ книгами греческими, иверскими и болгарскими, на полувѣрные съ книгами фружскими, аламанскими, угорскими, чешскими и арменскими, и на невѣрные съ книгами еврейскими, турскими, саракинскими, арапскими *).

О существованiи словѣнскаго богослуженiя у южныхъ Славянъ, именно у католическихъ Хорватовъ, *Чехи* знали кое что, и во время короля Вячеслава II югославянскiе и русскiе священники приходили въ Прагу, и служили здѣсь на словѣнскомъ языкѣ, но только для удовлетворенiя любопытства благочестиваго короля **). Только около половины XIV-го вѣка Карлъ, король Чешскiй и императоръ Римскiй, великiй любитель языка чешскаго и славянскаго вообще, позаботился о введенiи словѣнскаго богослуженiя въ Чехiи, и просилъ—будучи еще не королемъ а только маркграфомъ моравскимъ—у папы позволенiя, по примѣру словѣнскихъ монаховъ Хорватiи, ввести такое же богослуженiе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехiи, населенiе которой того же слявянскаго языка. Папа Климентъ VI исполнилъ просьбу Карла и дозволилъ отправлять богослуженiе на словѣн-

*) Срв. серб. законъ Стефана Душана, болгар. перечень народовъ (Шафарика Слав. Древности, послѣднее приложенiе).

**) См. выше стр. 10.

скомъ, но только на одномъ мѣстѣ (1346 г.). Карлъ, воспользовавшись дозволеніемъ папы, основалъ въ 1347 г. въ Прагѣ монастырь въ честь свв. Іеронима, Кирилла, Меѳодія, Войтѣха и Прокопія, „дѣдичей“ (патроновъ) королевства Чешскаго; въ этомъ монастырѣ монахи должны были отправлять богослуженіе только на словѣнскомъ языкѣ, изъ котораго происходитъ и чешскій языкъ (in lingua slavonica, de qua nostri regni Boemiae idioma sumpsit exordium), въ честь св. Іеронима переведшаго священное писаніе на словѣнскій языкъ, такъ чтобъ этотъ новый чешскій патронъ прославлялся посреди Чеховъ какъ между своимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ позаботился по всей вѣроятности и о канонизаціи свв. Кирилла и Меѳодія, которыхъ Чехи и Моравяне давно чествовали какъ своихъ апостоловъ, зная изъ своихъ лѣтописей, что св. Кириллъ изобрѣлъ словѣнское письмо *).

Въ этотъ „слованскій“ монастырь пражскій прибыли хорватскіе монахи бенедиктинцы глаголяши изъ Сеньской епархіи въ приморской Хорватіи, и стали отправлять богослуженіе на своемъ словѣнско-хорватскомъ языкѣ, который считался и ихъ народнымъ языкомъ (lingua slavonica, in eorum vulgari). Въ 1372 г., на второй день Пасхи, монастырскій храмъ торжественно освященъ Пражскимъ архіепископомъ Іоанномъ въ присутствіи самаго императора Карла. Богослуженіе отправлялось на словѣнскомъ языкѣ по такому служебнику, какой не давно (1368 г.) списалъ одинъ хорватскій вельможа, Кръбавскій кнезь Новакъ. Присутствовавшіе въ тотъ день въ монастырской церкви Чехи, въ ихъ числѣ императоръ и архіепископъ, услыхали читаемое въ тотъ день евангеліе о пути двухъ учениковъ въ Эмаусъ (Лука XXIV. 13—35), и могли не понимать только очень не многія слова, напр. *стезаета се мею собою и еста дресела, пропеше и, етерие, обрѣту, вь истину, нуђахота (нукахота)*; они услыхали въ католической церкви не латинскія а греческо-словѣнскія формы *Лука, архиѣреи,*

*) О чествованіи свв. Кирилла и Меѳодія въ Чехіи см. ниже (послѣдній отдѣлъ).

Исусь цесарь июдѣиски (по чешски: Ежиш краль жидовскій), *цесарствие* (а не, какъ Чехи молились *кралёвствіе*) и пр. Императоръ Карлъ любилъ словѣнское богослуженіе, которое—по его словамъ—придавало большій почетъ и славу чешскому языку, и всевозможно заботился о любимомъ монастырѣ и о его монахахъ, соединенныхъ съ нимъ, Карломъ, сладкими узами роднаго языка, благороднаго языка славянскаго (nobilis linguae slavonicae) *).

Хорватскіе монахи принесли съ собой свои словѣнскія книги, и, благодаря щедрости императора, списывали ихъ въ монастырѣ. Но въ монастырь поступали тоже Чехи, и ихъ было уже во второй половинѣ XIV-го в. вѣроятно больше, чѣмъ хорватскихъ **). Такимъ образомъ и чешскіе монахи „Слованеˮ учились церковному „словѣнскому, слованскомуˮ языку (т. е. словѣнско-хорватскому) и письму, по особымъ *азбуквиднякамъ*, списывали словѣнскія книги и отправляли словѣнское богослуженіе.

Императоръ Карлъ, большой любитель разныхъ драгоцѣнностей, досталъ откуда-то, вѣроятно изъ Угріи, кирилловское евангеліе извода болгарско-волошско-южнорусскаго, написанное не раньше первой половины XIV-го вѣка (*вьсѧкь, ѧзыкь, угнѣтахуть* и *угнѣтаѭщь, ждѣѧ* т. е. юдеѧ, *чашѧ, чѧѧ*, т. е. чаѩ, *по обычѫж, рожьство* и *рождение, вельблѫжь*, и пр.).

*) О монастырѣ „слованскомъˮ или „Эмаусскомъˮ (такъ назвался по упомянутому евангельскому чтенію, которое по служебнику Новака см. у Копитара Glagolita Clozianus XLIX, у Шафарика Památky hlahol. písemn. 69, въ Реймскомъ еванг. его недостаетъ) см. *Pelzel*: Kaiser Karl IV (Urkundenbuch), Památky archaeolog. I О разныхъ мнѣніяхъ о цѣли основанія монастыря см. статью *Васильева* въ Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщ. 1876, Іюль, стр. 114. О прибытіи словѣнскихъ монаховъ изъ Сени говоритъ утраквистскій историкъ Билеёвскій (Kronika církevní 1537 г.). Замѣтимъ, что въ 1356 г. находился въ Прагѣ Сеньскій епископъ Протива (Tomek Dějepis Prahy II. 35).

**) Срв. Томка Dějepis Prahy V. 216, и статью Крижка въ журналѣ Památky archaeolog. I.

Самъ Карлъ или тотъ, кто доставилъ ему евангеліе, или сами словѣнскіе монахи, приписывали это евангеліе „русскаго письма“ св. Прокопію опату Сазавскому, чешскому „дѣдичу“. Оно подарено новому монастырю, и къ нему потомъ присоединено словѣнско-глаголическое евангеліе, написанное въ монастырѣ въ 1395 г., и вся книга въ богатомъ переплетѣ находилась въ монастырѣ до его уничтоженія въ началѣ гуситскаго движенія (1419 г.), послѣ чего попало во Францію и хранилось въ Реймсѣ какъ Texte du sacre, въ числѣ другихъ драгоцѣнностей французской короны.

Словѣнско-хорватскія евангельскія чтенія 1395 г. написаны по всей вѣроятности не монахомъ Хорватомъ, а Чехомъ. Писецъ написалъ въ концѣ книги тѣмъ же самымъ глаголическимъ почеркомъ, которымъ написано евангеліе, слѣдующія слова глаголицей по—чешски: „Лѣть господнихь ч. т. п. д. (1395) тато евангелие а епистолие, есто су писани словѣньскимь ѣзикемь, ти гјмагји (т. е. gmagi — jmajì) спиевани бити нь годи, гдижь опать подь коруну мши служи. А друга страна тиехго книжекь, гјенжь есть подлѣ русьскего закона, псаль есть свати Прокопь сву руку. А то писмо русьске даль нѣбожтикь Карель чтврьти цесарь рзимски к ославѣни томуто клаштеру, а ке цти сватему Еропиму а сватему Прокопу. Господине рачь му дати покои виечни. Амень“. Въ самомъ текстѣ евангельскихъ чтеній чешскій писецъ замѣнилъ два три слова словѣнско-хорватскія чешскими, именно: *умивадлница* (вмѣсто: умивалница, какъ въ служебникѣ 1483 г.), *алмужна* (вм. милостина), и вѣроятно *вь утори* (т. е. чеш. úterý — вторникъ, хотя пишетъ напр. *втора* стража). Но въ остальномъ текстъ — обыкновенный словѣнско-хорватскій того времени, и не отличается напр. отъ другой церковной книги употреблявшейся въ монастырѣ, псалтири, которая однако написана не въ Прагѣ, а еще въ Сени въ 1359 г. Хорватомъ „Кириномъ жаканомъ“ *).

*) Снимокъ пражскаго евангелія (кириллов. и глагол.) издалъ Сильвестр, текстъ тоже Ганка. Въ этомъ евангеліи есть чтенія на дни свв. Прокопа опата, Вѣщеслава, Еронима, Курила и Метудие.

Чешскіе монахи глаголяши не довольствовались однако изученіемъ и списываніемъ словѣнско-хорватскихъ книгъ; они стали писать глаголицей тоже чешскія книги. Такъ напр. написана глаголицей чешская библія въ 1416 г. „за часу кнезе Крзиже опата слованскаго от братрзи клаштерских але нѣ от писарзов харватских“.

Такимъ образомъ Чехи услыхали, послѣ почти трехсотлѣтняго перерыва, опять у себя дома словѣнскій языкъ, но уже не въ старинной формѣ панонской XI-го вѣка, а въ новѣйшемъ хорватскомъ изводѣ. Словѣнскій языкъ въ служебникѣ, употребляемомъ въ Эмаусскомъ „слованскомъ“ монастырѣ въ концѣ XIѴ-го в., былъ для Чеховъ болѣе понятенъ, чѣмъ словѣнскій языкъ служебника употребляемаго въ Сазавскомъ „слованскомъ“ монастырѣ въ XI-мъ вѣкѣ.

Приводимъ здѣсь начало евангельскаго чтенія изъ Луки XXIѴ. 13—17, по древнѣйшему списку евангелія (Зографскому), какъ оно читалось у югозападныхъ Славянъ въ XI-мъ в., и по служебнику 1368 г. Текстъ евангелія по спискамъ Ватиканскому и Маріинскому, глагол. служебника 1483 г., а съ другой стороны еванг. Остроміра и др. (см. ниже)—существенно не отличается.

(по Зограф. списку)

И се дъва отъ нихъ бѣсте идѫшта въ тъжде дьнь въ вьсь отстоѩштѫѭ стадиі шестьдесѧтъ отъ И., еіже имѧ Е. И та бесѣдоваашете къ себѣ о всѣхъ сихъ приключьшихъ сѧ сихъ. И бъıстъ бесѣдуѭштема има и сътѧзаѭштема сѧ, и самъ Исусъ приближи сѧ, и идѣаше съ нима. Очи же ею дръжа-

(по списку Новака)

Два ученика Исусова бѣста идущи вь дань вьскрсениѣ его вь вась отстоещу стадии шестдесеть от И. именемь Е. И та глаголахота мею собою о всѣхь приключших се о Исусѣ. И бисть бесѣдующима има мею собою самь Исусь приближе се има, и идѣше ш нима. Очи же ею држаста се,

Псалтирь 1359 г. хранится теперь въ Прагѣ въ библіотекѣ князей Лобковицовъ.

ашете сѧ, да его не познаашете. Рече же къ нима: Чьто сѫтъ словеса си, о нихъ же сътѧзаета сѧ къ себѣ идѫшта и еста дрѧсела? *).

да его не познаета. И рече има Исусь: Что суть словеса сиѣ, ими же стезаета се мею со бою, и еста дресела? **).

Послѣ уничтоженія монастыря жили въ немъ гуситскіе (утраквистскіе) администраторы утраквистской консисторіи и приходскіе священники, которые назывались тоже „опатами слованскими“. Словѣнскія книги глаголическія видѣли въ монастырѣ еще въ XVI-мъ в. Билеёвскій, Лупачъ, Бенешовскій, Папроцкій; но онѣ раздѣлили участь книгъ Сазавскихъ, многія утрачены уже тогда, а другія послѣ возобновленія монастыря, но уже съ латинскими монахами. Самъ монастырь и холмъ, на которомъ онъ стоитъ, называется до сихъ поръ „слованскимъ“ ***).

Забота чешскаго короля Карла о введеніи словѣнскаго языка въ Чехію ставилась ему благодарными потомками въ большую заслугу и славу, не только у Чеховъ, но тоже у другихъ Славянъ. *Папроцкій* (Diadochus 1602 г.) разсказываетъ, что въ 1419 г. „слованскій опатъ“ Павелъ просилъ напавшую на монастырь гуситскую толпу, чтобъ она пощадила

*) *Ватик.* денъ, весъ, шестьдесетъ, бесѣдовааста, дръжасте, познаета, себѧ. *Маріин.* день, весь отъстоѩштѫ, познаате, сътѧзаата, дрѧхла. *Остромір.* бѣста, бесѣдоваста, приключьшиихъ, бысть, приближь, идѩаше, дрьржастѣ, познаѥта, сѫть, дрѧхла (и пишетъ ѥ и щ).—Судя по словѣнскому языку отрывковъ пражскихъ и кіевскихъ, Чехи (Моравяне, Словаки) XI-го в. могли читать и по своему: идѫца, осѫзение, нузахота, и пр.

**) Въ *служебникѣ* 1483 г. вм. *идущи—идуща* (Berčić Ulomci sv. pisma IV. 90). Другіе переводы на народный языкъ сербско-хорватскій XVI-го и слѣд. вѣковъ см. у Копитара Glagolita Clozianus pag. LI—LX.

***) Отрывки словѣнскихъ церковныхъ книгъ этого монастыря издали *Добровскій* (Glagolitica, Slawin), *Ганка* (Остатки слав. богослуженія у Чеховъ), *Берчичъ* (Ulomci sv. pisma), *I. Коларъ* (отрыв-

храмъ Господень, построенный въ честь славянскому пароду, изъ котораго произошли тоже Чехи; толпа согласилась подъ условіемъ, чтобъ здѣсь введено было причащеніе подъ обоими видами. А Словенецъ *Бохоричъ* (въ словен. граматикѣ 1584 г.) упоминая объ этой заботѣ Карла о введеніи словѣнскаго языка въ богослуженіе въ Чехіи на славу чешскаго и славянскаго народа, выражаетъ желаніе, чтобъ и другіе подражали этому великому императору въ этомъ его мудромъ и благочестивомъ дѣлѣ, и не преслѣдовали нашего народа.

По примѣру Чехіи скоро и *Польша* „удостоена особою милостію Спасителя; на великую честь славянскаго народа позволилъ отправлять богослуженіе на родномъ языкѣ, чего не досталось ни одному языку кромѣ греческаго, латинскаго и еврейскаго" — какъ разсказываетъ польскій историкъ Длугошъ. Въ 1390 г. король Владиславъ Ягайло и его супруга Ядвига основали въ Краковѣ, въ предмѣстье Клепарѣ при церкви св. Креста, монастырь, и перевели сюда словѣнскихъ монаховъ глаголяшей изъ пражскаго словѣнскаго монастыря, которые съ дозволенія папы отправляли здѣсь богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ. Еще во второй половинѣ XV-го в. (ок. 1470 г.) раздавалось здѣсь словѣнское богослуженіе; но уже тогда недоставало словѣнскихъ монаховъ, и церковью управлялъ латинскій священникъ—non sine scandalo et injuria dotatorum, замѣчаетъ самъ Длугошъ. Не имѣя поддержки изъ Праги словѣнское богослуженіе въ этомъ краковскомъ монастырѣ прекратилось само собою *).

ки Добриховицкіе, и срв. его описаніе чешской глагол. библіи 1416 г. хранящейся въ пражской университ. библіотекѣ, въ Актахъ чешскаго ученаго общества 1866 г.), и др.

*) *Длугоша* Historia Polon. III. 487, Liber beneficiorum dioeces. Cracov. III. 225 (Monasterium slavonicum S. Benedicti in Cleparz oppido ante Cracoviam sito). Объ этомъ „славянскомъ" монастырѣ часто вспоминаютъ и другіе польскіе историки и др. писатели. По нимъ объ этомъ разсказываетъ и Русскій *Копыстенскій* (Палинодія 1621 г. изд. Русской истор. библіотеки IV. 990); но зная, что эти монахи пражскіе и краковскіе „отправовали набоженство языкомъ славен-

Такимъ образомъ изъ югославянской Хорватіи и Далмаціи, изъ католической „Словиніи", церковный языкъ словѣнскій хорватскаго извода распространился и въ Чехію и Польшу, и вмѣстѣ съ этимъ тоже чествованіе св. Іеронима, который по мнѣнію хорватскаго духовенства и римской куріи былъ Славяниномъ и перевелъ библію на „славянскій" (словѣнскій) языкъ, придумавши особое письмо, глаголицу. Съ другой стороны Чехи по своимъ лѣтописямъ и легендамъ (латинскимъ и чешскимъ) знали, что словѣнское богослуженіе введено было у нихъ св. Кирилломъ, и что оно существуетъ въ югославянскихъ странахъ, преимущественно въ Болгаріи и тоже на Руси. По этому письмо Кирилла, кириллицу, Чехи называли и письмомъ „русскимъ", да одинъ лѣтописецъ назвалъ брата Кириллова, Меѳодія „Русиномъ", который служилъ литургію „словенскимъ языкомъ" *). И такъ у западныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ у Хорватовъ, св. Іеронимъ считался изобрѣтателемъ глаголицы, **) а св. Кириллъ—кириллицы, хотя иногда оба они смѣшивались; такъ напр. Полякъ Бѣльскій въ своей польской хроникѣ (1597) говоритъ, что славянское письмо русское (pismo słowieńskie które dziś zowiemy ruskie) одни приписываютъ св. Іерониму, а другіе св. Кириллу. Чехъ Велеславинъ (въ изданіи хроникъ Энея Сильвія и Кутена 1585 г.) замѣчаетъ, что св. Іеронимъ родил-

скимъ такъ, якъ нынѣ мы Россове отправуемо", онъ считаетъ ихъ ошибочно „релѣи всходной церкве". Отъ церковныхъ книгъ словѣнско-глаголическихъ, употреблявшихся въ этомъ монастырѣ краковскомъ, не нашлось пока ничего. Вообще краковскія библіотеки крайне бѣдны словѣнскими рукописями; въ университетской нѣтъ ничего важнаго, у Чарторыйскихъ только одно словѣнско-русское евангеліе 1329 г., находившееся прежде въ Лаврошевскомъ монастырѣ. (Срв. мой *Отчетъ* 1883 г., стр. 16 и 23). Въ Варшавѣ въ библ. Замойскихъ хранится драгоцѣнная рукопись Супрасльская, въ библ. Красинскихъ рукоп. библія Луки (см. ниже).

*) См. легенды въ Fontes rer. bohem. I. 100, 191, 200, Výbor z literatury české I. 309. Лѣтопись такъ назыв. Далимила, Fontes rer. bohem. III. 48.

**) Срв. объ этомъ *Рачкаго* Pismo slovjensko, 37.

ся въ Далмаціи, и что только сто лѣтъ спустя послѣ его смерти, при императорѣ Юстиніанѣ, Славяне перешли черезъ Дунай и стали опустошать Далмацію и Илирію.

Какъ бы то ни было, Чехи со временъ основанія „словѣнскаго“ монастыря пражскаго считали св. Іеронима какъ Хорвата „дѣдицемъ языка слованскего“, на равнѣ съ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, Вячеславомъ, Войтѣхомъ, Прокопіемъ. Когда въ 1467 году во время внутреннихъ смутъ въ Чехіи, польскій король Казиміръ старался примирить чешскія партіи, католическую и гуситскую, то неизвѣстный чешскій стихотворецъ проситъ, чтобъ этимъ стараніямъ Казиміра содѣйствовали всѣ святые, именно „славянскіе дѣдичи“ (haeredes Slavorum), Вячеславъ, Людмила. Прокопій, Іеронимъ и Станиславъ *).

VII.

Словѣнскій языкъ, сдѣлавшись у православныхъ Славянъ, у *Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ*, литературнымъ и церковнымъ, соединялъ ихъ какъ членовъ одной семьи, не смотря на то, что это соединяющее звено не сохранилось въ первоначальной чистотѣ, а подъ вліяніемъ мѣстныхъ языковъ, измѣняло свой видъ. Всѣ эти три славянскихъ народа находились въ постоянныхъ религіозно-культурныхъ сношеніяхъ. Словѣнскія рукописи переходили изъ Болгаріи въ Сербію и на Русь, изъ Сербіи въ Болгарію и на Русь, и потомъ изъ Руси въ югославянскія страны. Эти рукописи разныхъ изводовъ списывались, и вслѣдствіе этого происходила не рѣдко большая путаница въ ихъ фонетической части. По этому, сербскій писецъ списывая съ болгарской рукописи, гдѣ ж и ѧ были уже смѣшаны, могъ написать по своему: *радуе се и молю се* (по болг. *радуѧ*, *молж сѧ* вм. *молѧ сѧ*), *Варугь* (болг. *Варжгъ*, это вм. *Варѧгъ*,

*) Časopis Českého Musea 1880, 417.

какъ и серб. *Фругь* изъ *Фржгъ*), и пр. Русскіе писцы списывая словѣнскія рукописи съ болгарскаго извода древняго и средняго, не только замѣняли юсы по своему, но передавали ихъ даже неправильно, и могли написать напр. *врѣмѧ ꙗвльшуюсѧ звѣзды* (т. е. **ꙗвльшаа сѧ**, гдѣ было по болг. *ꙗвльшѫѭ сѧ*). Иногда русскій писецъ имѣлъ списки болгарскій и сербскій, прибавилъ къ нимъ свои руссизмы, и такимъ образомъ вышла неправильная смѣсь языковъ *).

Православные Славяне находясь въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ, перенимали другъ у друга церковныя книги разныхъ редакцій, исправляли и измѣняли ихъ сами. Такимъ образомъ текстъ церковныхъ книгъ, употребляемыхъ у православныхъ Славянъ, подвергался разнымъ исправленіямъ и измѣненіямъ **).

Сербы, подобно Хорватамъ, измѣнили словѣнскій языкъ по законамъ своего языка, выбросивъ ж и ѧ, ъ, употребляя одинъ ь и ы (вмѣсто ъ), который однако только писали, но произносили какъ *и*, и смѣшивали съ *и*. Православные Сербы находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ православною Болгаріею а потомъ Русью, поддались вліянію церковнаго словѣнскаго языка больше, даже въ свѣтской письменности, чѣмъ Сербы западные (католики и богомилы). По этому восточные Неманичи (въ своихъ грамотахъ, житіяхъ, типикахъ и пр.) придерживались больше церковнаго языка, между тѣмъ какъ на западѣ Дубровничане и Босняки приближаются больше къ народному языку, хотя и въ этихъ западно-сербскихъ письменныхъ памятникахъ встрѣчаются словѣнскія формы. Такъ напр. сербскій великій жупанъ Стефанъ Неманя пишетъ *находещаго*, *мощьно*, *госпожда*, *светаго*, но тоже *велиега*, *помокию*; а его современникъ

*) Ср. объ этомъ статью *Пыпина* въ Ученыхъ Запискахъ II. отд. Имп. Акад. Наукъ II. 2 стр. 3—58.

**) Объ этихъ измѣненіяхъ въ текстѣ церковныхъ книгъ словѣнскихъ см. *Горскаго* и *Невоструева* Описаніе слав. рукописей синодальной библіотеки I, изслѣдованія В. *Срезневскаго* о псалтири, Гр. *Воскресенскаго* объ апостолѣ, о. *Амфилохія* о псалтири и евангеліи (Галичскомъ), выше упомянутыя изданія и изслѣдованія *Ягича*, и др.

босенскій банъ Кулинъ (или собственно его дьякъ Радое), придерживаясь чистаго сербскаго языка (*светога*, *грађамь*, *хоке*), всетаки употребилъ слово *рождство* Хрьстово *).

Православные Сербы получили церковныя словѣнскія книги изъ Болгаріи, и съ этихъ словѣнско-болгарскихъ ихъ и списывали. Находя въ нихъ ѧ и ѫ, хотя уже смѣшанные, и ъ, и не понимая ихъ значенія, замѣняли ихъ обыкновенными своими *е*, *у*, *ь*. Только въ древнѣйшихъ памятникахъ словѣнско-сербской письменности, списанныхъ съ словѣнско-болгарскихъ (въ евангеліяхъ Мирослава ок. 1190 г., Волка 1202 г., въ Хиландарскомъ типикѣ Савы послѣ 1200 г., въ Иловицкой кормчей 1262 г., въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха 1263 г. и др.), встрѣчаются изрѣдка болгарскія формы *ладіѫ*, *сѧ*, *мьздѧ*, *рѫкѫ*, *грѧдеть*, но тоже ошибочныя *сѧбе* (т. е. себе), *ѧсть*, *зѧмлѣ* и пр.; болгарскій ъ встрѣчается очень рѣдко, обыкновенно только *ь*. Но все это исключенія, и словѣнско-сербскій языкъ уже въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ и тѣмъ болѣе въ позднѣйшихъ, рукописныхъ и печатныхъ „сербуляхъ", является съ своими особенностями, употребляя *е* вмѣсто ѧ, *у* вм. ѫ, и одинъ *ь*, съ *ы*, вмѣсто котораго часто *и* (книгы, гласи, быти — битіе и пр.); но все формы: светаго, прѣжде, рождьство, нощь (т. е. ношть), и пр. Вообще языкъ православныхъ сербулій, печатаемыхъ съ конца XV вѣка, подчинялся больше церковному языку словѣнскому, чѣмъ языкъ словѣнско-хорватскій, на который живой языкъ хорватскій имѣлъ большее вліяніе. Только въ рукописныхъ сербуляхъ XVII — XVIII вв. живой сербскій языкъ является въ большей силѣ, чѣмъ въ печатныхъ; въ рукописныхъ сербуляхъ нѣтъ *ы*, полугласная *ь* замѣняется *а* (а въ концѣ словъ на русскій ладъ ъ), *ѣ* простымъ *е*, и пр.: *васехъ* вмѣсто

*) Древнесербская *баштина* (отчина) по всей вѣроятности болгарское слово. Въ одномъ хорватскомъ письмѣ Франкапана 1527 г. (Acta Croatica 225) встрѣчается слово *бащина*, но *щ* означаетъ здѣсь, какъ вообще въ тогдашней глаголицѣ, хорватское ћ (още т. е. хоће), и по этому надо читать *баћина*. Семиградскіе Словѣне молились еще недавно *наш башта* (т. е. отче нашъ).

вьспѣхь, *мазди* вм. *мьзды*, *лагакъ* вм. *льгькь*, и пр., подобно тому, что встрѣчается въ словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ XVI вѣка *).

Словѣнскій языкъ кирилловскихъ сербулій отличается очень мало отъ языка церковныхъ книгъ словѣнско-хорватскихъ глаголическихъ, какъ видно по слѣдующимъ двумъ примѣрамъ (начало 23-го псалма) изъ напечатанныхъ въ Венеціи

глаг. слов.-хорват. *часослова* 1561 года.	кирил. слов.-серб. *псалтири* 1571 года.
Господьна есть земла и исплнение ее, вселенаѣ, и вси живущеи на неи. Ѣко та на морѣхь основаль ю есть, и на рѣкахь уготоваль ю есть. Кто взидеть на гору господьню? или кто станет на мѣсте светѣемь его? Господь силь та есть цесарь слави.	Господьнꙗ ѥсть землꙗ испльненiѥ, вьселѥнаа, и вьси живущеи на неи. Ть на морихь основаль ю ѥсть, й на рѣкахь уготоваль ю ѥсть Кто вьзыдеть на гору господьню? или кто станеть на мѣсте светѣмь ѥго? Господь силамь ть ѥсть цѣсарь славы **).

Въ *Болгаріи*, гдѣ съ конца IX-го в. стала процвѣтать богатая словѣнская литература, вліяніе измѣняющагося языка болгарскихъ Словѣнъ (Болгаръ) на литературный словѣнскій замѣтно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, спискахъ глаголическихъ и кирилловскихъ XI—XII вѣковъ. Такъ уже въ евангеліи Зографскомъ, въ которомъ словѣнскій языкъ сохранился въ необыкновенной чистотѣ, писецъ всетаки изрѣдка находился подъ вліяніемъ своего болгарскаго языка и написалъ *тъкъму* вмѣсто *тъкъмо*, *хвалите* вм. *хвалити*, *вь* вмѣсто *въ*, *своѧ* вм. *свое*, *вьземлѭ* вм. *въземлѩ*; но тоже *у* вмѣсто ѫ: *грѧдуттю* вмѣсто *грѧдѫттю*. Болѣе замѣтно болгарское вліяніе въ Синайской псалтири (часто смѣшивается ѫ съ *о*), въ евангеліи Ватиканскомъ (смѣшиваетъ *ь* и *ъ*, иногда ѧ и *е*, ѫ и *у*, ѧ и ѫ). Въ еван-

*) Срв. *Караджича* Примjери србско-салвенскога jезика.

**) Въ рукописныхъ сербуляхъ: *васи*, *та*, *вазидетъ*, и пр.

геліи Маріинскомъ сказалось вліяніе болгарское и сербское вмѣстѣ гораздо сильнѣе, и по этому можно допустить мнѣніе, что этотъ памятникъ списанъ либо гдѣ то на рубежѣ болгарско-сербской народности, либо въ сербско-хорватскихъ областяхъ съ словѣнско-болгарскаго списка. Въ кирилловскихъ памятникахъ словѣнско-болгарскихъ XII—XIII вв., и тѣмъ болѣе XIV вѣка, болгарское вліяніе сказывается еще сильнѣе, смѣшиваются *ь* и *ъ*, ы (*ы*) и *и*, ж и ѧ, уже не носовые а замѣняющіе *ъ*, *а*, *е*, ю и др. Въ октоихѣ Струмицкомъ, въ апостолахъ Слѣпченскомъ, Струмицкомъ, Охридскомъ, въ псалтыряхъ Погодинской и Охридской (Болоньской), въ евангеліяхъ Терновскомъ и Бѣлградскомъ, и въ другихъ памятникахъ XII—XIV вв., встрѣчаются формы *жзыкъ*, *сж* (вмѣсто ѩзыкъ, сѧ), *имжщу* и *имѧщу* (*щ=шт*), *чѧдо* (вм. чѧдо), *твоѧ* (вм. твоѭ) и пр., но тоже *лжвь* (т. е. левъ), *сжи* (вм. сыи), *владыкж* (вм. владыка), *бѫджщжѧ* (вм. бѫджщаѩ), *вздржжи* (т. е. въдръжи), *мирь*, *мжжъ*, *Блъгаре* и *Блъгаре*, *рыбарѣ* и *рибарѣ*, *слышъ* и пр. Членъ *тъ* попадается изрѣдка уже въ XIV вѣкѣ *).

Этотъ словѣнско-болгарскій изводъ (юсовый) распространился тоже въ древнюю Дакію (Семиградію, сѣверо-восточную Угрію, Волохію и Молдавію), заселенную православными Волохами (Румынами), которые однако употребляли въ письменности не свой а, вмѣстѣ съ живущими между ними Словѣнами, словѣнскій языкъ именно болгарскаго извода. Они смѣшивали *ь* и *ъ*, ѧ и ж, употребляя ихъ неправильно, хотя въ своемъ языкѣ, въ словахъ перенятыхъ изъ словѣнскаго языка, они правильнѣе отличали эти носовые звуки. Что касается Словѣнъ оставшихся между Волохами, то о судьбахъ ихъ языка въ древнѣйшія времена не знаемъ ничего, и только очень поздно въ XVIII вѣкѣ записаны нѣкоторыя молитвы и пѣсни латиницей. Въ этихъ памятникахъ древнесловѣнская фонетика сохранилась однако до

*) Срв. часто упомянутые три сборника *Срезневскаго*, *Ламанскаго* О рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ, Вѣнѣ, Описанія рукописей Румянцева, Хлудова и др.

извѣстной степени лучше, чѣмъ въ болгарскомъ языкѣ; семиградскіе Словѣне произносили именно носовые звуки: da sa *posventi* tvoje *svento* jume, *mans* (мѫжь), *desent* (десѧть), *poroncženie* и проч. *) Словѣнско-болгарскія рукописи и печатныя книги распространились въ послѣдствіи изъ волошскихъ странъ и на Русь, преимущественно южную. Одно такое евангеліе XIV-го в. попало тоже въ Прагу въ словѣнскій монастырь Эмаусскій, гдѣ оно считалось „русскимъ" и приписывалось св. Прокопію **).

Еще до паденія болгарскаго царства послѣдній патріахъ Терновскій *Евѳимій* пересмотрѣлъ священныя книги, списалъ „съ еллинскаго языка на болгарскій" и исправилъ ихъ текстъ, какъ замѣчаетъ его ученикъ Григорій Цамблякъ ***). У Евѳимія было много учениковъ, оба русскіе митрополиты, Кипріанъ и Григорій Цамблакъ, Андроникъ, учитель Константина изъ Костенчи, и др. Болгаринъ Константинъ Костенчскій отъ Тернова, который въ первой половинѣ XV-го в. писалъ въ Сербіи, замѣчаетъ, что въ Болгаріи „писмена тако погыбла была суть, нь царь (Іоаннъ Шишманъ) и патріархъ Еѵѳиміи просвѣтише", и трудъ этого „великаго художника словѣнскыихь писменъ" и его учениковъ остается „до нынѣ въ Трьновьскыихъ странахь до рѣкы Марице и въ скѵѳскыихъ странахь и Загоріи, отъ Марице до Солунѣ и Бельграда, и даже и до нынѣ и окрьстнаа царствіа просвѣштаеть" ****). Въ чемъ именно состоялъ трудъ Евѳимія, не легко сказать, тѣмъ болѣе, что его сочиненія найдены только въ спискахъ русскихъ и сербскихъ; послѣдніе сдѣланы во второй половинѣ XV-го в. не только Сербомъ Владиславомъ, проживавшимъ тогда въ монастыряхъ сѣверной Македоніи, а тоже монахами болгарскаго монастыря Рыльскаго. Но если Константинъ Костенчскій былъ послѣдователемъ исправле-

*) Срв. статьи *Миклошича* въ Вѣнскихъ Denkschriften der k. Akademie, VII. XXXIV.

**) Срв. выше стр. 42.

***) Гласник срб. XXXI. 270.

****) Starine I. 11.

ній Евѳимія, то этотъ послѣдній вѣроятно, вмѣсто болгарскаго юсоваго извода, писалъ на сербскій ладъ. Но болгарскій изводъ словѣнскаго языка сохранился и впредь, преимущественно между Волохами, и распространился тоже на Русь.

Литературный и церковный языкъ словѣнскій соединялъ оба православные югославянскіе народы, сербскій и болгарскій, самымъ тѣснымъ образомъ, и справедливо ихъ назвалъ сербскій монахъ Владиславъ „сьродники, единородныи ти езыкь, Блъгаре и Срьбліе“ *). Фонетическія отличія здѣсь не мѣшали, и равнымъ образомъ какъ Сербъ читалъ и списывалъ по своему способу книги словѣнско-болгарскія, такъ и Болгаринъ пользовался словѣнско-сербскими книгами рукописными и печатными; до сихъ поръ въ монастыряхъ сербскихъ и болгарскихъ хранится много рукописей и книгъ того и другого извода **). Само списыванье словѣнскихъ книгъ разныхъ изводовъ составляло для Серба или Болгарина извѣстныя затрудненія. Сербскіе монахи, списывая въ 1374 г. *Тріодь*, вѣроятно по исправленіямъ Евѳимія, „извода новога нь истинь бугарскога ѥзыка“, признаются „богь вѣсть, велма ни ѥ било усильно прѣставлѣти га на срьбскы ѥзыкь, и како смовь изводѣ находили, тако смо писали, ни одлагали ни прилагали“. Сербскій попъ Евстратій списалъ (передъ 1434 г.) *Тріодь* „изь бугарскые книгы на срьбскы чинь“, и извиняется за возможныя ошибки, такъ какъ онъ не былъ „вѣшть слову томь“. Случалось тоже, что часть книги написана по словѣнско-болгарски (съ юсами) а другая часть по словѣнско-сербски, какъ это видно въ одномъ евангеліи конца XIV-го вѣка ***).

*) Срв. *Качановскаго* къ вопросу о литературной дѣятельности патр. Евѳимія, стр. 15; см. тоже *А. Попова* Обзоръ русскихъ хронографовъ П. 26, и *Сырку* въ сборникѣ Ламанскаго, 348.

**) Срв. описаніе библіотеки серб. монастыря Хиландарскаго на Св. Горѣ, въ серб. *Гласникъ* XLIV. 232.

***) Ученыя Записки 2. отд. Имп. Академіи Наукъ П. 2. стр. 102, *А. Попова*: Описаніе рукописей Хлудова, 294, 16. Срв. *Ягича* Исторію сербско-хорватской литературы 191—201.

Вслѣдствіе усиленія сербскаго королевства, потомъ царства, къ которому въ XIV-мъ в. присоединено много болгарскихъ земель, именно Македонія, распространились и между Болгарами словѣнско-сербскія книги. Въ славянскихъ монастыряхъ Св. Горы Аѳонской, поддерживаемыхъ главнымъ образомъ сербскими государями, процвѣтала словѣнско-сербская письменность, и въ этой литературной дѣятельности участвовали сами Болгаре проживавшіе тамъ или въ другихъ сербскихъ монастыряхъ. На Св. Горѣ пребывали оба ученика и родственника Болгарскаго патріарха Евѳимія, Кипріанъ, позже (1376—1406) митрополитъ Русскій, и Григорій Цамблакъ, впослѣдствіи игуменъ въ Сербіи (въ монастырѣ Дечанскомъ), Молдавіи, и наконецъ (1414—1419 гг.) митрополитъ Кіевскій. Оба они, ученики Евѳимія, писали для Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ (и Григорій тоже для Волоховъ), на лады болгарскій, сербскій и русскій *). По словѣнско-сербски писалъ тоже Болгаринъ Константинъ Костенчскій, который дѣйствовалъ въ Сербіи и написалъ здѣсь житіе сербскаго деспота Стефана, гдѣ между прочимъ упоминаетъ о возникновеніи гуситскаго движенія въ Прагѣ; здѣсь „ѥресь глаголѥмаꙗ Хусь вьста и вьзможе, ихьже нѣции близь православиꙗ глаголють быти, и ꙗко сего Хуса бывьша вь Иѥросолимѣ на поклонѥниѥ светымь мѣстомь, въ Синаю пришьдь; ту вь обьште жилишти сь братиѥю пожить, увѣдѣ оть сихь православиꙗ образь; идѣже и грьчьскаꙗ писаниꙗ навикь приходить вь страны своѥ" **). Въ своей статьѣ о словѣнскомъ правописаніи Константинъ Костенчскій пишетъ сербскимъ изводомъ, безъ юсовъ, но какъ истый Болгаринъ смѣшиваетъ ъ и ь,

*) Сочиненіе Цамблака *Житіе серб. короля Стефана Дечанскаго* сохранилось въ изводахъ сербскомъ (Гласник XI.) и болгарскомъ (Arkiv za povjest. jugoslav. IV.), остальныя сочиненія въ русскихъ рукописяхъ. Кипріанъ, дядя Цамблака, былъ Болгаринъ, а не Сербъ (Чтенія 1867, II.).

**) Гласник XLII. 313. Этого мѣста недостаетъ въ словѣнско-болгарскомъ спискѣ этого житія, у А. Попова: Изборникъ русск. хронографовъ, 92.

и пишетъ *срьбьскыи* и *сръбьскыи*, *стьза* и *стъза*, *рабь*, *вьси* и *вьси*, *прѣстолъ*, и пр. Сербскій монахъ Владиславъ, который ок. 1469—1479 гг. въ монастыряхъ сѣверной Македоніи списывалъ разныя рукописи (въ томъ числѣ и съ „болгарскаго" языка) употребляетъ изрѣдка ъ, но обыкновенно ь *).

Печатныя церковныя книги Болгаре получали отъ Волоховъ или отъ Сербовъ, и одинъ Болгаринъ, Яковъ Крайковъ изъ Софіи, напечаталъ въ 1569—1570 гг. въ Венеціи двѣ церковныя книги сербскаго извода.

На *Русь* словѣнскій языкъ распространился преимущественно уже изъ Болгаріи, хотя по всей вѣроятности словѣнскія книги распространялись на южную Русь, къ Хорватамъ, Волынянамъ, Полянамъ и др. племенамъ, еще раньше изъ Панонiи и Дакiи, отъ тѣхъ подунайскихъ Словѣнъ, отъ которыхъ „прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ дунайскихъ", какъ замѣчаетъ русскій лѣтописецъ. Словѣнскій языкъ на Руси тоже скоро почувствовалъ вліяніе мѣстнаго русскаго языка, и уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, списанныхъ на Руси сѣверной и южной, это вліяніе сказывается болѣе или менѣе **). Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ XI-го в. замѣняются ж и ѧ русскими у и ю, и ъ и ь пишутся передъ плавными, иногда передъ ними и за ними: *пьрстъ*, *дългъ*, *сълньце*, *бьрьвьна*, *дълъгы*, *мълънию*, что соотвѣтствуетъ русскимъ *перстъ*, *долгъ-долгы*, *бревна*, *молнія*; но подлѣ этихъ словѣнско-русскихъ формъ встрѣчаются и словѣнскія *наплънити*, *отъврьзъ*. Въ словѣнско-русскомъ изводѣ употребляется ь чаще, чѣмъ въ словѣнскомъ (*ведеть*). Вліяніе русскаго языка на словѣнскій становится со второй половины XI-го вѣка и особенно съ XII-го в. все сильнѣе: ж и ѧ замѣняются все больше черезъ у и ю (ѧ=я стало означать тоже самое), ъ и ь черезъ о и е, вмѣсто ѣ иногда е (предъ вм. прѣдъ), вмѣсто *шт* — *щ* и *ч*, вмѣсто *жд* — *ж*, и пр. Съ начала эти руссизмы попадаются рѣдко, попавшіе въ словѣн-

*) Starine I и X.

**) Срв. выше стр. 29.

скій текстъ какъ бы помимо воли писца, какъ напр. въ евангеліи Остроміра слова: *божию* (вм. божиѭ), *древо* (вм. дрѣво), *прѣже* (вм. прѣжде), и пр.; но чѣмъ дальше тѣмъ ихъ больше, какъ напр. въ евангеліи Туровскомъ, въ нѣсколькихъ псалтиряхъ, въ словахъ Григорія Богослова, въ Изборникахъ (встрѣчается часто русское полногласіе и ѧ вм. ꙗ), и др. памятникахъ XI-го вѣка. Въ памятникахъ XII-го в., въ евангеліи Мстислава ж и ѧ составляютъ исключеніе и смѣшаны, въ евангеліяхъ Галичскомъ и Добрила ихъ нѣтъ (ѧ пишется вмѣсто ꙗ), и въ послѣднемъ ъ и ь переходятъ въ *о* и *е*, и пр. Въ словѣнско-русскихъ текстахъ встрѣчается вообще значительное разнообразіе, смотря по тому, какъ и на сколько писецъ словѣнско-болгарскаго текста могъ или хотѣлъ преодолѣть вліяніе своего русскаго языка; такъ напр. въ евангеліи Галичскомъ (1144) пишется по русски *половелъ* (плѣвелъ), *исхожаше* (исхождааше), рядомъ съ обыкновенными словѣнскими формами; въ Паремейникѣ (1271 года): *межю* — *междю*, *держати*, *исполънѧюще* — *твърдь*, *сънмъ*, *древо*—*дрѣво*; въ евангеліяхъ Поликарпа (1307 г.) и Моисея (1355 г.): *волъхвъ*, *сотникъ*, *вопль*, *человѣкъ*, *межи*, *сонмище* — и *събирати*, *жърновъ*, и пр. Съ XV-го в. употребляется все больше вмѣсто ъı — ы, которое съ XVI-го в. господствуетъ исключительно, вѣроятно въ слѣдствіе распространенія словѣнско-сербскихъ книгъ на Русь. Въ полной библіи 1499 г. ъ и ь въ серединѣ словъ встрѣчаются рѣдко (*създа*, *дъсцѣ*), и замѣнены почти вездѣ чистыми *о* и *е* (*досцѣ*, *полкъ*, *поверже*).

Въ словѣнскихъ книгахъ списываемыхъ на Руси замѣтны слѣды русскихъ нарѣчій. На южнорусскія нарѣчія указываютъ *жч* вм. *жд* (дъжчь, дожчь вм. дъждь), смѣшиваніе *у* и *в* (усему — всему, всѣчену —усѣчену) и др., встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ книгахъ писанныхъ въ XII—XIV вв. въ южной Руси (евангелія Галичскія, Луцкое, Лаврошевское, поученіе Ефрема Сирина; Пандекты Антіоха Черноризца и др. *).

*) Срв. между прочимъ Отчетъ проф. *Кочубинскаго* 1876, *Ягича* Четыре критико-палеограф. статьи 85, *Житецкій* Очеркъ звук. исторіи малорусск. языка и др.

Въ первой полной печатной словѣнско-русской библіи Острожской (1581 г.) текстъ во многомъ согласенъ съ текстомъ библіи 1499 года, и составляетъ переходъ отъ древнѣйшихъ текстовъ къ новѣйшему; ъ встрѣчается еще въ серединѣ словъ (*сътворити*, но обыкновенно *исполнь*, *первѣе*). Наконецъ въ исправленной библіи, которая употребляется на Руси съ XVII-го в. (1663 г.), *ь* и *ъ* въ серединѣ словъ замѣнены черезъ *о* и *е* или совсѣмъ выпущены; о юсахъ нѣтъ и слѣдовъ, и ѧ означаетъ ꙗ въ серединѣ словъ (*прѧмо*), а въ началѣ пишется ꙗ; *ѣ* и *е* смѣшиваются (*брегъ* вм. *брѣгъ*), *и* и *ы* (*многи*, *рцы*) на русскій ладъ, но полногласія нѣтъ; *ж* вмѣсто *жд* встрѣчается очень рѣдко (*вижу*); склоненія и спряженія приблизились болѣе къ русскимъ, и пр. *).

Такимъ образомъ словѣнскій переводъ библіи, сдѣланный еще свв. Константиномъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками, хотя и подвергся разнымъ измѣненіямъ преимущественно въ фонетической своей части, сталъ общимъ достояніемъ всѣхъ православныхъ Славянъ и тоже католическихъ Хорватовъ. Къ выше приведенному началу евангелія св. Луки (XXIV. 13—17), по древнѣйшимъ словѣнскимъ спискамъ (глагол. и кирилловъ.) и по словѣнско-хорватскому XIV-го в., прибавляемъ здѣсь тоже самое начало изъ словѣнско-русскаго евангелія, которое списалъ въ Новгородѣ Алексѣй сынъ Лазаря презвитера „Мьстиславу сыну Володимирю кнѧзю Новъгородьскуому" ок. 1117 г., и изъ печатныхъ библій Острожской (1581 г.) и нынѣшней (1872 г.); дальше изъ словѣнско-сербскаго евангелія 1202 г., которое списалъ мнихъ Симеонъ „у градѣ Расѣ велиему жупану Вльку", и наконецъ изъ словѣнско-болгарскаго евангелія 1273 г., которое списалъ „въ цариградѣ Трьновѣ" презвитеръ Драгыня **).

*) Срв. *Буслаева* Истор. Христоматія, стр. 259.

**) *Срезневскій* въ Извѣстіяхъ X. 88, 90, 495, и въ сборникѣ малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятн. N. XII и XLVIII, *Новаковича* Примери језика србско-словен. 78. Волкъ (Влькь, Вльканъ) былъ великимъ жупаномъ сербскимъ только въ 1202—1203 г.; до и послѣ онъ былъ великимъ княземъ Зетскимъ или королемъ Діоклейскимъ (Vul-

Евангеліе русск. Мстислава (1117 года).

И се дъва отъ нихъ бѣста идѫща въ тъ же дьнь въ вьсь отъстоꙗщюю стадии шестьдесѧтъ отъ І., ѥи же имѧ Е. И та бесѣдоваста къ себѣ о вьсѣхъ приключьшиихъ сѧ сихъ. И бысть бесѣдующема има и сътѧзающема сѧ, самъ Исусъ приближь сѧ идѧаше съ нима. Очи же ѥю дрьжасте сѧ да ѥго не познаѥта. Рече же къ нима: Что суть словеса си, о нихъ же стѧзаѥта сѧ къ себѣ идуща и ѥста дрѧхла?

Евангеліе сербское Волка (1202 года).

И се два оть нихь бѣста идуща вь ть же дьнь вь вьсь отстоещую стади шестьдесеть оть И., еи же име Е. И та бесѣдоваста кь себѣ о всѣхь сихь приклучьших се. И бысть бесѣдующема има и стезающема се, и самь Исусь приближь се идѣше сь нима. Очи же ею дрьжаста сѣ, да ѥго не пвзнаста. Рече же кь нима: Чьто суть словеса си, о нихь же сьтезаѥта се кь себе идуща и ѥста дресела? **).

Острожская библія (1581 года).

И се два отъ нихъ бѣста идуща в тоиже день в весь отстоащу стадіи шестьдесѧтъ отъ І., еиже имѧ Е. И та бесѣдоваста к себѣ о всѣхъ сихъ приключшихсѧ. И бысть бесѣдующема има и съвопрашающимасѧ и самъ Исусъ приближисѧ идѧше с нима. Очи же ею дръжастасѧ, да его не познаета. Рече же къ нима: Что суть словеса сіа, о них же стѧзаетасѧ къ себѣ идуща и еста дрѧхла? *).

Евангеліе болгар. Драгыни (1273 года).

И се два оть (отъ) нихъ бѣста идѫща въ ть жде дьнь въ весь отстоѫщѫ стадии шестьдесѧть оть (отъ) Ѥ., еи же имѧ Е. И та бесѣдоваста на пѫти о всѣхъ сихъ приклучьшиихсѧ. И бысть бесѣдѫщема има и стѧзаѫщемасѧ, и самъ Исусъ приближисѧ и идѣаше сь нима. Очи же ею дръжаастесѧ, да его не познаетѣ. Рече же к нима: Чьто сѫть словеса си, о них же сьтѧзаетасѧ кь себѣ идѫща и еста дрѧсела?

canus rex Dalmatiae et Diocliae). Тексты изъ другихъ списковъ см. въ изданіи Галичскаго евангелія архим. Амфилохія.

*) Въ текстѣ нын. библіи (изд. 1872 г.): идуща, совопрошающемасѧ, приближивсѧ, держастѣсѧ, сіѧ, идуще, Іисусъ; ъ въконцѣ словъ не выпускается.

**) Въ текстѣ слов.-серб. еванг. 1372 г. (Kopitar Glagolita Clozianus p. L): отстоѥщу, сьвьпрашающемасе, идѣаше, познаѥта, дре-

Какъ видно по этимъ образцамъ, словѣнскій языкъ церковныхъ книгъ у Хорватовъ и Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ измѣнился только въ фонетическомъ отношеніи; а самый текстъ остался почти неизмѣненнымъ.

Чествованіе святыхъ переходило изъ югославянскихъ странъ на Русь и на оборотъ. Такимъ образомъ перешло съ славянскаго юга на сѣверъ чествованіе свв. Кирилла и Меѳодія (встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ мѣсяцословахъ XI—XII вв), Іоанна Рыльскаго, Петки, Иларіона, Симеона, Савы и др., а съ сѣвера на югъ чествованіе свв. Ольги, Бориса и Глѣба (Сербы и Болгаре часто писали это имя по малорусскому произношенію: Хлѣбь) и пр., ихъ житія и службы *).

Кромѣ книгъ Св. Писанія и разнообразнаго богословскаго содержанія, Русскіе принимали изъ югославянскихъ странъ другія сочиненія греческо-византійскія и болгарскія и сербскія, хронографы, лѣтописи, кормчія книги, лѣчебники, травники, апокрифы („болгарскія басни“) и пр. Такъ напр. замѣчательный апокрифъ *Хожденіе Богородицы по мукамъ* былъ извѣстенъ на Руси уже въ XII-мъ в., куда перешелъ изъ Болгаріи, и тоже въ Сербіи и въ Хорватіи **).

Такимъ образомъ между православными Славянами, Болгарами, Сербами и Русскими, религіозно-культурныя и литературныя сношенія не прекращались, и соединяющимъ звеномъ былъ словѣнскій языкъ. Словѣнскія рукописи сербскаго и болгарскаго (и болгарско-волошскаго) извода все переходили на

хла. Въ Никольскомъ еванг. (1404 г.) смѣшивается *ъ* съ *и* (ныхь, сыхь), пишется: вась, бесѣдовахота, стезающума се, идѣаше, познаета.

*) Срв. *Востокова* Опис. рукоп. Румянцева (нѣсколько), *Срезневскаго* о малоизв. памятникахъ N. 3, 15, 16, *Ламанскаго* О славянск. рукоп. въ Бѣлградѣ 108, *Калужняцкаго* о славяно-русск. памятникахъ въ Львовѣ, *А. Попова* опис. рукописей Хлудова, и его трудъ о русскихъ хронографахъ и др.

**) *Срезневскій* въ Извѣстіяхъ X. 551, *Тихонравовъ* Памятники отреченной литерат. II. 23, *Ягичъ* Prilozi k historiji književnosti hrvat. i srb., 46.

Русь, списывались здѣсь на болѣе или менѣе русскій ладъ или читались просто въ подлинной формѣ, какъ онѣ были написаны напр. югославянскими писцами по заказу изъ Руси. Такъ напр. во второй половинѣ XIII-го в. (ок. 1262 г.) русскій митрополитъ Кириллъ просилъ у Святослава, деспота болгарскаго, списка Кормчей (Зонары), которую списали трое болгарскихъ писцовъ въ 50 дней на своемъ болгарскомъ изводѣ (съ юсами), и которую Святославъ послалъ Кириллу „да сѧ просвѣтить словомъ твоимъ вселенаа русьскаа а писаниемъ сиѩ Зонарѩ". Кормчая книга списана скоро и по русскому изводу (напр. въ Новгородѣ въ 1282 г.), такъ что она въ XIII мъ вѣкѣ существовала уже на всѣхъ трехъ изводахъ *). Въ XV-мъ в. Троицко-Сергіевская лавра заказывала въ Аѳонскихъ монастыряхъ списки разныхъ книгъ. Съ другой стороны словѣнско-русскія рукописи и въ послѣдствіи печатныя книги переходили на славянскій югъ, что послѣ порабощенія Болгаръ и Сербовъ Турками было для этихъ двухъ славянскихъ народовъ большимъ благодѣяніемъ. Такъ напр. въ концѣ XVI-го вѣка (1585 г.) Хиландарскій архимандритъ Григорій, побывавшій два раза на Руси, списалъ книгу Іосифа Флавія о іюдейскихъ древностяхъ „отъ рускаго извода, понеже не обрѣташесе нашимь срьбьскымъ езыкомь ни вь Светѣи Горѣ въ срьбскыхь монастырѣхь, ни въ срьбьсцѣи земли, ни въ блъгарскыхь землѩхь, нь принесена бысть оть русскыѩ земли. Азь же быхь въ рускыхь землахь и тамо привикохь нашего русього езыка, елико ми разумѣти многаѧ русскыѧ рѣчи вь сей книзѣ и прѣписахь срьбскы рѣчьми". Въ этомъ Хиландарскомъ монастырѣ хранилось тоже много рукописей и печатныхъ книгъ словѣнско-русскихъ („рушкы тыпь") вмѣстѣ съ словѣнско-сербскими („лѣпь срьбскы") **).

*) *Востоковъ* Опис. рукоп. Румянцев. стр. 291, *Срезневскій* въ Извѣстіяхъ X. 203, и въ сборникѣ о малоизвѣстн. памятникахъ N. 44 и 47, *Ягичъ* въ сборникѣ Starine VI. 60 и срв. V. 43. Выписки изъ двухъ русскихъ кормчихъ XIII-го в. см. у *Буслаева* Истор. Христоматія. 377, 379.

**) *Дмитріевъ-Петковичъ* въ Запискахъ Имп. акад. наукъ VI. кн. 2, стр. 57, *Леонидъ* въ Чтеніяхъ 1867 г. IV. 118, Гласник срб.

Въ славянскихъ монастыряхъ на Аѳонской горѣ, въ сербскомъ Хиландарскомъ, болгарскомъ Зографскомъ и Русскомъ св. Пантелеймона (Руспкѣ), встрѣчались славянскіе монахи и паломники часто. Объ этихъ монастыряхъ заботились православные государи сербскіе, болгарскіе, русскіе и волошскіе. Равнымъ образомъ какъ сербскій царь Стефанъ Душанъ заботился о монахахъ Русскаго монастыря „оть Руспѥ вьсеконечно оставлѥнихь", такъ послѣ паденія югославянскихъ царствъ, и „по престатіи всего господства сербскаго", эта забота перешла къ Русскимъ царямъ. Въ половинѣ XVI-го в. Хиландарскіе монахи принесли царю Іоанну Васильевичу иконы свв. Симеона, Савы, Стефана Милютина, Лазаря и пр., прося у него помощи не только противъ Турокъ но и противъ Грековъ: „Нѣтъ бо время сіе князя ни вождя въ отечествѣ нашемъ; надежды не имѣемъ ни откуда, только на Господа и его пречистую Богоматерь уповаемъ и на Твое святое и великое и благочестивое Царство. Нынѣ наши монастыри славянскаго языка въ Греческой землѣ пребываютъ въ чуждостранствіи, и алчемъ и жаждемъ и наготуемъ безъ своихъ царей и ктиторовъ у безбожныхъ Агарянъ. Сотвори милость съ нами, да пріимешь мзду отъ мздовоздателя Бога, съ блаженно почившимъ великимъ княземъ Ярославомъ, который создалъ обитель св. Пантелеймона, и со св. Симеономъ и Савой" *).

Православные Болгаре и Сербы переходили уже рано на Русь и дѣйствовали здѣсь въ области церковной и литературной; такъ напр. выше упомянутые митрополиты Кипріанъ и Григорій Цамблакъ, сербскій монахъ Пахомій, который въ XV-мъ в. жилъ и писалъ въ Троицкой Лаврѣ, въ Новгородѣ, Москвѣ, Устюгѣ **). Русскіе проживали тоже между южными Славянами,

слов. кн 24 и 44. Срв. *Ягича* Исторію серб.-хорват. литер. 193. *Попова* Обзоръ русскихъ хронографовъ I. 117.

*) Срв. выше упомянутыя статьи Леонида, и нижеупом. статью Некрасова и Ключевскаго.

**) Срв. статью *Некрасова* въ Запискахъ Одесскаго универ. 1871 г. VI, *Ключевскаго*: Древнерусскія житія святыхъ, стр. 78, 113.

особенно въ монастыряхъ Аѳонскихъ, гдѣ списывали словѣнскія рукописи. Такъ напр. въ половинѣ XIV-го в. въ одномъ монастырѣ Царьградскомъ жили два Новгородца, Иванъ и Добрила, „списаючи отъ книгъ св. писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію; въ первой половинѣ XV-го в. въ Аѳонскихъ монастыряхъ списывали рукописи два Русина, Евсевій и Аѳанасій; въ началѣ XVI-го в. въ Сланкамнѣ (между Сербами въ Угріи) монахъ Андрей Русинъ изъ града Сянока списалъ одну рукопись для Хиландарскаго монастыря, и пр.

Въ слѣдствіе такихъ постоянныхъ сношеній Славянъ южныхъ и восточныхъ, которые сообща участвовали въ письменной дѣятельности на словѣнскомъ языкѣ, началась путаница этого „словѣнскаго" языка, смотря по тому, кто и гдѣ на немъ писалъ, Сербъ, Болгаринъ или Русскій. Южные Славяне, дѣйствуя на Руси, приноровились къ употребляемому тамъ словѣнско-русскому изводу, хотя они, конечно, не могли освободиться вполнѣ отъ своего сербскаго и болгарскаго извода. Митрополитъ Кипріанъ находясь на Руси, отрѣшился отъ сербскаго извода, и въ списанномъ имъ служебникѣ писалъ на русскій ладъ ъ, ы, ѧ (т. е. ꙗ), *о* и *е* вмѣсто ъ и ь, не отличаясь въ этомъ отъ Русскаго Варлаама Хутынскаго списавшаго такой служебникъ на сто лѣтъ раньше *). Сербъ Пахомій писалъ тоже на русскій ладъ, но иногда смѣшивалъ по сербски ъ и ь.

Въ XIV—XV-ыхъ вв. распространилось много рукописей словѣнскихъ болгарско-волошскаго извода на Русь, особенно на южную карпатскую, и нашли здѣсь многихъ любителей изъ Русскихъ, которые списывая такія рукописи примѣшивали къ нимъ свои русскія особенности, и такимъ образомъ еще больше испещряли словѣнскій текстъ. Такъ напр. въ 1544 г. въ сѣверовосточной Руси дьякъ Суровецъ списалъ такое еван-

*) Срв. выписки изъ обоихъ служебниковъ у *Буслаева*: Истор. Христоматія 95, 135, и срв. съ этимъ выписку изъ словѣнско-волошскаго служебника 1574 г. (Описаніе рукописей Хлудова 271). Житіе митрополита Петра соч. Кипріана сохранилось въ поздн. спискахъ (Ключевскій, 82).

геліе съ юсами, и думалъ, что это придастъ больше почета Руси, если онъ напишетъ ее съ юсомъ Рѫсь *). Въ югозападной Руси этотъ смѣшанный изводъ болгарско-волошско-русскій (юсы, смѣшанные ъ и ь, ѧ = ю) употреблялся до конца XVI-го и даже до начала XVII-го вѣка. Такой словѣнскій языкъ встрѣчается въ первыхъ печатныхъ церковныхъ книгахъ кирилловскихъ (Осмогласникъ, Часословецъ, двѣ Тріоди, Псалтирь), которыя въ концѣ XV-го в. (1491 г.) напечаталъ „у великомь градѣ у *Краковѣ* при державѣ великаго короля полскаго Казимира" краковскій мѣщанинъ Швайполтъ Фѣолъ для Руси, для которой въ нихъ есть примѣчанія на русскомъ языкѣ; словѣнскій языкъ этихъ книгъ показываетъ такія формы: *врагь, душю мож, чъсть, умръшаѧ, всѧка* и пр. **).

Кромѣ православныхъ Югославянъ бывали на Руси тоже католическіе Славяне, тѣ Хорваты, о которыхъ спутникъ русскаго митрополита Исидора, Симеонъ Суздальскій, замѣтилъ, что у нихъ „языкъ съ Руси, а вѣра латинская". Оттуда прибылъ въ концѣ XV-го в. въ Новгородъ доминиканецъ Веніаминъ „родомъ Словенинъ а вѣрою латинянинъ", и по порученію архіе-

*) Описаніе рукоп. Румянцев., стр. 181.

**) Книги Фѣола (такъ пишется онъ въ русскихъ послѣсловіяхъ) составляютъ нынѣ большую рѣдкость. Въ началѣ XVII-го в. онѣ употреблялись въ многихъ церквахъ югозападной Руси; срв. Копыстенскаго Палинодію (стр. 991), который однако ошибочно связываетъ эти „славенскія" книги съ „славенскимъ" монастыремъ Краковскимъ. Еще въ началѣ XVII-го в. въ Краковѣ хранилось въ заперти много „словенскихъ книгъ, которыхъ на свѣтъ не выпустятъ". (Акты западной Росіи IV. 204). На такомъ словѣнско-болгарско-волошскомъ языкѣ написана тоже библія (неполная), которую написалъ въ Тернополѣ Лука въ 1569 г. (рукопись въ библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ). Вотъ начало перваго псалма: „Блажень мѫжь иже не иде на съвѣть нечьстивыхь и на пѫти грѣшныхь не ста, и на сѣдалищи губитель не сѣде, нѫ вь законѣ Господни волѧ его, и въ законѣ его поучитьсѧ дьнь и нощь, и бѫдеть ꙗко дрѣво саженно при исходищихь водь". Лука смѣшиваетъ ъ и ь, пишетъ ѧ (=ꙗ, мовѧчи, чѧсть), ѫ (тъмѫ, бѫде, мноѫ, нѫ т. е. но, нъ).

пископа переводилъ нѣкоторыя библейскія книги, именно Маккавейскія, съ латинскаго языка на русскій (т. е. словѣнско-русскій); но не зная хорошо русскаго языка онъ иногда оставлялъ даже латинскія слова безъ перевода и писалъ ихъ по русски: *сътвориша балистасъ и махинасъ, отъ благъ земьскыхъ трактабантъ, тегумента, либаторіа* и пр. *).

При такомъ разнообразіи рукописей на Руси, югославянскихъ и русскихъ, подлинниковъ и списковъ, переводчики и справщики церковныхъ книгъ XVI-го и XVII-го вв. часто находились въ недоумѣніи и затрудненіи. Къ находившимся уже на Руси рукописямъ прибывали все новыя. Такъ напр. когда во второй половинѣ XVI-го в. князь Константинъ Острожскій собирался издать полную библію, то онъ велѣлъ отыскивать рукописи повсюду на православномъ востокѣ, на Руси, въ монастыряхъ греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ. Тоже самое было и въ Москвѣ, когда въ половинѣ XVII-го в. патріархъ Никонъ издавалъ исправленныя церковныя книги; тогда собирали въ Москву изъ греческихъ и югославянскихъ странъ, особенно изъ Аѳонскихъ монастырей, много „словенскихъ и сербскихъ ветхихъ книгъ“; такія книги посылали Никону тоже патріархи Сербскій и Охридскій **).

Разнообразіе словѣнскаго текста, конечно, замѣтили Русскіе давно. Когда въ половинѣ XVI-го в. (1552 г.) Нилъ Курлятевъ написалъ, со словъ своего учителя Максима Грека, Псал-

*) *Горскій и Невоструевъ* Описаніе рукоп. синодальной библ. I. 128, *Востоковъ* Опис. рукоп. Румянцев. стр. 164. Въ переводѣ этой библіи 1499 г. принималъ участіе тоже какой нибудь русскій изъ югозападной Руси (въ кн. Есѳирь: приклякаа, абы и пр.). Книги пророковъ списаны съ рукописи XI-го в. попа Упиря Лихаго (искурилоцѣ, искуриловицѣ—съ кириллицы), и въ нихъ сохранились многія древнія черты языка рядомъ съ новыми; юсы смѣшиваются, такъ напр. пишется мѫжи и мужь, въ пещь огньмь горѧщю и пѣщи огнѧ горѫща, и пр. Но въ большей части книгъ этой библіи языкъ — обыкновенный тогда словѣнско-русскій.

**) Срв. предисловіе къ новому Служебнику (Москва 1655), и Гласник срб. 1869 г. (VI. 55).

тирь на обыкновенномъ тогда словѣнско-русскомъ языкѣ, то онъ въ послѣсловіи замѣтилъ, что „прежніи переводницы нашего языка извѣстно не знали, и они перевели ово словенскы, ово сербскы и ино болгарскы, ихъ же не удовлишася преложити на рускій языкъ. А Кипріанъ митрополитъ по гречески извѣстно не умѣлъ, и руского языка доволно не зналъ же. И наша рѣчь руская чиста и шумка, а они говорятъ моложаво, и въ писаніи рѣчи наши съ ними не сходятся. И онъ мнилъ, что по нашему русскому языку поисправилъ псалмовъ; и онъ болши въ нихъ неразуміе написалъ въ рѣчехъ и въ словахъ все по сербски написалъ *). И инѣ многіе у насъ въ русскомъ языцѣ книги пишутъ отъ неразумія все по сербски, и говорити по писму по нашему языку не умѣютъ прямо, и многыя неразумныя смущаются. По русскому по нашему языку, гдѣ надобетъ *а* а по сербски *ѣ* или *ж*, по руски *о* а по сербски *ж*, по руски *ы* и по сербски *и*. А рѣчи по нашему *не замедли*, а сербски или будѣтъ болгарски *не замуди*, по руски *медлѣно*-или *косно*-или *гугниво-языченъ*, а сербски *мудно-языченъ*; и протчіе рѣчи намъ не разумны: *бохма*, *ва[illegible]ь*, *рѣпотивіе*, *цѣщи*, *ашуть*, и многа иныхъ таковыхъ мы не разумѣемъ, ино сербски и ино болгарски“. Максимъ Грекъ взялся за исправленіе книгъ „добрѣ умѣющій гречески и латынски и руски и словеньски и болгарски и сербски, языкомъ и грамотамъ“ **).

*) Этотъ упрекъ не совсѣмъ вѣренъ; срв. выше стр. 64.

**) Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, наход. въ биб. Казанской дух. акад. стр. 19, Рукописи Царскаго N. 327. Извѣстно, что справщики пользуясь греческими книгами, ввели на Руси греческую форму *Славяне*, *Славене* (Σκλαβηνοὶ) вмѣсто стар. *Словѣне*, *Словене* (См. Шафарика Слав. Древности, § 25), и греч. *Россія*, *Россы* (Ῥωσσία, Ῥῶς) вм. стар. *Русь*. Эту новую форму *Россія*, *Россы*, *Россіяне*, народъ *росскій*, *россійскій*, употребляли русскіе книжники XVII вѣка въ смыслѣ всей Руси (югозападной и сѣверовосточной), не только въ русскихъ сочиненіяхъ, но и въ польскихъ. Такъ православное братство Львовское издаетъ въ 1591 г. въ Львовѣ Граматику еллинословенскаго языка — многоименитому россійскому роду. Тогда (въ 1592 г.) тоже самое Львовское православное братство обращает-

Эта пестрота текста церковныхъ книгъ на Руси прекращалась по мѣрѣ распространенія печатныхъ книгъ словѣнско-русскихъ, печатаемыхъ въ XVI—XVII-хъ вв. въ Вильнѣ, Львовѣ, Острогѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Москвѣ и др. Въ этихъ изданіяхъ, служебникахъ и требникахъ, часословахъ, тріодяхъ, октоихахъ, минеяхъ, евангеліяхъ, псалтиряхъ, въ библіяхъ Острожской 1581 г. и Московской 1663 г., установился церковный языкъ „словенскій" или — какъ съ начала XVII-го в. говорилось на греческій ладъ — „славенскій, славянскій" русскаго или россійскаго извода, который распространился тоже на славянскій югъ.

Что касается свѣтской литературы на Руси, то словѣнскій языкъ здѣсь игралъ второстепенную роль. Въ памятникахъ юридическихъ, въ собраніяхъ законовъ и въ грамотахъ, является почти повсюду русскій языкъ съ своими особенностями фонетическими (съ полногласіемъ) и формальными, въ Правдѣ Русской, въ правѣ Псковскомъ и Новгородскомъ, въ судебникахъ Московскихъ, въ статутахъ западно-русскихъ и пр. Въ лѣтописяхъ, писанныхъ монахами, примѣсь словѣнскаго языка къ русскому тексту не очень значительна; именно русское полногласіе по-

ся за помощью къ православному царю Ѳеодору Іоанновичу, самодержавному господарю сѣверскія страны великоименитаго рода россійска, отъ нихъ же обрѣтается въ Львовѣ родъ россійскій и греческій (Акты запад. Россіи IV. 47). Уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй поддѣлалъ посланіе „россійскихъ Словянъ, россійскихъ сыновъ и великородного словенского языка" папѣ Сиксту (будто 1476 г.). Кіевскій ученый Копыстенскій въ книгѣ *Палинодія* (1621) постоянно говоритъ то о рускомъ то о роскомъ народѣ (Россахъ). Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій въ изданной имъ Метрикѣ (1687) обращается къ „нашему россійскому православному духовенству." Мелетій Смотрискій въ книгѣ Lament (1610) часто говоритъ о „Rośiejskich krainach, w ziemi Podolskiej, Lwowskiej, Przemyskiej" etc. Митрополитъ Кіевскій П. Могила въ книгѣ Kamień z procy prawdy cerkwie św. prawosławnej ruskiej (1644) говоритъ о той же церкви „rossijskiej matce naszej", и пр.

стоянно боролось съ словѣнскими формами, такъ что формы *городъ* и *градъ* встрѣчаются рядомъ (Словѣни сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ).

VIII.

На славянскомъ югѣ типографіи прекратили свою дѣятельность въ половинѣ XVII-го вѣка. Волохи замѣнили церковный словѣнскій языкъ своимъ румынскимъ, и Болгаре и Сербы остались безъ церковныхъ книгъ. Это было тѣмъ опаснѣе, что хорватско-босенскіе іезуиты и францисканцы, въ XVI — XVIII вв. стали печатать католическія книги на языкѣ „словинскомъ" или „славинскомъ" или „сарпскомъ, босанскомъ" или даже на славено-россійскомъ, кириллицею, съ цѣлью пропаганды посреди православныхъ Сербовъ и Болгаръ. Да одинъ францисканецъ Матіевичъ говоритъ въ напечатанномъ имъ въ Римѣ въ 1630 г. кирилловскомъ „Исповедаоникѣ", что онъ „сабранъ изъ православніехъ научительа", и папа Урбанъ VIII велѣлъ въ 1648 г. въ Римѣ напечатать кириллицею „Исповеданіе православное веры отъ восточныхъ творимое (Professio orthodoxae fidei ab orientalibus facienda)". Кромѣ того русскіе уніаты, сами по себѣ и по порученію папы, не упускали изъ виду пропаганды посреди православныхъ Югославянъ; такъ въ концѣ XVII-го в. уніатскіе епископы русскіе просили одобренія со стороны римской пропаганды изданному ими словѣнскому служебнику, который долженъ служить не только для всей Руси, но тоже для всѣхъ славянскихъ народовъ въ владѣніяхъ Римскаго цесаря и Венеціанской республики *).

Съ другой стороны, послѣ паденія Болгаріи и Сербіи, Греки стали стремиться къ распространенію греческаго языка въ церквахъ болгарской и сербской. Они уничтожили патріархаты бол-

*) Theiner: Monum. Polon. et Lithuan. III. 741. Такой цѣли должны были тогда служить и чешскія книги. См. нашу книгу *Славянская взаимность*, 270.

гарскій и сербскій, заняли епископскія мѣста въ Болгаріи, Сербіи и Румыніи, преслѣдовали языкъ словѣнскій въ церкви и вводили повсюду греческій. Даже первые учителя Славянъ, свв. Седмичисленники Константинъ и Меѳодій, Климентъ, Гораздъ, Наумъ, Ангеларъ и Сава, прославлялись въ XVIII в. греческими службами и житіями.

Изъ этого опаснаго положенія выручила православныхъ Болгаръ и Сербовъ единовѣрная и единоплеменная имъ Русь, снабжая ихъ своими церковными книгами. Русскіе издавали книги не только для народа русскаго или „славено-россійскаго", но тоже для „многочисленнаго словенскаго (славенскаго) языка." Такъ *Библіа по языку Словенску* Острожская (1581) издается „о Христе избраннымъ въ народѣ Рускомъ, сыномъ церкве Восточныя, и всѣмъ съгласующимся языку Словенскому и съединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ" *). *Библіа по языку Славенску* Московская (1663) издается тоже „о Христѣ избраннымъ въ народѣ Великороссійстѣмъ и въ прочихъ сыномъ сущимъ церкве Восточныя и всѣмъ согласующимся языку Славенскому и соединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ". Совре-

*) Острожскую библію напечаталъ, иждивеніемъ Константина князя Острожскаго, Іоаннъ Ѳеодоровъ сынъ з Москвы—ἐκ τῆς μεγάλης Ῥωσίας. Острожскою библіею пользовались и другіе славянскіе переводчики библіи, какъ напр. Япель и Кумердей, переводчики словенской библіи (1784—1786). Ихъ землякъ В. Копитаръ высоко цѣнилъ Острожскую библію, экземпляръ которой онъ получилъ уже на канунѣ смерти (1844 г.). Янъ Коларъ, посѣтившій Копитара лежавшаго уже на смертномъ одрѣ, разсказываетъ, что Копитаръ показалъ ему на этотъ прекрасный экземпляръ „съ какой то невыразимою радостью; когда же я взялъ ее со стола и принесъ ему на кровать, то его гаснущія очи еще просіяли и засвѣтились какъ огонь: Вотъ прекрасное сокровище, дорогое и милое всѣмъ Славянамъ!" (Kollára Sebrané spisy IV. 4). Библіею Острожскою и др. занимался часто I. Добровскій; онъ уже въ 1792 г. въ Москвѣ въ синодальной библіотекѣ изучалъ рукописную библію XVI-го в. (см. его Slawin, p. 148, 212, изд. Ганки, и предисловіе къ его Institutiones linguae slavicae).

менникъ князя Острожскаго, князь Курбскій, занимался переводами на „вождѣленный и любимый праотцевъ прирожденный языкъ словенскій", не только изъ любви „къ единоплеменной Россіи, но и всему словенскому языку". Книги издаются для всѣхъ „Великороссовъ, Болгаръ и Сръбовъ и прочихъ подобныхъ намъ въ православіи" (Тріодь постная, Кіевъ 1627), у которыхъ богослуженіе отправляется „богоугоднымъ языкомъ словенскимъ въ Великой и Малой Русіи, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ" (О вѣрѣ единой, Москва 1648); издаются „въ общую пользу въ благочестіи свѣтлосіяющаго, великаго и славнаго народа Россійскаго и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка Славенска, божественныхъ писаній употребляющихъ и въ правовѣріи живущихъ" (Св. Дороѳея поученія, Кіевъ 1628), у которыхъ въ богослуженіи употребляется „широкій и великославный языкъ Славенскій, въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи" (Лексиконъ славенороссскій Памвы Берынды, въ Кіевѣ 1627), этотъ „славенскій языкъ, отецъ и источникъ" всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ (какъ думаетъ Ѳеодоръ Поликарповъ въ своемъ Лексиконѣ треязычномъ, Москва 1704).

Церковный языкъ „словенскій, славенскій" соединялъ Русь православную и уніатскую, Сербовъ и Болгаръ, какъ бы въ одну семью, замѣняя имъ языкъ литературный *). Правила этого „славенскаго" языка, какъ онъ употреблялся на Руси, попробовалъ установить Мелетій *Смотрискій* въ своей недостаточной книжкѣ „Грамматики Славенскія правилное синтагма" (1619), которая издана потомъ нѣсколько разъ для Русскихъ и тоже для Сербовъ. Мелетій Смотрискій любилъ церковный языкъ словѣнскій, который онъ назвалъ по греческому способу „славенскимъ", и когда онъ путешествовалъ въ Палестинѣ, то онъ

*) По этому вел. князь Иванъ Васильевичъ заключая въ 1490 году союзъ съ императоромъ Максимиліаномъ, требуетъ отъ него „писати грамоту рускимъ письмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словенинъ; а не будетъ такого писца, кому по руски писати, ино писати по латынски или по нѣмецки". (Памятники дипломат. сношеній Россіи I. 41).

отправлялъ литургію не на обыкновенномъ тамъ языкѣ греческомъ, а на словѣнскомъ, молясь za ciebie przenajmilszy mój narodzie ruski i ꙁ wszystkie te narody, które językiem słowieńskim Stworzyciela chwalą *).

Такимъ образомъ съ церковными книгами словѣнско-русскими („рушкы типь") распространился словѣнско-русскій или славено-россійскій изводъ тоже къ Болгарамъ и Сербамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ изводъ считался настоящимъ „словенскимъ" или „славенскимъ" языкомъ. Болгаре и Сербы его охотно приняли и употребляютъ въ своихъ церквахъ до сихъ поръ. Русскія изданія церковныхъ книгъ Сербы и потомъ и Болгаре стали перепечатывать у себя въ Венеціи, Вѣнѣ, Будинѣ, Новомъ Садѣ, Бѣлградѣ, Софіи и пр. Такъ напр. изданы въ Венеціи въ 1763—65 г. Псалтиръ первѣе напечатанный въ Москвѣ 1761 г., въ 1790 г. Псалтиръ по новоисправленной библіи на подобіе въ Москвѣ печатаннаго 1770, въ 1764—65 г. Требникъ на подобіе въ Москвѣ печатаннаго 1761 г., и такъ и другія книги, Служебникъ, Часословъ, Осмогласникъ, Евангелія, Апостолъ, Катихизисъ, букварь, граматики и пр., въ Вѣнѣ и въ Будинѣ; Библіа сирѣчь книги св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта (Будинъ 1804 г., по кіевской библіи 1788 г.), и пр. Сербскіе священники пользуясь словѣнско-русскими церковными книгами, часто читали изъ нихъ по своему обыкновенію: ва име (а въ печатной книгѣ: во имя), плть (плоть), *шт* (вм. *щ*), и пр., и вообще помимо воли боролись съ новымъ русскимъ изводомъ, который однако вполнѣ привился въ Сербіи и Болгаріи.

Словѣнско-русскій языкъ церковный нашелъ себѣ скоро дорогу и къ католическимъ Хорватамъ, которые отправляли богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ. Въ слѣдствіе уніи одной части русской церкви съ Римомъ, здѣсь познакомились ближесъ церковнымъ языкомъ, который употреблялся во всей русской церкви и считался настоящимъ чистымъ языкомъ „славенскимъ". Русскіе уніатскіе священники часто бывали въ Римѣ и знакомились здѣсь съ хорватскими глагояшами.

*) Apologia peregrynacyej do krajów wschodnich (1628 p. 6).

Такимъ образомъ Русскіе уніаты и Хорваты глаголяши познакомились другъ у друга съ „словѣнскимъ" языкомъ въ церковныхъ книгахъ русскихъ и хорватскихъ. Папская курія, уже въ видахъ католической пропаганды среди „схизматической" Руси, склонялась на сторону русскихъ епископовъ, считавшихъ свой славенскій языкъ настоящимъ словѣнскимъ, и это мнѣніе пріобрѣло скоро практическое значеніе. Когда въ первой половинѣ XVII-го в. оказалась необходимость новаго изданія словѣнскихъ церковныхъ книгъ для Хорватовъ, то папская курія поручила этотъ трудъ хорватскому монаху Рафаилу Леваковичу, который прожилъ нѣкоторое время въ Польшѣ и въ прикарпатской Руси, познакомился здѣсь съ церковнымъ языкомъ русской церкви и выказалъ большое усердіе въ обращеніи „схизматиковъ особенно нашего языка" *). Леваковичъ сталъ приготовлять новое изданіе римскаго словѣнско-глаголическаго служебника, который вышелъ въ 1631 г. въ Римѣ *Миссал римскиј ва език словенскиј*. Языкъ этого новаго изданія глаголическаго служебника въ своей основѣ по большей части еще прежній словѣнско-хорватскій, но съ значительною примѣсью русскаго извода; по этому рядомъ съ старыми словѣнско-хорватскими *ва*, *свети*, *часть*, встрѣчаются примѣшанныя къ нимъ формы *воскресение*, *воспоменутиь*, *церковь*, *царствие* и пр. Такъ напр. евангельское чтеніе отъ Луки (XXIV. 13) не отличается отъ текста служебника 1483 года; Леваковичъ пишетъ *вриме*, *дан*, *вас*, *стезающема се*, *мею* и *междю*, *силан*, *кнези*, *дресела*, *савкуплених*, но тоже *держаста се*, *пришелец* (служ. 1483 г. пришлац), *третиј*, *пријдоше*, *тој* (ст. *ть*, *та*), *сердцем*, *отверзоста* (ст. отврѣста), *воставша* (ст. вставша), *возвратиста* (ст. взратиста), *воскресе* (вкресе), и проч. **). Въ евангел. чтеніи отъ Мат. II. 1. Леваковичъ пишетъ о рождествѣ Исуса „ва дни Ируда царьѣ, се волсви от встока пријдоше... Видихом бо звезду его на востоце... И сабрав вси архие-

*) О Леваковичѣ см. Кукулевича: Književnici u Hrvatah, 136.

**) См. выше стр. 45. Букву ђ Леваковичъ употребляетъ въ значеніи j (*й*); ь очень рѣдко.

реи вопрашаше“ и пр. Еще больше обрусѣлъ „словенскій“ переводъ помѣщеннаго въ этомъ служебникѣ бреве папы Урбана VIII, которое переведено подъ вліяніемъ русскихъ уніатовъ. Папа узнавши, что „миссал езиком словенцем иногда от честитие воспомене Иванна папи осмаго предошастника нашего допушщен, около ста лет нест бил витлачен,“ и что отъ этого недостатка миссаловъ „словенские церкви пострадали сут“, то онъ велѣлъ, „веще миссалов словенсцем езиком написаних из Далмацие в Рим донести, и тее о. Рафаилом Леваковищем и етерими ва словенсцем езице наученими попаправити“, и этотъ исправленный миссалъ впредь употреблять повсюду, „идеже до селѣ словенсцем езиком служено есть“.

Послѣ служебника Леваковичъ взялся за исправленіе *Часослова* (Бревіарія). Текстъ его одобрили уже въ 1635 г. два русскихъ цензора въ Римѣ, но позже помогалъ здѣсь Леваковичу, по порученію папы, еще уніатскій Холмскій епископъ Меѳодій Терлецкій, который познакомился съ сербско-хорватскимъ языкомъ во время своей миссіонерской дѣятельности посреди православныхъ Сербовъ въ Хорватіи (1628—1629 гг.), и въ послѣдствіи проживалъ въ Римѣ по дѣламъ уніатской церкви и распространенія уніи между православными Славянами. Леваковичъ подчинился здѣсь Терлецкому вполнѣ. Оба Славянина собрали старыя рукописи и книги словѣнско-хорватскія (illyricae linguae), русскія и другія славянскія (вѣроятно сербскія); потомъ они стали исправлять текстъ по вульгатѣ, то есть выбрасывать нѣкоторыя простонародныя слова далматскаго языка, которыя-де примѣшались въ прежнія книги (въ томъ числѣ и въ служебникъ 1631 г.) по произволу писателей, и замѣнять ихъ чисто славянскими (pura slavonica), находящимися въ неискаженныхъ книгахъ русскихъ. Такимъ образомъ пересмотрѣнъ текстъ псалтири для часослова и „очищенъ отъ чуждыхъ далматскихъ словъ“, и *Часословъ рымскы славинскимъ языкомъ* изданъ въ 1648 г. въ Римѣ *). „Славинскій“ языкъ этого

*) См. предисловіе Терлецкаго къ этому часослову. Около этого времени изучалъ въ Римѣ извѣстный Хорватъ, католическій

часослова уже не та смѣсь хорватско-русская встрѣчающаяся въ мисалѣ 1631 г., а русскій изводъ тогдашняго „славенскаго“ языка, съ *й*, *ѣ=я* а *ѣ* съ точкой=*ѣ*, *ъ*, отъ котораго отличается иногда *ь*, *ы*, что означается черточкой надъ *и*, но часто смѣшивается съ *и*; съ формами: возвеселятъ ся, время, скорбий, ополчитъ ся, взалкаша, чада, удержи, лести,—вмѣсто прежнихъ хорватскихъ, встрѣчающихся въ Часословѣ хрвацкомъ Брозича 1561 года.: взвеселет се, вриме, скрби, оплчит се, взлакаше, чеда, уздржи, ласти. Такимъ образомъ и молитва *Отче нашь* измѣнилась здѣсь на русскій ладъ съ словами: царствие, насущний, остави, искушение, от лукаваго. Такой же языкъ встрѣчается и въ новомъ изданіи *Часослова славинскаго* 1688 г., которое приготовилъ Пастричъ изъ Сплѣта съ помощью русскихъ уніатовъ, между тѣмъ какъ въ изданномъ имъ *Миссалѣ словенскомъ* 1706 г. языкъ такая же смѣсь, какая встрѣчается въ мисалѣ 1631 г.

Наконецъ третье изданіе римскаго мисала поручилъ Задерскій архіепископъ Змаевичъ Сплѣтянину Караману (въ послѣдствіи епископу Осорскому и архіепискому Задерскому), пробывшему нѣкоторое время въ Россіи; ему помогали четыре русскихъ уніата. Языкъ этого мисала измѣненъ вполнѣ по русскому изводу, введены *і*, удареніе церковныхъ книгъ русскихъ, и форма *Иисусъ* (вмѣсто *Исусь* прежнихъ мисаловъ), и этотъ *Мисал римски славенскимъ язикомъ* изданъ въ Римѣ въ 1741 году. Такой славенскій языкъ употреблялся и въ послѣдующихъ за римскимъ мисаломъ церковныхъ книгахъ хорватскихъ до первой половины XIX-го вѣка *). Такимъ образомъ церковный языкъ „славенскій, славинскій, славянскій“ употребляемый въ богослуженіи Славянъ православныхъ, уніатскихъ и католическихъ, принялъ повсюду одинаковый видъ. Когда у Хорватовъ появилось мнѣніе о необходимости ввести

латин. священникъ Юрій Крижаничъ, литургію греческую и русскую. См. письма Леваковича и Крижанича 1642 г. у Кукулевича Književnici u Hrvatah, 392.

*) См. примѣры у Берчича Čitanka stslov. jezika. Выписку изъ мисала 1741 г. см. ниже. Срв. Assemani: Calendaria ecclesiae universae I. 114, IV. 426.

простой языкъ хорватскій въ богослуженіе, Караманъ, тогда уже архіепископъ Задерскій (1753 г.), сталъ защищать единство церковнаго славянскаго языка у всѣхъ Славянъ отъ моря Адріатическаго до Ледовитаго; это единство, быть можетъ, проложитъ путь къ уніи другихъ пока еще „схизматическихъ" Славянъ съ Римомъ *).

Въ половинѣ XVIII-го вѣка миновало девять столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ Солунянинъ Константинъ въ Херсонѣ Таврическомъ (ок. 857 г.) „обрѣте евангеліе и псалтирь русьскыми писмены писано, и чловѣка глаголюща тою бесѣдою; и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различна писмена, гласнаа и съгласнаа, и вскорѣ начятъ чести и сказати", и какъ послѣ того философъ въ Царьградѣ (ок. 862 г.), во время пребыванія въ этой столицѣ моравскаго посольства, „сложи писмена и начя бесѣду писати евангельскую (на словѣнскомъ языкѣ): Искони бѣ Слово и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово". И вотъ, девять столѣтій спустя послѣ этихъ важныхъ событій, во всѣхъ церквахъ русскихъ, болгарскихъ, сербскихъ и хорватскихъ (на сколько въ этихъ послѣднихъ сохранилось словѣнское богослуженіе), раздавался *русскій изводъ словѣнскаго языка*, и на словѣнско-русскомъ языкѣ священники русскіе, болгарскіе, сербскіе и хорватскіе читали въ первый день Пасхи тѣ слова изъ евангелія отъ Іоанна (I. 1), которыя Константинъ философъ писалъ въ Царьградѣ словѣнскимъ письмомъ и языкомъ, и которыя идутъ не только къ св. Іоанну Предтечѣ, а тоже къ самому святому просвѣтителю Славянъ Константину, взывавшему къ Славянамъ какъ гласъ вопіющаго въ пустыни: исправите путь Господень. „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ. Бысть чловѣкъ посланъ отъ Бога. Сей пріиде во свидѣтельство, да свидѣтельствуетъ о свѣтѣ, да вси вѣру имутъ ему. Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка. Елицы же прія-

*) Identità della lingua letterale slava e necessità di conservar la ne'libri sacri (рукоп., срв. Engel: Geschichte von Serwien 457).

ше его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующымъ во имя его. И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его" *).

Хорваты глаголяши пользуясь церковными книгами на языкѣ словѣнско-русскомъ, прибѣгали тоже къ переводу евангелій и епистолъ на чистомъ хорватскомъ языкѣ печатаемыхъ латиницею въ такъ назыв. скіаветѣ (италь. schiavetto, малый склавъ, Славянинъ) **). Въ слѣдствіе развитія славянской филологіи и болѣе основательнаго изученія словѣнскаго языка по вновь открытымъ древнѣйшимъ рукописямъ кирилловскимъ и глаголическимъ (въ томъ числѣ и словѣнско-хорватскаго извода), Хорваты глаголяши стали заниматься серьезнѣе словѣнскимъ языкомъ, преподаваемымъ въ семинаріяхъ Задерской и Дьяковской. Ощущалась все больше потребность новаго пересмотра и исправленія текста ихъ церковныхъ книгъ по древнѣйшимъ словѣнско-хорватскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ (1483—1561). Неутомимый Берчичъ собиралъ древнія церков-

*) Въ древнѣйшихъ рукописяхъ глагол. и кириллов. начало этого еванг. чтенія гласитъ: „Искони бѣ (бѣаше) Слово и Слово бѣ у (отъ) Бога". Такъ и въ глагол. словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ. Въ Острожской библіи: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ у Бога". Хорватскіе протестанты въ Новомъ Завѣтѣ 1563 г. переводятъ въ глагол. изданіи: „Искони бише Слово.... кон (!) Бога", и дальше „у почелу"; въ кириллов. изданіи: „В почѣлу (почелу) бише Слово... при Богу". Въ нынѣшней библіи хорват.: У почелу биаше Слово... код Бога; въ сербской: У почетку бјеше Риjеч... у Бога; въ болгарской: Въ начало бѣ Слово-то.... у Бога.

**) См. у Копитара Glagolita Cloz. (стр. LII) выписку изъ такого скіавета напечат. въ Рѣкѣ въ 1824 г., начало еванг. отъ Луки XXIV 13. (замѣняемъ неуклюжее илирское правописаніе тѣхъ временъ нын. сербскимъ): „Два от учениках Исусових иђаху исти дан у град, кои биаше далеко отъ J. мильаа седам именом Е. И они говораху меу собом од оваих свих, коjа се биахи догодила. И учиньено би, чим се разговораху, и меу собомъ изискиваху, исти Исус приближаjуħи се гредише с ньими, а очи ньихове биаху засиньене, да би га непознали. И рече ньима: Коjа су ово говореньа, коjа разлажета меу собом ходеħи и jесте жалостни?" Текстъ отличается мало отъ хорв. библіи Скарича.

ныя книги, словѣнско-глаголическія рукописныя и печатныя, и возстановилъ по нимъ значительную часть библіи извода словѣнско-хорватскаго (Ulomci sv. pisma). Преждевременная смерть помѣшала ему пересмотрѣть церковныя книги хорватско-глаголическія. Это сдѣлали уже другіе Хорваты глаголяши, именно каноникъ Парчичъ, и первая церковная книга съ исправленнымъ текстомъ напечатана въ Римѣ въ 1881 году: *Прилогь Римскому Мисалу словѣньскимь езикомь лѣта 1741.* Справщики возвратились къ древнѣйшему тексту словѣнско-хорватскому XII—XIII вѣковъ, исключили всѣ позднѣйшіе руссизмы, возстановили *ь* (дьнь вмѣсто дань и дан, рус. день, вьзратити вм. вазвратити, рус. возвр.), *жд* (между, даждь), и разныя старинныя слова и формы (Исусь, цѣсарь) и пр. Полнаго римскаго мисала на исправленномъ языкѣ пока еще нѣтъ, такъ что рядомъ съ мисаломъ славенскимъ 1741 года употребляется это приложеніе къ мисалу словѣнскому 1881 года. Для сравненія словѣнскаго языка приводимъ здѣсь изъ еванг. отъ Луки II. 43 по

Мисалу славен. 1741 г.	*Мисалу словѣн. 1881 г.*
Возвращающымъ ся имъ оста отрокъ Иисусъ во Иерусалимѣ; и не познаша родителя его. Мнѣвша же его въ дружинѣ суща, преидоста дне путь, и искаста его въ сродницѣхъ и знаемыхъ. И не обрѣтша возвратиста ся во Иерусалимъ, взыскающе его. И бысть по тріехъ днехъ обрѣтоста его въ церкви сѣдяща по средѣ учителей послушающа ихъ и вопрашающа ихъ.	Вьзвращающемь се имь оста отрокь Исусь вь Иерусолимѣ; и не чуста родитела его. Мьнѣвьша же и вь дружинѣ сущь, придота дьнь пути, и искашета его вь родѣхь и вь знанихь. И не обрѣтьша его вьзвратиста се вь Иерусолимь, вьзискающа его. И бисть по трехь дьнехь обрѣтоста и вь црькви седещь по срѣдѣ учитель послушающь ихь и вьпрашающь е. *).

*) Въ мисалѣ 1483 г.: познаста, мнѣста, прѣидоста дань пути, взискающе и в родѣ и в знанихь, взвратиста, биси по трѣхь, моистрь скулнихь (учитель), впрашающь. Въ текстѣ мисала 1741 г. находятся ударенія и значки по русскому способу.

Въ этомъ прибавленіи къ римскому мисалу находится тоже „вь дьнь 5 Июлѣѣ праздьникь светою Курила и Метуда архиерѣю и исповѣдьнику“, и между прочимъ тоже молитва: „Вьсемоги вѣковѣчьни Боже, иже блаженима исповѣдьникома своима и архиерѣома Куриломь и Метудомь словѣньские езики кь познанию имене своего прити даль еси: подаждь, да еюже праздьникомь славимь се, вь тою сьдружение сьединимь се Господемь нашимь“.

Мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ является въ новѣйшее время тоже на Руси. Если эта мысль осуществится, то желательно, чтобъ этотъ важный вопросъ рѣшался сообща всѣми Славянами, православными и уніатами, пользующимися словѣнско-русскими церковными книгами по исправленному въ XVII-мъ вѣкѣ тексту, да, въ виду важности этого вопроса какъ вопроса общеславянскаго, и съ Хорватами. Удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса требуетъ общаго содѣйствія всѣхъ славянскихъ теологовъ и филологовъ, и они могутъ его разрѣшить гораздо лучше, чѣмъ двѣсти лѣтъ тому назадъ.

IX.

Изъ Славянъ католиковъ одни только Хорваты слышали всегда, если не во всѣхъ, то во многихъ своихъ церквахъ словѣнское богослуженіе. Чехи и Поляки услышали словѣнско-хорватскій языкъ у себя дома въ двухъ монастыряхъ въ Прагѣ и въ Краковѣ, и такимъ образомъ познакомились съ словѣнскимъ языкомъ хорватскаго извода, который мало отличался отъ сербскаго. Они знали кромѣ того, что словѣнскій языкъ употребляется тоже въ церкви хорватской, сербской, болгарской и русской, и хорватскіе и чешскіе монахи Эмаусскіе увидѣли въ своей церковной книгѣ письмо „русское“ (кириллицу) и „словѣнское“ (глаголицу). Поляки могли уже недалеко Кракова, въ церквахъ Червоной Руси, услыхать словѣнскій языкъ русскаго извода или употреблявшагося тамъ болгарско-волошско-южнорусскаго извода, которыхъ они конечно не умѣли различать:

для нихъ, равнымъ образомъ какъ и для Чеховъ, существовалъ въ церкви языкъ „славянскій“ (słowieński, słowiański, slovenský, slovanský), который употребляли Хорваты католики и Бенедиктинцы монахи въ обоихъ словѣнскихъ т. е. „славянскихъ“ монастыряхъ пражскомъ и краковскомъ, и „схизматическіе“ Славяне, Сербы, Болгаре и Русь. Въ подробности этого вопроса о „славянскомъ“ языкѣ Чехи и Поляки не входили, и называли и языкъ церковный и языки чешскій, польскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій—„славянскимъ“ (словенскимъ, словянскимъ, слованскимъ, lingua slavica, slavonica, или даже slovanica). Производя Чеха и Лѣха и ихъ народы изъ югославянскихъ („словенскихъ, слованскихъ“) странъ хорватско-далматскихъ, (называемыхъ и на югѣ „словинскими“), Чехи и Поляки подумали, что извѣстный имъ церковный языкъ „словенскій“ (т. е. словѣнско-хорватскій), на который свв. Іеронимъ или Кириллъ перевели священное писаніе, есть древній языкъ Славянъ вообще, и Чеховъ и Поляковъ въ особенности. Поэтому Полякъ Мартынъ Бѣльскій въ своей хроникѣ свѣта (1550 г.) говоря о древнепольской библіи, въ которой находится-де половина „сербскихъ“ словъ, предполагаетъ, что эта южная Сербія—прародина Поляковъ и что они по этому еще сохранили много „словенскихъ“ словъ: „Jeszcze i dziś ludzie wiele słowieńskich słow mowią: *gosponie* po słowieńsku *hospodinie* to jest *panie*; też to nam w rzeczach przychodzi mowić s słowieńska *iże prawi* to jest *mowi*, dzieci zową po słowieńsku ojca *tata*, iż przyrodzona rzecz jednych słow przestawamy mowić słowieńskich a drugich się chwytamy“.

Чехи зная церковный языкъ словѣнско-хорватскій, сравнивали съ нимъ и свой языкъ чешскій. Такъ Янъ *Голешовскій* въ своемъ объясненіи древней пѣсни „Господине помилуй ны“ (1397 г.) сравниваетъ слова *спасъ* и *миръ* съ слышанными имъ такими словами въ церковномъ словѣнскомъ языкѣ Эмаусскаго монастыря, и думаетъ что этотъ словѣнскій т. е. хорватскій языкъ представляетъ древнѣйшій видъ чешскаго языка *). Янъ

*) Статью Голешовскаго сообщаетъ Болелуцкій въ біографіи св. Войтѣха Rosa Boëmica, II. 37.

Гусъ въ статьѣ о чешскомъ правописаніи замѣчаетъ, что въ этомъ словѣнскомъ языкѣ, отцѣ чешскаго языка, недостаетъ нѣкоторыхъ звуковъ чешскихъ, именно *h* (*гус*, что Чехи произносятъ на малорусскій ладъ), *ы* и *л* (*милій*—говорятъ эмаусскіе Словѣне вм. *милый*), и *дь* (*дева* вм. *дѣва*). Матвѣй *Бенешовскій*, титулярный „опатъ слованскій“, въ своей книжкѣ словъ чешскихъ (1587 г.) приводитъ по уцѣлѣвшимъ въ монастырѣ церковнымъ книгамъ тоже словѣнскія слова, и наконецъ семь псалмовъ словѣнско-хорватскихъ, чешскимъ правописаніемъ, взятыхъ имъ изъ часослова употреблявшагося въ томъ монастырѣ (1359 г.?), „по которымъ можетъ каждый узнать, какъ нашъ чешскій народъ прежде говорилъ“ *).

Поляки называли словѣнскій языкъ тоже болгарскимъ и сербскимъ. Л. Горницкій считаетъ церковный языкъ болгарскимъ, и Орѣховскій, уроженецъ Червоной Руси, знавшій хорошо словѣнско-русскій языкъ, справедливо указываетъ на неудобство польскихъ *cz*, *sz*, *szcz* въ сравненіи съ *ч*, *ш*, *щ* „w języku słowiańskim u Bulgarów“. Названіе „болгарскій“ имѣло извѣстное основаніе, такъ какъ въ XV — XVI вв. въ южной именно карпатской Руси распространились изъ сосѣднихъ волошскихъ странъ церковныя книги словѣнскія болгарско-волошскаго извода смѣшаннаго съ русскимъ (съ юсами). Такое словѣнское напрестольное евангеліе болгарско-волошскаго извода находилось въ XV-мъ в. даже въ польскомъ городкѣ Казимѣрѣ на Вислѣ, въ тамошней католической церкви; его подарилъ туда казимѣрскій мѣщанинъ Іоаннъ Леонтіевичъ Шапникъ (или шапникъ) съ женой, матерью и братомъ, очевидно семья русскаго происхожденія **). На такомъ языкѣ напечаталъ въ концѣ XV-го в.

*) Срв. нашу книгу Славянская взаимность стр. 48, 53, 82. Изъ книжки Бенешовскаго взялъ Полякъ Лука Горницкій три псалма, написавши ихъ своимъ правописаніемъ (Nowy karakter polski i ortografja polska J. Kochanowskiego, Ł. Górnickiego i J. Januszowskiego, 1594; здѣсь и письмо Ст. Орѣховскаго 1564 г.).

**) Востоковъ: Описаніе рукописей Румянцев. Муз., стр. 185. Нынѣшній приходскій храмъ Казимѣрскій, въ началѣ XVII-го вѣка

(1491) краковскій мѣщанинъ Фѣолъ Швайполтъ нѣсколько церковныхъ книгъ для Руси, которыя употреблялись во многихъ церквахъ югозападной Руси еще въ началѣ XVII-го вѣка *).

Чехи и особенно Поляки зная объ употребленіи словѣнскаго языка въ церквахъ многихъ славянскихъ народовъ, замѣтили однако разницу между этимъ церковнымъ языкомъ и мѣстнымъ языкомъ славянскимъ, преимущественно болѣе извѣстнымъ имъ русскимъ. Такъ польскій историкъ Матвѣй *Мѣховскій* въ своемъ описаніи Сарматіи и въ своей хроникѣ польской (1517, 1521) думаетъ, что церковный языкъ „славянскій" есть далматско-сербскій (lingua slavonica, quae est Serviorum, Dalmatorum et juxta eos commorantium), и замѣчаетъ, что этотъ церковный языкъ употребляется въ богослуженіи у Русскихъ, Москвитянъ, Болгаръ и Волоховъ (Bessarabes), но отличается отъ ихъ языковъ, такъ что его народъ не понимаетъ, а понимаютъ его только „владыки и батьки" (vladicae et baytkones i. e. episcopi et presbyteri) **). Въ подобномъ смыслѣ высказывается іезуитъ *Скарга* (O jedności kościoła bożego 1577 и 1590), что нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы говорилъ на словѣнскомъ (słowieńskim) языкѣ церковныхъ книгъ Руси, что у этого языка нѣтъ ни своихъ правилъ ни граматикъ и словарей, что его теперь никто въ совершенствѣ не понимаетъ, и русскіе попы желая его понять, прибѣгаютъ къ польскимъ переводамъ. Такъ разсуждаетъ и неизвѣстный чешскій авторъ (Коменскій?)

вновь построенный, посвященъ на имя Іоанна Крестителя. О другихъ Казимѣряхъ на лѣвомъ берегу Вислы нельзя здѣсь подумать.

*) См. выше стр. 65. Около этого времени разукрашена часовня Св. Креста въ Краковскомъ соборѣ, въ которой похороненъ польскій король Казиміръ († 1492), до сихъ поръ сохранившимися русскими надписями. Замѣтимъ, что польскій переводчикъ псалтири (Флоріанской) XIV-го в. зналъ, по всей вѣроятности, и словѣнско-русскій переводъ псалтири; по крайней мѣрѣ слово brzemꙙ (т. е. врѣмѧ, время) необъяснимо ни изъ польскаго ни изъ чешскаго языка.

**) Львовская молодежь училась въ сосѣдней Молдавіи пѣнію греческому и сербскому, какъ видно изъ письма господаря Александра Львовянамъ (Акты южной и западной Россіи I. 142).

книги *Historia fratrum Bohemorum* (1702); упоминая о словѣнскомъ переводѣ священнаго писанія, онъ замѣчаетъ, что народъ не понимаетъ этого языка совсѣмъ, и по этому ихъ попы изучаютъ этотъ древній словѣнскій языкъ такъ, какъ у западныхъ Славянъ языкъ латинскій.

Многіе Поляки познакомились съ русскимъ письмомъ, съ русскими лѣтописями (напр. Олесницкій, Длугошъ, Стрыйковскій), и тоже съ церковнымъ языкомъ Руси. Этотъ словѣнскій языкъ хорошо зналъ и высоко цѣнилъ знаменитый протестантскій дѣятель въ Литвѣ и югозападной Руси, Симонъ *Будный*; въ своемъ польскомъ переводѣ библіи (въ Несвижѣ 1572) онъ пользовался тоже словѣнско-русскими церковными книгами, и совѣтуетъ вообще въ переводѣ на польскій языкъ прибѣгать къ помощи не языковъ нѣмецкаго или итальянскаго, а этого „словенскаго" языка, котораго даже папа не смѣлъ порицать; да и сами Поляки произошли отъ этихъ Словянъ (южныхъ). Въ новомъ изданіи Новаго Завѣта (1574) Будный называетъ словѣнскій переводъ великимъ сокровищемъ всѣхъ Славянъ, которые должны имъ пользоваться въ переводахъ на свои языки. „Co się słowieńskiego przekładu dotycze, temu też ja nie tylko nie ganię, ale się w niem wielce kocham, i owszem i to wyznawam, żem się z niego wiele nauczył. A tak się mi zda, że wszytcy słowieńskiego naszego narodu niniejszy i potomni tłumacze, bądź Polacy, bądź Rusacy, Karwatowie i Czechowie, którzy by Nowy Testament chcieli przekładać, póki tego przekładu dawnego swego dokładać się nie będą, tedy snać nie we wszytko, jako by miało być trafią. Mówię, że ten przekład za wielki by skarb wszem Słowianom stał; ale coż potem, gdy o nim jedni nic nie wiedzą, jako Czechowie i Polacy, a drudzy go nie prawie rozumieją, jako Rusacy, Moskwiczy i inni".

Когда съ конца XVI-го и съ XVII-го вв. шляхта и духовенство югозападной Руси стали все больше употреблять, вмѣсто своего русскаго языка, языкъ польскій, хотя они бы и остались православными или уніатами, то въ богословской и полемической литературѣ русскихъ православныхъ и уніатовъ, веденной преимущественно на польскомъ языкѣ, часто приводятся слова

и реченія на языкѣ словѣнско-русскомъ польскимъ правописаніемъ; такъ напр. въ сочиненіяхъ Смотрискаго, Саковича, Кальнофойскаго, Коссова, Могилы, Жоховскаго и др. *). Митрополитъ Жоховскій приводитъ въ своей книгѣ Colloquium Lubelskie (1680), польскимъ правописаніемъ словѣнско-русское Ispowidanie prawosławnuja wiry ot wostocznych tworymoje, и польскій іезуитъ Кулеша въ книгѣ Wiara prawosławna (1704) такимъ же правописаніемъ Wira prawosławnaja wostocznoj cerkwi. Оказалась даже потребность переводить словѣнско-русскую литургію на польскій языкъ. Такъ уже въ концѣ XVI-го в. (и вторымъ изданіемъ въ 1605 г.) Янъ Павловичъ Берковскій издалъ въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ Objaśnienie albo wykład litorgiej świętej для тѣхъ, для которыхъ „языкъ письма словенскаго" не общеупотребителенъ; онъ приводитъ здѣсь разныя части литургіи на словѣнско-русскомъ языкѣ польскимъ правописаніемъ и съ польскимъ переводомъ. Подобно тому и Огилевичъ въ книгѣ Ecphonemata liturgiej greckiej (1671) объясняетъ литургію словѣнско-русскую польскимъ правописаніемъ и въ польскомъ переводѣ; онъ возстаетъ противъ обыкновеннаго тогда употребленія словѣнско-русскихъ или русскихъ словъ въ польскомъ стилѣ для означенія разныхъ понятій и предметовъ восточной церкви, и требуетъ, чтобъ *церковь* называлась и по польски kościół, а не cerkiew, *спасъ*—zbawiciel, а не spas, *крестъ*—krzyż, а не krest, и пр. При распространеніи польскаго языка посреди западно-русскаго духовенства оказалась потребность издать особый „Лексиконъ сирѣчь Словесникъ Славенскій имѣющъ въ себѣ словеса, первѣе славенскія, азбучныя, посемъ же польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ славенскихъ обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ" (въ Супраслѣ 1722, потомъ въ Почаевѣ 1756); издатели „съ неисчетною болѣстію сердца

*) Они называютъ часто и въ польскихъ сочиненіяхъ церковь греческую восточную—православной; такъ напр. Мужиловскій (1629, starożytna wiara prawosławna), Кисель (Gelazy Diplic 1632, rossijska prawosławna wiara), Могила (1644, cerkiew św. prawosławna ruska, prawosławny Rusin), и пр.

и язвою утробы неудобъисцѣлною" замѣтили, что „изъ поставляемыхъ въ іерейство сотный іерей едва славенскій разумѣетъ языкъ, не вѣдяй, что чтетъ въ божественной службѣ", и поэтому рѣшились издать этотъ словарь, „да сія вся нерадѣнія въ Россіи соединенной искоренна будутъ".

Вопросъ о церковномъ языкѣ словѣнскомъ получилъ въ Польшѣ практическій интересъ, когда въ половинѣ XVI-го вѣка, въ числѣ новыхъ вопросовъ, явилась и мысль о народной церкви польской съ разными реформами. На сеймѣ 1555 года многіе требовали введенія причащенія подъ обоими видами, и уничтоженія целибата, какъ это было прежде и въ католической церкви и какъ это водится у Грековъ, Болгаръ и Русскихъ, и у Чеховъ, у послѣднихъ съ разрѣшенія Базельскаго собора; дальше требовали чтобъ богослуженіе въ храмахъ отправлялось на народномъ языкѣ, что „Болгарамъ" (т. е. вообще южнымъ Славянамъ, именно адріатическимъ) говорящимъ на одномъ съ Поляками языкѣ, дозволено папской куріею (ut cultus divinus lingua vernacula publice in templis perageretur, quod Bulgaris eadem cum Polonis lingua utentibus olim a Sede Apostolica concessum esset). Такія требованія повторялись часто и въ послѣдствіи *).

Противъ этого послѣдняго требованія возсталъ епископъ Станиславъ *Гозій* (Hosius) въ особой статьѣ De sacro vernacule legendo, и защищалъ латинскій языкъ въ церкви, и предлагалъ, если уже считается необходимымъ замѣнить его народнымъ языкомъ, не польскій а церковный словѣнскій. Указывая на то, что Кириллъ и Меѳодій съ папскаго позволенія отправляли богослуженіе на словѣнскомъ языкѣ, какъ это недавно было и въ краковской церкви на Клепарѣ, Гозій замѣчаетъ, что это въ Моравіи и въ Польшѣ скоро прекратилось, принося-де больше вреда чѣмъ пользы. „Нашъ славянскій языкъ раздается больше чѣмъ въ четвертой части Европы, и на немъ говорятъ многіе народы, Чехи, Русь, Москва, Болгаре, Сербы, Хорваты, Далма-

*) Dyaryusze sejmów (Scriptores rerum polon. I, 104, Kraków. 1872). Срв. Любовича Исторія реформаціи въ Польшѣ, 180, 246.

тинцы и „Славяне“ (т. е. южные), отъ которыхъ происходятъ Поляки. Впрочемъ эти народы отличаются другъ отъ друга своими нарѣчіями, такъ что Полякъ понимаетъ „Славянина“ (южнаго) меньше, чѣмъ Швабъ или Швейцарецъ Голландца или Бургундца. Языкъ „славянскій“ или далматскій болѣе изященъ чѣмъ польскій, такъ что, если уже нужно переводить молитвы и священныя книги на простой языкъ, то слѣдуетъ переводить ихъ преимущественно на тотъ языкъ, отъ котораго произошелъ нашъ и который превосходитъ и другіе языки своимъ изяществомъ; кромѣ того на него переведены св. Іеронимомъ священныя книги, такъ что его употребленіе менѣе опасно. Но если онъ употреблялся въ богослуженіи у насъ, у Чеховъ и у Моравянъ, а потомъ исчезъ, то это случилось навѣрное не безъ причины. По этому Поляки пусть остаются съ латинскимъ языкомъ; вѣдь и на Руси церковнаго языка словѣнскаго не всякій понимаетъ, да часто самъ священникъ, а всетаки никто на это не жалуется“. *Скарга* въ одной своей проповѣди защищаетъ тоже латинскій языкъ въ католическомъ богослуженіи, указывая на перемѣны живаго народнаго языка; такъ напр. Поляки, подобно старымъ „Словакамъ (т. е. южнымъ Славянамъ), прежде употребляли слова *пут* (т. е. плоть—ciało), *перст* (palec), *отрок* (mężczyzna), *врог* (szatan), между тѣмъ какъ теперь эти слова слышны развѣ кое гдѣ между поселянами, или среди Руси и Москвы. Русь отправляетъ богослуженіе на нашемъ словѣнскомъ (słowieńskim) языкѣ праотцевъ; прежде этотъ языкъ, который называется тоже болгарскимъ, былъ понятенъ; но нынѣ его ни одинъ Болгаринъ и Хорватъ, ни Москвитянинъ и Русинъ, не понимаетъ, какъ только послѣ прилежныхъ занятій“ *).

Такъ это и осталось. Западные Славяне услыхали церковный словѣнскій языкъ только случайно, когда прибыли къ нимъ югославянскіе или русскіе священники, или когда сами Чехи, подобно Іерониму пражскому, рыцарю Коковцу и Вратиславу изъ

*) *Hosii* Opera (Parisiis 1562, fol. 261), *Skargi* Kazania (Kraków 1600, p. 95).

Митровицъ, очутились въ русскихъ или югославянскихъ земляхъ. Чешскій священникъ Пишели, находясь въ концѣ XVIII-го в. между Хорватами, научился писать глаголицей, а Полякъ Ал. Сапега путешествуя въ началѣ XIX-го в. въ югославянскихъ земляхъ, слушалъ на хорватскихъ островахъ словѣнское богослуженіе. Поляки находясь часто и живя въ югозападной Руси, могли часто слышать словѣнскій языкъ русскаго извода въ церквахъ православныхъ и уніатскихъ, и наконецъ въ самой Польшѣ по Вислѣ, отъ Кракова, Калиша и Плоцка до Ломжи, Варшавы и Люблина.

Кромѣ того посредствомъ русскихъ войскъ, проходившихъ черезъ западно-славянскія земли, церковный языкъ словѣнско-русскій раздавался иногда и въ западно-славянскихъ странахъ, какъ напр. въ 1813—1814 гг. въ земляхъ польскихъ, чешскихъ и лужицко-сербскихъ, въ 1849 г. въ землѣ угорскихъ Словаковъ, между которыми вводили словѣнское богослуженіе еще свв. Константинъ и Меѳодій. А еще однимъ столѣтіемъ раньше, когда въ 1748 г. часть русскаго войска стояла въ южной Чехіи, замѣтилъ приходскій священникъ тамошняго города Писка, Ледецкій, о ихъ богослуженіи, что оно было для него понятно. „Latinam linguam non calent, sed omnia nativa peragunt, potuimus etiam ipsos aliqualiter intelligere“, записалъ Ледецкій въ памятной книгѣ *).

О возобновленіи словѣнской литургіи въ Чехіи мечталъ І. Добровскій въ концѣ своей жизни; онъ объ этомъ часто разговаривалъ съ своими знакомыми, и думалъ объ этомъ даже удрученный болѣзнію **).

На достопамятномъ съѣздѣ австрійскихъ Славянъ въ Прагѣ въ 1848 г. церковный словѣнскій языкъ съ благоговѣніемъ слушали всѣ Славяне. Славяне католики и протестанты, православные и уніяты, собрались въ католической церкви Тынской, около прекрасной группы свв. апостоловъ Кирилла и Меѳодія,

*) Сообщилъ П. Лавровскій въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1285.

**) Brandl: Život J. Dobrovského, 256, 259.

и слушали здѣсь горячія слова католическаго священника, Чеха Штульца; они здѣсь присутствовали при уніатской литургіи, которую на словѣнскомъ языкѣ служилъ русскій каноникъ Гинилевичъ изъ Галиціи; они собрались на православную литургію, которую сербскій протоіерей Стаматовичъ служилъ на площади около статуи св. Вячеслава.

Наконецъ, послѣ тысячи лѣтъ со временъ крещенія чешскаго князя Боривоя и его супруги Людмилы архіепископомъ Меѳодіемъ (874 г.), раздался опять церковный словѣнскій языкъ въ Прагѣ, въ русской церкви, и давно забытое „Господи помилуй ны“ повторяютъ здѣсь церковные пѣвчіе изъ Чеховъ, слушаетъ его и народъ, и понимаетъ его лучше, чѣмъ обыкновенное въ его церквахъ Domine miserere nobis.

Мысль о словѣнскомъ богослуженіи и о замѣнѣ имъ латинскаго у католическихъ Славянъ интересуетъ многихъ Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ, Словенцевъ и Хорватовъ, не только духовныхъ но тоже міряпъ. Этотъ вопросъ становится жгучимъ особенно у Хорватовъ, которые отъ части сохранили словѣнское богослуженіе, и у которыхъ простой народъ любитъ слушать словѣнское богослуженіе глаголяшей, болѣе для него понятное чѣмъ латинское. Не говоря о нѣкоторыхъ любителяхъ и защитникахъ словѣнской литургіи посреди хорватскаго латинскаго духовенства, во главѣ которыхъ стоитъ епископъ Штроссмайеръ, и многіе другіе Хорваты, интеллигенція, ученые, благоволятъ къ словѣнскому богослуженію. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ хорватскій историкъ, Симеонъ Любичъ, горячо высказался въ пользу словѣнскаго богослуженія у Хорватовъ; и недавно другой извѣстный историкъ хорватскій, профессоръ Ѳаддей Смичикласъ, въ прочувствованной статьѣ, написанной по поводу тысячелѣтней памяти кончины св. Меѳодія, указываетъ на то, что Хорваты, послѣ упорной борьбы, хоть отъ части сохранили святую баштину (отчину, наслѣдство) Меѳодія и берегутъ ее и нынѣ какъ зеницу ока своего; онъ требуетъ, чтобъ Хорваты, по примѣру своихъ патріотическихъ епископовъ Нинскихъ, Ѳеодосія и Григорія, повторили: „Хрватом је свети закон њихова славенска служба божја у цркви! Покажимо, да смо с рође-

ном нашом браћом источне цркве једно у љубави и поштовању свете баштине наших апоштола, пак да Бог сједини, што су људи раздѣлили“ *).

Объ этой „святой баштинѣ“ нашихъ великихъ апостоловъ и просвѣтителей, которую такъ высоко цѣнили Полякъ Будный и Чехъ Добровскій, слѣдовало бы подумать всѣмъ Славянамъ безъ различія вѣроисповѣданія. Уже одинъ изъ учениковъ Меѳодія, Константинъ болгарскій, взывалъ ко всѣмъ Словѣнамъ ко всему роду словѣнскому, слышать Богомъ посланное „слово буковное“, евангеліе на словѣнскомъ языкѣ **). Пусть всѣ сыны Слова вспомнятъ о словахъ, завѣщанныхъ имъ за тысячелѣтіе тому назадъ великимъ ихъ просвѣтителемъ, Константиномъ философомъ: Слово плъть быстъ и въсели сѧ въ ны, и дастъ намъ власть чѧдомъ Божиемъ быти; въ томъ животъ и свѣтъ и слава!

X.

Словѣнскій народъ, заселявшій Панонію и Дакію, послѣ водворенія здѣсь Угровъ и распространенія Волоховъ мало по малу исчезалъ; его племена поселившіяся за Дунаемъ въ Мизіи, Ѳракіи, Македоніи, Илиріи, приняли, по своимъ господамъ, названіе Болгаръ, хотя съ начала забалканская „Словѣнія“ (Σκλαβινία) отличалась отъ „Болгаріи“. Языкъ подунайскихъ Словѣнъ исчезалъ съ ними, между тѣмъ какъ языкъ задунайскихъ Словѣнъ Болгаръ подвергался вліянію языка тамошнихъ народовъ, Волоховъ, Албанцевъ и Грековъ. Но литературный языкъ словѣнскій сохранилъ и въ Болгаріи свою правильность довольно

*) Любичъ: Ogledalo književne poviesti jugoslav. (1864, I. 48), Смичикласъ въ загребской газетѣ Pozor 1885, 27 Февраля. Замѣтимъ, что еще сорокъ лѣтъ тому назадъ члены Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ (Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко и др.) мечтали о принятіи церковнаго словѣнскаго языка всѣми Славянами.

**) Извѣстія VII. 145, Опис. рукоп. Хлудова 12.

долго, такъ что можно было назвать его и болгарскимъ. По этому уже съ XI-го в. въ Болгаріи могли разсказывать, что Кириллъ и Меѳодій изобрѣли словѣнское письмо для языка народа Словѣнъ или Болгаръ, для языка болгарскаго, что они перевели книги на языкъ болгарскій, что словѣнская или болгарская литургія введена св. Кирилломъ, что „въ цъсарство Михаила царя кръщенъ бысть словенскыи языкъ Морава", и что оба „философа Меѳеди и Кѵрилъ прѣложиста въсе божьствъное писаніе греческыхъ книгъ на словенскыи языкъ на блъгарскыи" *). Словѣне въ Паноніи и въ Дакіи исчезли; не мудрено, что Болгарія считалась родиной словѣнскаго языка и литературы, тѣмъ болѣе, что блестящій періодъ царя Симеона, пріютившаго прогнанныхъ учениковъ Меѳодія, затемнилъ предыдущія времена дѣятельности обоихъ апостоловъ въ Паноніи и Моравіи.

Съ другой стороны и пространныя житія Константина и Меѳодія не упали у Славянъ въ забвеніе, и эти житія указываютъ на Панонію и Моравію какъ на главную область дѣятельности славянскихъ апостоловъ. Эти житія знали южные Славяне, знали и на Руси; здѣсь знали и по другимъ преданіямъ о своихъ ближайшихъ сосѣдяхъ и соплеменникахъ, подунайскихъ Словѣнахъ, откуда производили себя и нѣкоторыя поднѣпровскія племена, именно кіевскіе Поляне или Русь въ тѣсномъ смыслѣ. По этому въ Кіевѣ можно было еще въ началѣ XII-го в. слышать, что словѣнскій народъ и русскій—одинъ: „словѣньскыи ꙗзыкъ и русьскыи ѥдинъ ѥсть" **). Русскій называетъ всѣхъ Славянъ Словѣнами, но онъ различаетъ хорошо тоже Словѣнъ

*) Греческія житія св. Климента, статья Храбра о слов. письмѣ (въ болгар. редакціи), болгарс. лѣтопись 1357 г. Такъ и болгар. лѣтописецъ XVIII-го в. (Гильфердинга) говоритъ о болгарскомъ языкѣ Кирилла.

**) Слово языкъ означаетъ у русскаго лѣтописца, равнымъ образомъ какъ и въ другихъ памятникахъ русскихъ и словѣнскихъ, не рѣчь, а народъ (ἔθνος gens, оттуда язычникъ—ἐθνικός, gentilis). У русскаго лѣтописца въ числѣ разныхъ „языковъ" (т. е. народовъ) приводится тоже „языкъ" (народъ) словѣнскій, Словѣне, а Югра на-

Новгородскихъ и Словѣнъ, которые поселились по Дунаю, гдѣ тогда была Угрія и Болгарія; одну часть этихъ Словѣнъ покорили Болгаре а другую Угре, которые пришли сюда съ востока черезъ горы великія (Карпаты) и начали воевать съ жившими тамъ Волохами и Словѣнами, прогнали Волоховъ и покорили Словѣнъ, и поселились здѣсь вмѣстѣ съ ними. Былъ одинъ народъ словѣнскій, Словѣне по Дунаю и въ Илюрикѣ, которыхъ покорили Угре, Морава, Чехи, Ляхи и Поляне-Русь. Въ Моравѣ въ областяхъ князей Ростислава, Святополка и Коцела, трудомъ свв. Константина и Меѳодія, переведены церковныя книги и началась словѣнская грамота, которая распространилась тоже къ подунайскимъ Болгарамъ и на Русь. „Бѣ единъ ѩзыкъ словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдѩху по Дунаеви, ихже прiѧша Угри, и Морава, Чеси, и Лѩхове, и Полѩне, ѩже нынѣ зовомаѩ Русь. Симъ бо перво преложены книги Моравѣ, ѩже прозва сѧ грамота словѣньскаѩ, ѩже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ дунаискихъ“.

Этотъ простой и вѣрный разсказъ русскаго лѣтописца, и пространныя житія Кирилла и Меѳодія, похвальныя слова и службы, на Руси часто списывались, и житія и похвальныя слова вошли тоже въ Четьи-Минеи митрополита Макарія. Но по мѣрѣ исчезновенія подунайскихъ Словѣнъ, словѣнскаго богослуженія въ Угріи и Моравіи (въ этой „вышней Моравѣ“, какъ говорили Сербы и Болгаре, отличая нижнюю Мораву въ Мизіи), образованія изводовъ словѣнскихъ болгарскаго, сербскаго и русскаго,—вопросъ о „словѣнскомъ языкѣ“ сталъ затемняться.

зывается „языкъ нѣмъ“ (т. е. иноплеменники). Русскій лѣтописецъ говоря о единствѣ народа словѣнскаго и русскаго, говоритъ тоже самое, что замѣтили уже за нѣсколько столѣтій до него иностранцы; такъ уже въ VI-мъ в. Готъ Іорданъ замѣтилъ, что „Sclavini“ (подунайскіе Словѣне) и „Antes“ (поднѣпровская Русь)—части „nationis populosae Winidarum“, и его современникъ Византіецъ Прокопій тоже говоритъ, что эти Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται составляютъ одинъ народъ съ одинаковыми учрежденіями и съ однимъ языкомъ (ἔστι δὲ μία ἑκατέροις φωνὴ ἀτεχνῶς βάρβαρος).

Разница словѣнскихъ изводовъ была для каждаго очевидна, и если болгарскіе, сербскіе и русскіе книжники стали сличать эти изводы, то нерѣдко находились въ недоумѣніи; всякій сталъ считатъ свой словѣнскій изводъ настоящимъ словѣнскимъ языкомъ книгъ Кирилла и Меѳодія. Во время частаго списыванія книгъ въ Сербіи и Болгаріи во второй половинѣ XIV-го и въ началѣ XV-го в. появилась у тамошнихъ книжниковъ мысль, что чистый церковный словѣнскій языкъ—это изводъ словѣнско-русскій или просто „языкъ русскій“, подразумѣвая подъ этимъ не обыкновенный, простой языкъ русскій, а языкъ церковныхъ книгъ употребляемыхъ тогда на Руси, въ первомъ тогда православномъ государствѣ славянскомъ; къ этому „русскому языку“ примѣшаны-де разныя слова тоже изъ другихъ славянскихъ языковъ. Русскій митрополитъ Кипріанъ, Болгаринъ, во второй половинѣ XIV-го вѣка, „преписалъ служебникъ отъ грецкыхъ книгъ, на русьскыи ѥзыкъ“, т. е. на языкъ словѣнско-русскій. Другой Болгаринъ, Константинъ Костенчскій, писавшій въ первой половинѣ XV-го в. въ Сербіи, думалъ приблизительно тоже самое и въ своемъ *Сказаніи о письменехъ* пускается въ разныя мудрствованія о словѣнскомъ языкѣ, который онъ зналъ по всѣмъ изводамъ. Константинъ говоритъ, что словѣнскій языкъ, на который переведены св. Кирилломъ церковныя книги, одни хотятъ называть сербскимъ, другіе болгарскимъ, что не вѣрно, такъ какъ нельзя же передать тонкость языковъ греческаго, сирійскаго или еврейскаго „дебелѣйшимъ“ болгарскимъ или сербскимъ высокимъ и „тѣскнымъ“ голосомъ. По этому тѣ переводчики избрали „тъньчаишіи и краснѣйшіи рушькыи ѥзыкь“, а на помощь тоже языки болгарскій, сербскій, босенскій, словѣнскій, хорватскій и часть чешскаго; но всѣ „тончайшія рѣчи“ принадлежатъ русскому языку, какъ напр. слова достоаніе, господневи, лаеть, срачица (сорочка) и пр.; и нынѣ „Руси молеште се господеви своему моле се глаголеть: не лаи на ме хосподине“, и такъ и много другихъ. Только въ помощь тончайшему русскому языку взяты нѣкоторыя слова изъ болгарскаго (ныня и присно), сербскаго (мужь, мъчь), босенскаго (ты, мы), хорватскаго (рѣхь, дѣля) и тоже изъ словѣнскаго

(Константинъ подразумѣваетъ здѣсь по всей вѣроятности далматско-словинскій) и чешскаго. Кириллъ философъ какъ посланникъ Господень избралъ „оть въсѣхь сихь племень муже вѣдештiихь грьчьскаа писмена и словѣньскые ѥзыкы“. По этому церковный языкъ не называется ни болгарскимъ, ни сербскимъ, а „словѣньскимъ, ѥже есть всѣхь сихь племень, нь обаче Русь вештьше“. Но въ послѣдствіи книги искажались, пока наконецъ Терновскій патріархъ Евѳимій „великій художникъ словѣнскихъ письменъ“ не возстановилъ чистоту этихъ книгъ *).

„А всетаки Русь больше“, замѣтилъ посербившійся Болгаринъ Константинъ Костенчскій, вышедшій изъ школы Терновской, и еще раньше его другой обрусѣвшій Болгаринъ, митрополитъ Кипріанъ, называетъ церковный языкъ прямо русскимъ. Это мнѣніе распространилось повсюду между православными Славянами, тѣмъ болѣе, что у Болгаръ и Сербовъ послѣ ихъ порабощенія Турками литературная дѣятельность упала и они должны были искать помощи у Русскихъ. На Руси уже Новгородскій писецъ кормчей книги 1282 г. прибавилъ нѣсколько словъ жидовскаго языка, встрѣчающихся въ церковныхъ книгахъ, съ переводомъ на „рускую рѣчь“ подразумѣвая подъ ней словѣнско-русскій и русскій языкъ (дъщи, скербь, дрѣво, но тоже порохъ, воронъ). Русскіе писцы списывая пространныя житія Кирилла и Меѳодія, прочитали, что Константинъ въ Корсунѣ Таврическомъ познакомился съ русскимъ письмомъ, и стали писать, что „грамота русская явилася богомъ дана въ Корсуни Русину; отъ нея же научися философъ Константинъ, и оттуда сложивъ и написавъ книги русскимъ языкомъ“, распространилъ ихъ и къ другимъ славянскимъ народамъ на западъ. Такъ разсуждаютъ уже въ XѴ-мъ в. писецъ житія Константина и русскій хронографъ, а другіе писцы житія Константина XѴI—XѴII вѣковъ часто замѣняютъ „словѣнскій“ (языкъ, ученики и пр.) словомъ „русскій“. Это мнѣніе все больше распространялось,

*) Starine I. Срв. тоже Григоровича Статьи кас. древ. славянскаго языка 36.

и на Руси стали писать, что „Кириллъ философъ учитель Словеномъ и Болгаромъ преложи русскую грамоту съ греческія“, и придумалъ „букву словенскую и болгарскую, еже есть русская“, и наконецъ назвали и св. Меѳодія учителемъ „росскимъ“. По этому и словѣнско-русскій языкъ полной библіи 1499 г. названъ русскимъ, Максимъ Грекъ переводилъ отъ греческаго языка на русскій; въ печатной московской Азбукѣ (1637) говорится, что Кириллъ преложи многи книги на языкъ словеньскій сіирѣчь русьскій, и пр. Другіе называли этотъ языкъ славенороссійскимъ, какъ напр. въ московскомъ Букварѣ славено-россійскихъ письменъ 1694 г. Знаменитый Юрій Крижаничъ, проживавшій на Руси, замѣтилъ въ своей граматикѣ (идеальнаго) русскаго языка, что литературный и церковный языкъ Руси слѣдуетъ называть не словинскимъ, а русскимъ (зоветсе словинским, гди по правде морал би се зват руским); но Крижаничъ подъ „словинскимъ“ подразумѣваетъ языкъ хорватско-сербскій, и по этому и правъ, утверждая, что литературный и церковный языкъ Руси, этотъ языкъ „словинскій“, ближе стоитъ къ „обчинному“ (простому) языку русскому, чѣмъ къ какому бы то ни было славянскому, въ томъ числѣ и къ „словинскому“ родному языку Крижанича. Такимъ образомъ утвердилось мнѣніе, что языкъ русскій, словяно-русскій, славено-россійскій—настоящій церковный „словенскій, славенскій, славянскій“; и это мнѣніе играло важную роль въ распространеніи словѣнско-русскаго извода не только у православныхъ Болгаръ и Сербовъ, но тоже у католическихъ Хорватовъ.

При разнообразіи словѣнскихъ изводовъ оказалась потребность отмѣчать разныя непонятныя слова, составлять первыя попытки словѣнскихъ словарей и азбуковниковъ. Такъ въ первой половинѣ XV-го в. въ Новгородѣ списано небольшое „Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ рѣчѣмъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводниковъ ово словенскы а ино сръбскы а другаа блъгарскы и гръчъскы, ихже не удовлишася преложити на рускый“; здѣсь объясняются напр. слова: ашють, доблесть, кыченіе, непщуя, презь, съсужденіе, тризна, узрокъ, цѣща и др. Въ XVI-мъ в. составленъ

обширный „Азбуковникъ и сказаніе о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ не преложены на русскій языкъ, ихъ же древніи преводницы не удоволишася преложити на русскій“; здѣсь объясняются тоже „имена человѣческія“ римскія, греческія, еврейскія по русски, и приводятся „словенскія, словянскія“ имена: Владиміръ, Борисъ, Всеволодъ и др. Въ азбуковникѣ помѣщена тоже статья болгарскаго черноризца Храбра о словѣнскихъ письменахъ. Съ конца XVI-го в. издаются печатные словари; Лаврентій Зизаній издалъ въ Вильнѣ (1596 г.) „Лексисъ сирѣчь реченія изъ словенскаго языка на простый рускій діалектъ истолкованы“ (вмѣстѣ съ граматикой словенской); Памва Берында издалъ въ Кіевѣ (1627 г., 2. изд. 1653 г.) „Лексиконъ славено-россскій“; Θеодоръ Поликарповъ издалъ въ Москвѣ (1704 г.) „Лексиконъ треязычный сирѣчь рѣченій славенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ“ *).

Разницу словѣнскаго языка отъ греческаго попробовалъ опредѣлить уже ок. 900 г. Іоаннъ эксархъ болгарскій: Послѣ развитія словѣнскихъ изводовъ книжники хорватскіе, сербскіе болгарскіе и русскіе опредѣляли правила своего „словѣнскаго“ (славенскаго, славянскаго) языка по своему изводу, въ азбуквидаріяхъ, азбукивидникахъ, азбуковникахъ, букваряхъ **). Значеніе нѣкоторыхъ звуковъ словѣнскихъ (напр. ь и ъ, ѫ и ж) рано упало въ забвеніе, и по этому знатоки разныхъ изводовъ словѣнскихъ часто толкуютъ ихъ безсмысленно. Такъ напр. Болгаринъ Константинъ Костенчскій смѣшиваетъ ь и ъ, а о ѫ и ж онъ замѣчаетъ, что они извѣстны только болгарскому языку (но значенія ихъ не знаетъ, смѣшивая *уже* и *ѫже*) а „Сръблюмь ꙗко нѣкое брѣме ꙗвише се“. На Руси очень рано смѣша-

*) Древнѣйшіе словари (до Поликарпова) перепечаталъ Сахаровъ: Сказанія русскаго народа II. Срв. изслѣдованія о словаряхъ и азбуковникахъ Карпова, Ширскаго, Баталина, Мордовцева (о русск. школь. книгахъ), и пр.

**) Въ пражскомъ словѣнскомъ монастырѣ составленъ тоже азбукивнакъ, azbukividarium, Alphabetum Slavorum (глаголица), и Alphabetum Rutenorum (кириллица). Срв. Jungmanna Hist. liter. české 27, Hanuše Dodavky I. 5.

ли ѧ и ѩ, а ж было для нихъ *у*, *ю*, и употреблялось книжниками развѣ только какъ украшеніе (даже въ словѣ Рѫсь, рѫскій), „красоты ради а не истинно, и не умѣющимъ гораздо смутно, толико съвѣщаніе высоко и писаніе честно и изрядно", какъ учились на Руси въ XVI-мъ вѣкѣ по „Надписанію словенскимъ языкомъ". Другой русскій книжникъ того времени, монахъ Евѳимій, зналъ еще значеніе ж, которое произносится-де гугниво какъ у Поляковъ; онъ на вопросъ „чесо ради многы буквы во азбуцѣ словенскои", отвѣчаетъ „понеже мнози усѣдци языка того, по коемуждо усѣдцу и буквы изложены, Руси ради ѣ, а сіе ради Поляцъ ж а глаголется гугниво", другія же „ради Болгаръ, Русскихъ, Поляцъ и всѣхъ Словенъ, а грамота словенска отъ иныхъ усѣдцовъ нерадѣніемъ была". Понятно потомъ, что авторъ одного азбуковника сожалѣетъ о томъ, что „мы Славяне много погрѣшаемъ мнози и пишуще и глаголюще, не вѣдуще истинпословія своего словенскаго языка въ глаголаніихъ различія тонкости" *).

Мелетій Смотрискій въ своей Славенской Граматикѣ (въ Евью 1619, въ Москвѣ 1648 съ нѣкоторыми измѣненіями, 1721 г.) старался опредѣлить правила тогдашняго словѣнско-русскаго языка, его фонетику (ѧ и ѩ, ж и ю одно и тоже) и формы. Эта граматика, именно московское ея изданіе, сдѣлалась, съ распространеніемъ славено-россійскаго извода у южныхъ Славянъ, нормой славенскаго языка церковнаго; она напечатана въ 1755 г. въ Рымникѣ повелѣніемъ сербскаго архіепископа Павла Непадовича „въ ползу и употребленіе отроковъ сербскихъ желающихъ основателнаго наученія славенскаго діалекта"; она

*) Опис. рукоп. синодаль. библ. II. 2. стр. 575, Григоровича Статьи о др. слов. яз. 30, Карпова Азбуковники 163. Крижаничъ въ своей граматикѣ идеальнаго языка русскаго (которая однако осталась въ рукописи и не имѣла для современниковъ никакого значенія) помѣстилъ много странныхъ мудрствованій о звукахъ этого языка: о лишнемъ де отличіи и и ы, о замѣнѣ лишняго щ черезъ ч, о неправильномъ-де жд (между, а правильно: меджу), о лишнемъ двойственномъ числѣ, и пр.

переведена Совичемъ и для хорватскихъ глаголяшей на латинскій языкъ. Славенскія граматики и буквари распространялись съ церковными книгами къ Сербамъ, и сербскую молодежь обучали славенскому языку природные Русскіе, призываемые сербскими митрополитами въ Бѣлградъ и въ Карловцы.

Въ слѣдствіе распространенія у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ глаголяшей церковнаго языка славено-россійскаго, „словѣнской грамоты, яже въ Руси", должны были измѣниться тоже букварп хорватскіе и сербскіе, тѣмъ болѣе, что букварь служилъ только церковнымъ цѣлямъ, и молодежь училась читать церковныя книги. Въ глаголическомъ *Azbukvidarium*, напечат. для Хорватовъ въ Венеціи 1528 г., употребляется языкъ словѣнско-хорватскій въ помѣщенныхъ здѣсь молитвахъ, пѣсняхъ, и выдержкахъ изъ Св. Писанія; по этому напр. въ молитвѣ Господней слова: цесараство (но Salve regina—спаси кралице мати), всагданни, данас, отпущамо, ваведи, и пр. Когда одно столѣтіе спустя Леваковичъ издалъ *Азбукивиднѣк словинскиј* (въ Римѣ 1629), то этотъ „Херващанинъ" (Хорватъ) примѣшалъ къ словѣнско-хорватскому языку уже много формъ словѣнско-русскихъ, какъ это сдѣлалъ въ своемъ мисалѣ; по этому рядомъ съ формами: ва, богаТаство, дань, встрѣчаются: возхощеть, вознесетсе, сердце, къ глаголицѣ прибавлена тоже кириллица. При господствѣ словѣнско-русскаго языка и въ хорватскихъ книгахъ букварп составлены на такомъ же языкѣ, какъ напр. *Букварь славенскиј* Карамана (въ Римѣ 1753, глаголицей и кириллицей); тексты здѣсь словѣнско-русскіе (но: Искони бѣ Слово и Слово бѣ у Бога, а не: Въ началѣ), объясняется произношеніе русскаго *щ* т. е. *шч*, что Болгаре и нѣкоторые Далматинцы произносятъ *шт* и ђ (хощу—хоћу), *ы*, *ѣ*, что произносятъ Славяне разнообразно (вѣра, вера, вира), и пр. Но съ этимъ искусственнымъ языкомъ сталъ бороться и языкъ народный, и уже въ рукоп. букварѣ 1823 г. встрѣчаются формы: светини, ва, вьзиграша, подлѣ: возврати се (ся), холми, и пр. Подобное тому встрѣчается и въ недавно изданномъ букварѣ Берчича (Bukvar staroslovenskoga jezika glagolskimi pismeni za čitanje crkvenih knjig, 1862); словѣнскій языкъ въ отношеніи текста и нѣкоторыхъ другихъ особен-

ностей — еще словѣнско-русскій, но съ словѣнско-хорватской фонетикой; по этому объясняются *ы* (высокъ рав. висок), *ѣ* (*я* и *ѣ*, что произносится тоже какъ *и*: бриме), *й*, и другія буквы и формы, встрѣчающіяся въ мисалѣ 1741 г. и въ часословѣ 1791 г. Также и выписки изъ церковныхъ книгъ основой своей словѣнско-русскія, но съ словѣнско-хорватской фонетикой; такъ напр. въ молитвѣ Отьче нашь пишется: свети се име твое, хлѣбъ вьседьньный даждь дьньсь, длъгы, въведи, царствие; въ чинѣ службы: царю небесьный вьсемогый; слава отьцу и сыну и духу светуму якоже бѣ искони и нынѣ и присьно и въ вѣкы вѣкомъ аменъ; вѣрую въ... Иисуса (Іисуса) Христа сына божия единородьнаго... въплътивъшаго се отъ духа светаго, ...едину светую цръкъвь.... и чаю въскръсения мрътвыхъ, и пр.

Въ букварѣ словенскихъ писменъ, составленномъ для Сербовъ въ 1717 г., встрѣчается еще языкъ словѣнско-сербскій сербулій; по этому формы: аште, жазло, съмрьть, данъ и ноштъ, скрьбъ, мысал, послѣдакъ, жеждет, част, срдцы, високо, дльгъ, тръпи, и пр. Но вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Бѣлградъ въ тамошнюю славенскую школу русскій учитель Максимъ Суворовъ съ нѣсколькими сотнями славено-россійскихъ букварей и граматикъ Смотрискаго, и съ тѣхъ поръ издаются для сербскаго юношества букварі для церковнаго славенскаго языка русскаго извода; только позже прибавляется часть для обученія сербской молодежи и сербскому языку, и здѣсь проложилъ путь Вукъ Караджичъ своимъ букваремъ 1827 года. Такъ въ 1776 г. Орфелинъ издалъ въ Венеціи „Первое ученіе хотящимъ учити ся книгъ писмены славенскими, називаемое букварь, ради употребленія сербскаго юношества изданъ"; здѣсь онъ учитъ напр. произносить *шч*, *дь*, *ть*. Дальше изданы буквари въ 1785, 1824 и др. годахъ. Соларичъ издалъ въ Венеціи въ 1812 г. „Букварь славенскій тріазбучный (т. е. кириллица, гражданка, глаголица) или первое руководство къ познанію книгъ и писаній, во употребленіе Славено-Сербомъ списанъ", гдѣ по примѣру Карамана объясняетъ *щ*, *ѣ* и пр. По мнѣнію Соларича языкъ „славено-сербскій", „ветхій сербскій" (т. е. вообще церковный россійскій и сербскій)—„коренный языкъ свимъ (всѣмъ) нарѣчіемъ

славенскимъ". „Воскресни славенскій свѣте писмонаставниче нашъ святый Кѵрілле! ухо твое да не оскорбисе бесѣдомъ моіомъ, овако и горше говоре данась единородцы твои. Мракъ невѣжества покрыва държаве, отъ куду е негда возблистало въ міръ сіяніе твое! Славено-Серби заборавили су языкъ свой и небесный даръ твой запустили свое писмо!" *).

Въ русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ училищахъ, въ академіяхъ Кіевской и Московской славяно-греко-латинской, и въ другихъ школахъ, руководимыхъ духовенствомъ и служившихъ церковнымъ цѣлямъ, господствовалъ языкъ словенскій, славенскій, подобно тому, какъ въ средней и въ западной Европѣ господствовалъ языкъ латинскій. Въ словенскихъ или славенскихъ словаряхъ, граматикахъ, азбуковникахъ или букваряхъ (печатныхъ и рукописныхъ), къ ученикамъ говорила Софія Премудрость „сладчайшимъ словенскимъ (славенскимъ) языкомъ". Простая рѣчь русская, сербская и болгарская не пользовалась у книжниковъ особою симпатіею, служила лишь средствомъ для достиженія цѣли, а у Сербовъ честилась названіемъ рѣчи пастуховъ (говедарска, свинярска). Еще авторъ первой русской граматики, иностранецъ Лудольфъ (1696 г.), говоритъ, что безъ помощи славянскаго языка никто изъ русскихъ не можетъ писать или разсуждать объ ученыхъ предметахъ, а въ домашней жизни не употребляется славянскій языкъ потому, что многихъ словъ житейскаго быта нѣтъ въ тѣхъ книгахъ, изъ которыхъ почерпается языкъ славянскій; по этому считается правиломъ: говорить по-русски и писать по-славянски**).

Но трудно было этому словенскому или славенскому языку существовать подлѣ латинскаго и греческаго, у которыхъ были богатыя литературы, между тѣмъ какъ словенская письменность была довольно бѣдна. Это особенно чувствовалось въ юго-

*) О серб. букваряхъ см. статьи Новаковича и Ст. Поповича въ серб. Гласникѣ, кн. 34, 38, и Кулаковскаго Вукъ Караджичъ, 126.

**) Ср. уставъ Луцкой школы 1624 г. (Памятники кіев. коммиссіи I. 114), статью Мордовцева о школьныхъ книгахъ, и введеніе къ изд. граматики Ломоносова въ Учен. Запискахъ II. отд. Имп. Акад. Наукъ кн. III, срв. тоже I. 254.

западной Руси, и тамошнимъ школамъ „науки еллинскаго и словенскаго письма", „науки еллино-словенскаго и латино-польскаго письма", трудно было выдерживать конкуренцію съ латинскими школами. Напрасно въ концѣ XVI-го в. Аѳонскій монахъ Іоаннъ изъ Вишни въ Червоной Руси восхваляетъ словенскій языкъ какъ „плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій, предъ Богомъ честнѣйшій и отъ еллинскаго и латинскаго, понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, граматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочихъ же коварствъ тщеславныхъ, діавола вымѣстныхъ, простымъ прилежнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія къ богу приводитъ, простоту и смиреніе будуетъ и духа святого подъемлетъ" *).

Народы русскій, сербскій и болгарскій, дорожа церковнымъ словѣнскимъ языкомъ, жаждали однако науки и просвѣщенія посредствомъ своихъ родныхъ языковъ. Русскимъ указалъ путь къ просвѣщенію Петръ Великій и его слава доходила и къ южнымъ Славянамъ. „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: Гдѣ есть Богъ ихъ?" Съ такими словами поздравляетъ съ Ништадскимъ миромъ Петра Великаго сербскій митрополитъ Моисей Петровичъ. Сербское духовенство благословляло память этого великаго царя, который ввелъ науки въ свое царство и пріобрѣлъ безсмертное имя „паче всѣхъ земледержцевъ" и просило Бога, чтобъ онъ чаще производилъ на свѣтъ такихъ „человѣколюбныхъ цезарей и цезарицъ, которые бы могли сву Европу, Сербію, Босну и Херцеговину, Болгарію, Грецію и остале божіемъ раю подобне землѣ одъ тиранства, глупости и варварства избавити и освободити" **).

При усиливающемся развитіи науки и литературы, которыя переходили изъ рукъ духовенства въ руки міранъ, господство мертваго языка славянскаго (славено-россійскаго и похожаго на него славено-сербскаго) въ ущербъ живому народному

*) Акты южной и запад. Россіи II. 210.

**) Это разсказываетъ Обрадовичъ въ своей автобіографіи (1783 г.).

языку, стало немыслимымъ, равнымъ образомъ какъ въ западной и средней Европѣ латынь мало по малу уступала свое привилегированное положеніе народнымъ языкамъ. „Посольскій приказъ" писалъ уже давно хорошо по русски, и въ 1730 г. русскій писатель Тредьяковскій издалъ книгу „почти самымъ простымъ рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ, а не славенскимъ языкомъ; языкъ славенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мірская, онъ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ". Напрасно защищалъ Шишковъ старый слогъ; Карамзинъ и Пушкинъ соглашаясь съ Тредьяковскимъ, при всемъ уваженіи питаемомъ къ церковному славянскому языку, придерживались новаго слога. Славянскій языкъ остался языкомъ церковнымъ, а въ литературѣ онъ уступилъ русскому, обогащающемуся постоянно живой струей народной рѣчи. Но историческая связь между языками церковнымъ славянскимъ и русскимъ не разорвана совсѣмъ; на нее указываетъ съ одной стороны историческое правописаніе русскаго языка, а съ другой много словъ оставшихся въ русскомъ языкѣ со временъ употребленія литературнаго языка словѣнскаго или славенскаго (главный подлѣ голова, гражданинъ—городъ, млечный—молоко, плѣнъ—полонъ, преступить—переступить, между—межъ, помощь—помочь и пр.).

Подобно тому у Сербовъ (а позже тоже у Болгаръ) искусственный славено-сербскій языкъ Раича, Соларича, Терлаича и др. не могъ продержаться; надо было для народа писать въ смыслѣ словъ Е. Янковича (1787 г.), „не у славенскомъ негъ у матернимъ езику; и то ће ми сваки опростити, кадъ помисли, да я нисамъ Славянинъ негъ Срблинъ, и да не пишемъ за Славяне негъ за Срблѣ" *). Въ такомъ направленіи стали дѣйствовать Обрадовичъ и Караджичъ. Сербы разорвали окончательно связь между славенскимъ и сербскимъ языкомъ, не только въ отноше-

*) Однимъ изъ послѣднихъ приверженцевъ славено-сербскаго языка былъ архіепископъ (потомъ патріархъ) угорскихъ Сербовъ, Іосифъ Раячичъ; онъ писывалъ письма Павлу Шафарику на такомъ церковномъ языкѣ.

ніи матеріальномъ, но тоже въ формальномъ—введеніемъ фонетическаго правописанія, между тѣмъ какъ Болгаре сохранили историческое правописаніе.

Въ слѣдствіе развитія сравнительнаго языкознанія, по иниціативѣ Лейбница, прекратились ненаучныя игрушки въ области языкознанія, прекратилась та „тріязычная ересь", по которой только три языка, еврейскій, греческій и латинскій, считались чуть не отцами всѣхъ остальныхъ, и во всякомъ случаѣ единственно достойными научныхъ занятій. Развитіе научной филологіи отразилось и въ славянскомъ мірѣ, который никогда не переставалъ интересоваться и, на сколько это было возможно, тоже заниматься важнымъ вопросомъ о словѣнскомъ языкѣ, мнимомъ славянскомъ праязыкѣ, и о первыхъ словѣнскихъ „филологахъ", Константинѣ и Меѳодіѣ. Этимъ вопросомъ стали заниматься болѣе критическимъ способомъ Чехи Дурихъ и особенно Іосифъ *Добровскій;* послѣдній представилъ, — такъ сказать къ тысячелѣтнему юбилею рожденія Меѳодія и Константина,— первую критическую граматику словѣнскаго языка Institutiones linguae slavicae dialecti veteris (1822). Но Добровскій не обратилъ надлежащаго вниманія на историческое развитіе словѣнскаго языка, который онъ считалъ древнимъ, еще не раздѣленнымъ языкомъ сербско-болгарскаго-македонскимъ; онъ не зналъ еще древнѣйшихъ памятниковъ этого языка и смѣшивалъ памятники разныхъ временъ и изводовъ; онъ не понималъ значенія ъ и ь, считая ихъ только знаками твердымъ и мягкимъ, не зналъ ѧ и ѫ, отождествляя ѧ съ ꙗ и *я*, а ѫ съ *у*, и ѭ съ *ю*, не отличалъ *жд* отъ рус. *ж*, и пр. Эти фонетическія особенности словѣнскаго языка открылъ именно въ то время, когда печаталась граматика Добровскаго, Русскій *Востоковъ*, познакомившись съ древнѣйшимъ спискомъ евангелія Остромірова; онъ въ своемъ *Разсужденіи о славянскомъ языкѣ* (1820) опредѣлилъ значеніе полугласныхъ ъ и ь, носовыхъ ѧ и ѫ (указывая на ихъ сохраненіе въ польскомъ языкѣ), и отличалъ разные словѣнскіе изводы; онъ въ своемъ словарѣ и въ своей граматикѣ (изданіе 1863 г.) объясняетъ этотъ церковно-словенскій языкъ, на который первоначально переведены съ греческаго церковныя

книги, какому бы онъ народу ни принадлежалъ, моравскимъ ли, панонскимъ ли или македонскимъ Славянамъ, и отличаетъ отъ этого древнѣйшаго извода болгарскій, сербскій, русскій. Къ Чеху Добровскому и Русскому Востокову присоединяются другіе славянскіе филологи, при чемъ находимые древнѣйшіе памятники словѣнскіе все больше освѣщаютъ знаменитый подвигъ великихъ апостоловъ и просвѣтителей Славянъ. Словенецъ *Копитаръ* искалъ колыбель словѣнскаго языка и словѣнскихъ книгъ у Словенцевъ въ Норикѣ и въ Панонія. Словакъ *Шафарикъ* думалъ съ начала о Болгаріи, но онъ уже строго отличалъ сербскій языкъ отъ „болгарскаго", и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ Словѣнъ преддунайскихъ и задунайскихъ одной этнографической группой; въ послѣдствіи, познакомившись ближе съ исторіей болгарскаго языка, онъ искалъ родину словѣнскихъ книгъ въ Паноніи. *Миклошичъ*, землякъ и ученикъ Копитара, искалъ словѣнскій языкъ съ начала въ Норикѣ, но потомъ тоже въ Паноніи, признавая впрочемъ тоже одну этнографическую группу Словѣнъ подунайскихъ. Изученію этого словѣнскаго языка Миклошичъ посвятилъ главную свою дѣятельность, и результаты своихъ занятій онъ представилъ въ своемъ словарѣ и въ граматикѣ словѣнскаго языка, лучшихъ подаркахъ къ тысячелѣтнему юбилею перевода Св. Писанія на словѣнскій языкъ.

Тысяча лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ архіепископъ Паноніи и вышней Моравы Меѳодій, въ послѣднемъ году своей дѣятельности (884), продолжая трудъ своего брата Константина, „отъ ученикъ своихъ посажь дъва попы скорописьцѧ зѣло, прѣложи въ бръзѣ вьсѧ книгы испълнь, развѣ Макавѣи, отъ грьчьска ѩзыка въ словѣньскъ, шестию мѣсѧць, начьнъ отъ марѳа мѣсѧца до дъвою десѧту и шестию дьнь октѧбрѧ мѣсѧца; пьсалтырь бо бѣ тъкъмо и еванrелиѥ съ апостолъмь и избьраньіми службами и цьрквьньіими, съ философомь Константиномь прѣложилъ пьрьвѣѥ; тъгда же номоканонъ, рекъше закону правило, и отьчьскыѩ книгы прѣложи. Оконьчавъ же достоиную хвалу и славу Богу въздасть, дающему такову благодать и поспѣхъ" *).

*) Житіе св. Меѳодія, гл. 15 (перешло и въ русскую лѣтопись), и срв. Житіе св. Константина гл. 15.

Эти священныя книги возстановляются мало по малу въ первобытной формѣ, и по нимъ словѣнскій языкъ преподается, какъ основа славянской филологіи, во всѣхъ славянскихъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, а въ Россіи, Болгаріи, Сербіи, Хорватіи тоже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Преподаватели языковъ русскаго, болгарскаго, сербско-хорватскаго, словенскаго, чешскаго и польскаго могутъ ихъ преподавать только съ основательнымъ знаніемъ словѣнскаго языка. Но мало того. Повсюду въ образованномъ мірѣ, гдѣ интересуются сравнительнымъ языкознаніемъ, словѣнскій языкъ занимаетъ важное мѣсто на равнѣ съ санскритомъ и зендомъ, съ языками греческимъ и латинскимъ, литовскимъ и готскимъ. Торжество Константина и Меѳодія — полно, великолѣпно: всѣ Славяне, да и всѣ образованные народы, относятся съ глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ подвигу этихъ первыхъ „славистовъ", которые такъ чисто по словѣнски бесѣдовали и писали. Богъ услышалъ молитву Константина, погубилъ „тріязычную ересь", и возложилъ на головы обоихъ славянскихъ тружениковъ и мучениковъ „вѣнецъ праведный".

Труды Добровскаго и Востокова, Копитара, Шафарика, Срезневскаго, Миклошича, Ягича и многочисленныхъ ихъ учениковъ *изъ всѣхъ Славянъ*, воздвигаютъ обоимъ просвѣтителямъ Славянъ, братьямъ Солунянамъ, *общеславянскій* памятникъ— monumentum aere perennius. Ихъ „слово плъть бысть, и въсели сѧ въ ны, и видѣхомъ славѫ ѥго".

Въ первомъ славянскомъ книгохранилищѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, хранятся рядомъ два драгоцѣнныя древнѣйшія евангелія словѣнскія, образцы славянской калиграфіи XI-го вѣка, которыя вѣрно передаютъ словѣнскій языкъ Константина и Меѳодія и ихъ учениковъ. Одно изъ нихъ написано на крайнемъ славянскомъ сѣверѣ, въ области тѣхъ Словѣнъ, которые, давно выселившись-де изъ дунайскихъ странъ, „сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ"—*евангеліе Остроміра*; другое написано на крайнемъ славянскомъ югѣ, въ македонской Охридско-Солунской

„Словѣніи", которую заняли Словѣне „при Анастаси цари" (ок. 500 г.), въ родинѣ обоихъ Солунянъ, говорившихъ чисто по словѣнски—*евангеліе Зографское.* А по этимъ древнѣйшимъ словѣнскимъ рукописямъ ученый міръ изучаетъ языкъ словѣнскій, и повторяетъ тѣ слова, которыя Константинъ приподнесъ еще въ 862 г. въ Царьградѣ ликующимъ моравскимъ посламъ:

Искони бѣ [бѣаше] Слово, и Слово бѣ [бѣаше] отъ Бога, и Богъ бѣ [бѣаше] Слово. Се бѣ искони оу [отъ] Бога. И тѣмь вьси быша, и безъ него ничьто же не бысть [бystъ], еже бысть [бystъ]. Въ томь животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ, и свѣтъ въ тьмѣ [тъмѣ] свьтить [свьтитъ] са, и тьма [тъма] его не обатъ [обьятъ]. И Слово плъть бысть [бystъ] и въселисѧ въ ны, и видѣхомъ славѫ его *).

XI.

Словѣнскій языкъ, сдѣлавшись у другихъ Славянъ языкомъ литературнымъ и церковнымъ, былъ для нихъ конечно понятенъ, болѣе понятенъ, чѣмъ напр. латинскій языкъ для Итальянцевъ или Французовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ словѣнскій языкъ не былъ роднымъ языкомъ Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, Русскихъ, отличаясь отъ ихъ языковъ въ отношеніяхъ, фонетическомъ, граматическомъ и лексикальномъ. Эти различія породили разные изводы словѣнскіе, болгарскій, сербскій и хорватскій, русскій. Если западные и югозападные Славяне, у которыхъ въ церкви и въ литературѣ господствовалъ чуждый языкъ латинскій, рано, въ XIII—XIV вв. вынуждены были переводить на свои языки разныя молитвы, пѣсни, библію, то Славяне юговосточные (Болгаре, Сербы и Хорваты глаголяши) и восточные долго довольствовались словѣнскими книгами своихъ изводовъ **). Но при посте-

*) Текстъ изъ еванг. Остроміра, слова въ скобкахъ изъ еванг. Зографскаго.

**) Кажется, что Русскіе имѣли свой русскій переводъ нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія еще раньше, чѣмъ Словѣне; см. стр. 26

ценномъ распространеніи грамотности въ болѣе широкихъ кружкахъ міряиъ ощущалась все больше потребность переводовъ священныхъ книгъ на простой народный языкъ.

На Руси, гдѣ словѣнскій языкъ церковныхъ книгъ сталъ называться даже „русскимъ", народный русскій языкъ все больше врывался въ эти книги; такъ уже въ концѣ XIV-го в. нѣкоторые русскіе писцы сочли нужнымъ замѣнить въ молитвѣ Отче нашъ слово *насущный* словами *наставшаго дне*, или первое слово евангелія отъ Іоанна *искони* словомъ *въ началѣ*, что для Русскихъ было болѣе понятнымъ. При распространеніи разныхъ изводовъ на Руси потребность русскаго перевода ощущалась еще больше. Въ началѣ XVI в. пребывалъ въ чешской Прагѣ одинъ врачъ, Франциекъ Скорина изъ Полоцка, познакомился съ чешскимъ языкомъ, съ чешскою библіею (были уже три печатныхъ изданія 1480, 1489 и 1506 гг.), и сталъ съ латинской и чешской библіи переводить библію „на рускій языкъ людемъ посполитымъ рускаго языка къ наученію", и издалъ, съ помощію Виленскаго радцы Богдана Онькова сына, въ „великомъ Старомъ мѣстѣ Празскомъ" въ 1517—1519 гг. двадцать двѣ книги Ветхаго Завѣта. Скорина, переводя библію на языкъ югозападной Руси, не могъ однако отрѣшиться вполнѣ отъ словѣнско-русскаго языка; по этому хотя библія переводилась съ латинской и чешской библіи, имена суть греческія а не латинскія (книги Моисеевы, Исуса Навина, Царьствъ, Притчи Саломона, и пр.), и въ ней, кромѣ значительной примѣси чешскаго языка, встрѣчаются словѣнско-русскія, а не чистыя русскія слова: грады, съпротивится, злато, сребро въ пещи, мравіи, помощь, избраннаго и пр. Но въ изданномъ Скориною Апостолѣ (Вильна 1525) языкъ не посполитый русскій, а обыкновенный тогда словѣнско-русскій *).

и 76. Срв. Гильфердинга въ Кирилло-Меѳод. Сборникѣ Погодина, стр. 156, Сочиненія I. 305.

*) О библіи Скорины см. нашу книгу Славян. взаимность 253, и статью Я. Головацкаго въ Науковомъ Сборникѣ Галицко-Русской Матицы 1865, 225. Скорина, судя по имени Францискъ, былъ вѣроят-

Послѣ Скорины Симонъ Будный и его помощники Крышковскій и Кавечинскій, во время распространенія протестантизма въ Литвѣ и югозападной Руси, стали дѣйствовать и на тамошнихъ Русскихъ въ духѣ новаго ученія, посредствомъ русскихъ книгъ печатаемыхъ въ столицѣ Радивиловъ Несвижѣ. Здѣсь изданъ въ 1562 г. протестантскій „Катихисісъ то есть Наука стародавнаѧ христіанскаѧ отъ светого писма длѧ простыхъ людей ѩзыка руского, въ пытаніахъ и отказѣхъ събрана“, и эта книга, изданная „онымъ славнымъ здавна далеко росъширенымъ словеньскимъ ѩзыкомъ“, посвящена князьямъ Радивиламъ, „абы ся не только въ чужоземскихъ ѩзыкахъ кохали, але тежъ того здавна славного ѩзыка словеньского розмиловати и онымъ ся бавити рачили“. Но Будный въ этомъ русскомъ катихизисѣ не могъ тоже отрѣшиться совсѣмъ отъ обыкновеннаго церковнаго языка, и употребляетъ, особенно въ молитвахъ, и словѣнскія слова (вътъще, церковь съборная); молитва Отче нашъ приведена не по русски, а по словѣнско-русски, и развѣ только форма *лукавого* (вмѣсто лукаваго) напоминаетъ русскій языкъ *). Но

но Полякъ, жившій на Руси, приверженецъ протестантизма или чешскаго гуситизма; его книги, вмѣстѣ съ книгами Буднаго и Крышковскаго, были на Руси распространены еще въ XVII-мъ вѣкѣ Русскій уніатскій архимандритъ Анаст. Селява говоритъ, что давно „Ruś była potruta, przed unią był Skoryna heresią hussyta, który nam księgi po rusku drukował w Pradze. Przyjmowali ich wdzięcznie, dosyć na tem, że się zwał Rusinem z Połocka, jako się podpisał. Smakowali sobie jego druki, człowiek godny mówili, a Rusin brat nasz drukował. Symon Budny i Laurency Krzyżkowski jad swój aryański po rusku drukowawszy rozsiali między popy, przyjęli to za lekarstwo, tak iż teraz mamy jeszcze trudność z popami, odejmując im te księżczyska z rąk. Twierdzą bowiem, że to są księgi cerkiewne dawne, a zatym dobre, zbierane z pisma św., jakoż i nie dają ich aż przez mus, abo commutatią wziąwszy inszą książkę za nie“. (Antelenchus to jest odpis na Elenchus, Wilno 1622, p. 49).

*) Будный хорошо зналъ церковный языкъ, о чемъ см. стр. 83. Русскій переводъ евангелій для социніанъ (1581 г.), хранящійся въ библіотекѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, намъ ближе неизвѣстенъ.

въ слѣдствіе распространенія польскаго языка среди русской шляхты русскія протестантскія книги скоро оказались лишними. Только изрѣдка югозападные Русскіе, уже не протестанты а православные или уніаты, стали переводить нѣкоторыя книги Св. Писанія съ словенскаго (славенскаго) на свой родной языкъ, „для лепшого вырозумленя люду христіанского", „для латвѣйшого выразумѣнья"; такъ сохранились рукописныя русскія псалтири, евангелія, постиллы и др. книги XVI—XVII вѣковъ*). На южной Руси, гдѣ еще въ XVI в. употреблялся словѣнско-болгарско-волошскій изводъ (съ юсами), это правописаніе вошло тоже въ русскіе переводы. Такое правописаніе встрѣчается въ евангеліи, переведенномъ въ 1556—1561 гг. Григоріемъ архимандритомъ Пересопницкимъ и протопопомъ Михаиломъ изъ Санока „изъ ѩзыка блъгарского на мову рускую то для лепшого вырозумленя люду христіанского посполитого"; переводчики примѣшали къ русскому языку тоже слова польскія и чешскія, даже невозможныя въ русскомъ языкѣ (влодарь и владарь, моць, строна, оскаржили, опатръне, и пр.), вѣроятно „для людій закону римского сиречь латинянь"; кромѣ того осталось и много словѣнскихъ словъ (съвръшена, сътникь, дъщеря, пръвѣе и пр.). Все это дѣлаетъ языкъ Пересопницкаго евангелія странною смѣсью: языкъ основой своей—русскій, но съ примѣсью языковъ словѣнскаго, польскаго, чешскаго, а правописаніе болгарско-волошское съ ь въ концѣ словъ и ъ въ серединѣ (пишетъ даже Чрътoрыйскій), ѧ употребляется въ значеніи я, а ѫ встрѣчается рѣдко (братїѫ, замѣтаѫщихь)**). Василій Тяпинскій напечаталъ въ своей кочевой типографіи ок. 1570 — 1580 гг. Евангеліе на словенскомъ и на русскомъ языкахъ; напр. въ молитвѣ Отче нашъ—въ русскомъ текстѣ встрѣчается: котории (иже), нехай (да), ко-

*) Срв. въ Описаніи рукоп. Румянцева N. 39, 193, 194, 196, 197, 232, 233, 287, 288, 289, 335, 373, 376 и др. Западно-русская постилла въ чешскомъ Музеѣ въ Прагѣ.

**) Житецкій: Описаніе Пересопницкой рукописи. Подобный тому языкъ встрѣчается отъ части и въ выше (стр. 65) упомянутой библіи Луки Тернопольскаго.

ролевътство (царстви), повъседенъныи (насущныи), даи нине (дажъдъ днесь), отпусти—отпусчаемъ (остави).

Въ слѣдствіе повсемѣстнаго распространенія въ югозападной Руси польскаго языка, протестантизма и католицизма, „много человѣковъ обоихъ станувъ, свѣцкого такъ и духовныхъ, разными постилями противныхъ церкви божей, аріанскими и калвѣнскими, утопали“ да раздавались уже голоса, что „Русь православная згеретичала, таинъ божественныхъ не знаетъ“ *). Знаніе церковнаго словѣнскаго языка и письма падало, и оказалась потребность противудѣйствовать пропагандѣ польской, католической и протестантской, такими же книгами на русскомъ, языкѣ. Въ началѣ XVII-го в. (1616 г.) иноки братскаго монастыря Виленскаго Сошествія св. Духа издали, иждивеніемъ князя Богдана Огинскаго, въ Евью „Евангеліе учителное албо казаня... з кгрецкого и словенского языка на рускій переложеныи“. Словенскій переводъ этого сочиненія былъ-де „народови нашему словенскому вели потребенъ и пожиточенъ: Теперь зась пре незнаемость и неумѣетность языка словенскаго многихъ, многимъ мало потребенъ и не пожиточенъ ставшися, знову переложеньемъ его на языкъ нашъ простый рускій, якобы з мертвыхъ вскрешонъ; а выданьемъ з друку на всѣ широкіи славного и старожитного народу россійского крайны розосланъ будучи, всѣми потомными вѣки, всѣхъ а иле простѣйшихъ, а языка словенского неумѣючихъ, и для того подеасъ до заразливыхъ еретической словы поданой и шкриптомъ выданой науки наставискъ удаватися звыклыхъ училъ. А затымъ тотъ, который тыхъ часовъ хоть въ зацнѣйшомъ, пекнѣйшомъ звязнѣйшомъ супгелнѣйшомъ и достаточнѣйшомъ языку словенскомъ, пре неспособность слухачовъ, немногимъ пожиточенъ былъ: теперь, хоть въ подлѣйшомъ и простѣйшомъ языку, многимъ албо рачѣй и всѣмъ руского языка, яко колвекъ умѣетнымъ, потребенъ и пожиточенъ быти моглъ“. Языкъ этого евангелія уже чисто русскій, употребляемый тогда въ югозападной Руси

*) Срв. предисловія къ Евангелію учительному К. Ставровецкаго (1619), и къ Требнику П. Могилы (1646).

Но не всѣ соглашались съ употребленіемъ „простого, подлого“ языка въ области церковной; многіе предпочитали словѣнскій языкъ „зацнѣйшій, пенкнѣйшій, сутелнѣйшій“, какъ его назвали Виленскіе русскіе монахи совершенно на польскій ладъ. Когда на полъ вѣка раньше Григорій Ходковичъ собирался издать такое Евангеліе учительное, чтобъ „слово Божіе размножилося и наученіе людемъ закону греческаго ширилося“, то онъ „помыслилъ былъ есми и се, иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву, и имѣлъ есми о томъ попеченіе великое; и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ писмѣ ученые, иже прекладаніемъ съ давныхъ пословицъ на новые помылка учинится немалая, яко же и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу; того ради сію книгу, яко здавна писаную, велѣлъ есми ее выдруковати, которая кождому не есть закрыта, и къ выразумѣнію нетрудна“. По этому книга эта вышла на словѣнско-русскомъ языкѣ, и напечатана Иваномъ Ѳеодоровичемъ Москвитиномъ и Петромъ Тимофѣевичемъ Мстиславцемъ въ Заблудовѣ въ 1569 г. Іоаннъ изъ Вишни въ концѣ XVI-го в. взывалъ ко всей православной Руси, чтобъ она придерживалась словенскихъ книгъ: „Евангелія и апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же, для вырозумѣнья людского, по просту толкуйте и выкладайте. Книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте. Сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва, радъ бы его цо щеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведеть, и што нѣкоторыи наши на словенскій языкъ хулять и не любять“. А еще раньше князь Курбскій считалъ переводы съ словенскаго языка невозможными: „если бы и не мало ученыхъ сошлось словенска словеса клонющіе чины граматическіе и прелагающіе въ польскую барбарію, ложити не возмогутъ“ *).

*) Акты южной и зап. Россіи II 210, Сказанія кн. Курбскаго II. 165. См. выше стр. 100.

Западно-русскіе переводы священныхъ книгъ считались даже польскими; такъ напр. на одной такой западно-русской псалтири XVI-го в. приписалъ кто-то: „книга глаголимая полскоя псолтыре преложена с руского (т. е. церковнаго словѣнско-русскаго) на полскии, нехаи по неи хвалить Господа“ *). Русская книга Кирилла Транквиліона Зерцало богословій переведена въ концѣ XVII-го в. „съ бѣлороссійскаго языка на чистый славенскій діалектъ“.

Православные Югославяне и отчасти католики Хорваты пользовались, на равнѣ съ Русскими, церковными книгами словѣнскими. Для Хорватовъ съ латинскимъ богослуженіемъ изданы въ концѣ XV-го и въ XVI-мъ в. переводы евангелій и епистолъ на чистомъ хорватскомъ языкѣ латиницей Бернардиномъ Сплѣтскимъ и Зборошичемъ. Полный переводъ библіи задумали только хорватскіе протестанты, Ант. Далматинъ и Стефанъ Истріанинъ (Консулъ), но успѣли, кромѣ нѣкоторыхъ меньшихъ богослужебныхъ книгъ, издать только хорватскій переводъ Новаго Завѣта въ Тюбингенѣ въ 1562—1563 гг.; переводъ сдѣланъ „вь садашньи опщени и разумни хрватски ѥзыкь“, и изданъ кириллицей и глаголицей. Издатели знали, что этотъ ихъ переводъ не всѣмъ понравится, но Хорваты должны знать, что издатели хотѣли послужить „всимь словенскога ѥзика людемь, наипрьво Хрьватомь и Далматіномь, потомь такаише Бошньакомь, Безьѥкомь, Србльомь и Булгаромь“, и что они поэтому употребили „припросте, навадне, разумне, опщене, всагданьне садашнѣга врימена беседе, коѥ Хрьвате, Дльматині и други Словинци и Кранци наивеће ва ньихь говоренью говоре“; они не приняли въ этотъ свой переводъ всѣхъ словъ изъ глаголическихъ мисаловъ и бревіаріевъ, такъ какъ „в доста местихь у мисалихь нашлисмо писменимь начиномь (како ники праве) писано или никимь туимь неразумнимь ѥзикомь, и никуде криво тльмачено“; они выпустили знаки надъ „цирулискими словми, кихь Русьѥни и ѥдна Бенетачка штампа токоѥ нимаю, ни ѥра нисмо

*) Опис. рукоп. Румянцева, стр. 472.

повсуда поставили". Это послѣднее касается глаголическихъ книгъ, въ которыхъ *ь* обыкновенно выпускается, между тѣмъ какъ въ кирилловскихъ онъ обыкновенно пишется. Глаголическія книги распространялись между Хорватами, и Далматинъ и Истріанинъ названы „вторыми Кирилломъ и Меѳодіемъ, явившими правду св. Писанія въ нашей хорватской рѣчи". Печатая кирилловскія книги, они разсчитывали не только на Сербовъ и Болгаръ, но тоже на Русскихъ, такъ какъ кириллица распространена-де въ Литвѣ и Руси, въ Москвѣ, Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Далмаціи до самаго Царьграда. Но издатели ошиблись въ этихъ разсчетахъ; кирилловскія книги не расходились, и только въ Босніи распространяли ихъ попы сербскихъ Ускоковъ поселенныхъ въ Хорватіи. Вскорѣ прекратилось на славянскомъ югѣ протестантское движеніе, и „еретическія" книги хорватскія и словенскія подвергались истребленію *).

Переводы св. Писанія на языки русскій, малорусскій, сербскій и болгарскій принадлежатъ уже нашему вѣку; сербскій переводъ сдѣлали лучшіе знатоки своего языка, Караджичъ и Даничичъ; о хорватскомъ позаботились уже раньше католическіе священники. Словѣнскій текстъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ остался въ церкви; но тѣмъ не менѣе всѣ Славяне не перестаютъ его считать, согласно съ словами Поляка Буднаго, великимъ своимъ сокровищемъ.

XII.

Память обоихъ апостоловъ, Константина-Кирилла и Меѳодія, хранилась преимущественно у тѣхъ Славянъ, которые унаслѣдовали ихъ достояніе, словѣнскій языкъ и письмо, у православныхъ Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ. Константинъ и Меѳодій причислены къ лику святыхъ, несомнѣнно уже въ X-мъ вѣкѣ

*) Срв. Kostrenčić: Urkundl. Beiträge zur Gesch. der protest. Literatur der Südslawen, А. Соколовъ: Зарожденіе литературы у Словинцевъ, и пр. Срв. выше стр. 37 и 77.

(они встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ мѣсяцесловахъ XI-го в.), и ихъ память праздновалась въ 14-ый день февраля (день успенія св. Кирилла) и въ 6-ый день апрѣля (день успенія св. Меѳодія); позже прибавленъ и 11-ый день мая въ память обоихъ свв. апостоловъ *).

Вскорѣ послѣ кончины обоихъ апостоловъ написаны ихъ ученикомъ пространныя житія, по всей вѣроятности въ Панонііи, въ области Римскаго патріархата, а не въ Болгаріи; здѣсь составлены уже службы и каноны. Изъ Панонііи (Угріи) житія распространились въ Хорватію, Сербію, Болгарію, и на Русь; здѣсь они были извѣстны уже въ XI-мъ в., и ими воспользовался и русскій лѣтописецъ **).

*) „Памѧть прѣподобьнаго отьца нашего Константина философа въ чьрнечьство наречена именьмъ Кѵрила" показана подъ 14 февр. въ еванг. Остроміра (другихъ славян. святыхъ совсѣмъ нѣтъ); въ еванг. Ватикан. 14 февр. Кѵрила философа, и 6 апр. Меѳодія архіепископа вышнѧѩ Моравы; и такъ и въ другихъ памятникахъ XII — XIII и др. вѣковъ (см. Срезневскаго о малоизв. памят. N. 15, Кирилло-Меѳод. Сборникъ Погодина, архим. Сергія Полный мѣсяцесловъ востока, Martynov Annus ecclesiasticus graeco-slavicus ed. a. millenario ss. Cyrilli et Methodii 1863, Берчича Dvie službe sv. Ćirila i Metuda). День 11 мая какъ память одного Меѳодія встрѣчается уже въ минеи XII в. въ житіи Меѳодія (Чтенія 1865, I. 12, а по архим. Сергію стр. 201 не 11 а 10 мая), и въ прологахъ XIV—XV вв.; память обоихъ апостоловъ 11 мая показана въ Четьихъ Минеяхъ. Въ двухъ прологахъ серб.-болгар. XIII—XIV вв. (Калайдовичъ Іоаннъ экзархъ 90, Ламанскій Рукоп. въ Бѣлградѣ 112) показана память Кирилла и Меѳодія, учителей словѣнскому языку, подъ 25 августа, но съ прибавленіемъ, что память его (ею?) творится 6 апрѣля „и велми цръкви празнуеть вь дьнь памѧть ѥю".

**) Житія и др. памятники часто изданы, Шафарикомъ, Бодянскимъ, Бильбасовымъ, Миклошичемъ (съ латин. переводомъ), мною (съ чешскимъ переводомъ, въ Fontes rer. bohem. I.). Службы и каноны изданы Григоровичемъ, Горскимъ, Казанскимъ (въ Кирилло-Меѳод. Сборникѣ Погодина), Срезневскимъ (Свѣд. о малоизвѣст. памятникахъ). Срв. Воронова: Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія (Кіевъ 1877). Что панонскія житія перешли изъ Угріи въ Хорватію, на это есть и другое свидѣтельство, т. е. словѣн-

Между тѣмъ, какъ память о свв. апостолахъ Кириллѣ и Меѳодіѣ у православныхъ Славянъ всегда свято хранилась и праздновалась, у югозападныхъ Славянъ, примкнувшихъ къ Риму и къ латинской культурѣ память о Кириллѣ и Меѳодіѣ скоро затемняется, и исчезаетъ почти совсѣмъ. Не всѣ папы были Адріаны II и Іоанны VIII; уже по смерти послѣдняго папская курія стала смотрѣть на словѣнскій языкъ въ церкви съ точки зрѣнія латинско-нѣмецкихъ и латинско-итальянскихъ епископовъ, и начала его преслѣдовать во всѣхъ подвластныхъ ей областяхъ, въ Хорватіи и въ Чехіи, въ Угріи и въ Польшѣ. Понятно, что досталось и виновникамъ словѣнскаго богослуженія, и неудивительно, что наконецъ Меѳодій — котораго еще папа Іоаннъ въ 880 г. называетъ in omnibus ecclesiasticis doctrinis orthodoxum — прослылъ у латинско-итальянскаго духовенства въ Далмаціи уже въ XI-мъ в. еретикомъ и лгуномъ, такъ что ради спасенія словѣнскаго языка и письма въ Хорватіи надо было прибѣгнуть къ помощи св. Іеронима и ему приписывать изобрѣтеніе словѣнскаго письма. Но не всѣ Хорваты раздѣляли этотъ взглядъ римской куріи и латинско-далматскихъ епископовъ на Меѳодія и его брата Константина; такъ Діоклейскій попъ, лѣтописецъ въ половинѣ XII-го в., называетъ Константина „vir sanctissimus“.

Не лучше было въ Чехіи, гдѣ словѣнскій языкъ умолкъ, тоже не безъ борьбы, только въ концѣ XI-го в. И латинскіе епископы Пражскіе дѣйствовали въ духѣ нѣмецко-латинскихъ епископовъ и папы Іоанна XIII, разрѣшившаго основаніе Пражской епископіи только подъ условіемъ ея латинскаго характера, а не по способу Болгаръ и Русскихъ съ словѣнскимъ языкомъ. Но нельзя было изгладить изъ памяти Чеховъ и Моравянъ тотъ фактъ, что Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ Моравіи, что архіепископъ Меѳодій „Русинъ бѣше, мшу сву словенскы служеше“, и что онъ крестилъ чешскаго князя Боривоя и его жену

ское житіе св. Вячеслава въ глагол. хорват. часословѣ 1443 г. (Fontes rer. bohem. I. pag. XIII); это житіе едва ли могло перейдти въ католическую Хорватію изъ православной Болгаріи или Руси.

Людмилу. Нельзя было изгладить изъ памяти церкви моравской въ ея столицѣ Оломуцѣ, и изъ памяти церкви чешско-пражской, изъ ихъ церковныхъ латинскихъ книгъ, именъ Кирилла и особенно Меѳодія, котораго всегда считали архіепископомъ Моравскимъ (а съ начала XIV-го в. Велеградскимъ). По этому Чехи и Моравяне почитая память обоихъ своихъ апостоловъ, стали ихъ называть святыми еще до оффиціальной ихъ канонизаціи Римомъ. Такъ напр. лѣтописецъ Сазавскій второй половины XII-го в.—въ латинской лѣтописи этого бывшаго словѣнскаго монастыря—называетъ св. Кирилла святѣйшимъ (a sanctissimo Quirillo episcopo slavonicae literae inventae sunt); а въ началѣ XIV-го вѣка въ Оломуцскомъ соборѣ существовалъ алтарь святыхъ Кирилла и Меѳодія. Но съ другой стороны поклоненіе обоимъ святымъ не было у Чеховъ такъ распространено, какъ напр. почитаніе свв. Вячеслава, Людмилы, Войтѣха. Именами Кириллъ и Меѳодій Чехи не крестились; да самыя имена „Цирилъ“ (Cyrillus, Cirilus а уже не Quirillus Сазавскаго лѣтописца, что напоминаетъ греческую форму Кириллъ) и „Метудъ“ (Metudius) пріурочены позже, съ XV-го в., къ древнечешскимъ именамъ Цргъ (Crg, Crh) и Страхота (по предполагаемому производству имени Metudius отъ латин. metus—страхъ), равнымъ образомъ какъ у другихъ Славянъ имена Велесъ (Волосъ), Дадзибогъ, Богданъ, Петка пріурочены къ именамъ Власій, Ѳеодатъ, Ѳеодоръ, Параскева; по этому въ новыхъ именахъ чешскихъ „Црга (Crha) и Страхота“ трудно узнать Кирилла и Меѳодія.

О канонизаціи Римомъ обоихъ учителей славянскихъ вообще, и чешско-моравскихъ въ особенности, позаботился безъ сомнѣнія чешскій король и римскій императоръ Карлъ IV, въ которомъ живо было и сознаніе славянское. Намъ неизвѣстенъ годъ канонизаціи Кирилла и Меѳодія; но уже въ 1347 г. Карлъ, основывая въ Прагѣ „славянскій“ монастырь, посвящаетъ его церковь патронамъ чешскимъ свв. Іерониму, Кириллу и Меѳодію, Войтѣху и Прокопію *). Тогда составлены и житія (легенды)

*) См. стр. 41.

обоихъ святыхъ патроновъ чешско-моравскихъ (totius gentis Bohemorum) на латинскомъ и на чешскомъ языкахъ, и ихъ службы въ день ихъ памяти (9 марта) для мисаловъ и бревіаріевъ въ чешско-моравской церкви, съ чтеніями историческаго содержанія. Тогда составлена и молитва церкви чешско-моравской: Omnipotens piissime Deus, qui nos per beatos pontifices ac confessores tuos nostrosque apostolos et patronos, Cirillum et Metudium, ad credulitatem fidei christianae vocare dignatus es, etc. *).

Празднованіе свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ службы (и съ молитвой) не ограничились одной только церковію чешско-моравскою, а распространились тоже въ нѣкоторыя другія церкви, преимущественно славянскія. Въ Польшѣ эти службы и молитва находятся въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ XV-го в., и напечатаны Соколовскимъ въ его книгѣ Officia proprіa patronorum provinciae Poloniae (1596, 1603) какъ службы архіепископіи Гнѣзненской, въ которой празднованіе Кирилла и Меѳодія 9 марта введено по примѣру чешско-моравской церкви; оба они называются тоже „apostoli et patroni nostri". Въ епископіи Краковской употреблялись тѣ же службы, но въ молитвѣ, на сколько знаемъ ее по печатному Краковскому бревіарію 1506 г., Кириллъ и Меѳодій не называются „nostri patroni". Чешско-моравское происхожденіе этихъ службъ видно тоже по формамъ именъ Cirullus, Metudius, Swiatopluk, Wielehrad и пр. По этому нельзя (съ Бѣлёвскимъ) связывать молитву Гнѣзненской церкви съ дѣятельностью Меѳодія въ Польшѣ **).

Изъ Чехіи службы свв. Курилу (а съ XV—XVI вв. Ќурилу, Ќирилу) и Метудію перешли въ Хорватію (можетъ быть посредствомъ словѣнскаго монастыря пражскаго), и въ латинскія

*) Такую службу изъ бревіарія XIV в. издалъ Дудикъ въ Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften 1880, Bd. 95, pag. 341. Срв. Sborník Velehradský I. 155 и 163, III. 294.

**) Bielowski: Monumenta Polon. histor. I. 88. Выписку изъ новаго бревіарія Гнѣзненскаго см. въ журналѣ Езберы Словѣнинъ 1862, стр. 17. Впрочемъ въ печатномъ мисалѣ Гнѣзненскомъ 1555 г. находится эта молитва безъ словъ „nostri patroni."

и въ словѣнскія церкви. Въ этихъ хорватскихъ службахъ XIV—XV вв. главная дѣятельность обоихъ апостоловъ переносится тоже въ область чешскаго народа: плку чешкому тобою свѣтлость просиѣ; се еста двѣ маслинѣ изь заградп Солиньскиe (вѣроятно вмѣсто Солуньскіе, но можетъ быть и Солинъ—Salona въ Далмаціи) бискупи и учитела книги словиньскиe и.... знана книги грчкие и латиньские, учеща и крестеща народи чешкие; книги словиньскиѣ, ерѣи, диакони въ чесцѣи земли урѣди. Но въ словѣнско-хорватскихъ церковныхъ книгахъ (мисалахъ и бревіаріяхъ), рукописныхъ и печатныхъ, память свв. Кирилла и Меѳодія праздновалась не 9 марта, а 14 февраля, т. е. въ день кончины Кирилла, и 6 апрѣля, т. е. въ день кончины св. Меѳодія. Въ нѣкоторыхъ бревіаріяхъ есть, вмѣсто чтеній (историческаго содержанія) латинскаго происхожденія, выписки изъ пространнаго словѣнскаго житія св. Кирилла, о посольствѣ моравскаго князя „Ратислава къ цѣсару Михаилу“, объ изобрѣтеніи „словиньскаго письма“ и переводѣ книгъ, о распространеніи ихъ въ Моравѣ, объ устройствѣ духовенства, „иже словиньскимъ гласомь и ѣзикомь служби богу вздаѣли бише“, и о кончинѣ Кирилла въ Римѣ. Это указываетъ на знакомство Хорватовъ съ словѣнскими памятниками, которые могли къ нимъ перейдти прямо изъ Панонiи (Угріи) *).

Такимъ образомъ въ XIV-мъ в. возобновлено, благодаря чешской церкви, чествованіе свв. апостоловъ Кирилла и Меѳодія у югозападныхъ, католическихъ Славянъ. Ихъ память праздновалась 9 марта, что перенесено недавно на 5 іюня **). Между тѣмъ у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ чествованіе обоихъ славянскихъ апостоловъ существовало съ X-го вѣка. Изъ давна Болгаре, Сербы и Русскіе читали житія, пространныя и прологи. обоихъ апостоловъ, знакомясь съ ихъ дѣятельностью въ Панонiи и въ Моравіи и съ ихъ борьбой съ латинскими епископами

*) Berčić: Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu sv. Ćirila i Metuda, Mesić въ сб. Tisućnica; срв. соч. Воронова и Sborník Velehradský I. 182.

**) См. выше стр. 20 и 79.

за словѣнскій языкъ; изъ давна въ церквахъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ 14 февраля и 6 апрѣля (позже и 11 мая) въ службахъ прославлялись свв. Кириллъ и Меѳодій, учители словѣньска языка, которые просвѣтили всю славянскую землю, „на въстоцѣ и западѣ, сѣверѣ и юзѣ, прѣлагаѩ на словѣньскꙑи ꙗзыкъ отъ гръчьскаaго законъ Господьнь; тѣмъ нынѣ радуѭть сѧ словѣньсти народи, Мисиꙗ (Болгарія) и землꙗ Моравьскаꙗ и Паноньскаꙗ чьстьно тѣло Меѳодиꙗ имѫщи, великаaго пастырꙗ Словѣномъ и прѣмѫдраaго обратьника свѧтыимъ буквамъ. Разгнаноѥ ѥретикꙑ стадо ваю съхраните въ вѣрѣ правовѣрьнѣи". А 14 февраля и католики Хорваты вспоминали о свв. Курилѣ и Метудіи, дикѣ (гордости) словѣньскимъ ерѣомъ, учителяхъ книги словиньские, въ чесцѣи земли и въ Моравѣ. Наконецъ и Чехи, Поляки и другіе католическіе Славяне въ 9 день марта прославляли свв. патроновъ Цирила и Метудія, пришествію которыхъ обрадовалась tota gens Bohemorum въ Моравіи и въ Чехіи, которые missas et divina officia in lingua slavonica decantabant, quod quidem in partibus slavonicis ad haec tempora observatur; св. Метудій (Метудѣй, Методѣй) крестилъ чешскаго князя Боривоя и его супругу Людмилу cum tota gente Bohemorum, предсказавши князю, quod si fidem Christi assumeret, ipse et sui successores majores omnibus principibus linguae slavonicae fierent, quod verifice est impletum usque in hodiernum diem, quia principes et reges Bohemiae majores sunt totius linguae slavonicae. А въ чешско-моравскихъ и въ польскихъ церквахъ чествовались свв. Цирилъ и Метудій какъ апостолы и патроны, обратившіе Чеховъ и Поляковъ ad credulitatem fidei christianae. Въ легендахъ же на языкахъ латинскомъ и чешскомъ, Чехи и Поляки читали не только о крещеніи Моравянъ и Чеховъ, но и Болгаръ, и о томъ, какъ sv. Quirillus boží słužbu słovenským jazykem zřiedił, a všeckno písmo starého i nového zákona słovensky přełožił, a ten pořád ve słovenských vłastech držie až do dnešnieho dne.

Въ чешской церкви праздновалась память св. Войтѣха и Яна Гуса, въ польской — св. Станислава, въ словенской св. Мохора (Гермагора), въ хорватско-далматской — св. Іеронима и Дуйма, въ сербской—св. Савы, въ болгарской св. Іоанна Рыль-

скаго, въ русской—св. Сергія. Но хоругви этихъ мѣстныхъ святителей, на западѣ хоругви чешская и польская, на югѣ словенская и хорватская, сербская и болгарская, на востокѣ русская—всѣ онѣ добровольно преклоняются передъ величественною *славянскою* хоругвью свв. Кирилла и Меѳодія, апостоловъ и учителей *всѣхъ Славянъ*.

Дѣятельность свв. апостоловъ Кирилла и Меѳодія описана въ ихъ пространныхъ и краткихъ житіяхъ, словѣнскихъ, греческихъ, латинскихъ и чешскихъ, которыми воспользовались и лѣтописцы и другіе писатели, прибавляя по своему усмотрѣнію разныя свои выдумки, и, разумѣется, не заботясь объ исторической критикѣ. Пространныя житія говорили о дѣятельности обоихъ апостоловъ въ Панонін и Моравіи, отъ части и у южныхъ Ляховъ (Вислянъ), другія житія о дѣятельности Меѳодія въ Чехіи. Но этого было для другихъ Славянъ мало; всѣ Славяне хотѣли быть крестниками и учениками любимыхъ своихъ апостоловъ. Въ Болгаріи уже въ XI-мъ в., и тѣмъ болѣе позже, стали утверждать, что свв. апостолы окрестили Словѣнъ или Болгаръ, перевели священныя книги на языкъ словѣнскій или болгарскій, что св. Кириллъ былъ Болгаринъ, распространялъ христіанство въ Болгаріи и въ македонско-словѣнской Брѣгальницѣ, да что онъ Богомъ посланъ именно для крещенія Болгаръ, князей болгарскихъ и тоже Десиміра моравскаго. Разсказъ о крещеніи Болгаръ свв. апостолами, особенно Кирилломъ, распространился рано, въ XI—XII-ыхъ вв., на Русь, къ адріатическимъ Славянамъ и къ Чехамъ. Но и адріатическіе Славяне („Словине" хорватско-сербскіе) уже въ XII-мъ вѣкѣ представляли себѣ главною областью дѣятельности философа Константина свое „словинское" королевство (т. е. хорватско-сербскую Далмацію); здѣсь, въ государствѣ словинскаго короля Святополка Константинъ устроилъ-де словинскія или хорватскія книги. И такъ моравскій князь Святополкъ измѣнился въ югославянской лѣтописи Діоклейскаго попа въ словинскаго короля Далмаціи, а въ Болгаріи онъ принялъ другое сербско-болгарское имя Десиміръ, являясь вмѣстѣ съ болгарскими князьями, именно съ Радивоемъ, Коцелъ же, князь Блатенскій въ Панонін, названъ кня-

земъ Лѣшкимъ. Подобно тому въ позднѣйшей передѣлкѣ пространнаго житія св. Константина, сдѣланной въ XVП-мъ въ юго-западной Руси, Святополкъ названъ княземъ Моравскимъ, Туровскимъ и всей Россіи; перенесеніе Святополка на Русь имѣетъ извѣстную связь съ разсказомъ объ изобрѣтеніи русскаго письма св. Константиномъ, и съ позднѣйшими изъ польскихъ хроникъ почерпнутыми сказаніями о господствѣ Святополка на Руси *).

Чешскіе лѣтописцы, и по нимъ польскіе, разсказывали разныя подробности о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, о введеніи словѣнскаго (славянскаго) языка въ богослуженіи у западныхъ Славянъ. Одинъ Длугошъ вспомнилъ объ этомъ вкратцѣ но вѣрно, придерживаясь русской лѣтописи, которая почерпнула свое извѣстіе изъ панонскихъ житій. Другіе лѣтописцы, чешскіе и польскіе, смѣшивали исторію съ своими фантазіями; и эти ихъ разсказы переходили, посредствомъ польскихъ (особенно хроники и космографіи М. Бѣльскаго), тоже на Русь и оттуда и къ южнымъ Славянамъ. Такимъ образомъ фантастическій разсказъ чешскихъ лѣтописцевъ Пулкавы и Гайка о крещеніи чешскаго князя Боривоя перешелъ въ Польшу, на Русь и въ Сербію: Боривой крещенъ-де Грекомъ Кирилломъ (по Гайку Црготою), въ слѣдствіе внушенія Святополка моравскаго короля, который въ то время владѣлъ и русскою землею; у него-де были однажды въ гостяхъ Боривой чешскій, Семовитъ польскій и русскій бояринъ, а Святополкъ съ русскимъ бояриномъ были воспріемниками Боривоя. Съ тѣхъ поръ „въ Чехахъ обѣдня словенскимъ языкомъ уставлена была отъ епископа Кирилла и Меѳодія брата его“ **).

*) Можетъ быть, что моравскій Святополкъ и дѣйствительно княжилъ въ части прикарпатской Руси. Срв. Петрушевича Извѣстіе о введеніи христіанства въ прикарпат. странахъ во времена свв. Кирилла и Меѳодія (1882).

**) Русск. переводъ хроники и космографіи М. Бѣльскаго (1670—1671 гг.), Исторія вкратцѣ о Бохоме—о земле ческой (рукоп. Имп. публ. Библ.), сербскій хронографъ Верхо-Брезницкій XVII-го вѣка (изъ библ. Шафарика издалъ І. Иречекъ).

Съ введеніемъ христіанства восточнаго въ Чехіи и въ Моравіи свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ связывали чешскіе гуситы (утраквисты и братья) важный символъ своей церкви, причащеніе подъ обоими видами, утверждая, что этотъ общій гуситскимъ Чехамъ и восточной православной вѣрѣ обычай существовалъ у Чеховъ со временъ св. Цирила или Црги до возникновенія гуситства *). Въ такомъ смыслѣ пишутъ Билеёвскій, Яфетъ, Странскій, Коменскій и др. писатели XVI—XVII вв., и въ 1525 г. чешскіе утраквистскіе послы говорили папскому легату, что св. Црга, епископъ моравскій и чешскій, выпросилъ у папы разрѣшеніе для Чеховъ причащенія подъ обоими видами **).

Западные Славяне католики, имѣя подъ руками только латинскіе источники римско-католическаго происхожденія и не зная словѣнскихъ, утверждали, что свв. Кириллъ и Меѳодій были чистѣйшіе католики, признававшіе римскаго папу, и что они съ его разрѣшенія ввели словѣнскій языкъ въ богослуженіе въ Чехіи и въ Моравіи ***). Западные Славяне, зная этотъ фактъ, не знали подробностей этого важнаго событія, не знали борьбы за словѣнское богослуженіе противъ притязаній латинскаго духовенства. Все это лучше знали православные Славяне, Русскіе, Болгаре и Сербы, по своимъ словѣнскимъ источникамъ. Посредствомъ Польши Русскіе, въ XVI—XVII вв., познакомились тоже съ литературой латинскою и польскою, и, пользуясь своими памятниками словѣнско-русскими и сочиненіями латинско-польскими, они не довольствовались уже разсказами

*) Срв. о томъ выше (стр. 43) упомянутую статью Васильева.

**) Bartošova Kronika pražská (XVI-го в.) стр. 182.

***) Въ XVI-омъ в. въ Моравіи предполагали, что мощи свв. Кирилла и Меѳодія находятся въ Римѣ; по этому епископъ Оломуцскій, Стан. Павловскій, хлопоталъ о возвращеніи ихъ въ Моравію. „Ossa divorum Cyrilli et Metudii episcoporum sacra, qui fidem catholicam primi in marchionatu nostro Moraviæ docuerunt, Romæ delitescere accepimus“—говоритъ императоръ и король чешскій Рудольфъ въ своемъ письмѣ папѣ Григорію XIII (12-го ноября 1580). Письмо (изъ Ватикан. архива) сообщилъ Ѳ. Вержбовскій въ чеш. журн. Koleda 1881, р. 285.

своей простой лѣтописи и разныхъ житій (Кирилла и Меѳодія, Людмилы, Вячеслава) о введеніи христіанства у Славянъ, а пользовались тоже источниками латинскими, польскими и чешскими. На основаніи своихъ источниковъ русскіе писатели утверждали, что и у западныхъ Славянъ введено было христіанство съ востока, по православному, греческому исповѣданію. Такимъ образомъ свв. Кириллъ и Меѳодій и ихъ дѣятельность у западныхъ Славянъ, сдѣлались уже рано предметомъ споровъ между Славянами католиками и православными. Послѣ введенія уніи одной части русской церкви съ Римомъ, русскіе уніаты присоединились и въ этомъ вопросѣ къ католикамъ, и зная лучше словѣнско-русскіе памятники, вторили Славянамъ католикамъ и въ полемикѣ относительно дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. Разумѣется, что во всѣхъ этихъ литературныхъ произведеніяхъ нечего искать научной критики.

О существованіи словѣнскаго богослуженія у западныхъ Славянъ во времена свв. Константина и Меѳодія и въ послѣдующемъ за тѣмъ столѣтіи хорошо знали на Руси. Фактъ преслѣдованія и вытѣсненія словѣнскаго богослуженія изъ западнославянскихъ странъ былъ, по всей вѣроятности, и на Руси извѣстенъ, хотя не во всѣхъ подробностяхъ, какъ это могли знать Болгаре, по греческому житію св. Климента, одного изъ прогнанныхъ учениковъ Меѳодія. Въ XV-мъ в. на Руси это истребленіе словѣнскгаго богослуженія приписывали пражскому латинскому епископу Войтѣху. „Константинъ научи Мораву и Ляхы и Чехы и прочая языки и вѣру утвръди въ нихъ правую *), и книги

*) „Правовѣрную“ въ одной рукоп., „православную“ въ другой, что означаетъ одно и тоже самое. Слово „православный“— буквальный переводъ греческаго слова ὀρθόδοξος, и противуставится слову λατῖνος; по этому вселенскій патріархъ говоритъ (въ 1371 г.) о польскомъ королѣ Казимірѣ, что онъ οὐκ' ὀρθόδοξος καὶ τῆς ἡμετέρας πίστεως, ἀλλὰ λατῖνος. По примѣру византійскихъ царей и цари болгарскіе называются уже въ X-омъ в. православными (въ словѣ Косьмы о Богомилахъ), и царь Константинъ Тѣхъ говоритъ о многихъ „православныхъ“ или „правовѣрныхъ“ государяхъ греческихъ, бол-

написавъ русьскымъ языкомъ. Потомъ же многомъ лѣтомъ минувшимъ пришедъ Войтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, раздруши вѣру правую и русьскую грамоту отвръже, а латинскую вѣру и грамоту постави, и правыя вѣры епископы и попы исъсѣче а другыа разгна, и иде въ прусскую землю хотя и тѣхъ въ вѣру привести, и тамо убьенъ бысть Войтѣхъ латинскый пискупъ". А въ XVII-мъ вѣкѣ на южной Руси прибавили еще, что „не токмо Муравляне, Чехи, Козари, Карвати, Серби, Болгари, Ляхи, и земля Мунтяньская, вся Далматіа и Діоклитіа, и Волохи быша Русь, словянскимъ языкомъ и письмомъ Бога хвалиша, вѣру греческую держаша, но и король Вгерскій вѣру греческую держалъ" *).

Въ разгарѣ полемики по поводу уніи между православными и уніатскими Русскими Смотрискій утверждалъ, что Святополкъ моравскій принялъ греческую вѣру отъ Меѳодія а также чешскій князь Боривой, и позже—черезъ чешскую княжну Дубравку—

гарскихъ, сербскихъ; „православный соборъ" болгарскій 1210 г. осудилъ Богомиловъ, „православный соборъ" сербскій 1349 г. поставилъ сербскій законникъ; по болгар. и серб. прологу XIV-го в. Кириллъ и Меѳодій учили „православнѣи вѣрѣ"; въ началѣ XV в. въ Сербіи думали, что чешскіе гуситы близки къ православію (см. стр. 56); въ началѣ XVIII в. сербскій патріархъ Арсеній обращается ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Черной Горѣ и въ Герцеговинѣ, и пр. Западно-русскіе епископы называютъ себя (въ 1415 г.) „православными", а это слово употребляетъ западно-русское духовенство и въ русскихъ и въ польскихъ сочиненіяхъ (см. стр. 68, 84). Даже самъ папа и одинъ польскій іезуитъ называютъ восточную церковь „православной" (см. стр. 69 и 84). Названіе „католической" принадлежитъ не одной церкви западной, а тоже восточной; кіевскій ученый Копыстенскій написалъ соч. „Палинодія или книга обороны каѳолической святой апостольской всходней церкви" (1621), и кіевскій митрополитъ П. Могила соч. „Ὀρθόδοξος Ὁμολογία, сирѣчь Православное Исповѣданіе каѳолическія и апостольскія церкве восточныя" (Москва 1696), и пр.

*) Приписка къ житію св. Константина (Чтенія 1863, II. стр. 31), хронографъ 1494 г., Копыстенскій: Палинодія стр. 996. Срв. Бодянскій: О времени происх. слав. письменъ, стр. 109 и LXIII.

и польскій Мѣшко; Копыстенскій тоже утверждалъ, что первоначально всѣ Славяне приняли христіанство изъ Греціи, отъ части уже изъ рукъ Константина и Меѳодія, „а что ся ткнетъ Моравы, Чехъ, Угровъ и Ляховъ, хто бы ихъ окрестилъ и научилъ вѣры отъ початку, повѣдаю, же были окрещены отъ епископовъ грецкихъ, и вѣры научены не иншей, ено той, которую и нынѣ церковь всходняя вызнаваетъ", какъ это видно изъ польскаго Кромера, изъ житій обоихъ апостоловъ и св. Людмилы, дочери сербскаго князя; Чеховъ крестили сербскіе священники, а у Ляховъ истребилъ православіе Войтѣхъ. Уніатъ Креуса и др. указывали на то, что словѣнское богослуженіе Кирилла и Меѳодія разрѣшено папой, и что, стало быть, Славяне имѣютъ его изъ Рима, а не изъ Царьграда. На это разрѣшеніе папы ссылался и уніатскій митрополитъ Рутскій, защищая словѣнское богослуженіе въ уніатской Руси противъ нападеній латинской іерархіи; вѣдь уже папа Адріанъ особой жалованной грамотой разрѣшилъ словѣнское богослуженіе славянскимъ апостоламъ свв. Кириллу и Меѳодію, память которыхъ чествуется не только на Руси но и въ Великой Польшѣ въ Гнѣзненской епархіи *).

Кириллъ и Меѳодій—личности всѣмъ Славянамъ въ высшей степени симпатичныя. Всѣ Славяне безъ различія вѣроисповѣданія, православные, уніаты, католики, гуситы, протестанты, съ рѣдкимъ въ славянскомъ мірѣ единодушіемъ, считаютъ ихъ своими апостолами, учителями, просвѣтителями; всѣ хотятъ быть ихъ учениками, не только тѣ, которые исповѣдуя православную вѣру восточную сохранили ихъ достояніе—словѣнское письмо и богослуженіе, но тоже Славяне западные, католики и протестанты. Всѣ Славяне смотрятъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ на дѣятельность обоихъ своихъ просвѣтителей въ дунайскихъ областяхъ, всѣхъ ихъ тянетъ въ завѣтную Панонію, въ ту „мать и колыбель славянскихъ народовъ", откуда

*) Гарасевичъ: Annales ecclesiæ Ruthenæ, 294.

по древнимъ преданіямъ русскимъ, польскимъ и чешскимъ, вышли разные народы славянскіе. Всѣ Славяне хотѣли бы, чтобъ эта Панонія принадлежала имъ всѣмъ, а Святополкъ былъ не только княземъ Великой Моравы, а тоже княземъ словинско-далматскимъ (хорватско-сербскимъ), болгарскимъ и русскимъ, чтобъ письмо изобрѣтенное св. Кирилломъ было не только „словѣнское", а тоже болгарское, сербское, хорватское, русское.

Многіе Славяне производили себя отъ подунайскихъ Словѣнъ, и разсказывали, какъ они разошлись съ береговъ Дуная на востокъ и на западъ, на сѣверъ и на югъ. Давно миновали тѣ времена, когда еще „бѣ единъ языкъ словѣнескъ, Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, Морава, Чеси, Ляхове и Русь, Хровате, Серебь и Хорутане". Давно уже „разидеся словѣнескъ языкъ", и очень многое разъединило Славянъ въ послѣдующихъ за тѣмъ вѣкахъ. Дѣятельность и память свв. Кирилла и Меѳодія единитъ разошедшихся и разъединенныхъ братьевъ; они сходятся подъ примиряющимъ и соединяющимъ ихъ священнымъ знаменемъ своихъ великихъ просвѣтителей, которое становится *національнымъ знаменемъ всѣхъ Славянъ*, и можетъ для многихъ стать якоремъ спасенія.

Но не было суждено этому знамени братьевъ Солунянъ „какъ звѣзда посылать свои лучи отъ запада до востока и сѣвера и юга, какъ заря просвѣщать всѣ земли на востокѣ и западѣ и сѣверѣ и югѣ"; ему суждено было „какъ молнія просвѣтить всю землю сѣверную и южную", но „западнымъ свѣтъ незаходимъ" не явился. Черныя тучи провожали всю свѣтлую и благодатную дѣятельность Константина и Меѳодія на западѣ, и скоро послѣ кончины архіепископа Панонско-Моравскаго, разразились страшною грозою: держава и идея великаго Ростислава на славянскомъ западѣ погибли, и тріязычники восторжествовали. Исполнилися ихъ грозныя слова: Sclavi sive velint sive nolint, regno nostro subacti erunt!

„Разгнанное тріязычниками стадо" понесло знамя своихъ великихъ учителей на славянскій югъ, и здѣсь его высоко держали Симеоны болгарскіе и Стефаны сербскіе, здѣсь его берегъ, на сколько могъ, и народъ хорватскій. Нагнулось это

знамя и на славянскомъ югѣ; но счастливо схвачено оно славянскимъ востокомъ и спасено на святой Руси. Здѣсь оно водружено уже св. равноапостольнымъ Владиміромъ въ томъ Корсунѣ, гдѣ Константинъ въ первый разъ услыхалъ русскую рѣчь и увидалъ русскія книги; оно, съ помощью славянскаго юга, поднято повсюду на Руси, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ; оно помогло Руси въ разгромленіи Татаръ, и водружено въ Поволжьѣ и въ центральной Азіи, въ бывшихъ владѣніяхъ козарскаго кагана и арабскаго халифа, гдѣ уже тысячелѣтіе тому назадъ Константинъ „словесною силою" защищалъ христіанство противъ еврейскаго и магометанскаго міровъ. Славянское знамя свв. Кирилла и Меѳодія съ символомъ: Симъ побѣдиши, высоко держимое сильной рукой нашей славянской Руси, гордо развѣвается по всему славянскому востоку на славу намъ; оно осѣняетъ и освѣжаетъ пробуждающійся отъ мертваго сна славянскій югъ, призывая уготовать путь Господень и правы творить стези его. А надъ строющимся подъ своимъ священнымъ знаменемъ какъ „соборъ многъ зѣло" славянскимъ міромъ —будто слышится тихая предсмертная молитва великаго его просвѣтителя Кирилла:

Вѣрьноѥ твоѥ стадо съхрани, иꙁбави ѥ отъ вьсѩкыѩ ꙁлобы, погоуби триѩꙁычьнѫѭ ѥресь, и вьсѧ въ ѥдинодоушиѥ съвъкоупль сътвори иꙁрѧдьны люди. Оустрои ѩ сильноѭ твоѥѭ десьницеѭ, покрывай ѩ кровъмь крилоу твоѥю, да вьси хвалѧтъ имѧ твоѥ, Отьца и Сына и свѧтааго Доуха въ вѣкы.

І. Первольфъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПОПЫТОКЪ
РѢШЕНІЯ ВОПРОСА ОБЪ
ЕДИНОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКѢ У СЛАВЯНЪ.

...Языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова.—

Разидеся Словѣньскій языкъ: тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симь бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.

А Словѣнескъ языкъ и Рускый единъ...

(*Лѣтопись Нестора*).

Исторія европейской цивилизаціи мало можетъ указать столь свѣтлыхъ и великихъ дѣятелей, каковы были просвѣтители Славянъ—святые братья Кириллъ и Меѳодій. Если въ общей исторіи христіанской церкви эти проповѣдники истины Христовой среди Славянъ могутъ быть сравниваемы съ величайшими подвижниками, миссіонерами Христіанства среди язычниковъ, то въ исторіи культуры трудно указать равныхъ имъ гигантовъ, просвѣтительная дѣятельность которыхъ оставила бы столь великіе слѣды. Святые Кириллъ и Меѳодій не только насадители Христіанства среди Славянъ-язычниковъ,—они величайшіе дѣятели въ исторіи развитія Славянскаго самосознанія и охранители Славянской самобытности. Со времени дѣятельности святыхъ братьевъ-Солунцевъ можно начинать исторію Славянъ какъ политическую, такъ и литературную. Въ то время, когда проповѣдь Христіанства, шедшая къ Славянамъ изъ Рима чрезъ посредство Нѣмцевъ,

всегда имѣла скрытыя заднія цѣли амальгамировать народы, отнявъ у нихъ и языкъ, и надежды на національное, особное развитіе, въ то время, когда Западъ ширилъ христіанскія истины среди народовъ огнемъ и мечемъ, святые Кириллъ и Меѳодій съ востока несли къ Славянамъ мирную проповѣдь вѣры и любви на ихъ языкѣ.

Проповѣдуя Славянамъ слово Божіе на Славянскомъ же языкѣ, понятномъ даже по истеченіи тысячелѣтія всѣмъ Славянскимъ разновидностямъ, святые Кириллъ и Меѳодій положили начало идеѣ литературнаго единства Славянскихъ народностей, столь разъединенныхъ между собою въ дальнѣйшей своей исторіи.

Единство церковное, насажденное ими у Славянъ, не удержалось, не сохранилась единая церковная книга, данная Первоучителями Славянамъ, не сохранился и языкъ ея, вызванный къ культурной жизни великими проповѣдниками истины Христовой среди Славянъ. Немного прошло времени послѣ ихъ кончины, какъ Славяне раздѣлились по своей религіи между Византіей, сохранившей чистоту христіанскихъ ученій, и Римомъ, уклонившимся отъ преданій и ученій первоначальной Христовой церкви. Всѣ тѣ Славянскія народности, которыя подпали подъ господство Римской церкви, скоро забыли о Славянскомъ богослуженіи Кирилла и Меѳодія и единомъ языкѣ Славянской книги. Ничѣмъ не связанныя между собою, раздѣленныя поселившимися среди нихъ чуждыми Славянамъ народностями, эти Славяне оказались слабыми и въ борьбѣ за сохраненіе своей самостоятельности какъ политической, такъ и духовной. Проповѣдь Христіанства, шедшая по благословенію Ватикана, несла къ Славянамъ требованье отречься отъ самихъ себя въ пользу чужой народности, не славянской. Такъ гибли многочисленныя племена Полабскихъ Славянъ, на костяхъ которыхъ основаны величіе и сила нынѣшней Германской Имперіи,—такъ и въ наше время медленно, но постепенно отчуждаются отъ Славянской семьи и гибнутъ Славяне на нѣкоторыхъ окраинахъ, сливаясь то съ Нѣмцами, то съ Мадьярами, то съ Итальянцами. Римъ, внеся мечъ въ Славянскую жизнь, посѣялъ разладъ между Славянскими

народностями, а его претензіи на исключительное господство въ мірѣ должны были отразиться и на отношеніяхъ Славянъ между собою. Тамъ, гдѣ теперь сойдутся близко двѣ славянскія народности, хотя бы чрезвычайно тѣсно связанныя между собою по крови и по языку, но различныя по вѣроисповѣданію, происходитъ борьба между ними и теперь. Таковы, напримѣръ, отношенія между Хорватами - католиками и Сербами - православными. Отождествленіе вѣроисповѣданія съ народностью ведетъ ко многимъ раздорамъ въ Славянской семьѣ и замѣчается въ наше время лишь у Славянъ: стоитъ лишь православному Сербу стать католикомъ или католику Хорвату принять православіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнить свое народное имя, хотя съ перемѣной вѣроисповѣданія не произошло перемѣнъ ни въ языкѣ, ни въ одеждѣ, ни въ обычаяхъ...

Въ полномъ разнообразіи Славянской жизни, кажется, не осталось ничего такого, что предвѣщалобы возможность полнаго возврата славянства къ совершенному объединенію во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая народность жила своею особою жизнью, подвергалась различнымъ испытаніямъ и превратностямъ судьбы, была лишена прочныхъ связей съ остальными Славянскими народностями. Но сознаніе общеплеменнаго единства жило у Славянъ всегда, такъ сказать, въ народныхъ инстинктахъ, и можно указать въ исторіи Славянъ отдѣльные моменты, свидѣтельствующіе, что Славянскія народности по временамъ поддерживали связи другъ съ другомъ, а болѣе энергичные и идеальные умы старались проникнуть въ глубь грядущихъ вѣковъ и отгадать формы даже политическаго объединенія Славянъ. Если древнѣйшіе славянскіе лѣтописцы и хронисты указываютъ на единство происхожденія всѣхъ Славянъ, то въ позднѣйшія времена Славянскія народности въ трудные моменты своей исторической жизни обращали свои взоры съ надеждою на помощь къ болѣе счастливымъ своимъ родичамъ. Сербская народная пѣсня отсылаетъ въ Россію посохъ св. Саввы Неманича и крестовое знамя царя Лазаря, павшаго въ роковой для Сербскаго царства битвѣ съ Турками на Косовомъ полѣ, а хорватскій католическій священникъ Юрій Крижаничъ убѣждаетъ царя Алексѣя Михай-

ловича освободить юго-Славянъ отъ Турецкаго ига... Мысль о возможности политическаго объединенія всего Славянства возникла подъ вліяніемъ печальныхъ историческихъ событій въ жизни Славянской семьи и можетъ быть поэтому названа сравнительно новою и недавнею.

Но иной источникъ и иное значеніе имѣетъ мысль объ единствѣ литературнаго языка у Славянъ. Она можетъ быть названа завѣтомъ святыхъ Славянскихъ Апостоловъ, дошедшимъ и сохраненнымъ до нашего времени, не смотря на потерю единства церковнаго. Общеславянскій характеръ языка, на которомъ проповѣдывалось Славянамъ Евангеліе, служитъ всему Славянству великимъ указаніемъ, къ чему Славяне должны стремиться, если въ самомъ дѣлѣ имъ суждено играть видную роль въ исторіи міровой цивилизаціи. Мысль о томъ, что это единство было когда-то, какъ было и единство религіозное,—укоръ новому Славянскому міру, несохранившему завѣщаннаго ему церковнаго единства.

И такова сила ученія и завѣтовъ св. Кирилла и Меѳодія, что тамъ, гдѣ Славяне остались имъ вѣрны и сохранили кирилло-меѳодіевскую литургію, тамъ сохранили они и свою политическую мощь. На нашихъ глазахъ возродились для политической самостоятельности два Славянскихъ народа, сохранившихъ въ жизни и въ церкви завѣты славянскихъ Апостоловъ. Тѣсно связанные съ Россіей и русскимъ народомъ единствомъ вѣры и книги, эти народности—Сербская и Болгарская—обязаны своимъ воскрешеніемъ по преимуществу тому, что ихъ національная самобытность охранялась уже тѣмъ, что они имѣли свою службу въ церкви на языкѣ Кирилла и Меѳодія и избѣгли деспотической власти Романо-Германской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти народности многимъ обязаны Русскому государству и народу за свое воскрешеніе для политической самостоятельной жизни, но самая помощь Россіи и подъемъ и сила духа Сербовъ и Болгаръ, поддерживавшіе ихъ при всевозможныхъ испытаніяхъ, которымъ подвергла ихъ печальная судьба, проистекали оттого, что преданія кирилло-меѳодіевской проповѣди хранились у нихъ, какъ драгоцѣнная святыня, и сохраняли ихъ отъ отреченія

отъ самихъ себя во имя кажущагося превосходства другихъ народовъ.

Извѣстно, что теперь почти каждая вѣтвь Славянъ имѣетъ свою литературу и свой литературный языкъ. Кромѣ Русской литературы существуютъ: Польская, Чешская, Лужицкая съ двумя языками верхнихъ и нижнихъ Лужичанъ, Словацкая, Хорватская и Сербская, Болгарская, Словенская. Но Славянскихъ нарѣчій, на которыхъ пишутъ, еще болѣе: такъ малорусское нарѣчіе заявляетъ свои странныя требованія на отдѣльное отъ общерусскаго развитіе въ литературѣ, у Кашубовъ издаются нѣкоторыя книги на ихъ нарѣчіи и т. д. Это центробѣжное стремленіе у Славянъ соотвѣтствуетъ всей прошедшей исторіи Славянства, разъединеннаго и политически, и духовно, но рядомъ съ нимъ все сильнѣе и сильнѣе сказывается другое—центростремительное, ведущее къ единству Славянъ въ отношеніи дѣятельности на культурномъ и литературномъ полѣ. Развитіе литературы на мѣстныхъ языкахъ различныхъ Славянскихъ племенъ не представляетъ и не можетъ представить помѣхи для осуществленія идеи единства литературнаго языка произведеній, выходящихъ за исключительные предѣлы нуждъ одной какой либо Славянской народности; ибо одно то обстоятельство, что эти литературы служатъ интересамъ одной лишь народности, и что въ громадномъ большинствѣ онѣ лишь *теперь* вырабатываютъ свой литературный языкъ изъ живой народной рѣчи, указываетъ на ограниченныя цѣли мѣстныхъ литературъ и на ихъ безсиліе служить міровымъ задачамъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, предлежатъ Славянству въ его цѣломъ. Литературный языкъ, лишенный историческихъ основъ, хотя бы вырабатывался и талантливыми дѣятелями, не имѣетъ за собою историческаго прошлаго, которое даетъ ему устой и силу. Славянскія нарѣчія, въ большинствѣ новички въ литературѣ, не могутъ имѣть ни внутренней, ни внѣшней силы на столько, чтобы представить большій интересъ, чѣмъ тотъ, который питаютъ къ нимъ спеціалисты, изучающіе Славянство. Они безсильны привлечь къ себѣ міровое вниманіе, ибо ни сами по себѣ, ни народности и государства, представителями которыхъ они

являются, не представляютъ выдающейся силы, которая могла бы повліять на европейскій міръ.

Всѣ великіе патріоты, установители типа литературнаго языка у Славянъ имѣли въ виду лишь мѣстныя нужды и потребности и шли на встрѣчу лишь теченіямъ даннаго времени. Въ этомъ отношеніи заслуга сербскаго писателя Вука Караджича, установившаго типъ языка новой Сербской литературы, основывая его на правилѣ: пиши, какъ говоришь, имѣетъ значеніе лишь временное и случайное. Какъ ни высоко Сербами цѣнится его дѣятельность, какъ ни велики его заслуги для Сербской народности, но своею реформою Сербскаго литературнаго языка онъ лишилъ его исторической почвы и обрекъ Сербскую литературу на весьма ограниченный кругъ дѣйствій. О другихъ новыхъ Славянскихъ лутературахъ, какъ Словенской, Словацкой и др., нечего и говорить. Признавая за ними заслуги въ исторіи развитія тѣхъ племенъ, интересамъ которыхъ онѣ служатъ, мы не можемъ однако не замѣтить, что эти литературы мелочны и не вызываютъ никакого вниманія за предѣлами Славянскаго міра.

Попытки выйти за тѣсные предѣлы литературныхъ интересовъ отдѣльныхъ племенъ въ Славянскомъ мірѣ начались уже давно. Замѣчательно, что всѣ эти попытки, найти общеславянскій языкъ, дѣлались Славянами, живущими внѣ Россіи, и по преимуществу западными, сильнѣе всего чувствующими свою обособленность въ европейскомъ мірѣ, и потому ранѣе и сильнѣе другихъ сознавшими необходимость найти единство въ разнообразіи Славянскомъ.

Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ рѣшался до сихъ поръ двояко: одни старались выработать искусственный языкъ, навязавъ условныя формы тому типу языка, который долженъ былъ играть роль общеславянскаго, другіе находили выходъ изъ затруднительнаго положенія Славянской раздробленности лишь въ томъ, чтобы всѣ Славяне приняли одинъ изъ живыхъ Славянскихъ языковъ за общій литературный для удовлетворенія высшихъ потребностей Славянской культурной жизни.

Исторія попытокъ создать искусственный общелитературный языкъ для Славянъ начинается со времени Юрія Крижанича, который впервые уяснилъ общія задачи Славянства и изложилъ ихъ въ извѣстной послѣдовательности и цѣльности. Если до Юрія Крижанича въ произведеніяхъ Славянскихъ писателей мы можемъ отмѣтить нѣкоторыя мѣста, свидѣтельствующія о сознаніи Славянскаго единства, какъ напр. у Далматинскихъ поэтовъ, то лишь въ сочиненіяхъ этого замѣчательнаго человѣка находимъ впервые полную систему взглядовъ, систему, которая въ извѣстномъ отношеніи лишь развивалась позднѣйшими панславистами.

Юрій Явканица Крижаничъ Неблюшскій родился въ 1617 году въ одномъ изъ городковъ Загребской жупаніи. Поступивъ въ духовное званіе, онъ сначала учился въ Загребской духовной Семинаріи, а затѣмъ былъ посланъ въ Вѣну въ тогда лишь основанную тамъ Хорватскую Семинарію. Это было около 1638 года. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Болонью, гдѣ изучалъ юридическія науки, а затѣмъ въ Римъ, гдѣ поступилъ въ уніатскую коллегію св. Анастасія. Здѣсь онъ познакомился съ церковнославянскимъ языкомъ и сблизился съ извѣстнымъ дѣятелемъ по исправленію глаголическихъ богослужебныхъ книгъ Рафаиломъ Леваковичемъ. Въ Римѣ въ эту пору были нерѣдки гости изъ Русской земли, особенно западныхъ и южныхъ ея областей, въ которыхъ тогда ревностно распространялась унія, и Крижаничъ, познакомившись съ этими дѣятелями уніи, узналъ и русскій языкъ. Сталкиваясь съ русскими людьми, онъ долженъ былъ слышать разсказы о русскомъ народѣ, объ его вѣроисповѣдныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Еще въ Римѣ Крижаничъ былъ назначенъ по распоряженію загребскаго епископа Винковича—канonикомъ въ Загребѣ, но впослѣдствіи былъ лишенъ этого мѣста, такъ какъ все время оставался въ Римѣ, откуда онъ совершилъ путешествіе по Италіи. Такъ прошло 15 лѣтъ. Къ этому времени относится нѣсколько замѣчательныхъ его трудовъ, изъ которыхъ видно, что онъ сильно занимался вопросомъ о раздѣленіи церквей и раздорѣ между Римомъ и Византіей. Въ 1657 г. Крижаничъ ѣздилъ во Флоренцію

и Венецію, узнавъ, что тамъ гоститъ русское посольство: онъ уже окончательно рѣшилъ отправиться въ Русскую землю, въ Славянскую свободную страну съ великимъ значеніемъ въ будущемъ. „Днеска единъ русскій удѣлъ, по Божьей милости, говоритъ онъ въ сочиненіи, изданномъ подъ заглавіемъ: „Русское государство“ въ 1860 г. профессоромъ П. А. Безсоновымъ, обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу, „живетъ подъ тобою Царемъ и Государемъ своего языка, а остальны всѣ Словенцы есуть подвержены чужимъ народомъ“.

Съ цѣлью удобнѣе перебраться въ Россію, Юрій Крижаничъ отправился въ Вѣну, откуда въ 1658 г. онъ, вслѣдъ за посольствомъ русскимъ, возвращавшимся изъ Италіи въ Москву, чрезъ Польшу поѣхалъ въ Русскую страну. Въ началѣ 1659 г. онъ былъ во Львовѣ и вскорѣ затѣмъ, проѣхавъ чрезъ Малороссію, гдѣ онъ засталъ смуты, отправился въ Москву. Вслѣдствіе какихъ-то до сихъ поръ достаточно неразъясненныхъ обстоятельствъ онъ въ 1661 г. былъ сосланъ въ Тобольскъ. Причиной этой ссылки, вѣроятно, была его страстная и необыкновенно дѣятельная природа. Въ Москвѣ въ это время происходили оживленные религіозные споры, вызванные исправленіемъ книгъ церковныхъ и дѣломъ патріарха Никона. На сколько можно судить изъ сочиненій Крижанича, писавшаго опроверженіе на извѣстную челобитную Соловецкихъ монаховъ, онъ не могъ равнодушно относиться къ событіямъ въ русской церкви того времени, вѣроятно, вмѣшавшись въ споръ, вооружилъ противъ себя тогдашнихъ правителей, подозрительно относившихся къ католическому священнику, пришедшему въ Россію во время самого разгара церковныхъ смутъ.

Въ ссылкѣ Крижаничъ провелъ 15 лѣтъ. Онъ не разъ обращался съ просьбою къ царю о помилованіи и просилъ царя Алексѣя Михайловича перевести его въ Соловецкую обитель, но его просьбы не доходили до государя. Въ 1676 году онъ обратился съ новою просьбою къ царю Ѳедору Алексѣевичу и, получивъ помилованіе, отправился въ Москву. Въ благодарственномъ посланіи къ Государю Ѳедору Алексѣевичу и привѣтствіи „на счастливое его государское вѣнчаніе“, Юрій Крижаничъ,

уже слабый и старый, по его словамъ, предлагаетъ перевести на русскій языкъ политику Аристотеля для пользы русскаго государства. Имѣются указанія, что онъ былъ въ Москвѣ въ Ноябрѣ 1676 г. *), но затѣмъ нѣтъ рѣшительныхъ свѣдѣній о мѣстѣ его кончины.

Католическій священникъ, хорватъ по происхожденію, воспитанникъ Рима и католическихъ замысловъ на православныя страны, Юрій Крижаничъ первый задумалъ о возможности создать одинъ общій Славянскій языкъ на основѣ тогдашняго книжнаго русскаго. Въ предисловіи къ сочиненію „Русское Государство", онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его придти на Русь, было его намѣреніе исправить „Словенскій нашъ языкъ", который извращенъ, смятенъ и оскверненъ и почти въ конецъ испорченъ вліяніями другихъ языковъ. Для этой цѣли онъ намѣренъ былъ составить „добрую" грамматику и лексиконъ, какъ необходимыя книги для установленія правильнаго литературнаго языка.

Грамматика Крижанича названа въ оглавленіи предисловія „Граматично изказанје об Руском језику". Предисловіе къ ней, или, какъ его называетъ Крижаничъ, Предговорје—объясняетъ цѣли его труда и взгляды на общеславянскій языкъ. Прежде всего онъ останавливается на вопросѣ, какъ назвать тотъ языкъ, грамматику котораго онъ пишетъ. „Ошибочно, говоритъ онъ, называть нашъ этотъ языкъ *Словинскимъ* (т. е. Славянскимъ), такъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ долженъ быть названъ Рускимъ". „Когда-то, продолжаетъ онъ, было шесть королевствъ и до сихъ поръ существуетъ шесть племенъ (шестеро људство) и сообразно съ этимъ шесть болѣе извѣстныхъ язычныхъ *отминъ* (нарѣчій) въ нашемъ народѣ: это Русскіе, Ляхи, Чехи, Болгаре, Сербы и Хорваты". Что касается трехъ послѣднихъ, то онъ ихъ зоветъ общимъ именемъ *Словинцевъ* или *Задунайцевъ*. Но между всѣми этими шестью народностями и именами,

*) Строевъ. Библіологическій Словарь и черновые къ нему матеріалы, стр. 61. По записи видно, что Крижаничъ 4 Ноября 1676 г. взялъ рубль милостыни у патріарха въ Москвѣ.

по мнѣнію Крижанича, „зачально јест льудство јме Руско“, всѣ же остальныя народности произошли отъ Русскихъ и потому ихъ имена моложе Русскаго имени и неизвѣстны древнимъ писателямъ. Говоря о раздѣленіи Славянъ на племена, Юрій Крижаничъ утверждаетъ, что лишь случайно имя *Славяне* стало болѣе извѣстно и распространено у древнихъ писателей, особенно греческихъ, чѣмъ имя *Русское*. Крижаничъ выводитъ изъ русскихъ предѣловъ Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, когда-то называвшихся общимъ именемъ „Словинци“, а также и Ляховъ, Моравамъ и Чеховъ, основавшихъ свои государства. „Становито јест, говоритъ онъ въ концѣ этого отдѣла, јеже Руско племе и јме јест осталним всим вершина и кореника“.

Утвердивъ такимъ образомъ общее имя Славянъ въ названіи *Русскіе*, Крижаничъ замѣчаетъ, что ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ Русскую „отмину“ плодомъ „Словинской отмины“, но Словинская, Чешская и Ляшская отмины—чада Русскаго языка. Отсюда, по его мнѣнію, и тотъ языкъ, который употреблялся въ литературѣ того времени, не можетъ быть называемъ Славянскимъ, но *русскимъ* книжнымъ или древнимъ. Причины этого, указываемыя Крижаничемъ, слѣдующія: 1) это нарѣчіе—корень (кореника) остальнымъ пяти или шести славянскимъ нарѣчіямъ и потому, „безъ сомнѣнія“, принадлежитъ самому старому поколѣнію—Русскимъ; во 2) этотъ книжный языкъ значительно болѣе похожъ на обычный русскій языкъ, чѣмъ какое нибудь изъ остальныхъ Славянскихъ нарѣчій. Тутъ Крижаничъ ссылается въ доказательство на тѣ главы своего „Граматичнаго изказанія“, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ отличія русскаго языка отъ сербскаго и хорватскаго.

Исходя изъ той мысли, что языкъ не можетъ достаточно развиться тамъ, гдѣ нѣтъ политической жизни, и что литературное развитіе языка происходитъ въ самостоятельныхъ политическихъ организмахъ, Крижаничъ отмѣчаетъ, что ни одна славянская народность не имѣла въ эту пору самостоятельнаго сильнаго государства. Существуетъ лишь одно русское государство, говоритъ онъ, а остальныя народности подпали подъ власть „Нѣмцевъ, Вугровъ, Влаховъ и Турковъ“. Они потеряли, кто

треть, кто половину реченій своего отечественнаго языка, и всякій день теряютъ что нибудь, замѣчаетъ онъ. О Польскомъ государствѣ и о польской литературѣ онъ здѣсь не упоминаетъ, такъ какъ это было время начала упадка Польши и концентрированія Русскаго государства. Крижаничъ могъ хорошо понимать значеніе перваго сейма, сорваннаго liberum veto въ Варшавѣ въ 1651 г., и подчиненія Богдана Хмѣльницкаго Московскому государству. Югославянскій патріотъ, призывавшій царя освободить славянъ балканскихъ отъ Турокъ, видѣлъ, что Польша того времени безсильна совладать съ Турками, какъ это вскорѣ и оказалось при заключеніи Бучацкаго мира въ 1672 г., по которому къ Туркамъ отошли даже Подолія и Украйна, а сама Польша обязалась платить дань Турціи. Въ Польскомъ языкѣ Крижаничъ видѣлъ слишкомъ обильные слѣды нѣмецкаго вліянія и относился къ нему вообще очень недружелюбно.

Желая уяснить читателямъ высказанную имъ мысль, Крижаничъ дѣлаетъ краткій отзывъ о положеніи языка у различныхъ славянскихъ народностей. У Болгаръ нечего искать, говоритъ онъ, ибо тамъ такъ „изгубльен" языкъ, что отъ него едва ли остается слѣдъ. У Ляховъ половина словъ взята изъ другихъ различныхъ языковъ,—Крижаничъ имѣлъ здѣсь въ виду латинизмы и германизмы тогдашней польской рѣчи. У Чеховъ—языкъ чище, чѣмъ ляшскій, хотя и онъ также не мало загрязненъ. А Сербы и Хорваты такъ потеряли свою дѣдовскую рѣчь, что кромѣ домашняго дѣла, не могутъ имъ пользоваться для какого нибудь болѣе важнаго сочиненія: кто-то о нихъ замѣтилъ, говоритъ Крижаничъ, что Хорваты и Сербы говорятъ на всѣхъ языкахъ, но ничего не могутъ сказать, ибо у нихъ одно слово русское, другое—венгерское, третье—нѣмецкое, четвертое—турецкое, пятое—греческое или волошское, или албанское.

Но Крижаничъ—патріотъ Хорватъ и даже подъ вліяніемъ мѣстнаго патріотизма своей родины. Поэтому онъ спѣшитъ прибавить, что не смотря на всѣ примѣси въ Хорватскомъ языкѣ, тамъ соблюдаются правильныя ударенія, грамматическія правила, чистое изглашеніе чужихъ словъ, и образъ рѣчи нигдѣ такъ не близокъ „къ древнему и коренному" русскому языку, какъ

именно у Хорватовъ, особенно живущихъ въ небольшомъ уголкѣ, около рѣкъ Купы и Вуны, въ уѣздѣ Дубовца, Озля и Рыбника,— откуда онъ самъ былъ родомъ. Причину того, почему тамъ сохранились болѣе древнія формы и особенности языка, онъ находитъ въ томъ, что во время турецкихъ нападеній и при взятіи „хорватской столицы" города Бихача, туда, въ горныя мѣста удалились Хорватскіе и Сербскіе бояре. Тамъ то сохранился болѣе чистый языкъ, ибо благодаря гористой мѣстности и рѣкамъ, тамъ нѣтъ проѣзжихъ и торговцевъ иноземныхъ, а слѣдовательно иностранцы не могутъ вредно вліять на чистоту рѣчи. Извѣстно, что Крижаничъ обвинялъ Славянъ въ *ксеноманіи*, т. е. особенномъ пристрастіи къ чужеземному и любви къ подражанью и заимствованіямъ.

Вліяніемъ иноземнымъ Крижаничъ объясняетъ то, что и въ русскомъ языкѣ, по его мнѣнію, *сдвинуто съ мѣста* „изриканіе и граматично правило", но что касается лексическаго состава языка, то онъ у русскихъ всего лучше и чище, что объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что языкомъ государственнымъ въ Россіи—языкъ народа. Иного мнѣнія Крижаничъ о нарѣчіяхъ русскаго языка. Бѣлорусское нарѣчіе ему представляется искаженнымъ и со стороны лексической, и со стороны синтаксической, благодаря вліянію Польскаго языка. Подобный же отзывъ онъ дѣлаетъ о Кіевскихъ книгахъ, полныхъ такихъ искаженій и „мерзостей", которыхъ нельзя читать безъ омерзенія и возбужденія желудка къ рвотѣ... Бѣлорусы подражаютъ во всемъ Ляхамъ, говоритъ Крижаничъ, а такъ какъ Ляшское нарѣчіе испорчено примѣсью различныхъ языковъ, то неудивительно, что Бѣлорусы черпая изъ загрязненнаго источника, не могутъ „дать намъ чистаго питья".

Но и самый переводъ церковныхъ книгъ не представляется Крижаничу чистымъ вслѣдствіе внесенія Греческихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Въ Грамматикѣ Крижаничъ помѣстилъ цѣлый отдѣлъ „о порчѣ языка" (отд. 14, стр. 153—171), въ которомъ указываетъ на заимствованія словъ изъ греческаго, на излишнюю точность въ переводѣ словъ греческихъ сложныхъ сложными же, несвойственными русско-славянскому языку, на

синтаксическія особенности греческаго языка, внесенныя въ славянскій, благодаря переводамъ, и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній Крижанича могутъ быть оправданы и приняты современною наукою о языкѣ.

Человѣкъ жизни и политической дѣятельности Хорватскій панславистъ XVII вѣка не считалъ вопросовъ грамматическихъ, вопроса о чистотѣ языка и стиля—столь важными, чтобы изъза нихъ возможенъ былъ расколъ въ церкви, очевидцемъ котораго онъ былъ. Онъ, сводя въ систему свои двадцатилѣтнія размышленія объ исправленіи языка, хотѣлъ содѣйствовать успокоенію народныхъ ссоръ и возстановленію мира въ русской церкви. Но онъ имѣлъ въ то же время и болѣе широкія задачи въ виду. Сожалѣя о томъ, что, живя въ удаленіи отъ образованныхъ людей и въ изгнаніи, онъ не могъ составить словаря, столь необходимаго для опредѣленія лексическаго богатства языка, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ протеръ „ледъ неудобія“ послѣдующимъ поколѣніямъ. Вся его задача сводится къ тому, чтобы установить правила русскаго книжнаго языка, который онъ нашелъ въ тогдашней русской церковно-славянской письменности, приспособивъ его къ употребленію всеславянскому. Обращаясь къ читателю въ особомъ предисловіи (ко чтительем предопоминок), Крижаничъ проситъ его не удивляться этому способу письма и „говоренія“, ибо онъ пишетъ такимъ языкомъ, который, какъ онъ надѣется, будетъ понятенъ Русскимъ, Словинцамъ (т. е. Югославянамъ), Ляхамъ и Чехамъ. Онъ старался, по его словамъ, избирать формы словъ и выраженія, общія большинству нарѣчій, „дабы от всих било разумльно“.

Такимъ образомъ Крижаничъ искалъ общеславянскаго языка въ русскомъ книжномъ языкѣ XVII вѣка, стараясь лишь установить типъ общихъ формъ, примѣнительно разумѣнію всѣхъ остальныхъ Славянъ, съ языками которыхъ онъ былъ болѣе или менѣе знакомъ. Въ это время еще не возникало вопроса о древне-Славянскомъ языкѣ, и въ церковнославянскомъ языкѣ русской книги видѣли типъ обще-Славянскаго древняго языка. Исправители и издатели католическихъ глаголитскихъ церковныхъ книгъ въ XVII и даже XVIII вѣкахъ, Леваковичъ, Пастричъ

и Караманъ, искали въ русскихъ церковныхъ книгахъ образца и указаній для своихъ трудовъ по возстановленію чистоты древняго языка. Поэтому нисколько неудивительно, что для Крижанича понятія языкъ *русскій* и языкъ *Славянскій* или, какъ онъ называетъ, *Словинскій* — тождественны, ибо онъ видѣлъ въ тогдашнемъ языкѣ церковной русской книги не уклоненіе отъ типа Славянскаго языка, ему совершенно неизвѣстнаго, но основной Славянскій языкъ, сохраненный въ русскомъ народѣ и нашедшій обработку въ русской литературѣ. Эта мысль соотвѣтствовала его теоріи о происхожденіи всѣхъ Славянъ изъ Руси, и ему поэтому казалось возможнымъ, лишь исправивъ языкъ русской книги, сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ Славянъ и общимъ для всѣхъ Славянскихъ народностей.

Мнѣніе о русскомъ языкѣ, какъ самомъ древнемъ среди Славянскихъ языковъ и нарѣчій, было вообще распостранено среди Славянъ. Югославянскій писатель XV вѣка Константинъ Костенскій въ своемъ сочиненіи о правописаніи говоритъ, между прочимъ, что переводчики священнаго писанія, „добріи они и дивніи мужи", избрали для этой цѣли „роушькый" языкъ, въ помощь которому прибѣгали къ заимствованіямъ изъ болгарскаго, сербскаго, боснійскаго словенскаго, чешскаго и хорватскаго. Какъ ни „смѣшными", по мнѣнію покойнаго Даничича,*) кажутся мнѣніе и доказательства Константина философа, на которыхъ онъ опирается, разъясняя свою мысль, но несомнѣнно одно, что и въ то раннее время, когда русскій народъ лишь начиналъ собираться въ одно сильное государство, и когда русская словесность не могла еще оказывать никакого вліянія на Юго-Славянъ, мысль о русскомъ языкѣ, какъ древнѣйшемъ и самомъ чистомъ, уже существовала среди Славянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эта мысль о значеніи русскаго языка, какъ общеславянскаго, легко воскресла въ послѣдствіи и находила своихъ защитниковъ въ средѣ славянскихъ патріотовъ, не говоря уже о томъ, что печальная политическая судьба Славянъ должна была указывать имъ на Русское государство, которое

*) Starine, I, 13.

могло доставить имъ опору и защиту въ ихъ трудной долѣ. „Граматично изказанје“ Юрія Крижанича представляетъ первую попытку теоретическаго осуществленія мысли объ общеславянскомъ языкѣ. Онъ рядомъ сравненій съ болѣе извѣстными ему славянскими языками, особенно же пользуясь своимъ роднымъ нарѣчіемъ, сдѣлалъ попытку создать искусственный литературный языкъ.

Юрій Крижаничъ всю русскую азбуку свелъ къ 25 знакамъ или „словамъ“, какъ онъ называетъ буквы, согласно съ сербской грамматической терминологіей; изъ нихъ 24 знака кирилловскихъ и одинъ знакъ j, которому Крижаничъ придаетъ особенное значеніе, взять изъ латиницы. Кромѣ этихъ знаковъ онъ оставилъ еще, по его выраженію, двѣ „двојгласницы“—ѧ, въ значеніи *я*, и *ѣ*.

Знаку *ѣ*, звукъ котораго онъ объясняетъ стяженіемъ *і* и *е*, онъ отводитъ весьма ограниченное мѣсто, употребляя вмѣсто него почти всегда въ корняхъ словъ хорвато-далматинскую замѣну этого звука—*и*, какъ напр. онъ пишетъ: гриховъ, ричей, вриме и т. д.

Не вдаваясь въ критическій разборъ грамматическаго труда Юрія Крижанича, мы однако замѣтимъ, что самое распредѣленіе матеріала по грамматическимъ рубрикамъ въ этомъ „Изказаніи“ представляется для своего времени довольно оригинальнымъ. Такъ онъ довольно пространно останавливается на суффиксахъ и образованіи словъ, особенно именъ существительныхъ. Перечисляя образовательные слоги, Крижаничъ старается опредѣлить общій смыслъ слова, придаваемый ему тѣмъ или другимъ суффиксомъ, и распредѣляетъ суффиксы по рубрикамъ значеній. Говоря объ именахъ существительныхъ, Крижаничъ раздѣляетъ ихъ на собственныя и нарицательныя (властита и общена),—далѣе по группамъ разнообразныхъ значеній, отмѣчая суффиксы этихъ именъ: такъ имена лицъ дѣйствующихъ, или—по его выраженію, *особна разнита,* образуются при помощи суффиксовъ ач, тель, лец, лник, нец, ник, ар и т. д. Для своего времени эти замѣчанія и классификація формъ языка имѣли особенную важность и свидѣтельствовали какъ о подгото-

вленности Крижанича къ грамматическимъ трудамъ, такъ и о наблюдательности надъ формами русскаго языка, составомъ русскихъ словъ и общими явленіями славянскихъ нарѣчій.

Крижаничъ, не имѣя свѣдѣній о Старославянскомъ языкѣ, не могъ, конечно, достаточно выяснить себѣ многихъ явленій въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Непонятное ему или неправящееся явленіе въ языкѣ онъ осуждалъ и прямо отбрасывалъ. Такъ польскіе носовые звуки для него были странны, а потому казались ему и ненужными, ибо онъ не зналъ значенія славянскихъ юсовъ. Онъ очевидно считалъ возможнымъ установить одинъ языкъ при помощи соглашенія въ употребленіи тѣхъ или другихъ формъ и словъ. Подобный взглядъ приводитъ его къ особому пріему: онъ часто указываетъ тѣ или другія употребительныя формы и затѣмъ, отрицая ихъ или называя никуда негодными, предлагаетъ замѣны, пользуясь чаще всего хорватскимъ языкомъ, т. е. своимъ роднымъ нарѣчіемъ. Особенно странными кажутся ему особенности Польскаго языка, въ которомъ онъ находитъ такъ много заимствованій изъ различныхъ чужихъ языковъ, преимущественно изъ нѣмецкаго, что въ немъ мало осталось подобія на этотъ общеславянскій языкъ.

Находясь подъ вліяніемъ своего роднаго нарѣчія, онъ часто отдаетъ предпочтеніе особенностямъ хорвато-сербскихъ говоровъ и считаетъ частныя ихъ свойства явленіями общеславянскими. Такъ, онъ считаетъ неправильными формы: милость, казнь, соль, требуя ихъ замѣны діалектическими формами: милост, казен, сол. То что считаетъ Крижаничъ ошибочнымъ или неудобнымъ, онъ называетъ обезъянщиной, кметщиной,—подъ послѣднимъ терминомъ онъ разумѣетъ употребленіе архаизмовъ,—и безящиной (отъ хорватскаго Безјак,—о людяхъ коверкающихъ рѣчь).

Такое отношеніе къ живому слову, которое не можетъ терпѣть на себѣ путъ, придуманныхъ грамматистомъ, а не вытекающихъ изъ самой природы языка, конечно, не могло повести къ выводамъ научнымъ и обязательнымъ для Славянскихъ языковъ. Въ результатѣ получился языкъ уродливый, такъ сказать Русско-хорвато-сербскій, лишенный именно того, что дѣлаетъ его точнымъ и легкимъ, яснымъ и живымъ.

Хотя попытка Крижанича создать общеславянскій языкъ путемъ искусственнаго смѣшенія формъ и лексическаго состава была неудачна, но приведенная въ связь съ его политическими и гражданскими идеями и мечтами, она въ высшей степени замѣчательна. Она свидѣтельствуетъ какъ о глубокомъ взглядѣ хорватскаго патріота-Славянина, пришедшаго „къ царю своего языка“, на прошлое Славянства, такъ и о томъ, что въ то время, когда, казалось, Славянство находилось въ самомъ печальномъ положеніи и клонилось къ полному упадку, лучшіе умы славянскіе на западѣ, прозрѣвая въ будущее, провидѣли на дальнемъ востокѣ складывающуюся въ крѣпкое и стройное государство великую славянскую силу. Въ XVII вѣкѣ,—въ этомъ вѣкѣ переворотовъ въ славянскомъ мірѣ, въ вѣкъ Бѣлогорской битвы въ Чехіи, смутнаго времени и эпохи самозванцевъ въ Россіи, данничества Польши Турецкому падишаху, самаго полнаго господства Турокъ, доходившихъ до Вѣны, надъ Сербами и Болгарами,—общеславянскія идеи и мечты Крижанича о литературномъ объединеніи Славянъ могутъ быть названы плодомъ геніальнаго духа, высоко парившаго надъ дѣйствительностью и неспускавшагося съ этой высоты даже вслѣдствіе тѣхъ бѣдствій и неудачъ, которыя постигли ихъ творца.

Попытка создать одинъ общеславянскій языкъ смѣшеніемъ нарѣчій была повторена въ текущемъ столѣтіи Словакомъ Яномъ Геркелемъ и Словенцемъ Матіей Маяромъ Цильскимъ.

Янъ Геркель, бывшій адвокатомъ въ Пештѣ, напечаталъ въ Будимѣ въ 1826 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta (Budae 1826). „Развитіе языка можетъ быть общественное или логическое“ (Cultura linguae alia potest esse civilis, alia logica) говоритъ онъ. „Общественно обрабатывается языкъ, употребляясь въ общественной жизни, и чѣмъ разнообразнѣе его употребленіе, тѣмъ онъ болѣе общественно обрабатывается. Но общественной обработки языка не слѣдуетъ искать у ученыхъ людей, а въ живомъ употребленіи;—напрасно выдумываетъ слова ученый, если эти слова не въ обычномъ употребленіи“. Далѣе онъ высказываетъ совершенно справедливую

мысль, что разнообразіе занятій народа, а также и количество жителей вліяютъ на развитіе языка. Но онъ смѣшиваетъ особенности нарѣчій, возникшія отъ живаго развитія языка, съ „дурными привычками", которыя вошли во всѣ Славянскіе языки и отъ которыхъ нужно освободить общеславянскій языкъ „логическими комбинаціями". Въ своей пробѣ общеславянскаго языка онъ показалъ, что даетъ перевѣсъ своему родному нарѣчію — Словацкому, какъ видно изъ образца, приведеннаго въ статьѣ о всеславянскомъ языкѣ профессора Гатталы.

Послѣдняя попытка создать искусственнымъ путемъ общеславянскій языкъ была сдѣлана въ шестидесятыхъ годахъ Матіей Маяромъ Цильскимъ. Этой его попыткѣ предшествовала другая: именно-попытка объединить югославянскіе языки подъ названіемъ „иллирійское нарѣчіе" и создать общее правописаніе.

Если литературное объединеніе всѣхъ Славянъ представляется трудно исполнимымъ и для его достиженія требуется побороть много самыхъ разнообразныхъ препятствій, то казалось бы, что это частичное объединеніе нѣкоторыхъ болѣе близкихъ между собою племенъ и народностей болѣе возможно и не представляетъ непреоборимыхъ препятствій, но оказывается, что и оно было возможно лишь отчасти между двумя, при томъ наиболѣе родственными, народностями.

Почти въ то время, когда Словаки стали заявлять свои требованія на самостоятельность въ литературѣ и отдѣленіе своего литературнаго языка отъ Чешскаго, на югѣ Австріи у Хорватовъ возникаетъ идея такъ называемаго хорватскаго *иллиризма*. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Людовита Гая. Съ конца 1834 года Людовитъ Гай сталъ издавать политическую газету Novine Horvatzke, а съ начала 1835 г. и прибавленіе къ нимъ подъ именемъ: Danica ilirska, какъ общее заглавіе къ частному: Danica horvatska, Slavonska i Dalmatinska. Языкъ кайкавскій и правописаніе были еще старыя, но въ 1836 г. Гай принялъ сербо-хорватское нарѣчіе, имѣвшее свое богатое прошедшее въ Далматинской литературѣ, языкомъ ново-хорватской литературы. Въ то же время онъ усвоилъ хорватской письменности и ороографію съ діакритическими знаками. Старое имя

Иллировъ должно было объединить всѣ разнообразныя племена и употреблялось до 1843 г., когда австрійское правительство увидѣло въ этомъ названіи политическую опасность для цѣлости государства, и когда поэтому оно замѣнилось терминомъ: Юго-славяне.

Людовитъ Гай въ объявленіи о своихъ изданіяхъ въ 1840 г. приравниваетъ терминъ *иллирскій* языкъ, подъ которымъ онъ разумѣетъ нарѣчія Хорватовъ, Сербовъ, Вендовъ (Словенцевъ), Далматинцевъ, Босняковъ и др., къ названію *итальянскій* языкъ, подъ именемъ котораго понимаются нарѣчія: венеціанское, ломбардское и т. д., равно какъ термину *славянскіе* языки соотвѣтствуетъ терминъ *романскіе* языки.

Окончательное же соглашеніе между Хорватами и Сербами относительно выбора одного нарѣчія для литературы и единства въ правописаніи состоялось въ 1850 г., при чемъ было заключено нѣчто въ родѣ формальнаго договора, который подписали Кукулевичъ-Сакцинскій, Димитрій Деметеръ, Иванъ Мажураничъ, Вукъ Караджичъ, Винко Пацель, Францъ Миклошичъ, Стефанъ Пеяковичъ и Юрій Даничичъ.

Такимъ образомъ состоялось полное соглашеніе относительно выбора нарѣчія для сербо-хорватской литературы, но Словенцы-кайкавцы не примкнули къ этому договору, хотя нѣкоторые изъ видныхъ писателей хорватскихъ и были по происхожденію Словенцы (Станко Вразъ). Нельзя при этомъ не замѣтить, что многіе Словенцы-патріоты старались ближе держаться въ своемъ языкѣ формъ и стиля хорвато-сербскаго литературнаго языка, какъ напр. Янъ Блейвейсъ, „отецъ словенскаго народа“, какъ его называли въ Крайнѣ, въ своихъ Novicah.

Впослѣдствіи возникала нерѣдко мысль о привлеченіи и болгарской нарождающейся словесности къ этому союзу юго-славянъ въ единомъ литературномъ языкѣ, предполагалось даже изданіе одного для этихъ нарѣчій словаря, но эти попытки пока не привели ни къ чему.

Но не смотря на достигнутое объединеніе въ литературномъ языкѣ двухъ чрезвычайно близкихъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ славянскихъ народностей, въ Юго-славянскомъ мірѣ

живо сознавалась потребность отыскать начала, на которыхъ моглобы произойти литературное объединеніе всѣхъ Славянъ. Да и хорвато-сербское литературное объединеніе не можетъ быть названо полнымъ, ибо Сербовъ и Хорватовъ раздѣляетъ азбука. Это сознаніе звучитъ и въ слѣдующихъ словахъ Людовита Гая: „Всякій просвѣщенный иллиріецъ нашего времени долженъ знать кирилловскую азбуку, какъ нашу настоящую старинную собственность, которою въ старыя времена пользовались наши прадѣды одной и другой церкви, и которую Иллиры восточной церкви сохранили нетронутой подъ славнымъ отдѣльнымъ сербскимъ именемъ не только для себя, но и для насъ. Абецеда принадлежитъ всей Европѣ, а слѣдовательно и намъ; азбука же исключительно наша: что же намъ можетъ мѣшать пользоваться одной и другой, правою и лѣвою рукою, если намъ и та, и другая необходимо нужны: одна ближе къ сердцу, такъ какъ она наша, другая ради обширнаго иностранства" *). Казалось бы, что изъ того разсужденія Гая, что азбука спеціально „наша", т. е. и Хорватовъ, вытекало бы, что слѣдуетъ именно и принять ее для хорватской письменности, но оказывается, что принята абецеда „ради обширнаго иностранства", измѣненная лишь по чешскому образцу.

Мысль о примѣненіи кириллицы къ азбукѣ общеславянской имѣетъ свою довольно длинную исторію. Мы видѣли, что Юрій Крижаничъ примѣнилъ кириллицу къ своему общеславянскому языку. Въ новѣйшее время мысль о введеніи кирилловской азбуки въ ея „гражданскомъ" видѣ во всѣ славянскія литературы сказалась всего раньше и сильнѣе у Чеховъ. Принятіе кириллицы для чешской письменности такъ или иначе связывалось съ вопросомъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ и представлялось одною изъ важнѣйшихъ ступеней въ его разрѣшеніи. Чехъ Ярославъ Пухмайеръ или Пухмиръ (1769—1820), католическій священникъ сначала въ Прахатицахъ,

*) Seljan. Početak, napredak i vrědnost Literature Ilirske. U Zagrebu. 1840, стр. 52.

а затѣмъ въ Рудницѣ, еще въ 1805 г. напечаталъ въ Прагѣ небольшое сочиненіе: „Pravopis Rusko-česky", въ которомъ предлагаетъ писать по чешски русскою азбукою. Во второмъ изданіи этой книги, вышедшемъ въ 1851 году, приложены нѣкоторые образцы этого письма. Онъ съумѣлъ обойтись для чешскаго языка русскимъ алфавитомъ, не прибавляя къ нему ни новыхъ буквъ, ни надстрочныхъ значковъ и предлагая лишь для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ сочетанія буквъ и обозначеніе чешской долготы. Такъ чешское ř онъ обозначалъ *рь*, чешское ů— знакомъ о́. Книжка Пухмайера въ свое время привлекла всеобщее вниманіе виднѣйшихъ славянскихъ ученыхъ. Копитаръ, мечтавшій объ основаніи славянской Академіи въ Вѣнѣ, въ своихъ письмахъ къ Добровскому въ 1809 и 1810 гг. побуждалъ его составить общую славянскую азбуку и орѳографію для всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Но Добровскій отнесся отрицательно къ этимъ планамъ Копитара, который въ письмѣ отъ 9 Декабря 1820 г. къ Добровскому уже не придаетъ такого значенія этой Академіи, и объявляетъ, что безъ общаго алфавита для Славянъ мысль объ Академіи неосуществима. Въ письмѣ къ Копитару отъ 1 Декабря 1810 г. Добровскій выражаетъ сомнѣніе въ возможности принятія русской гражданки для обозначенія звуковъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, но онъ очевидно имѣетъ тутъ въ виду и мысль о созданіи одной литературы у Славянъ. По его мнѣнію, предложеніе о введеніи общей латинской орѳографіи имѣло бы больше успѣха. „Славянскій самодержецъ здѣсь бы больше сдѣлалъ, чѣмъ ученое народное собраніе", говоритъ Добровскій, отвѣчая Копитару на его мечты о славянской Академіи въ Вѣнѣ. Это согласно съ общимъ взглядомъ Добровскаго на вопросъ о возможности литературнаго объединенія Славянъ; свои сомнѣнія о томъ, чтобы можно было „соединить славянскія нарѣчія, между собою различныя, въ одинъ письменный языкъ" онъ выразилъ въ 1809 г. въ статьѣ, посвященной разбору словаря Линде, въ Annalen der Literatur und Kunst *).

*) Brandl. Život Josefa Dobrovského. стр. 140.

Событія 1848 года вновь возбудили въ средѣ Славянъ, особенно западныхъ, мысль о средствахъ для достиженія литературнаго единства. Тенденціи Франкфуртскаго парламента вызвали сильную агитацію нѣмцевъ въ Чехіи и естественно способствовали живому возбужденію среди Славянъ мысли о славянскомъ единствѣ. Первое реальное проявленіе этой мысли въ политической жизни особенно западныхъ Славянъ былъ Славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. Въ Прагѣ было издано воззваніе къ Славянамъ за подписью многихъ виднѣйшихъ ученыхъ и дѣятелей какъ Шафарикъ, Палацкій, Ганка, Миклошичъ и др. Съѣздъ состоялся, и Славяне убѣдились, что взаимное пониманіе и общеніе между ними было возможно лишь на нѣмецкомъ языкѣ. Но на этомъ съѣздѣ не было русскихъ, ибо присутствіе эмигранта Бакунина никакъ не можетъ быть объяснено такъ, что и русскіе принимали участіе въ этомъ съѣздѣ Славянъ.

Естественно, что именно въ это время переворотовъ въ Австріи должна была сильнѣе проявиться мысль о необходимости отъискать болѣе реальную основу для сближенія Славянъ между собою, чѣмъ это было до сихъ поръ. Вопросъ о кирилловской азбукѣ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій выступилъ по этому теперь на видное мѣсто. Послѣ втораго изданія Pravopisa русско-чешскаго Пухмайера (1851 г.) сильный толчекъ этому вопросу данъ былъ Ѳ. И. Іезберой, который въ 1856 г. послалъ чешское стихотвореніе, написанное сербско-русскою кириллицею въ редакцію сербскаго журнала Седмица. Въ 19 № этого журнала за 1856 г. оно было напечатано и остановило на себѣ вниманіе сербскихъ читателей журнала, такъ какъ показалось по языку имъ понятнымъ. Всѣ замѣтили, что одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ ступеней на пути къ общеславянскому литературному объединенію—введеніе одной азбуки для всѣхъ славянскихъ нарѣчій и при томъ кириллицы, какъ вполнѣ приспособленной къ выраженію славянскихъ звуковъ и созданной спеціально для Славянъ. Даніилъ Медаковичъ, редакторъ журнала Седмица, и Матія Маяръ въ словенской газетѣ Novice отозвались на эту пробу примѣнить кириллицу къ чешской орѳогра-

фіи и указывали, что одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, ведущихъ къ единенію Славянъ въ литературѣ,—единство азбуки и орѳографіи. Матія Маяръ предлагалъ Словенцамъ изучать кириллицу и пробовалъ примѣнить ее къ своему родному нарѣчію. Навыкъ въ новой орѳографіи долженъ былъ идти, конечно, постепенно. Онъ считалъ принятіе Хорватами и Словенцами кириллицы вмѣсто латиницы—главнымъ и первымъ средствомъ къ сближенію между югославянскими литературами. „Не вѣрьте предразсудкамъ людей, взывалъ онъ, непріязненно расположенныхъ къ этому дѣлу, сѣющихъ по злобѣ или по невѣжеству сѣмена раздора и несогласія между братскими племенами. Будемъ больше обращать вниманія на то, что насъ соединяетъ, чѣмъ на то, что насъ дѣлитъ другъ отъ друга“ *).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ во всѣхъ славянскихъ странахъ раздавались болѣе или менѣе благопріятные отзывы о предложеніи примѣнить кириллицу къ письму всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Одинъ Хорватъ Филипповичъ предложилъ, чтобы предстоящее торжество тысячелѣтія въ 1863 г. Кирилла и Меѳодія было освящено со стороны Хорватовъ принятіемъ кирилловскихъ письменъ взамѣнъ латиницы.

Ѳ. И. Іезбера не переставалъ дѣйствовать въ разъ принятомъ направленіи. Въ 1860 г. онъ издалъ брошюру: „o pismenech všech slovanských národův“, а въ 1861 г. обратился съ отрытымъ письмомъ ко всѣмъ священникамъ, учителямъ и знатокамъ славянскихъ нарѣчій по поводу предстоящаго празднованія тысячелѣтія Кирилла и Меѳодія и предлагалъ принять кирилловскій алфавитъ въ примѣненіи къ чешскому языку. Наконецъ въ 1865 г. онъ издалъ первую чешско-словацкую азбуку славянскаго письма (Prvni česko-slovenský slabikař pismem slovanským). Для убѣжденія на примѣрѣ онъ съ 1862 г. изда-

*) Нилъ Поповъ: Вопросъ объ общеславянскомъ письмѣ. Соврем. Лѣтоп. 1865 г. Мы пользовались чешскимъ переводомъ статьи Urbanka (v Praze 1868 г.).

валъ въ Прагѣ журналъ *Словѣнинъ*, въ которомъ съ успѣхомъ примѣнялъ кирилловскій алфавитъ къ чешскому нарѣчію.

Къ этому же времени относится и патріотическая дѣятельность Матіи Маяра Цильскаго. Въ 1848 г. онъ напечаталъ книгу, въ которой предлагалъ правила для примѣненія кириллицы къ „иллирійскому" нарѣчію (Pravila kako izobraževati Ilirsko narečje i uobče slavenski jezik). Выражая во введеніи мысль, что всѣ славянскіе языки и нарѣчія должны сближаться взаимно но не отдѣляться другъ отъ друга внесеніемъ чужихъ элементовъ и развитіемъ особенностей народнаго выраженія въ литературномъ языкѣ, онъ говоритъ, что цѣль его сочиненія объяснить, какимъ образомъ нужно письменно сблизить иллирійскія нарѣчія: словенское, хорватское, сербское такъ, чтобы они постепенно объединились между собою. Въ 1850 г. въ изданной имъ словенской грамматикѣ Матія Маяръ указываетъ средства литературнаго сближенія Словенцевъ съ остальными югославянами. Онъ уже тогда имѣлъ въ виду изданіе общеславянской азбуки.

Воспоминаніе о протекшемъ тысячелѣтіи со времени Кирилла и Меѳодія и изобрѣтенія славянской азбуки оживили старанія создать почву для общеславянскаго литературнаго языка. Въ 1865 г. Матія Маяръ напечаталъ въ Прагѣ сочиненіе: Узаjемни правопис Славjанскі, то jе: Uzajemna slovnica ali mluvnica Slavjanska, а немного ранѣе въ 1864 г. тамъ же издалъ книгу: „Света брата Ціріл і Метод, славjанска апостола", посвященную тысячелѣтнему воспоминанію о дѣятельности славянскихъ апостоловъ.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Маяръ излагаетъ просвѣтительную дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія въ связи съ распространеніемъ христіанства между Славянами. Въ этой книгѣ имѣются двѣ главы, въ которыхъ онъ разсматриваетъ судьбу славянской письменности и славянскаго богослуженія у католиковъ и православныхъ Славянъ: „како ста словство старославjанско і служба божjа славjанска по обредѣ рімокатолічком пісмені глаголітічкімі пропадаля"—и „како ста словство старославjанско і служба божjа славjанска по обредѣ православном пі-

смені цірілскімі крѣпко напредовала і се шіріла", Въ первой изъ указанныхъ главъ онъ останавливается на судьбахъ славянской литургіи въ Великой Моравіи, въ Чехіи, у Словаковъ, Поляковъ, Словенцевъ и Хорватовъ. Онъ считаетъ глаголическую азбуку католическою и, указывая на остатки славянскаго католическаго богослуженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далматіи и прибрежныхъ островахъ, выражаетъ слѣдующее желаніе: „пусть церковныя власти соблаговолятъ приказать и указать, чтобы глаголическіе служебникъ и требникъ (missale и rituale) вновь были напечатаны непремѣнно буква въ букву, точно такъ, какъ они нѣкогда были признаны святою (римско-католическою) церковью и введены,—а святымъ отцемъ римскимъ папою когда-то одобрены и напечатаны въ Римѣ, — но съ замѣною письменъ глаголическихъ письменами церковно-кирилловскими".

Матія Маяръ держится мнѣнія, что св. Кириллу принадлежитъ изобрѣтеніе глаголической азбуки, а что нынѣшняя кириллица передѣлана изъ греческихъ письменъ св. Климентомъ, слѣдуя въ этомъ за Шафарикомъ; но успѣхи православія и удержаніе службы на славянскомъ языкѣ онъ связываетъ съ употребленіемъ этой азбуки, которую называютъ кириллицей. Онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „болѣе всего святая христіанская церковь возрасла, болѣе всего служба божія на славянскомъ языкѣ по обряду православному расширилась и старославянская словесность наиболѣе обогатилась, благодаря кирилловскимъ письменамъ, именно съ тѣхъ поръ, когда великое и многочисленное русско-славянское племя приняло святое христіанское вѣроисповѣданіе".

Въ послѣдней главѣ своей книги о Кириллѣ и Меѳодіи, Матія Маяръ отвѣчаетъ на вопросъ: въ какомъ положеніи находится славянская письменность въ настоящее время. Первое его положеніе, что славянскій языкъ лищь одинъ, какъ былъ одинъ старогреческій, хотя въ Греціи писали на 4 нарѣчіяхъ. Перечисляя восемь письменныхъ языковъ славянскихъ (главные литературные языки: Русскій, Хорвато-Сербскій, Чешскій и Польскій,— второстепенные: Болгарскій, Хорутано-Словенскій, Угро-Словенскій (Словацкій) и Лужицко-Сербскій), Матія Маяръ замѣчаетъ

что вредъ не въ томъ, что Славяне говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, а въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы писать на одномъ общемъ для всѣхъ Славянъ „взаимномъ“ языкѣ, употребляютъ восемь „невзаимныхъ литературныхъ языковъ и язычковъ“. Чтобы исправить этотъ недостатокъ въ славянской жизни, Маяръ предлагаетъ писать взаимно. „Писать взаимно значитъ писать на теперешнихъ литературныхъ языкахъ, объясняетъ онъ, такъ, чтобы они постепенно сближались и стали настолько похожими между собою, чтобы каждый образованный Славянинъ въ случаѣ нужды могъ понимать всякую взаимно написанную славянскую книгу“. Достигнуть того, чтобы *взаимно писать*, по мнѣнію Матіи Маяра, легко. Зная опасенія и подозрѣнія многихъ славянскихъ патріотовъ, когда зайдетъ рѣчь о литературномъ объединеніи Славянъ, что оно грозитъ уничтоженіемъ мѣстныхъ литературъ, Маяръ спѣшитъ объяснить, что славянскій писатель лишь тогда будетъ писать *взаимно*, когда намѣренъ написать что нибудь такое, что имѣетъ общеславянское значеніе. Вся задача такого писателя — писать такъ, чтобы его языкъ *приближался* ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и чтобы при этомъ обойти нѣкоторыя различія своего языка отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій.

Но для облегченія этой задачи Матія Маяръ видитъ необходимость создать одну общеславянскую азбуку. Онъ говоритъ: „гражданская кириллица должна быть примѣнена для насъ въ сочиненіяхъ и книгахъ, предназначенныхъ для всѣхъ Славянъ, какъ азбука *всеславянская*“. Въ различіи азбукъ и алфавитовъ славянскихъ онъ видитъ проявленіе несогласія между Славянами, этой „невзаимности“, противъ которой онъ вооружается, и предлагаетъ ввести русскую гражданку на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) гражданская азбука для славянскихъ языковъ—самый полный алфавитъ и не требуетъ соединенія двухъ знаковъ для выраженія одного звука (ш=sz, ч=cz); 2) она—священная, ибо ведетъ свое начало отъ св. Кирилла, какъ и глаголица; 3) она—славянская собственность и уже потому мила и дорога всякому Славянину; 4) она очень удобна и красива, что Маяру кажется само по себѣ достаточнымъ, чтобы она стала азбукой

всеславянской; наконецъ въ 5) она очень распространена въ мірѣ, ею пишетъ громадное большинство Славянъ (по Маяру 62 милліона), и черезъ Россію она идетъ и къ азіатскимъ народамъ. Но для примѣненія ея къ этому всеславянскому употребленію требуется произвести въ ней нѣкоторыя перемѣны, а именно Маяръ вводитъ j, при чемъ исключаетъ я, ю, и—и даетъ особое значеніе ъ. Сербскіе знаки ђ, ћ, љ, њ, а также русское щ онъ предлагаетъ замѣнить дь, ть, ль, нь, шч. Очевидно, онъ не принялъ въ достаточное вниманіе ни польскаго, ни новоболгарскаго языковъ, ни особенностей другихъ славянскихъ нарѣчій.

Эта мысль о приспособленіи кириллицы къ азбукамъ всѣхъ Славянъ была выражена Матіей Маяромъ всего опредѣленнѣе и выяснена въ сочиненіи: „Узаjемни правопис славjанскі", вышедшемъ годъ спустя послѣ изданія его „Кирилла и Меѳодія". Здѣсь онъ развиваетъ вышеуказанныя положенія, при чемъ разъясняетъ, что не слѣдуетъ думать, будто бы писателю-Славянину приходилось создавать новый *книжный* языкъ, ибо задача его должна ограничиться лишь стараніемъ приблизить свой языкъ къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Въ своей грамматикѣ—„правописѣ" Матія Маяръ разсматриваетъ всѣ теперешніе славянскіе литературные языки, какъ нарѣчія одного славянскаго языка, и всю нынѣшнюю Славянщину, какъ одно цѣлое: въ сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій онъ видитъ практическую цѣль, чтобы сравненіемъ установить взаимныя или иначе всеславянскія лексическія и этимологическія формы. Взаимными формами онъ считаетъ: 1) тѣ, которые обычны всѣмъ Славянамъ или большей части славянскихъ нарѣчій; 2) изъ двухъ формъ, одинаково распространенныхъ въ славянскихъ языкахъ, писатель можетъ выбирать любую, ибо обѣ „взаимны"; 3) изъ двухъ формъ, изъ которыхъ одна имѣетъ основанія въ этимологіи языка и оправдывается исторіей языка (doslědna i slovospitna), а другая нѣтъ, слѣдуетъ выбирать первую; 4) если нѣтъ въ извѣстномъ случаѣ слова, которое было бы распространено въ большинствѣ нарѣчій, то лишь сближеніемъ славянскихъ литературныхъ языковъ между собою установится *взаимная* форма.

Хотя Матія Маяръ признаетъ, чте нельзя измышлять „новаго языка" и говоритъ, что его задача „учено устроить литературный языкъ" у Славянъ, имѣющихъ восемь *невзаимныхъ* языковъ письменности, но обязывая пишущаго этимъ *взаимнымъ* языкомъ, хотя бы напримѣръ по русски, употреблять только извѣстныя слова и формы, примѣненныя по крайней мѣрѣ къ четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, онъ во всякомъ случаѣ „измышлялъ" искусственный языкъ. „Взаимно" пишущему по русски пришлось бы, по теоріи Маяра, развитой въ его книгѣ, нерѣдко дѣлать заимствованія изъ другихъ славянскихъ языковъ не только въ области лексики, но и въ области формъ и синтаксическаго строя рѣчи,—чтобы быть вполнѣ понятнымъ и яснымъ для всѣхъ Славянъ.

Сознавая потребность устроить для такого *взаимнаго* языка одну ороографію, Матія Маяръ предлагаетъ всеславянскую азбуку, состоящую изъ 29 буквъ, изъ которыхъ 26 знаковъ заимствованы изъ русской гражданки, одинъ знакъ (j) изъ латинской абецеды и два (ѧ и ѫ) изъ старославянскаго алфавита. Допуская вообще употребленіе латиницы и кириллицы въ примѣненіи къ славянскимъ языкамъ, Матія Маяръ ставитъ положеніе, что „азбука гражданская (кириллица), приспособленная къ дѣлу, должна употребляться въ сочиненіяхъ и книгахъ, предназначенныхъ для всѣхъ Славянъ, какъ азбука всеславянская" (стр. V и 29). Рядомъ основательныхъ доказательствъ онъ опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые указывали на латиницу, какъ на общеславянскую азбуку. Что касается единства правописанія, то Матія Маяръ строго держится принципа, что „всякій литературный языкъ долженъ имѣть ороографію этимологическую (pravopis slovoizpiten)", а потому и славянскіе языки должны имѣть правописаніе, основанное на исторіи языка и этимологіи. Маяръ придаетъ вполнѣ основательно весьма важное значеніе этому условію, замѣчая, что при помощи этимологическаго правописанія „выработается непримѣтно" одинъ всеславянскій языкъ. Поэтому онъ относится отрицательно къ фонетическому правописанію Вука Караджича сербской письменности, именно въ это время побѣждавшему всю оппозицію, веденную противъ него и въ Сер

біи, и за ея предѣлами, называетъ подобное правописаніе *просторѣчнымъ* и оставляетъ его лишь для изданія народныхъ сказокъ, пѣсенъ и т. д. и тѣхъ сочиненій, въ которыхъ долженъ быть представленъ говоръ простаго народа. Всѣ же остальныя сочиненія должны быть написаны языкомъ литературнымъ и этимологическою орѳографіею (стр. 51, 75).

Но Матія Маяръ полагаетъ своеобразные предѣлы этимологическому правописанію, часто подчиняясь вліянію своего роднаго нарѣчія и поддаваясь строю хорвато-сербской рѣчи. Въ выборѣ „взаимныхъ" формъ онъ тоже часто слѣдомъ идетъ за ними. Такъ онъ иногда даетъ двѣ *взаимныя* формы: напр. рука —руці, руцѣ или рукі, рукѣ, разум и розум,—иногда требуетъ писать форму, неоправдываемую его правиломъ о взаимной формѣ, употребительной въ большинствѣ славянскихъ нарѣчій, напр. *брітi се*, даетъ взаимную форму *двѣма*, предлагаетъ формы — *грізті* — *грізем*, *стрічі* (*стричь*) и даже вводитъ двойственное число (несева, —евѣ,—ета,—етѣ).

Самыя основанія, которыми руководствовался Матія Маяръ при установленіи формъ *взаимнаго* языка, и его методъ не могутъ выдержать критики. Онъ сопоставлялъ формы четырехъ славянскихъ языковъ (русскаго, хорвато-сербскаго, чешскаго и польскаго) со старославянскими и бралъ ту форму, какъ *взаимную*, которая встрѣчается въ трехъ изъ этихъ нарѣчій или которая кажется составителю болѣе удобной. Этотъ способъ, такъ сказать ариѳметическій, конечно не могъ быть удобенъ и повести къ устроенію этимологическаго правописанія, защищаемаго авторомъ книги. По пріему Маяра для слова *имя* дается „взаимная" форма *іме*, выведенная изъ старослав. *имѧ*, русск. *имя*, серб. *име*, чеш. *jmě*, польск. *imię*, род. пад. „взаимная" форма *имена* при формахъ старосл. имене, русск. имени, сербск. имена, чеш. jmene, польск. imienia и т. д. Говоря о стилѣ (besednja) взаимнаго языка, Матія Маяръ указываетъ способы, которыми ему можетъ быть приданъ характеръ взаимности. Правила или мѣры для этого слѣдующія: 1) писатель долженъ принять во вниманіе сочиненія по тому же предмету, о которомъ онъ пишетъ, на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; 2) число (datum)

должно ставиться по юліанскому и грегоріанскому календарямъ; 3) писатель долженъ брать метафоры и сравненія изъ славянской миѳологіи, исторіи, жизни и т. д., напр. вмѣсто выраженія „онъ былъ поэтъ, какъ Вергилій“ слѣдуетъ сказать: „онъ былъ славный поэтъ, какъ Державинъ“; вмѣсто: „мудрый законодатель, какъ Солонъ“ слѣдуетъ сказать: „какъ Управда“ (Юстиніанъ) и т. д.; 4) всякій писатель-славянинъ долженъ читать книги на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; наконецъ 5) писатель не долженъ заимствовать словъ изъ иностранныхъ языковъ, а заимствованныя уже замѣнять взятыми изъ славянскихъ нарѣчій (стр. 232).

Что касается болгарскаго и словенскаго письменныхъ языковъ, то Маяръ совѣтуетъ имъ „образовать свой языкъ взаимно и сложно“ съ Хорватами и Сербами, а Словакамъ и Лужичанамъ указываетъ сближеніе съ Чехами.

Если эти мнѣнія и предположенія Словенца, славянскаго патріота, заслуживаютъ вниманія и уваженія по ихъ искренности и чистотѣ намѣреній, то нельзя не сказать, что Матія Маяръ повторилъ попытку Юрія Крижанича съ тою разницею, что хорватскій панславистъ XVII в. имѣлъ болѣе основаній разсчитывать на возможность осуществленія своихъ идей. Тогда по крайней мѣрѣ славянской письменности на народныхъ языкахъ, за исключеніемъ литературы у Поляковъ и Хорватовъ-Далматинцевъ, почти не существовало, и Крижаничъ прямо указывалъ одинъ языкъ для всѣхъ Славянъ. Маяръ предвидѣлъ лишь въ будущемъ осуществленіе этого единства и намѣчалъ къ нему пути,—притомъ далеко неясные и пробитые на шаткой почвѣ произвола и личнаго вкуса. Согласно съ теоріей Маяра, кромѣ существующихъ литературныхъ языковъ должно было бы развиться по крайней мѣрѣ еще столько же книжныхъ взаимныхъ нарѣчій, ибо каждый Славянинъ могъ бы писать согласно съ своимъ роднымъ говоромъ, примѣняясь лишь къ идеальнымъ формамъ взаимнаго языка. Всякій писатель славянскій, по теоріи Маяра, долженъ быть непремѣнно Славистомъ и знатокомъ славянскихъ нарѣчій въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Это была послѣдняя изъ болѣе извѣстныхъ до сихъ поръ попытокъ создать искусственный общеславянскій языкъ.

Матія Маяръ вполнѣ основательно проводитъ мысль о необходимости одной азбуки для всѣхъ славянскихъ нарѣчій и находитъ ее въ русской граждапкѣ, но система его азбуки не можетъ быть названа удачною. Онъ старается упростить кириллицу и лишаетъ ее даже такого нужнаго ей знака, какъ *ы*, замѣняя его знакомъ *і* и смѣшивая съ *и*.

Послѣдняя изъ капитальныхъ попытокъ создать общеславянскую азбуку была сдѣлана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ его книгѣ: „Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій" (1871 г.). Онъ исходитъ изъ положенія, что для введенія кириллицы въ употребленіе между Славянами, пользующимися латиницей, „нужно установить для каждаго нарѣчія систему правописанія фонетическую, найболѣе удобную для письма". Въ виду этого онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ діакритическимъ знакамъ надъ кирилловской азбукой. Эта азбука вызвала довольно много критическихъ отзывовъ въ нашей и инославянской печати. Покойный профессоръ В. В. Макушевъ находилъ, что Гильфердингъ устанавливаетъ 8 азбукъ вмѣсто одной, а Бодуэнъ-де-Куртэнэ, не придаваябольшой важности азбучному объединенію Славянъ, считаетъ систему Гильфердинга не достигающею цѣли.

Исторія вопроса о примѣненіи азбуки, приспособленной къ литературному языку, въ исторіи Славянской письменности тѣсно связывается съ вопросомъ о свойствахъ и качествахъ самаго литературнаго языка. Поэтому вопросъ объ азбукѣ и ея типахъ всегда находилъ свое мѣсто не только въ сужденіяхъ объ общеславянскомъ языкѣ, но и при установленіи языка въ частныхъ славянскихъ литературахъ. Реформа сербскаго литературнаго языка Вука Караджича тѣсно была связана съ реформой системы орѳографіи и азбуки. Тоже происходило и при установленіи новаго литературнаго языка у Чеховъ и Хорватовъ. Вся славяно-сербская школа писателей, ведшая упорную борьбу противъ вуковицы, хорошо понимала, что вмѣстѣ съ введеніемъ простаго народнаго языка въ сербскую книгу и принятіемъ

измѣненій, предложенныхъ Вукомъ, порываются историческія преданія сербскаго литературнаго языка, связывавшія его со старосербской литературой съ одной и съ новою русскою съ другой стороны. Еще въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ раздавались въ сербской литературѣ голоса противъ вуковицы и вообще противъ всякихъ измѣненій и нововведеній въ кирилловской ороографіи. Недавно умершій Эмиліянъ Чакра, одинъ изъ извѣстныхъ писателей и дѣятелей среди австрійскихъ Сербовъ, въ 1859 г. выступилъ съ брошюрою: „Словенска азбука, кириллица и латиница, една према другой", въ которой, говоря о требованіяхъ Матіи Маяра произвести нѣкоторыя измѣненія въ ороографіи, чтобы Словенцы могли употреблять кириллицу (Седмица N 30 за 1857 г.), выражаетъ опасеніе, что эти измѣненія, какъ бы малозначительны они ни были, могутъ оторвать и эту кириллицу отъ 60 милліоновъ Славянъ, оставшихся вѣрными установленному уже типу кириллицы. „Сербы, говоритъ онъ, если желаютъ добра, если они друзья своему потомству, не должны передѣлывать по своему кириллицу, но напротивъ того, должны всѣ произведенныя до нынѣ измѣненія уничтожить и вернуться къ своей прежней азбукѣ, которою писали Доментіанъ, св. Савва и др., ибо они, стоя сами по себѣ, а не въ связи съ остальными Славянами, имѣютъ лишь печальное, хотя и славное прошедшее, но будущности никакой". Чакра полагалъ, что измѣняя кириллицу для удобства одного или нѣсколькихъ нарѣчій, Славяне удаляются отъ языка, который „нѣкогда будетъ всеславянскимъ, т. е. церковнаго".

Но возвратимся къ исторіи попытокъ найти общеславянскій языкъ. Болѣе ясные и просвѣщенные умы среди Славянъ видѣли всю невозможность создать искусственный общеславянскій языкъ и искали выхода или въ сближеніи славянскихъ нарѣчій между собою, или въ принятіи одного изъ живыхъ языковъ за общій всѣмъ Славянамъ для высшихъ литературныхъ цѣлей и взаимныхъ сношеній. Послѣднее, конечно, можетъ сдѣлаться само собою при усиленіи взаимныхъ связей и сношеній Славянскихъ народностей, но что касается единства языка книжнаго, языка науки и научной литературы, то достиженіе его требуетъ и бла-

гопріятныхъ обстоятельствъ, и усилій нѣсколькихъ поколѣній и талантливыхъ, дальновидныхъ дѣятелей.

Посредствующею ступенью въ развитіи вопроса объ едином ъ общеславянскомъ языкѣ между поисками его въ искусственномъ смѣшеніи нарѣчій и выборомъ одного языка или нарѣчія, распространеніе котораго въ Славянскомъ мірѣ должно было придать ему значеніе общеславянскаго, является мысль Коллара, выраженная въ извѣстной его брошюрѣ: „Славянская взаимность".

Янъ Колларъ, пѣвецъ Slavy dcera, издалъ эту брошюру по нѣмецки въ 1837 году, но въ ней развиты мысли, которыя онъ высказывалъ раньше въ журналѣ Hronka, въ своихъ стихотвореніяхъ и въ „изслѣдованіи объ именахъ и бытѣ Славянъ". Колларъ былъ одинъ изъ тѣхъ искренно и глубоко увлекающихся и богато одаренныхъ поэтовъ, которые способны къ высшей идеализаціи явленій жизни и полны стремленій найти смыслъ и общую идею въ совершающемся вокругъ нихъ для освѣщенія путей будущаго. Въ это время появлялись труды и изслѣдованія Шафарика, охватывавшія прошедшее всего Славянства, слава Добровскаго, лишь недавно сошедшаго въ могилу, послѣ его смерти лишь возростала, на Балканскомъ югѣ сербское княжество, недавно возникшее, указывало и на начало политическаго возрожденія Славянства. Славныя побѣды Россіи и успѣхи ея политической дѣятельности должны были поднять духъ славянскаго поэта, окрылить его и вселить убѣжденіе, что близка пора полнаго возрожденія Славянскихъ народностей.

Въ 1836 г. Колларъ помѣстилъ въ Словацскомъ альманахѣ Zora стихотвореніе Slovan, хотя написанное по одному прозаическому отрывку Антонина Марка, но характеризующее его панславянскіе взгляды *). „Что Богъ соединилъ, то человѣкъ да

*) Прозаическій отрывокъ Марка напечатанъ кириллицей въ числѣ образцовъ, приложенныхъ ко второму изданію Пухмайера: Pravopis rusko-česky, подъ заглавіемъ: Наше гесло, вѣроятно Ганкою. Стихотвореніе это помѣщается въ изданіяхъ собранныхъ сочиненій Коллара, подъ заглавіемъ Slavjan въ I томѣ.

не разлучаетъ. А то, что сама мать природа соединила языкомъ, тѣмъ святымъ узломъ, то ты, человѣкъ, не смѣй разрывать злостною и завистливою рукою!“ — такъ начинаетъ свое стихотвореніе Колларъ. Далѣе онъ указываетъ на группу западныхъ Славянъ, Словаковъ, Моравцевъ, Шлезаковъ и Поляковъ съ Чехами, и группу юго-восточныхъ: Русскихъ съ Болгарами и Сербо-Хорватами, какъ тѣснѣе связанныхъ другъ съ другомъ по языку. Перечисляя за тѣмъ отдѣльныя славянскія народности, онъ останавливается на Поморянахъ, Лужицкихъ Сербахъ, Дунайскихъ Сербахъ, Краинцахъ, Славонцахъ, Хорватахъ, Далматинцахъ. „Ахъ, нѣкогда были печальныя времена .. когда чужеземцы среди насъ сѣяли проклятое сѣмя раздора“, говоритъ онъ и выражаетъ надежды, что теперь вражеское сѣмя не найдетъ болѣе благопріятной для себя почвы. „Мы видимъ братьевъ согласныхъ между собою на широкомъ полѣ книги и письменности“, восклицаетъ поэтъ, передѣлывая слова Марка о мирной встрѣчѣ Славянъ „на полѣ знаній и торговли“. Видя въ успѣхахъ русскихъ на Кавказѣ и въ развитіи русскаго мореходства успѣхи славянскіе, поэтъ указываетъ и на успѣхи на полѣ наукъ и искусствъ. Онъ вспоминаетъ о кириллицѣ и глаголицѣ и замѣчаетъ, что въ какомъ бы платьѣ ни являлись плоды славянскаго духа, они остаются плодами *одного* духа. „Я чувствую, что все Славянство — мое, и я принадлежу ему!“ говоритъ онъ вслѣдъ за Маркомъ; — „мой народъ — мое отечество, а мое отечество имѣетъ неизмѣримыя границы; живу я въ болѣе широкомъ мірѣ, чѣмъ можетъ допустить зависть, я — сынъ болѣе сильнаго народа, чѣмъ она можетъ себѣ представить; надъ пространнымъ моимъ дорогимъ отечествомъ никогда не заходитъ красное солнышко“.

Подобныя мысли славянскаго патріотизма, выраженныя въ удачномъ и по внѣшней своей формѣ стихѣ Коллара, въ это время занимали всѣхъ выдающихся славянскихъ дѣятелей. Это была романтическая пора въ жизни возрождающагося Славянства. Представленіе о всеславянствѣ, какъ единомъ цѣломъ въ далекомъ прошедшемъ, вызывало на разсужденіе о его будущемъ, возбуждало мечты о возвращеніи къ старому единству...

Если историческія и археологическія изслѣдованія о прошедшей жизни Славянъ приводили къ блестящимъ результатамъ и расширяли горизонтъ европейской науки, то мечты о будущемъ Славянства давали обильный матеріялъ для поэзіи.

Колларъ въ своей поэмѣ (Slavy dcera) въ аллегорическихъ формахъ выражалъ тѣже мысли о всеславянствѣ (Všeslavia), призывая всѣхъ Славянъ къ взаимному согласію и миру.

Но какъ достигнуть этого мира въ вопросѣ о литературномъ объединеніи Славянъ? Колларъ рѣшаетъ его своебразно, откидывая при томъ самый вопросъ объ единомъ общеславянскомъ литературномъ языкѣ. Въ своемъ сочиненіи о „Литературной взаимности Славянъ" Колларъ проводитъ мысль о необходимости единенія Славянъ — духовнаго, а не внѣшняго. Доказывая несостоятельность подозрѣнія, что мысль о литературной взаимности Славянъ можетъ побудить ихъ къ возстаніямъ противъ правительствъ, и что осуществленіе единства литературнаго возможно и при нынѣшнемъ положеніи Славянъ, живущихъ подъ разными правительствами, Колларъ утверждаетъ, что „взаимность эта не состоитъ ни въ смѣшеніи всѣхъ славянскихъ языковъ въ одинъ главный языкъ, ни въ принятіи одного письменнаго главнаго нарѣчія, какъ объ этомъ стали мечтать нѣкоторые Слависты. Славянскія нарѣчія отчасти грамматически такъ удалены одно отъ другаго, что не могутъ уже быть соединены въ одно, отчасти филологически нѣкоторыя изъ нихъ уже такъ развиты, и такъ богаты прекрасными сочиненіями, что отъ человѣческой слабости, суетности и самолюбія никоимъ образомъ нельзя ожидать, чтобы какая нибудь народность пожертвовала своею самостоятельностью, какова бы она ни была, отказалась отъ блага до сихъ поръ добытаго съ немалымъ трудомъ, забыла его или отреклась отъ него. Большинство Славянъ держится съ природженной и столькими столѣтіями освященной любовью своего нарѣчія и уже каждое развило свою литературу и стало образованнымъ настолько, что не можетъ спокойно уступить или забыть добытое" (§ 3.).

Руководясь тѣми же соображеніями, Колларъ не заботится и о томъ, чтобы у Славянъ была одна азбука. Онъ выражаетъ

увѣренность, что славянскія азбуки сведутся къ тремъ типамъ: глаголицѣ, кириллицѣ и латиницѣ, знаніе которыхъ считаетъ обязательнымъ для каждаго Славянина (§ 15).

Для достиженія „взаимности литературной“ у Славянъ, Колларъ считаетъ необходимымъ, чтобы всякій „невысокоученый, а стоящій на первой ступени образованія и просвѣщенія Славянинъ“ зналъ четыре главныхъ славянскихъ нарѣчія: русское, сербское, польское и чешско-словацкое. Славянинъ „втораго разряда“ долженъ изучать и меньшія нарѣчія и поднарѣчія, какъ малорусское, словенское, болгарское, лужицкое и т. д. Наконецъ Славянинъ „третьяго разряда“ долженъ знать всѣ славянскія нарѣчія какъ живыя, такъ и мертвыя. Но эти желанія Коллара такъ далеки отъ возможности быть осуществленными, что и самъ онъ принужденъ былъ свое сочиненіе издать по нѣмецки, ибо знаніе славянскихъ нарѣчій „и въ средѣ ученыхъ Славянъ рѣдко и ограничено“. Въ этомъ фактѣ очевидно противорѣчіе между его планами и проектами о способахъ славянской литературной взаимности и дѣйствительною жизнью, не дающею права предполагать, что его мечты могутъ осуществиться (§ 4).

По теоріи Коллара, примѣнившаго къ Славянамъ извѣстное выраженіе: homo sum et nihil humani a me alienum puto,—я Славянинъ и ничего славянскаго не считаю себѣ чуждымъ (§ 4), всякій образованный Славянинъ долженъ быть въ извѣстной степени знатокомъ славянскихъ нарѣчій. „Полякъ, говоритъ онъ въ заключительной главѣ (§ 20), не долженъ быть только Полякомъ, но и Славо-Полякомъ,—онъ долженъ читать не только свои, но и русскія, и чешскія и сербскія книги“. Тоже онъ говоритъ о Русскомъ, Чехѣ и Сербѣ.

Но Колларъ указываетъ и практическія мѣры, которыя, по его мнѣнію, могутъ содѣйствовать осуществленію этой идеи взаимности. Эти мѣры слѣдующія: 1) основаніе во всѣхъ главныхъ славянскихъ городахъ книжныхъ лавокъ, въ которыхъ возможно было бы пріобрѣтать книги на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; 2) обмѣнъ книгъ между писателями различныхъ племенъ; 3) учрежденіе каѳедръ всѣхъ славянскихъ нарѣчій; въ хрестоматіи школьныя должны быть введены статьи, знакомящія дѣтей

со славянскою жизнью, ея прошлымъ, жизнью великихъ людей—Славянъ и т. д.; 4) основаніе одного литературнаго журнала, въ которомъ бы помѣщались статьи на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и оцѣнивались всѣ литературныя новинки, выходящія по славянски; 5) устройство частныхъ и общественныхъ библіотекъ, въ которыхъ были бы книги на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; 6) изданіе сравнительныхъ грамматикъ и словарей всѣхъ нарѣчій; 7) собираніе и изданіе сборниковъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ; 8) постепенное устраненіе чужихъ словъ и формъ, вошедшихъ въ языкъ и замѣна ихъ славянскими: „этимъ способомъ дойдемъ до того, что получимъ общеславянскій языкъ, т. е. такой, который будетъ легко понятенъ всякому Славянину, какой бы народности онъ ни былъ“; 9) слѣдуетъ создать однообразное „философское“ правописаніе, согласное съ духомъ славянскаго языка; такая орѳографія должна быть усвоена всѣми Славянами или по крайней мѣрѣ тѣми, которые употребляютъ одинаковыя буквы — латиницу или кириллицу (§ 19).

Такимъ образомъ понятіе „общеславянскаго“ языка существенно видоизмѣнялось въ представленіи Коллара. Подъ нимъ онъ понималъ всякій славянскій языкъ, очищенный отъ варваризмовъ и заимствованій всякаго рода и сближенный съ другими славянскими нарѣчіями при помощи заимствованій.

Эти мнѣнія Коллара, одного изъ популярнѣйшихъ писателей-панславистовъ, нашли много приверженцевъ въ славянскомъ мірѣ, и его брошюра была переведена на многіе славянскіе языки. По мысли Коллара, молодые люди въ то время во всѣхъ славянскихъ странахъ принялись за изученіе славянскихъ нарѣчій, и знакомство со славянскимъ міромъ стало распространяться между Славянами. Но „литературная взаимность“ не есть „литературное объединеніе“ Славянъ и не можетъ дать цѣльности единства дѣятельности Славянъ на полѣ просвѣщенія и письменности. Колларъ хорошо понималъ ту чувствительную сторону каждой изъ славянскихъ народностей, которая затрогивалась вопросомъ о возможности литературнаго объединенія Славянъ въ языкѣ науки и литературы. Каждая славянская народность, возбужденная новымъ духомъ жизни къ сознанію своей

особности, естественно ощутила прежде всего свое отличіе отъ другихъ по языку. Если справедливо, что мысль о славянскомъ объединеніи болѣе всего развивалась у тѣхъ Славянъ, положеніе которыхъ было болѣе печально и трудно, если мечты объ единствѣ литературнаго языка высказывались всего сильнѣе тамъ, гдѣ всего труднѣе была борьба за сохраненіе своего національнаго существа, и тогда, когда предстояло всего болѣе трудностей для созданія своей литературы, то нельзя отрицать и того, что именно сознанію общности со всѣмъ славянскимъ міромъ меньшія славянскія народности обязаны нынѣшнимъ своимъ прогрессомъ какъ на политическомъ, такъ и на литературномъ поприщѣ. Но этотъ прогрессъ — почти безсиленъ предъ напоромъ могучей романо-германской культуры и самъ нерѣдко представляетъ лишь слабое отраженіе именно этой культуры. Онъ легко можетъ погибнуть, если славянскія народности не найдутъ выхода изъ своего труднаго положенія въ осуществленіи культурнаго общеславянскаго единства. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны всѣ поиски Славянъ—способовъ для литературнаго объединенія.

Попытки создать искусственный литературный языкъ, какъ мы видѣли, не привели къ результатамъ, да и не могли привести, потому что живой организмъ языка не терпитъ искусственно созданныхъ рамокъ, и Прокрустово ложе оказывается безсильнымъ заставить его сжаться и сократиться. Мысль Коллара о возможности научить весь образованный славянскій міръ славянскимъ нарѣчіямъ повела къ распространенію знаній о Славянахъ, но она ничего не могла дать для рѣшенія вопроса о литературномъ единствѣ Славянъ. Руководясь мыслью Коллара о любви Славянъ къ родному языку, ни одна славянская народность, какъ бы она ни была малочисленна и какъ бы ея литература ни была не развита (Болгаре, Словенцы, Лужичане, Словаки), не можетъ не претендовать, чтобы и ея языку было придано такое же общеславянское значеніе, какъ и четыремъ перечисленнымъ у Коллара. Съ этой стороны Матія Маяръ пошелъ далѣе, предлагая каждому Славянину писать на своемъ нарѣчіи, но лишь *взаимно*. Остается одинъ способъ разрѣшить вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ: воспользоваться

однимъ изъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ уже достаточно развитую литературу, и знаніе его сдѣлать обязательнымъ для всякаго мало-мальски образованнаго Славянина. Естественно, что такимъ рѣшеніемъ вопроса затрогивается самолюбіе отдѣльныхъ славянскихъ народностей.

Эти поиски за общеславянскимъ литературнымъ языкомъ вызвали нѣсколько мнѣній. Профессоръ пражскаго университета Мартинъ Гаттала въ своихъ неоконченныхъ статьяхъ „o všeslovanském jazyku a písmě" (Osveta 1871 и 1872) говоритъ: „если бы я долженъ былъ выбирать, руководясь лишь своимъ вкусомъ, я бы остановилъ свой выборъ на хорвато-сербскомъ нарѣчіи, считая его самымъ *красивымъ* изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій". Но такъ какъ *красота* языка дѣло условное и спорное, то профессоръ Гаттала приходитъ къ заключенію, что изъ главныхъ славянскихъ языковъ ни одинъ не удовлетворяетъ требованіямъ, чтобы тотчасъ и безъ всякихъ измѣненій могъ стать всеславянскимъ. Между языками второстепенными, слѣдуя дѣленію Коллара, Гаттала считаетъ языкъ Словенцевъ болѣе устроеннымъ, чѣмъ языкъ Словаковъ и лужицкихъ Сербовъ (Osvěta, 1872, стр. 219).

Въ сборникѣ, изданномъ въ 1863 г. въ Люблянѣ въ память тысячелѣтія Кирилла и Меѳодія „Zlatni věk" помѣщено стихотвореніе мѣстнаго поэта Хладника, въ которомъ предлагается Славянамъ принять латиницу и „новословенщину", какъ общія для всѣхъ Славянъ...

Но всѣ эти голоса, предлагавшія Славянамъ принять малыя нарѣчія общеславянскими, не находили никакого отзыва.

Громче всего до сихъ поръ раздавались среди Славянъ голоса о принятіи русскаго языка общеславянскимъ. Всего раньше мысль эта была высказана Чехами. Еще въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія чешскіе ученые обнаруживали большую любознательность въ отношеніи Россіи. Добровскій въ своихъ изданіяхъ, какъ Slavin и Slovanka, касается часто Россіи и знакомитъ своихъ читателей съ нею и ея литературою. Поднимая борьбу за самостоятельное развитіе чешскаго народа,

чешскіе патріоты и ученые должны были рано обратить свои взоры на единственное славянское государство, которое самымъ своимъ существованіемъ поддерживало духъ бодрости въ славянскихъ дѣятеляхъ.

Пухмайеръ въ предисловіи къ Chramu Gnidskému (1804) говоритъ, что литературное соединеніе Славянъ—мысль, которая должна воспламенять славянскихъ писателей. Знаменитый польскій ученый Линде въ предисловіи къ своему Słowniku języka Polskiego въ 1807 г. говоритъ, что предъ его глазами „носилось очертаніе какого-то общаго славянскаго языка".

Но опредѣленнѣе всѣхъ въ это время думалъ объ общеславянскомъ языкѣ просвѣщенный и ученый лексикографъ чешскій Юнгманъ.

Въ то время, когда Добровскій плохо вѣрилъ въ созданіе чешскаго литературнаго языка для науки и письменности, Юнгманъ не только вѣрилъ въ созданіе новой чешской литературы, но и старался найти такой путь, который бы далъ возможность чешскому литературному языку сблизиться съ остальными славянскими нарѣчіями. Въ переводѣ Аталы Шатобріана въ 1805 году онъ употреблялъ слова, заимствованныя изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, а въ переводѣ „Потеряннаго Рая" Мильтона (изд. въ 1811 г.), употребляя старо и инославянскія слова, особенно же русскія и польскія, имѣлъ въ виду, чтобы славянскія нарѣчія шли другъ къ другу на встрѣчу для образованія всеславянскаго языка. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени, онъ говоритъ: „желай вмѣстѣ съ людьми разсудительными, чтобы и мы, Чехи, постепенно шли на встрѣчу всеобщему литературному языку славянскому" *).

Въ перепискѣ съ Антониномъ Маркомъ, недавно напечатанной въ чешской Часописи, Юнгманнъ еще въ 1809 г. иногда употреблялъ кириллицу, а въ 1810 г. пишетъ своему другу: „я крѣпко вѣрю, что русское могущество осилитъ Французовъ, а намъ Славянамъ это должно быть утѣшительно, такъ какъ тогда всѣ славянскія нарѣчія соединятся къ одно. Мы отъ Рус-

*) Václava Zeleného. Život Josefa Jungmanna стр. 45—46.

скихъ, а они отъ насъ примутъ усовершенствованіе языка" *). Слѣдя съ чрезвычайнымъ интересомъ за ходомъ борьбы между Французами и Русскими, Юнгманнъ въ своихъ письмахъ къ католическому священнику Антонину Марку, занимавшемуся вопросомъ объ упорядоченіи ороографіи и азбуки у западныхъ Славянъ, часто упоминаетъ о Россіи и ея значеніи для Славянства. Въ 1811 г. онъ выражаетъ надежды, что „Русскіе затопятъ половину Европы и соединятъ большую часть Славянъ" **). Въ 1814 г., когда русскія войска были уже въ Парижѣ, Юнгманнъ пишетъ: „если Александръ оставитъ за собою Варшаву, то это—будетъ значительный успѣхъ (въ дѣлѣ соединенія Славянъ), и мы будемъ привыкать къ кириллицѣ, что рѣшитъ всего легче вопросъ (о правописаніи и азбукѣ). Еслибы мы, латинники, (т. е. пишущіе латиницей) соединились, то это была бы только половина (Славянъ) и даже не половина". И затѣмъ приписываетъ по русски: „но дай Богъ Русумъ щастіе, они же о споѣніе (соединеніе) постараются" ***).

Но еще яснѣе и рѣзче онъ по этому поводу выражается въ письмѣ къ Антонину Марку отъ 5 Октября 1831 года во время польскаго возстанія. Онъ писалъ ему тогда: „я жалѣю Поляковъ, но радуюсь за Славянство, видя, что у него гибнетъ домашній врагъ. Паденіемъ польщины расширится русская рѣчь, а это, быть можетъ, первый шагъ къ всеобщему славянскому письменному языку, которымъ будетъ не иной, какъ русскій" ****).

Въ своей автобіографической запискѣ, составленной въ 1845 году, когда Юнгманну было 72 года, онъ помѣстилъ главу подъ заглавіемъ: „всеславянскій письменный языкъ". Проводя здѣсь параллель между Нѣмцами и Славянами, онъ говоритъ, что Нѣмцы должны бы послужить Славянамъ образцомъ во многихъ отношеніяхъ: „Нѣмецъ, говоритъ Юнгманнъ, умно разсуждаетъ: если я пишу по саксонски, я все таки пишу по нѣмецки, а дома гово-

*) Časopis Muzea královstvi Českého. 1881 г. стр. 508.

**) Ibidem 1881 стр. 521.

***) Ibidem за 1882 г. стр. 41—42.

****) Ibidem стр. 338.

рю, какъ умѣю и хочу". Не такъ разсуждаетъ Славянинъ! Полякъ говоритъ: если стану писать по русски, я перестану быть полякомъ, и такимъ образомъ всякій посвоему пишетъ. У Нѣмцевъ вѣроисповѣдное различіе не мѣшаетъ употреблять одинъ и тотъ же языкъ и имѣть одну литературу, у Славянъ различіе религій проводитъ непроходимыя границы между родными братьями. Нѣмцы, имѣя одну латинскую азбуку, хотя весьма несовершенную и недостаточную для ихъ языка, стремясь къ единству, довольствуются ею и пользуются для прекрасныхъ произведеній. Славяне же, раздѣленные на двѣ большія части и азбукою то греческою, то латинскою, примѣняемою при томъ различнымъ образомъ, какъ напр. Русскіе и Сербы, Поляки и Чехи и т. д., постоянно идутъ врозь, чуждаются другъ друга. Взаимность ихъ литературъ, нѣсколько пробужденная въ новѣйшія времена, представляетъ лишь слабое и мало значительное отраженіе нѣмецкаго единства. Во сколько было бы лучше, по примѣру Нѣмцевъ, употреблять одно какое нибудь нарѣчіе, какъ вообще литературный языкъ, который бы обогощался и облагораживался вѣчно и чрезвычайно другими нарѣчіями". Указывая далѣе, что онъ выражалъ тѣже мысли въ предисловіи къ первому изданію перевода Потеряннаго Рая, и вспоминая о преслѣдованіи за нихъ, которому онъ подвергся, благодаря мстительному Яну Нейдлому, Юнгманнъ продолжаетъ: „я полагаю, что если у Нѣмцевъ при единствѣ литературы и языка письменности можетъ существовать нѣсколько правительствъ, тамъ прусское, тутъ австрійское, тамъ баварское, тутъ виртембергское и т. д., почему бы у Славянъ, при употребленіи одного языка письменности, не могли сохраниться различныя политическія отдѣленія Русскихъ, Сербовъ, Австрійскихъ, Прусскихъ, Турецкихъ Славянъ? Это пугало панславизма, котораго боятся или притворяются, будто боятся, наши непріятели, измышленіе эгоизма и ненависти и, при томъ, ненависти неразумной и слѣпой, которая лелѣетъ свой пангерманизмъ, а намъ не желаетъ ничего подобнаго, хотя бы лишь нѣсколько похожаго, и, вдобавокъ, не стыдится громко объявлять о своемъ умыслѣ держать насъ въ вѣчномъ раздѣленіи и порабоще-

ніи. Я—искренный и любящій свою народность Чехъ, но я готовъ и чешскій языкъ принести въ жертву всеславянскому литературному языку, хорошо зная, что на какомъ бы нарѣчіи мы ни писали,—всегда останемся Славянами. О, если бы высокіе правители примирились съ этою мыслью и пожелали намъ того, къ чему мы призваны самою природою!"

Эти сужденія Юнгманна тѣмъ замѣчательнѣе, что они принадлежатъ великому чешскому патріоту и дѣятелю на поприщѣ воскрешенія чешской литературы и ея языка. Юнгманна нельзя обвинить въ недостаткѣ дальновидности, знаній и чешскаго патріотизма. Составитель извѣстнаго чешскаго Словаря, надъ которымъ онъ работалъ болѣе 30 лѣтъ, — далекъ отъ подозрѣній въ увлеченіяхъ панславистскими мечтами и обвиненій въ поэтической идеализаціи столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о существованіи общеславянской литературы и языка, при разрѣшеніи котораго всѣ славянскія литературы отойдутъ на задній планъ, и чешскій языкъ, столь многимъ обязанный Юнгманну, станетъ лишь языкомъ чисто мѣстной письменности.

Но Юнгманнъ, содѣйствуя сближенію чешскаго языка съ русскимъ и радуясь всякому успѣху какъ русской жизни, такъ и русской литературы, видя въ немъ приближеніе къ разрѣшенію вопроса объ объединеніи Славянъ, не рѣшался высказать громко мысль о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго. Эта мысль была высказана печатно въ 1837 г. словенцемъ Кузмани. Почти одновременно съ изданіемъ брошюры Коллара „Славянская взаимность", Карлъ Кузмани (16 Ноября 1806 — 11 Августа 1866), бывшій подъ конецъ жизни суперъинтендентомъ евангелической словацкой церкви въ Угорщинѣ, писалъ въ журналѣ Hronka, имъ издаваемомъ въ Великой Быстрицѣ, о значеніи единства въ языкѣ письменности *). Онъ считаетъ самымъ большимъ бѣдствіемъ Славянъ при теперeш-

*) За неимѣніемъ подъ руками журнала „Hronka", пользуемся переводомъ мѣстъ изъ статей Кузмани, помѣщенномъ проф. В. И. Ламанскимъ въ статьѣ: „Изученіе славянства и русское самосознаніе", Журналъ Минист. Нар. Просв. за 1867 г. Часть CXXXIII.

немъ ихъ положеніи не раздѣленіе ихъ по вѣроисповѣданію, не раздробленность ихъ политическую и подчиненность различнымъ правительствамъ, а именно отсутствіе у нихъ литературнаго единства въ языкѣ. „Письменный языкъ, говоритъ онъ, есть какъ бы жила, соединяющая всѣ члены народнаго тѣла, хотя бы и раздѣленнаго на разныя части многими правительствами, исповѣданіями и нарѣчіями. Какъ жила соединяетъ всѣ части извѣстнаго члена, такъ одинъ письменный языкъ соединяетъ всѣ нарѣчія, поднарѣчія и говоры одного народа въ одинъ языкъ, въ одну рѣчь, всѣ племена въ одинъ народъ, ибо не правительства и государства, не исповѣданія опредѣляютъ народъ, а его языкъ, рѣчь. Одинъ народъ можетъ быть подъ многими и различными правительствами, и одно правительство можетъ быть надъ различными народами... Нѣтъ сомнѣнія, что во время принятія христіанства Славяне всѣхъ племенъ и нарѣчій могли бы, если бы судьбою не было рѣшено иначе, общею всеславянскою жизнью образовать себѣ одинъ литературный языкъ“.

Но на этихъ размышленіяхъ о возможности всеславянскаго языка Кузмани не остановился. Въ 1838 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти Пушкина, какъ замѣчаетъ проф. Ламанскій, Кузмани, быть можетъ, подъ вліяніемъ мысли Коллара о взаимномъ изученіи славянскихъ нарѣчій, прямо заявляетъ, что Славяне должны избрать одинъ какой нибудь языкъ изъ славянскихъ общимъ-литературнымъ и указываетъ на русскій. Вотъ это мѣсто: „Пора намъ, Славянамъ, рѣшительно позаботиться объ изученіи всѣхъ главныхъ нашихъ нарѣчій; но еще лучше было бы, еслибъ мы всѣ, по примѣру древнихъ Грековъ, стали предпочтительно изучать одно какое нибудь нарѣчіе. При нашемъ положеніи, это, конечно, представляетъ великія неудобства. Знаю, что если мы изучаемъ русское нарѣчіе, читаемъ русскія книги и другихъ къ тому уговариваемъ, то это обозначаетъ въ глазахъ извѣстной партіи, какъ бы стремленіе южныхъ и западныхъ Славянъ къ политическому соединенію съ Россіей. Но, не обращая вниманія на такіе толки, надо строго обдумать, какое изъ нашихъ нарѣчій къ этому наиболѣе сподручно, имѣетъ за собою наиболѣе вѣроятности, правъ и возможности быть

принято всѣми племенами за объединяющее насъ всѣхъ орудіе. Я же того мнѣнія, что мы должны принять *русскій языкъ*. Русское племя—самое сильное, литература самая богатая и языкъ его самый панславянскій. Намъ, Словакамъ, онъ гораздо ближе, чѣмъ мы вообще думаемъ. И даже самая азбука, хотя намъ не милая, наиболѣе удобна для нашей рѣчи. Будущее, особенно нынѣ открывающееся Россіи, подыметъ русскую литературу и широко распространитъ русскій языкъ, ибо что есть въ ней прекраснаго и отборнаго, то не встрѣтитъ себѣ заставы ни на Прутѣ, ни на Нѣманѣ. Только введеніемъ одного нарѣчія всеславянская взаимность добудетъ себѣ живую искру для литературы, высшихъ наукъ и для духовнаго объединенія".

Эта мысль о всеславянскомъ значеніи русскаго языка была лишь опредѣленно выражена Кузманіемъ, но она задолго до 1838 года имѣла своихъ сторонниковъ. Мы уже указывали на Юнгманна и отмѣтили его сужденія объ этомъ вопросѣ, относящіяся къ первымъ десятилѣтіямъ текущаго столѣтія. Челяковскій, издавшій въ Прагѣ въ 1829 г. „Ohlas písní ruských" (отголоски русскихъ пѣсенъ), пробовалъ даже переписываться на русскомъ языкѣ съ друзьями Чехами, и Ганка, впослѣдствіи открывшій въ Пражскомъ университетѣ курсъ русскаго языка, до того времени, когда Кузмани выступилъ съ своимъ мнѣніемъ о всеславянскомъ языкѣ, выражали подобное же мнѣніе.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Чехіи создалось даже особое техническое имя: Vlastenec для обозначенія чешскаго патріота, но *властенцы* вмѣстѣ съ тѣмъ были и славянскими патріотами. „Само собою разумѣется", говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Якубъ Малый, на дняхъ умершій (23 Февраля 1885 года), „что кто только принималъ почетное имя „vlastenec", долженъ былъ считать своего обязанностью заниматься весьма старательно въ самомъ крайнемъ случаѣ хотя однимъ славянскимъ нарѣчіемъ, а съ остальными по меньшей мѣрѣ познакомиться настолько, чтобы безъ большой трудности понимать сочиненія, написанныя на нихъ" *). Такимъ образомъ идея національнаго

*) Jakub Malý. Zpomínky a úvahý starého vlastence 1872 г. стр. 50.

чешскаго возрожденія связывалась въ эту пору съ развитіемъ сознанія славянской общности и единства. Мысль о русскомъ языкѣ, какъ общеславянскомъ, такъ или иначе становилась въ Чехіи на практическую почву.

Мнѣніе Кузмани о роли русскаго языка впослѣдствіи было повторено различными славянскими писателями, но самымъ сильнымъ и талантливымъ выразителемъ этой мысли былъ Словакъ Людевитъ Штуръ (28 Октября 1815—12 Января 1856), находившійся въ ближайшихъ связяхъ съ Кузманіемъ.

Въ исторіи возрожденія Словаковъ Штуръ въ числѣ дѣятелей занимаетъ самое видное мѣсто. Богато одаренный отъ природы и умѣвшій запастись громадными свѣдѣніями и знаніями въ молодости, обладая при томъ замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія, Штуръ какъ бы былъ рожденъ для энергической дѣятельности среди Словаковъ въ періодъ сильнаго народнаго ихъ роста до 1848 г. Одинъ изъ его біографовъ и друзей Іосифъ Милославъ Гурбанъ такъ отзывается о немъ: „одна изъ его задачъ въ юности была находить людей для народа.“ *), Вся его дѣятельность была посвящена тому, чтобы будить народное сознаніе Словаковъ и вести борьбу съ Мадьярами. Онъ рано проникся идеями всеславянства и славянской взаимности, указываемой Колларомъ, а окружавшая его дѣйствительность лишь укрѣпляла его въ мысли о необходимости славянскаго союза и тѣснаго единенія Славянъ съ Россіею. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Штуру графъ Карлъ Зай, генеральный инспекторъ лютеранской церкви въ Угріи, убѣждаетъ его, что „болѣе всего необходимо омадьярить этихъ несознательныхъ (unbewussten) носителей славянской идеи, венгерскихъ Словаковъ: если съ этимъ замедлятъ, то скоро можетъ случиться, что русскій царь скажетъ подобно Людовику XIV не: il n'y a plus des Pyrenées, но: il n'y a plus des Carpathes,—и тогда не останется ничего другаго, какъ сказать: прощай! культурѣ, свободѣ, протестантизму“ **).

*) Slovanske Pohlady, 1881, стр. 62.

**) Slovanske Pohlady, 1881, стр. 542. Письмо графа Зая отъ 31 октября 1840 г.

Такія прямыя и откровенныя до цинизма заявленія одного изъ важныхъ чиновниковъ-Мадьяръ, въ простомъ письмѣ къ видному дѣятелю въ исторіи воскрещенія Словаковъ и ихъ литературы— о необходимости омадьярить Словаковъ и при томъ за ихъ предполагаемыя связи съ Россіей, конечно, могли лишь побудить Штура къ развитію болѣе активной дѣятельности.

Въ своемъ сочиненіи, относящемся къ этому же времени (1841 г.), еще ненапечатанномъ: Starý i nový věk Slovaků *), Штуръ такъ успакаиваетъ Мадьяръ относительно взаимныхъ симпатій Словаковъ и славянскаго сѣвера: „текутъ рѣки съ Карпатъ, шумятъ и, сливаясь въ одну, впадаютъ въ глубины морскія. И кто разумный станетъ проклинать рѣки Карпатскія, что онѣ шумятъ такъ, какъ шумятъ рѣки сѣвера? кто же будетъ такъ глупъ, чтобы думать, что рѣки Карпатъ привлекаютъ своимъ шумомъ рѣки сѣверныя, и что онѣ ихъ наконецъ притянутъ, чтобы онѣ залили своими водами эти предѣлы? Развѣ не всѣ рѣки шумятъ? развѣ это не прирожденный ихъ шумъ (hlas)? Стоятъ цѣпи горъ на югѣ, стоятъ онѣ и на сѣверѣ: тѣ извергаютъ огонь и лаву, а эти стоятъ спокойно и тихо. Какой же мудрецъ станетъ утверждать, что горы на сѣверѣ станутъ вулканами, потому что онѣ — также возвышенности, какъ и тѣ?...“ Но эти рѣки—славянскія рѣки, и ихъ теченіе сродно, а шумъ волжскихъ и днѣпровскихъ волнъ напоминаетъ Славянину звукъ паденія водъ Дуная...

Штуръ окончательно отдѣлилъ словацкую литературу отъ чешской, введя въ нее словацкое нарѣчіе, при томъ болѣе чистое, тренчанской столицы. Это возбудило въ свое время противъ него цѣлую бурю со стороны Чеховъ, вызвало и вызываетъ понынѣ укоръ со стороны Чешскихъ политическихъ дѣятелей **). Штуръ, оправдывая свою реформу, говоритъ, что Словаки по мѣстности ими занимаемой, и по языку составляютъ средину

*) Slovanske Pohl. 1882 г. стр. 46, 48.

**) Рѣчь Ригра въ „Чешскомъ клубѣ“ въ Прагѣ, произнесенная по поводу пріѣзда въ Прагу Самуила Томашика, автора пѣсни: Hej Slované. См. Pokrok за 1884 г. N отъ 1 и 2 Декабря.

славянскаго міра *). Но онъ имѣлъ въ виду и другое: онъ думалъ, что всѣ Славяне придутъ къ соглашенію на счетъ употребленія одного общаго языка для цѣлей науки и взаимныхъ сношеній. А въ такомъ случаѣ каждое изъ нарѣчій имѣетъ не только право, но и обязано создать свою мѣстную литературу, необходимую для образованія народа. Штуръ не раздѣляетъ сожалѣнія Шафарика о томъ, что церковно-славянскій языкъ не остался общеславянскимъ, ибо лишь теперь, когда всѣ славянскія нарѣчія развились въ извѣстной степени самостоятельно, возможно полное обнаруженіе всего богатства славянскаго духа**).

Въ замѣчательномъ трудѣ Штура, изданномъ въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкой рукописи, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанной, проф. Ламанскимъ въ 1867 г.; „Славянство и міръ будущаго", онъ съ замѣчательной основательностью, знаніемъ и критикою разсматриваетъ современное ему положеніе Европы и ея жизнь и даетъ идеальный образъ, къ которому должно стремиться Славянство. Онъ находитъ въ жизни Россіи всѣ начала славянской старины, признаки силы государственнаго и народнаго организма и въ политическомъ объединеніи Славянъ подъ главенствомъ Россіи и Рускаго царя видитъ единственную возможность сохраненія Славянства. Онъ идетъ даже далѣе и требуетъ единства религіознаго: „о, возвратись къ намъ снова святая церковь нашихъ отцовъ, подавшая нашимъ племенамъ первое благословеніе съ высотъ Нитры, Велеграда и Вышеграда!", восклицаетъ онъ. По убѣжденію Штура, „восточная церковь была нѣкогда общая всѣмъ нашимъ племенамъ и есть ихъ истинное достояніе" ***).

Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ, русскомъ, Штуръ рѣшаетъ самымъ положительнымъ образомъ. Развивая мысль, что каждая изъ славянскихъ литературъ, кромѣ

*) Nárečia Slovenskuo, alebo potreba pisania u tomto narečí. 1846. См. Slov. Pohl. 1882, стр. 544.

**) Ibidem стр. 545, 546 и сл.

***) Славянство и міръ будущаго, стр. 187 и 188.

русской, „не въ состояніи двинуть человѣческое развитіе“, Штуръ не видитъ выхода изъ затрудненія и въ „литературной взаимности“, такъ какъ она не можетъ „глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ“. Далѣе онъ говоритъ: „Славяне имѣютъ всѣ основанія обратиться къ одной литературѣ, и къ тому ихъ обязываютъ общечеловѣческія, политическія и историческія соображенія. О выборѣ этой литературы не можетъ быть никакого спора, если не хотятъ переливать изъ пустаго въ порожнее. За исключеніемъ русской, всѣ славянскія литературы ограничены небольшими племенами и, слѣдственно, небольшими областями. Слѣдовательно, при вопросѣ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между древне-славянскимъ и русскимъ языкомъ. Но древне-славянскій языкъ уже вышелъ изъ общежитія, почти мертвый, лишенъ гибкости и увлекательности живаго языка, а мы нуждается въ живомъ словѣ. И такъ *остается только русскій языкъ*, какъ исключительно на то способный; ибо это языкъ величайшаго, единственнаго самобытнаго и на обширномъ пространствѣ земли господствующаго славянскаго племени, которому уже и безъ того по праву принадлежитъ главенство въ нашей народной семьѣ. Сверхъ того, изъ всѣхъ языковъ славянскихъ это самый богатый сильный и полнозвучный, запечатлѣнный могуществомъ; сербскій языкъ по этимъ качествамъ занимаетъ вторую за нимъ степень. Этимъ мы не хотимъ, однако, сказать, что, по принятіи Славянами общелитературнаго языка, уже ничего не надобно писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, и преимущественно, напр., поэтическихъ произведеній. Но намъ ненадобно только оставаться при отдѣльныхъ нашихъ словесностяхъ. Русская литература и потому еще заслуживаетъ предпочтенія для принятія за общеславянскую, что ея азбука вполнѣ и безъ всякихъ затрудненій передаетъ на письмѣ славянскіе звуки, тогда какъ, напротивъ, другія славянскія литературы, за исключеніемъ сербской, съ трудомъ пользуются латинскою азбукою“.

Таковы рѣшительныя мнѣнія словака Штура, протестанта по вѣроисповѣданію и словацкаго патріота, основателя новой словацкой литературы!

Послѣ Людевита Штура много писалось о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго на полѣ науки и взаимныхъ сношеній Славянъ, но никто не рѣшалъ вопроса съ такою рѣзкою опредѣленностью и послѣдовательною систематичностью *).

Русскіе ученые и выдающіеся писатели—публицисты, проводившіе въ общественное сознаніе славянскую идею, раздѣляли эту мысль о пользѣ и возможности примѣненія русскаго языка къ нуждамъ общеславянской науки и литературы. Старѣйшій изъ провозвѣстниковъ славянской идеи въ Россіи М. П. Погодинъ въ своемъ письмѣ къ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову въ 1839 г., послѣ своего возвращенія изъ путешествія по Европѣ, такъ выражался по этому вопросу: „Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могущественъ и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ, и самъ по себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, рано или поздно, сдѣлается общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было прежде нарѣчіе болгарское, а въ западной Европѣ латинское. Всѣ нарѣчія должны прежде принесть ему дань своими словами, оборотами, формами, и слѣдовательно не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобы полнѣе стала Волга“. Далѣе онъ указываетъ, что необходимо „водворить ученіе русскаго языка“.—„Всякій Полякъ долженъ знать по русски“, говоритъ онъ и указываетъ на великій

*) Для примѣра укажу на сербскую малоизвѣстную брошюру Орешковича: „Славенска задруга“ (Бѣлградъ 1872 г.), въ которой авторъ, считая необходимымъ при рѣшеніи вопроса о политическомъ объединеніи Славянъ избрать русскій языкъ общимъ для славянской науки и взаимныхъ сношеній въ предполагаемой славянской федераціи, такъ выражается о томъ, кто бы этому былъ противникомъ: „кто не хочетъ, чтобы у насъ (Славянъ) общимъ языкомъ былъ русскій въ дѣлахъ, гдѣ этого требуетъ наша общность (заједница), тотъ не хочетъ и самаго единства, съ тѣмъ нечего и говорить. Пусть тотъ остается при своей племенной ограниченности, Славянство въ немъ ничего не потеряетъ“ (стр. 29).

трудъ польскаго ученаго Линде, занимавшагося въ то время подготовкою сравнительнаго польско-русскаго словаря *).

Подобныхъ же мнѣній держится и большинство русскихъ писателей, касавшихся этого вопроса. Разница заключается лишь въ частностяхъ и несущественномъ **).

Но эта мысль о литературномъ объединеніи Славянъ, начало которой положено тысяча лѣтъ тому назадъ, хотя ея воскрешеніе произошло сравнительно недавно, не получила еще признанія во всемъ славянскомъ мірѣ, не пріобрѣла еще характера аксіоматической истины. Какъ всякая великая идея, она наталкивается на массы препятствій и вызываетъ множество недоразумѣній. Отраженіе этого мы можемъ найти въ сужденіяхъ, высказанныхъ представителями славянъ, съѣзжавшимися въ Москву на этнографическую выставку въ 1867 г., когда заходила рѣчь объ одномъ литературномъ языкѣ для славянъ. Въ то время, когда болгаринъ Богоровъ, говоря объ общей литературѣ славянъ, выразилъ мнѣніе, что для этой цѣли имѣется уже готовый языкъ—русскій, чехъ Dr. Ригеръ, указывая на примѣръ Грековъ, сказалъ, что „единства должно искать въ гармоніи частей", которой не мѣшаетъ славянское разнорѣчіе. Тогда же чешскій историографъ Палацкій предъ депутаціей студентовъ — филологовъ Московскаго университета, пришедшей его привѣтствовать, выразился такъ: „нѣтъ намъ пока большой нужды въ одномъ общемъ литературномъ языкѣ: мы и теперь понимаемъ другъ друга: но когда обученіе русскому языку войдетъ въ программу на-

*) Погодинъ. Историко-политическія письма и записки впродолженіи Крымской войны 1853—1856 г. Москва 1874 г. стр. 29.

** А. Н. Пыпинъ въ своихъ статьяхъ „Литературный Панславизмъ" (Вѣстникъ Европы за 1879 г. Іюль, Августъ, Сентябрь), отвѣчая въ заключительной главѣ на вопросъ, возможенъ ли всеславянскій литературный языкъ и желателенъ ли онъ, признаетъ его необходимость, при томъ такъ настойчиво, что безъ единства Славянъ въ одномъ общемъ языкѣ для взаимныхъ сношеній и науки славянскій міръ не имѣетъ будущаго. Г. Пыпинъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу признанія русскаго языка общеславянскимъ въ славянскомъ союзѣ.

шихъ школъ, тогда уже совершенно легко всѣ русскіе будутъ понимать чеховъ и всѣ чехи—русскихъ“. Сербы Миличевичъ и Владанъ Георгіевичъ толковали о пользахъ взаимнаго изученія славянскихъ нарѣчій, указывая въ этомъ замѣну литературнаго единства у славянъ *). Очевидно, что если одни изъ славянскихъ представителей, вслѣдствіе естественныхъ опасеній и заботъ о судьбахъ родной рѣчи, лишь недавно примѣненной къ литературѣ, держались еще идеальныхъ мечтаній Коллара, то другіе откладывали рѣшеніе вопроса о литературномъ единствѣ у славянъ до дальнихъ будущихъ временъ. Впослѣдствіи Палацкій назвалъ даже сномъ мысль о всеславянскомъ языкѣ литературы и науки **).

Идея о всеславянскомъ литературномъ языкѣ находится еще въ періодѣ развитія и роста. Пора романтической эпохи славянскаго возрожденія миновала,—наступило время практическаго дѣланія, суроваго труда, медленнаго и настойчиваго, но за то болѣе плодотворнаго. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что между тѣмъ какъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда идея славянскаго единства еще выяснялась теоретически, мысль объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ занимала виднѣйшихъ представителей славянскаго міра и находила своихъ толкователей и даже пророковъ (какъ Штуръ), въ наше время теоретическая ея разработка какъ бы остановилась. Стало ясно, что политическая жизнь славянскаго міра переживаетъ критическіе моменты, и что наступила пора, когда всѣ мысли о развитіи славянскаго самосознанія и самостоятельной работѣ славянскаго духа должны быть примѣнены къ практикѣ жизни. Многое оказалось неисполнимымъ, а многое неприложеннымъ пока, но несомнѣнно ждущимъ своего времени для полнаго приложенія. Къ разряду такихъ идей принадлежитъ мысль о русскомъ языкѣ, какъ языкѣ общеславянской науки и взаимныхъ сношеній Славянъ между собою.

*) Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ Маѣ 1867 г. Москва 1867 г. стр. 287, 301, 330, 331, 366.

**) Radhost. Т. III. стр. 310.

Русская литература и ея языкъ прокладываютъ себѣ путь не только къ славянамъ, но и къ народамъ западной Европы. Знаніе ихъ или по крайней мѣрѣ знакомство съ ними становится такъ или иначе обязательнымъ для человѣка науки и высшаго образованія. Если это дѣлается медленно, быть можетъ медленнѣе, чѣмъ бы могъ желать славянинъ, сознающій свою общность со всѣмъ славянскимъ міромъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что развитіе великой идеи славянскаго литературнаго единства идетъ впередъ вѣрными шагами, и что остановить разъ начавшееся движеніе ея едва ли возможно какими бы то ни было ухищреніями враждебной политики и мысли. Дѣло пока ограничивается распространеніемъ знанія русскаго языка среди славянъ запада и юга и приложеніемъ, хотя и рѣдкимъ, этого знанія къ практикѣ въ области литературы и науки, а въ Россіи—расширеніемъ знакомства со славянами, ихъ нарѣчіями и литературами. Русская школа воспитала уже не одного славянина, а знаніе русскаго языка пріобрѣтается славянами уже и за предѣлами этой школы. Достаточно указать на каѳедры русскаго языка, существующія у западныхъ и южныхъ славянъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и на кружки, образовавшіеся въ нѣкоторыхъ славянскихъ городахъ для изученія русской литературы и языка.

Разрѣшеніе вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ обыкновенно тѣсно связываютъ съ вопросомъ о политическомъ объединеніи славянъ. Шафарикъ, этотъ патріархъ нынѣшней славистики, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Коллару (отъ 1 Марта 1826 г.) говоритъ, что вопросъ о томъ, „какое изъ славянскихъ нарѣчій и которая изъ славянскихъ азбукъ станутъ всеславянскими, рѣшитъ уже не перо, а лишь мечъ: потоки крови выроютъ знаки буквъ,—тамъ, гдѣ ихъ всего болѣе потечетъ, тамъ возникнутъ всеславянскій языкъ и азбука“ *) Людевитъ Штуръ заканчиваетъ отдѣлъ о всеславянской роли русскаго языка въ своей книгѣ слѣдующими словами: „по само-

*) Časopis Českého Muzea, 1874, стр. 68.

любію людскому, нельзя ожидать, чтобы наши племена добровольно рѣшились на этотъ объединительный шагъ и, при нынѣшнемъ чужеземномъ господствѣ, никоимъ образомъ нельзя провести этой мѣры. Это великое дѣло рѣшится ко благу славянъ только подъ напоромъ важныхъ политическихъ событій. Между тѣмъ полезно пока возбуждать этотъ вопросъ, говорить объ этомъ предметѣ и приготовлять къ тому умы“ *). Такого же мнѣнія держатся и многіе современные ученые и патріоты, писавшіе объ этомъ вопросѣ, какъ Данилевскій, Первольфъ, Будиловичъ **) и др.

Конечно, никто не станетъ отрицать того, что политическое объединеніе славянъ, въ какой бы формѣ оно не осуществилось, не только содѣйствовало бы успѣшному разрѣшенію вопроса о литературномъ единствѣ славянъ, но и прямо рѣшило бы его. Это путь самый простой и самый естественный. Онъ ясно указанъ Шафарикомъ, имѣвшимъ въ виду, конечно, Россію и русскій народъ, на который возлагались всѣ освободительныя надежды славянъ въ это время. Но это—не единственный путь для рѣшенія мирнаго, культурнаго вопроса.

Еще Колларъ, а за нимъ Матія Маяръ на примѣрѣ нѣмцевъ указывали, что политическое объединеніе славянъ не есть необходимое условіе для объединенія ихъ въ языкѣ науки ***). Если возможно было при самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, даже при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было политическихъ правъ у славянскихъ народностей, подчиненныхъ Австріи и Турціи, расширеніе знакомства съ русской литературой и наукой и ихъ языкомъ, то едва ли возможно предполагать, что при извѣстной политической свободѣ, уже добытой славянами, изученіе русскаго языка славянами остановится и не получитъ дальнѣйшаго развитія.

*) Славянство и міръ будущаго, стр. 190.

**) Россія и Европа, стр. 456, Славянскій Сборникъ 2, III, 13. Slovanska myšlenka na Rusi—Osvěta. 1879, стр. 880—881.

***) Колларъ. О литер. взаимности Славянъ § 3; Маяръ: Узаjемні правопис, § 8.

Русская наука и литература, развиваясь и расширяя свои области, съ каждымъ днемъ становится болѣе самостоятельною и независимою отъ западно-европейской. Самостоятельная критика, независимость въ изслѣдованіи и своеобразіе въ постановкѣ вопросовъ и взглядахъ создаютъ ей славу въ мірѣ и отводятъ особое и почетное мѣсто въ исторіи европейскаго просвѣщенія, а оригинальность творцовъ въ русской художественной литературѣ давно уже признана западною Европою. Міровыя задачи Россіи и русскаго народа, какъ славянскаго и какъ поставленнаго на предѣлахъ Европы и Азіи, ожидающей своего просвѣтителя, дѣлаютъ языкъ русскаго народа—языкомъ міроваго значенія по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это именованіе примѣняется къ языкамъ нѣмецкому, французскому, англійскому.

Если встрѣчаются помѣхи и теперь въ распространеніи знанія русскаго языка за предѣлами Россіи, то въ этомъ виноваты какъ традиціонныя опасенія Россіи въ западной Европѣ, такъ и естественное, впрочемъ, чувство опасенія малыхъ славянскихъ народностей утратить, что сдѣлано уже ими для развитія народной словесности. Но, по словамъ Тютчева:

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы—народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родные....

Великая идея литературнаго объединенія славянъ, осуществленная въ эпоху дѣятельности славянскихъ апостоловъ, въ эпоху изобрѣтенія славянскихъ письменъ и переводовъ церковныхъ книгъ св. Меѳодіемъ и его учениками, сохранилась въ славянствѣ до нашихъ временъ и вновь возрождается независимо отъ внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. Былобы болѣе, чѣмъ странно, полагать что литературное объединеніе славянъ уничтожитъ отдѣльныя литературы славянскихъ народностей: оно лишь ограничитъ ихъ область. Если бы даже разсматривать этотъ вопросъ въ наше время концентраціи великихъ народныхъ единицъ, какъ необходимое зло для славянъ, то, исходя изъ альтер-

нативы: или сохранить народную литературу и самобытность каждой изъ славянскихъ народностей, ограничивъ ихъ область въ пользу литературнаго объединенія славянства, или потерять и то и другое вслѣдствіе подчиненія чуждымъ культурнымъ вліяніямъ и чужой литературѣ—признаніе русскаго языка языкомъ общеславянской науки и литературы является меньшимъ зломъ.

Славянскій мыслитель и поэтъ Хомяковъ когда-то написалъ въ альбомъ одному изъ первыхъ проповѣдниковъ всеславянской роли русскаго языка, служившему этой идеѣ и на практикѣ, чеху В. В. Ганкѣ, обращаясь въ молитвѣ къ Богу:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

Хомяковъ говорилъ здѣсь о Россіи, но тамъ же онъ отмѣтилъ, что эта молитва у него и для всѣхъ славянъ.

Вотъ этотъ-то духъ сомнѣнія, недальновиднаго мелкопрактическаго разсчета, эгоизма и составляетъ среди славянъ одну изъ важнѣйшихъ помѣхъ для скораго осуществленія великой идеи литературнаго единства, завѣщаннаго первоучителями славянъ. Закончимъ прекрасными словами другаго великаго русско-славянскаго писателя, Константина Аксакова:

„О братья, плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!
Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще не слыханное имъ!

Платонъ Кулаковскій.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОДВИГЪ
СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ИХЪ ГРЕЧЕСКАГО ПРОИСХОЖДЕНІЯ.

Не многимъ историческимъ дѣятелямъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ выпадала на долю роль, могущая сколько-нибудь быть приравненною по величію своему и глубинѣ значенія той роли, которую Богъ судилъ великимъ создателямъ духовнаго просвѣщенія всего славянства, чествуемымъ нынѣ на всемъ его исполинскомъ протяженіи отъ далекихъ окрайнъ Сибири до Адріатики въ 1000-лѣтнюю годовщину смерти одного изъ св. братьевъ.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ были посажены св. Кирилломъ и Меѳодіемъ тѣ плодотворныя сѣмена, изъ которыхъ выросло это могучее и нынѣ столь роскошно разцвѣтшее дерево восточно-славянской духовной культуры.

Кто же были, откуда взялись эти мудрые благодѣтели славянства, собственноручно и самоотверженно совершившіе великое дѣло не только самой посадки и возращенія сѣмянъ христіанской культуры на славянской почвѣ, но и образованія цѣлой школы и богатаго разсадника послѣдующихъ дѣятелей— ихъ достойныхъ продолжателей?

Св. Кириллъ и Меѳодій были *греки*—вотъ по истинѣ глубоко важный и знаменательный фактъ, надъ которымъ стоитъ подумать и который было бы легкомысленно и недобросовѣстно оставлять безъ надлежащаго вниманія и оцѣнки. Между тѣмъ что же видимъ на дѣлѣ? Пересмотрите всю кирилло-меѳодіев-

скую литературу, достигшую въ наши дни уже огромныхъ размѣровъ, исполненную несомнѣнно истинной учености, глубокомысленной и остроумнѣйшей критики, а подчасъ и геніальной проницательности,—и вы найдете у авторовъ всей этой массы ученыхъ изслѣдованій и разсужденій, за очень немногими исключеніями, лишь по нѣскольку большею частью малозначительныхъ словъ о греческомъ происхожденіи Кирилла и Меѳодія. Большинство писателей говорятъ о немъ мелькомъ, многіе даже какъ-бы игнорируютъ его, давая поводъ думать, что они или не придаютъ ему особеннаго значенія, или—что хуже—умышленно обходятъ его молчаніемъ, находя какъ-бы мало лестнымъ или даже обиднымъ для самолюбія славянъ, что ихъ духовные просвѣтители были не славяне, а греки.... Есть и такіе ученые, которые—вопреки достовѣрнымъ свидѣтельствамъ источниковъ, достаточно ясно указывающимъ на греческое происхожденіе Кирилла и Меѳодія,—пытаются и изъ этого факта создать вопросъ и предлагаютъ гипотезу, не оправдываемую однако положительными данными или сколько-нибудь убѣдительными соображеніями, о *славянскомъ* происхожденіи солунскихъ братьевъ *). „Очень можетъ быть, говорятъ они, что

*) Всего подробнѣе и краснорѣчивѣе развилъ эту гипотезу *М. П. Погодинъ* (его *Рѣчь* въ засѣд. М. Общ. Л. Р. С. въ Кирилло-Меѳод. Сборн. М. 1865, стр. 95—105), сознающійся, что ему „очень желалось бы въ храмѣ славянской исторіи поставить образы такихъ двухъ великихъ дѣятелей, какъ Св. Кириллъ и Меѳодій" (какъ будто эти дѣятели не стоятъ уже и безъ того сами собой въ этомъ храмѣ—и при своемъ греческомъ происхожденіи!...) Погодинъ старается подыскать доказательства для своего положенія и a priori и a posteriori, и отъ противнаго, но признаемся—на нашъ взглядъ по крайней мѣрѣ—всѣ его доводы и соображенія, часто и остроумные, отзываются натяжкой и весьма мало убѣдительны, или совсѣмъ неумѣстны, будучи почерпнуты изъ позднихъ, недостовѣрныхъ источниковъ, вообще же строгой критики не выдерживаютъ. Догадку о славянскомъ происхожденіи Кирилла и Меѳодія совершенно голословно повторяетъ *К. Иречекъ* (Ист. Болг., перев. Бруна, стр. 186). *Гильфердингъ*, правда, также выразился однажды, что можно считать „до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, что Кириллъ и Меѳодій, какъ многіе другіе знатные ви-

Кириллъ и Меѳодій были *родомъ* славяне, такъ какъ на родинѣ ихъ, въ Солунской области, славянское населеніе было преобладающимъ". Но разъ такого предположенія нельзя доказать никакими показаніями дошедшихъ до насъ историческихъ источниковъ, а напротивъ послѣдніе почти единогласно убѣждаютъ насъ совершенно въ противномъ,—спрашивается: къ чему можетъ служить оно? Да наконецъ, пусть кому-нибудь удалось бы доказать, что въ солунскихъ братьяхъ текла отчасти и славянская кровь! Что бы изъ этого слѣдовало? Мы и тогда сказали бы, что Кириллъ и Меѳодій были *истые греки*, что истыми греками являются они передъ нами, такъ сказать, отъ головы до пятокъ—по всему: по языку, воспитанію, образованію, по духу и настроенію ума, однимъ словомъ всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ, своей духовной природой; они были въ полной мѣрѣ продуктами греческой высокообразованной общественной среды и греческой культуры, наконецъ сами себя считали греками, и этого для насъ уже было бы достаточно. А если ко всему этому присоединяется еще нѣсколько довольно ясныхъ историческихъ показаній о томъ, что они были солунскіе *греки*, то мы считаемъ себя въ полномъ правѣ исходить изъ этого факта какъ изъ достовѣрнаго и неоспоримаго.

Игнорированье этого факта или стремленіе къ оспариванью его со стороны западно-славянскихъ, и именно католическихъ писателей, однимъ словомъ со стороны Рима, поставившаго себѣ задачей присвоить славянскихъ первоучителей католицизму, было бы еще довольно понятно и простительно (конечно только не съ научной точки зрѣнія): Кириллъ и Меѳодій—греки навѣр-

зантійцы, были славянскаго присхожденія", но тутъ же онъ признаетъ достовѣрнымъ, что уже отецъ ихъ не принадлежалъ народу славянскому, *что они были и считали себя греками.* Онъ не придаетъ существеннаго значенія вопросу о томъ не текла ли въ ихъ жилахъ славянская кровь, ибо они всетаки (по его словамъ) вполнѣ принадлежали греческой Византіи, были по всему не славяне, а греки. (Собр. Соч. Гилфердинга т. I, стр. 317). *П. А. Лавровскій* считаетъ несомнѣннымъ греческое происхожденіе К. и М. (Кириллъ и Меѳодій, Харьк. 1863, стр. 216).

но менѣе удобны и симпатичны католикамъ, чѣмъ Кириллъ и Меѳодій—славяне... Но для насъ, славянъ православныхъ, связанныхъ во всемъ своемъ духовномъ организмѣ, вѣрой и культурой съ греками и ихъ міромъ, дѣло представляется совершенно иначе; для насъ въ этомъ знаменательномъ фактѣ греческаго происхожденія славянскихъ апостоловъ заключается весь смыслъ ихъ великаго подвига на пользу славянства, въ немъ краснорѣчивое объясненіе характера и направленія всей ихъ просвѣтительной и зиждительной дѣятельности, на результатахъ которой построилось постепенно величественное и типическое зданіе греко-славянской культуры и опредѣлилось міровое призваніе ея носителей, въ немъ наконецъ разгадка той широкой общеславянской роли и значенія, той всеобщей популярности и почитанія, какими всегда пользовались и продолжаютъ пользоваться Кириллъ и Меѳодій одинаково во всѣхъ концахъ славянскаго міра...

Въ виду всего этого я считаю умѣстнымъ обратить вниманіе русскихъ читателей на этотъ, по моему мнѣнію, до сихъ поръ недостаточно выдвигнутый въ литературѣ о Кириллѣ и Меѳодіи пунктъ и высказать по этому поводу нѣсколько мыслей, отнюдь не имѣя притязанія въ настоящей краткой замѣткѣ сколько-нибудь исчерпать предметъ.

Св. Кирилла и Меѳодія мы называемъ не иначе, какъ апостолами и просвѣтителями славянскихъ народовъ, положившими начало ихъ христіанской образованности, ихъ національному духовному развитію, можно сказать, предрѣшившими такимъ образомъ ихъ особую культурно-историческую роль среди другихъ европейскихъ народовъ. Въ чемъ же именно заключалось ихъ дѣло? Они надѣлили славянъ тѣми необходимѣйшими благами, безъ которыхъ никакой народъ не можетъ итти впередъ по пути духовнаго развитія и стать историческимъ, они надѣлили ихъ *письменностью*, *литературнымъ языкомъ*, *священными книгами* на этомъ языкѣ, однимъ словомъ всѣми средствами для усвоенія христіанской истины и христіанскаго просвѣщенія, и притомъ изъ того источника, который именно былъ имъ наиболѣе попутру и такъ сказать „на потребу“, который

имъ давалъ все нужное и ничего у нихъ не отнималъ, оставлялъ ихъ вполнѣ самими собою—и въ національномъ, и въ бытовомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ.

Чѣмъ было славянство до Кирилла и Меѳодія? Разбросанныя по обширнымъ территоріямъ средней Европы, Руси и Балканскаго полуострова, среди чуждыхъ и враждебныхъ народностей, славянскія племена представляли разрозненную, разновидную, ничѣмъ не объединенную, не сознающую даже своего племеннаго сродства народную массу, правда съ прекрасными отъ природы духовными задатками, но все-же еще грубую, не культурную и туго поддающуюся вліянію христіанской проповѣди, шедшей изъ враждебныхъ имъ рукъ. Но являются на славянской исторической сценѣ въ половинѣ IX в. два грека, сильные духомъ и глубоко проникнутые сознаніемъ своего святого призванія—дать славянамъ сокровища христіанскаго просвѣщенія, и черезъ нѣсколько десятилѣтій славянскій міръ является уже преобразившимся: свѣтъ христіанскаго ученія разлился у всѣхъ народностей славянскихъ—проникая постепенно въ самыя отдаленныя окрайны ихъ земель; славянская рѣчь является орудіемъ этой плодотворной проповѣди; по всюду, и на югѣ, и на западѣ, и на востокѣ славяне читаютъ Слово Божіе и совершаютъ богослуженіе по тѣмъ же книгамъ, которыя всѣми одинаково понимаются и усердно переписываются; этимъ путемъ устанавливаются между ними прочныя взаимныя связи и сношенія, совершается духовное объединеніе территоріально-разрозненныхъ частей того же племени, растетъ и крѣпнетъ у всѣхъ національное самосознаніе... Таковы были чудодѣйственные результаты весьма непродолжительной и исполненной тяжелой борьбы и превратностей, но энергической и одушевленной великой идеей дѣятельности св. славянскихъ апостоловъ.

Невольно задаешься вопросомъ: въ чемъ же была сила этихъ мужей, что помогло имъ подняться на такую высоту въ исполненіи доставшейся имъ, можно сказать, исполинской задачи? Несомнѣнно высокія личныя качества св. Кирилла и Меѳодія имѣли тутъ огромное значеніе: ихъ богатыя природныя дарованія (въ Кириллѣ доходившія до геніальности) и трезвый умъ, замѣ-

чательныя стойкость характера и энергія, высоко-христіанское религіозное настроеніе души и нравственныя совершенства выдвигали ихъ впередъ и обезпечивали имъ выдающееся общественное положеніе и успѣхъ во всякого рода дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ той, которой они себя посвятили. Несомнѣнно и то, что внѣшнія обстоятельства и условія времени представляли особенно благопріятный моментъ для просвѣтительной дѣятельности среди славянъ—въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ осуществили святые братья свое великое предпріятіе; но при всемъ томъ мы убѣждены, что не въ этомъ только, т. е. не въ однихъ личныхъ достоинствахъ Кирилла и Меѳодія и благопріятныхъ условіяхъ времени заключалась вся сила славянскихъ просвѣтителей и поразительный успѣхъ ихъ дѣла... Было еще обстоятельство, имѣвшее, очевидно, глубокое, рѣшающее значеніе въ этомъ грандіозномъ историческомъ явленіи, и мы рѣшительно утверждаемъ, что такимъ обстоятельствомъ было именно *греческое* происхожденіе Кирилла и Меѳодія, обусловившее ихъ выступленіе на избранное поприще во всеоружіи высшаго византійскаго образованія и учености, во всеоружіи истинно православныхъ вѣрованій и убѣжденій, и опредѣлившее въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи всю ихъ миссіонерскую и учено-просвѣтительную дѣятельность.

Итакъ въ высшей степени не правы тѣ, кто смотрятъ на *греческое* происхожденіе Кирилла и Меѳодія, какъ на нѣчто второстепенное, случайное... Нѣтъ! для того, кто глубже всматривается въ сложный и таинственный процессъ исторической жизни и развитія народовъ, фактъ этотъ не можетъ показаться случайнымъ: онъ напротивъ скорѣе усмотритъ здѣсь внутреннюю историческую необходимость, а если вѣритъ въ Божественный Промыслъ, то несомнѣнно найдетъ въ данномъ случаѣ его явное и благое проявленіе!

Я думаю, что для того, чтобы стать вполнѣ тѣмъ, чѣмъ стали для славянства св. Кириллъ и Меѳодій, имъ необходимо было по существу *быть греками*. Я положительно сомнѣваюсь, чтобъ природные славяне, какой-бы они славянской народности ни принадлежали, были въ состояніи въ ту эпоху справиться съ той задачей, которую приняли на себя и выполнили Кириллъ

и Меѳодій, совершить все то, что они совершили какъ проповѣдники и просвѣтители *всего* славянства и достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ, стяжавъ себѣ неувядаемую славу и вѣчную благодарную память *во всемъ* славянскомъ мірѣ! И сомнѣніе наше имѣетъ, надѣемся, достаточно основаній. Не будемъ забывать, что если задача Кирилла и Меѳодія первоначально и не была общеславянскою, то она очень скоро какъ-бы сама собой, а въ сущности благодаря именно ихъ отношенію къ ней, расширилась въ *таковую* и что такимъ именно *общеславянскимъ* вышло все ихъ просвѣтительное дѣло. А чтобъ предпринять и совершить такое *общеславянское* дѣло, облаготворить одинаково всѣ племена славянскія, надо было прежде всего стоять выше всякихъ узко-племенныхъ стремленій и задачъ, всякихъ племенныхъ пристрастій и чувствъ мѣстнаго патріотизма, словомъ всей душой и всѣми помыслами принадлежать не одной какой-либо славянской народности, а всему славянству—въ его цѣломъ, т. е. быть привязаннымъ къ извѣстной отвлеченной идеѣ. Можно ли, спрашивается, допустить, чтобъ въ средѣ какого-либо славянскаго племени, болгарскаго ли, сербскаго или чехо-моравскаго въ половинѣ IX вѣка могъ народиться и выдѣлиться такой типъ? Правдоподобно ли допустить, чтобъ напр. какіе-нибудь образованные болгары или сербы въ IX в. пошли проповѣдывать къ невѣдомому имъ, хотя и родственному, племени Мораванъ—въ то время какъ у нихъ самихъ, на родинѣ, христіанство едва кое-какъ прививалось, чтобъ они лишь съ этою цѣлью и по этому поводу стали изобрѣтать славянскія письмена, въ которыхъ такъ давно нуждались ихъ соотечественники, чтобъ они стали вырабатывать общепонятный для всѣхъ славянъ письменный языкъ, не давая исключительнаго предпочтенія своему родному!... Очевидно нѣтъ; все это было бы слишкомъ противоестественно и непонятно. Для такой дѣятельности нужны были люди, смотрящіе на свою задачу съ высшей, вполнѣ объективной точки зрѣнія, безъ племенныхъ славянскихъ стремленій, мелкихъ побужденій и интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не только не чуждые славянства, но съ нимъ близко знакомые и ему въ душѣ симпатизирующіе, хорошо владѣющіе славянскою рѣ-

чью, усвоившіе себѣ ея духъ и характерныя черты. И такіе люди, вполнѣ удовлетворяющіе всѣмъ этимъ условіямъ, могли оказаться только у ближайшихъ высоко-культурныхъ православныхъ сосѣдей славянъ (на югѣ), у образованныхъ *грековъ*,— и болѣе ни у кого!... Такіе люди дѣйствительно и нашлись среди нихъ, когда пришла пора, въ лицѣ нашихъ знаменитыхъ *Солунцевъ*. Греки по происхожденію, вѣрѣ, воспитанію и образованію, они въ то же время условіями жизни были какъ-бы нарочно подготовлены для выполненія своего высокаго призванія— быть славянскими просвѣтителями. Ихъ родной городъ былъ центромъ страны, въ которомъ преобладало славянское населеніе и самъ заключалъ въ себѣ значительную славянскую стихію. Воспитанные въ такой средѣ, Кириллъ и Меѳодій съ дѣтства должны были сблизиться съ славянами, узнать ихъ, познакомиться съ ихъ народнымъ бытомъ и нуждами, почувствовать къ нимъ симпатію, и конечно овладѣли хорошо ихъ нарѣчіемъ. Подъ вліяніемъ ихъ религіознаго настроенія и духовной потребности быть полезными своему ближнему, въ нихъ (вѣроятно раньше въ Кириллѣ) могла рано зародиться мысль дать славянамъ вѣрное средство къ христіанскому просвѣщенію. Но сложное и многотрудное осуществленіе этой мысли могло состояться только тогда, когда случайно явился къ этому внѣшній поводъ, благодаря которому братья были силою обстоятельствъ вовлечены въ это дѣло. Мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ, что психологически не возможно допустить, чтобъ они предприняли и совершили свой великій историческій подвигъ только вслѣдствіе посольства въ Константинополь моравскаго князя Ростислава и обращенія къ нимъ императора Михаила...*)

Итакъ греческимъ происхожденіемъ славянскихъ апостоловъ, ихъ безпристрастнымъ, свободнымъ отъ всякихъ предубѣжденій и сочувственнымъ отношеніемъ ко всѣмъ славянамъ безразлично—не взирая ни на какія раздѣляющія послѣднихъ племенныя и мѣстно-патріотическія тенденціи—обусловливается

*) Срв. *Гильфердингъ*, Кириллъ и Меѳодій, Собр. Соч. т. I, стр. 301.

какъ характеръ всей дѣятельности солунскихъ братьевъ и значеніе тѣхъ благъ, которыми они надѣлили славянство, такъ и громадный успѣхъ ихъ подвига.

Вглядимся поближе въ драгоцѣнные плоды дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Въ самомъ дѣлѣ, не проливаетъ ли ихъ греческое происхожденіе довольно яркій свѣтъ не говорю уже на вопросъ о составленіи славянской азбуки (все равно—кириллицы или глаголицы), въ основаніи которой положено греческое письмо, но и на капитальнѣйшій и донынѣ остающійся открытымъ вопросъ о происхожденіи и образованіи церковнославянскаго языка, т. е. о томъ дѣлѣ, въ которомъ собственно (послѣ изобрѣтенія письменъ) и заключается важнѣйшая и величайшая заслуга солунскихъ братьевъ? Безконечно много писалось и до сихъ поръ пишется о томъ, какъ возникъ языкъ первыхъ славянскихъ переводовъ св. писанія и церковныхъ книгъ, распространившійся въ ту пору съ немногими мѣстными оттѣнками по всюду, куда только достигали плоды просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія, и ставшій затѣмъ на долго общимъ письменнымъ и на всегда церковно-литературнымъ языкомъ всего православнаго (и отчасти даже не православнаго: глаголиты) славянства. На всевозможные способы рѣшали ученые этотъ вопросъ, подходя къ нему съ самыхъ различныхъ сторонъ, при чемъ къ сожалѣнію нерѣдко руководило иными изъ нихъ (да и теперь еще руководитъ) не одно только исканіе истины, а и другія постороннія наукѣ соображенія... Извѣстно, что различныя славянскія народности въ лицѣ своихъ ученыхъ представителей оспаривали другъ у друга честь—выводить древнеславянскій церковный языкъ непосредственно отъ своего нарѣчія, и что знаменитые славянскіе филологи, принадлежащіе къ небольшому *словинскому* племени, населявшему въ IX вѣкѣ часть Паннопіи, создали цѣлую стройную, научно-обставленную и нынѣ у западныхъ славянъ даже господствующую теорію *о паннонизмѣ* древнѣйшихъ славянскихъ письменныхъ памятниковъ, т. е. о томъ, что древнеславянскій церковный языкъ есть языкъ *старо-словинскій* (или старо-словенскій). Однако здравая научная критика давно выставила и отстаиваетъ то вполнѣ вѣрное соображе-

ніе, что совершенно не правдоподобно, чтобъ Кириллъ и Меѳодій явились въ Моравію и Паннонію безъ всякихъ письменныхъ орудій проповѣди и лишь тутъ начали свою ученую работу, что безъ сомнѣнія они составили азбуку, а слѣдовательно и перевели первыя книги еще на югѣ (до своего путешествія) гдѣ-нибудь у себя дома или въ Византіи, и что ихъ знаніе нарѣчія македонскихъ славянъ не могло остаться безъ вліянія въ дѣлѣ первоначальнаго перевода свящ. книгъ на славянскій языкъ. Отсюда и возникло весьма распространенное у насъ мнѣніе о томъ, что древній церковнославянскій языкъ ведетъ свое начало отъ нарѣчія македонскихъ болгаръ, что находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ кое-какихъ еще до нынѣ сохранившихся древнихъ особенностяхъ послѣдняго, общихъ съ церковнославянскимъ. Нельзя не признать основательности и научной цѣнности такого взгляда, опирающагося равно на историческія, какъ и на филологическія данныя. Однако высказанныя соображенія о связи возникновенія церковнославянскаго языка съ фактомъ происхожденія Кирилла и Меѳодія изъ солунской области имѣли бы для насъ еще большее, можно сказать, рѣшающее значеніе, но лишь при одномъ (невозможномъ однако) условіи: еслибъ наши солунцы были славяне. Тогда бы они конечно перевели св. писаніе на свое нарѣчіе, но въ такомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, они не могли бы и стать *общеславянскими* апостолами и просвѣтителями... Но они были *греки*, — и намъ кажется, что именно ихъ греческое происхожденіе въ состояніи въ данномъ случаѣ бросить нѣкоторый свѣтъ на вопросъ.

Они по всей вѣроятности хорошо владѣли нарѣчіемъ македонскихъ болгаръ, но заготовляя средства для проповѣди и введенія славянскаго богослуженія въ Моравіи, не могли же эти умные и предусмотрительные мужи не освѣдомиться напередъ о языкѣ моравскаго народа, не познакомиться съ нимъ предварительно и не принять его въ расчетъ при первой же работѣ составленія переводовъ съ греческаго? Все это было для нихъ не слишкомъ трудно, ибо въ посольствѣ кн. Ростислава были навѣрно люди, которыми они могли воспользоваться для своей

цѣли. Филологическій геній св. Кирилла, свободно владѣвшаго однимъ славянскимъ нарѣчіемъ, вновь познакомившагося еще со вторымъ (кто знаетъ, не имѣвшаго ли еще ранѣе случая познакомиться и съ другими? *) и тонкимъ чутьемъ усвоившаго себѣ духъ славянскаго языка, сумѣлъ справиться съ первой трудной задачей: тѣ книги, которыя были заготовлены имъ для моравамъ, достигли конечно своей цѣли и оказались для нихъ вполнѣ удобопонятными. Мы разумѣется не знаемъ, каковъ былъ этотъ языкъ, насколько онъ былъ близокъ къ выработавшемуся затѣмъ церковнославянскому языку древнѣйшихъ до насъ дошедшихъ письменныхъ памятниковъ XI вѣка, какъ онъ относится къ нарѣчіямъ македоно-болгарскому и моравскому и т. д., но мы можемъ сказать уже a priori, что первое изъ этихъ нарѣчій, т. е. македонское, бывшее какъ-бы своимъ для переводчиковъ, должно было лечь въ основаніе этого языка первоначальнаго перевода греческихъ книгъ. Дальнѣйшее же развитіе, усовершенствованіе и постепенное прочное установленіе одного общаго стройнаго и гармонически сложившагося церковно литературнаго языка для всѣхъ (почти) славянъ—совершенно естественнымъ и цѣлесообразнымъ путемъ обобщенія и взаимныхъ уступокъ—могло совершиться по нашему крайнему убѣжденію единственно только благодаря свободному, безпристрастному и широкому взгляду на дѣло самихъ просвѣтителей, иначе говоря благодаря ихъ не славянскому, а греческому происхожденію. Уже отъ Кирилла и Меѳодія этотъ широкій взглядъ унаслѣдовали ихъ лучшіе ученики славянскаго происхожденія, неуклонно шедшіе по стопамъ своихъ великихъ учителей.

Будучи греками и владѣя съ дѣтства нарѣчіемъ солунскихъ славянъ, Кириллъ и Меѳодій не могли конечно, въ силу своего иностраннаго происхожденія, въ зрѣлые уже года столь же легко овладѣть любымъ другимъ славянскимъ нарѣчіемъ и отрѣшиться отъ ранѣе усво-

*) Напр. съ *сербскимъ* нарѣчіемъ у себя въ Македоніи или въ Византіи, съ *русскимъ* во время миссіи къ Хазарамъ, какъ объ этомъ и свидѣтельствуетъ извѣстное преданіе въ житіи св. Кирилла?

еннаго. Поэтому то и нельзя допустить, чтобъ они не положили этого своего первоначальнаго запаса свѣдѣній въ славянскомъ языкѣ въ основаніе своего *личнаго* труда по переводу книгъ св. писанія. Въ этомъ смыслѣ они и позже, познакомившись практически съ моравскимъ нарѣчіемъ, до нѣкоторой степени вѣроятно оставались *консервативны*. Но съ другой стороны—какъ греки же они не могли грѣшить мѣстнымъ такъ сказать діалектическимъ партикуляризмомъ и настолько быть пристрастны къ своему македонскому нарѣчію, чтобъ желать навязать его другимъ славянамъ или рѣшительно и ревниво оберегать его особенности и оттѣнки (и въ звукахъ и въ формахъ) въ языкѣ письменномъ, какъ къ этому несомнѣнно стремились бы природные славяне... Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, дѣйствуя въ Моравіи, и затѣмъ въ Панноніи (Меѳодій) какъ сами легко примѣнялись въ своихъ ученыхъ трудахъ къ особенностямъ мѣстныхъ нарѣчій (въ Моравіи и Панноніи), такъ и другимъ, своимъ ученикамъ предоставляли видоизмѣнять письменную рѣчь согласно мѣстнымъ потребностямъ, т. е. характернымъ отличіямъ того или другого нарѣчія. Такъ представляется намъ процессъ образованія того общеславянскаго церковно-литературнаго языка, который мы находимъ въ письменныхъ памятникахъ XI—XII вѣкахъ (кирилловскихъ и глаголическихъ) уже по всюду, у славянъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ--конечно вездѣ съ особеннымъ типическимъ отпечаткомъ. Находясь въ прямой зависимости отъ взглядовъ и отношенія къ дѣлу св. Кирилла и Меѳодія, этотъ процессъ тѣмъ самымъ очевидно обусловленъ греческимъ происхожденіемъ послѣднихъ.

Я разсмотрѣлъ одинъ изъ главнѣйшихъ результатовъ учено-просвѣтительной дѣятельности солунскихъ братьевъ, въ которомъ наиболѣе ярко сказался этотъ занимающій насъ фактъ, но онъ опредѣлилъ собою и всѣ вообще неисчислимые результаты ихъ плодотворнаго историческаго подвига. Упрочивъ только-что возникавшую духовную и религіозную связь славянъ съ греческимъ міромъ, греки Кириллъ и Меѳодій упрочили этимъ и православіе у славянъ южныхъ и восточныхъ, которому затѣмъ приходилось не разъ бороться съ назойли-

выми услугами и притязаніями западной церкви... Греческое происхожденіе и греческая ученость Кирилла и Меѳодія оказали несомнѣнное вліяніе не только на составъ и строй церковнославянскаго языка, но и на судьбы и характеръ всей православно-славянской письменности... *) Греческое происхожденіе и связанное съ нимъ непоколебимое *православіе* славянскихъ апостоловъ опредѣлили всю ихъ миссіонерскую дѣятельность у славянъ западныхъ, ихъ твердое и недопускавшее никакихъ уступокъ отношеніе къ Риму и его приверженцамъ, а такимъ образомъ отразилось и на исторической судьбѣ тѣхъ славянскихъ народовъ (живучесть православныхъ преданій въ Чехіи).

Подробное развитіе всѣхъ этихъ соображеній завело бы насъ слишкомъ далеко. Я позволю себѣ только указать здѣсь еще на связь интересующаго меня факта съ величайшимъ историческимъ послѣдствіемъ принятія большинствомъ славянъ христіанской вѣры изъ византійскаго источника съ созданіемъ особой *греко-славянской культуры* и новаго культурно-историческаго міра—рядомъ съ западнымъ романо-германскимъ міромъ.

Греко-славянская культура... греко-славянскій міръ!... Я произношу эти полные для меня смысла термины,—и вспоминаются мнѣ всѣ тѣ глумленія и насмѣшки, которыя такъ часто раздавались, да и продолжаютъ еще къ стыду нашему раздаваться по поводу нихъ изъ нашего западническаго, космополитически настроеннаго лагеря... Надъ этимъ „греко-славянствомъ" смѣются и изощряютъ свое остроуміе—какъ надъ чѣмъ-то фантастическимъ и призрачнымъ, совершенно произвольнымъ, выдуманнымъ... А между тѣмъ въ этомъ понятіи для всякаго просвѣщеннаго и не-

*) „Славянскій синтаксисъ образовался по греческому и вліяніе послѣдняго на славянскій языкъ въ первоначальную эпоху его образованія самое полное и рѣшительное, не только въ переводныхъ, но и въ оригинальныхъ сочиненіяхъ. Въ сохранившихся древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности, скажемъ словами Калайдовича, на каждомъ шагу обнаруживается величавый грекъ въ измѣнившейся одеждѣ". *Вороновъ*. Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ. 1877. стр. 49.

предубѣжденнаго славянина заключается самое простое, самое реальное и понятное содержаніе! Мы приняли отъ Византіи, отъ грековъ наше христіанство и православіе, нашу христіанскую культуру и просвѣщеніе. Греки въ своей церкви, свой образованности и письменности были нашими какъ-бы духовными кормильцами, дали намъ необходимую духовную пищу для нашего культурнаго и историческаго развитія. Мы духовно породнились и какъ-бы срослись съ ними. Какъ же не назвать нашъ новый на этой почвѣ образовавшійся оригинальный культурный типъ—*грекославянскимъ*? Великимъ славянскимъ просвѣтителямъ, св. Кириллу и Меѳодію, какъ грекамъ, принадлежитъ несомнѣнно выдающаяся роль въ этомъ нарожденіи новаго грекославянскаго культурнаго типа. Ихъ греческое происхожденіе представляется намъ въ этомъ отношеніи во всемъ своемъ по истинѣ знаменательномъ историческомъ значеніи. Дѣйствительно, не они ли были первыми дѣятельными представителями идеи *греко-славянства*? Эта идея воплотилась впервые въ нихъ, въ ихъ жизни и дѣятельности во всей полнотѣ своей...

Какъ въ личной ихъ судьбѣ само Провидѣніе, рано сдруживъ ихъ съ славянской народностью и указавъ имъ великое ихъ призваніе въ славянствѣ, сдѣлало изъ этихъ ученыхъ солунскихъ грековъ—величайшихъ славянскихъ историческихъ дѣятелей, такъ то же Провидѣніе въ исторической судьбѣ славянскихъ народовъ, рано связавъ ихъ съ греческимъ міромъ и давъ имъ въ лицѣ Кирилла и Меѳодія—грековъ въ учители и просвѣтители, преобразило еще до того некультурное славянство въ особый греко-славянскій великій и могущественный историческій міръ! Такое сопоставленіе личной судьбы св. Кирилла и Меѳодія съ историческою судьбою славянства намъ кажется вполнѣ естественнымъ и убѣдительнымъ...

Стоитъ только вникнуть въ дѣло. Кириллъ и Меѳодій до своего выступленія на миссіонерское поприще представляются намъ не болѣе какъ высоко-учеными и религіозно настроенными греками, хорошо знакомыми съ славянскимъ національнымъ типомъ и славянскимъ языкомъ благодаря своему солунскому происхожденію и обстоятельствамъ жизни въ своемъ дѣтствѣ и мо-

лодости. Но вотъ судьба бросаетъ ихъ на широкое поприще проповѣднической и учено-просвѣтительной дѣятельности среди славянскихъ племенъ. Они, уже съ дѣтства проникнутые жаждою духовнаго подвига, съ замѣчательной энергіей, самоотверженіемъ и любовью предаются великому дѣлу, съ полнымъ сознаніемъ своего призванія, среди борьбы и всякихъ испытаній исполняютъ предопредѣленную имъ жизненную задачу, и исполнивъ ее, становятся для насъ уже не просто греками, а *греко-славянами*, если позволено такъ выразиться, воплотившими въ себѣ плодотворную идею новаго греко-славянскаго культурнаго міра, построившими, или по крайней мѣрѣ заложившими прочное зданіе славянскаго духовнаго просвѣщенія и національнаго могущества... Изъ ихъ греческихъ рукъ эти духовныя сокровища переходятъ въ руки настоящихъ славянъ, ихъ достойныхъ учениковъ и продолжателей, и передаваясь затѣмъ братски и преемственно отъ однихъ славянъ—другимъ, отъ одного поколѣнія—другому, разрастаются постепенно въ ту могучую культурную силу, которою мы нынѣ обладаемъ и которую принуждены признавать и враги наши...

То же и въ судьбахъ всего славянства: до Кирилла и Меѳодія не было греко-славянскаго культурнаго міра; были только его зачатки, былъ матеріалъ и данныя для его созданія. Еще не просвѣщенное свѣтомъ христіанства и разъединенное, но даровитое и въ духовномъ отношеніи глубоко воспріимчивое славянство вошло благодаря географическому сосѣдству въ близкое соприкосновеніе и живыя сношенія съ византійскимъ культурнымъ міромъ; но сосѣди и часто сотоварищи на поприщѣ политической жизни были слишкомъ далеки другъ отъ друга по уровню своего культурнаго развитія, чтобъ возможно было между ними сближеніе и истинное духовное общеніе: они еще не могли породниться духовно. Не было для этого достаточно и одного внѣшняго пріобщенія славянъ къ христіанству и греческой церкви... Но Провидѣніе посылаетъ имъ въ критическій моментъ ихъ исторіи двухъ великихъ учителей и просвѣтителей *грековъ*: являются на сцену св. Кириллъ и Меѳодій, изобрѣтаютъ для нихъ письмена, переводятъ священныя книги на славянскій языкъ, миссіонерствуютъ среди

славянъ, создаютъ славянскую письменность, связываютъ самыми тѣсными духовными узами славянство съ греками и ихъ культурой, однимъ словомъ совершаютъ свой просвѣтительный подвигъ,—и на мѣстѣ прежняго разъединенія и взаимнаго отчужденія создается единый и своеобразный міръ *греко-славянскій*, въ которомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ все яснѣе распредѣляются между составными его частями культурныя, а равно и политическія роли, и постепенно первенство во всѣхъ отношеніяхъ переходитъ отъ старыхъ учителей къ сильнымъ молодостью и численностью ученикамъ, которые въ свою очередь передаютъ его одни другимъ, одно славянское племя—другому, пока оно окончательно не сосредоточивается въ рукахъ сильнѣйшаго въ славянствѣ народа, создавшаго единую могущественную міровую славянскую державу!...

Итакъ не очевидно ли? чтобъ понимать идею „греко-славянства“ надо только понимать, въ чемъ состояла историческая задача и подвигъ незабвенныхъ славянскихъ апостоловъ. Тотъ, кто отрицательно и насмѣшливо относится къ понятіямъ „греко-славянской культуры“ и „греко-славянскаго міра“, очевидно долженъ точно такъ-же относиться къ св. Кириллу и Меѳодію и ко всѣмъ результатамъ ихъ дѣятельности!...

Греческое происхожденіе Кирилла и Меѳодія даетъ мнѣ поводъ затронуть здѣсь наконецъ и еще одинъ вопросъ, имѣющій живое современное значеніе. Это—*проповѣдническая дѣятельность* святыхъ братьевъ *какъ грековъ* и вѣрныхъ сыновъ восточной православной церкви у западныхъ славянъ (въ Моравіи и Паннонія), ихъ отношеніе къ Риму и обратно Рима къ нимъ. Я не вижу надобности входить въ подробности для разъясненія этихъ отношеній, ставить и разрѣшать какіе-либо вопросы, вступать съ кѣмъ-либо въ полемику... Историческіе факты, достовѣрные и очевидные, дополненные и освѣщенные съ помощью здраваго смысла, простой логики и безпристрастной критики, говорятъ слишкомъ ясно сами за себя. Только близорукостью или недобросовѣстностью, или наконецъ сознательной тенденціозностью можно объяснить ихъ извращеніе

и ложное истолкованіе въ трудахъ западно-славянскихъ и иноплеменныхъ католическихъ ученыхъ.

Кириллъ и Меѳодій, явившись въ Моравію (а затѣмъ въ Паннонію) и занявшись дѣломъ духовнаго просвѣщенія славянъ, оставались съ начала до конца вѣрны своему призванію, своей православной вѣрѣ и ея просвѣтительнымъ началамъ. Ихъ задачею было не одно внѣшнее привитіе христіанства моравскимъ славянамъ, не какое-либо формальное привлеченіе ихъ къ восточному патріархату. Они, призванные въ Моравію съ цѣлью помочь ея населенію на дѣлѣ, внутренно просвѣтиться христіанскимъ ученіемъ, такъ именно и поняли эту задачу и стали ревностно утверждать мораванъ въ истинной христіанской вѣрѣ и духовномъ просвѣщеніи — *тѣми способами*, въ *томъ духѣ* и на *тѣхъ началахъ*, которыми именно восточная церковь всегда отличалась отъ римской въ своей миссіонерской дѣятельности. Для нихъ святое ихъ дѣло было выше всего и вотъ почему они, будучи греками и строго православными, не чуждались всетаки сношеній съ Римомъ и папами, признавая формальныя права римской церкви на христіанъ Велико-моравскаго государства и понимая необходимость во всякомъ случаѣ считаться съ ея разнообразнымъ вліяніемъ въ странѣ. Но во всѣхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ Римомъ—мы видимъ—Кириллъ и Меѳодій остаются неизмѣнно и твердо на той же почвѣ, ни разу не измѣняютъ своимъ православнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, ни на іоту не поступаются основными началами своей просвѣтительной дѣятельности, ни въ чемъ не жертвуютъ духовными и національными интересами ввѣреннаго ихъ пастырскимъ попеченіямъ славянскаго народа... Открыто исповѣдуютъ они передъ папами свое греческое правовѣріе, энергически и смѣло отстаиваютъ восточный церковный обрядъ и славянскій языкъ въ богослуженіи, за что подвергаются (Меѳодій) преслѣдованіямъ, клеветамъ, обвиненіямъ въ еретичествѣ и всяческимъ страданіямъ. И во всемъ этомъ, въ этой непоколебимой вѣрности восточному православію несомнѣнно сказалось ихъ греческое происхожденіе.

Каково же было отношеніе той (римской) стороны къ нимъ? Какъ смотрѣли на нихъ, какъ относились къ нимъ западная

церковь и папы? Католическіе писатели о Кириллѣ и Меѳодіи, всѣ эти Гинцели, Штульцы, Рачкіе, Лежеры, Мартыновы и пр. стараются всячески представить отношенія Рима къ славянскимъ просвѣтителямъ самыми пріязненными и покровительственными и выставляютъ папъ искренно сочувствующими просвѣтительной миссіи и образу дѣйствія Меѳодія среди моравскихъ и паннонскихъ славянъ—благо есть на кого свалить всю вину и отвѣтственность за все, что претерпѣлъ св. Меѳодій. Но исторія и достовѣрные историческіе памятники далеко не оправдываютъ такого взгляда. Нельзя отрицать, что нѣмцы, ихъ свѣтскія и духовныя власти, на которыхъ взваливается вся вина въ противодѣйствіи славянскимъ апостоламъ, были дѣйствительно самыми злобными и непримиримыми врагами послѣднихъ, какъ возбудителей народнаго самосознанія и защитниковъ національнаго дѣла и національныхъ интересовъ славянъ велико - моравскихъ. Несомнѣнно, что они вели главную интригу противъ Меѳодія и возбуждали постоянно противъ него и римскій престолъ. Но было бы на мой взглядъ наивно думать, что глава римской церкви даже и въ то время, когда церковный расколъ не такъ еще обострился, могъ въ душѣ сочувствовать *грекамъ-миссіонерамъ*, пришельцамъ изъ Византіи, хотя бы они и признавали его авторитетъ въ управленіи мѣстною церковью, могъ искренно ихъ поощрять и поддерживать въ ихъ просвѣтительной строго православной дѣятельности среди славянъ!... Кажущееся сочувствіе, если его разобрать ближе, является просто дѣломъ расчета.

Дѣйствительно, политическія соображенія, всегда руководившія римской куріей, личная предусмотрительность и осторожность папъ, наконецъ отношенія ихъ къ имперіи, къ нѣмцамъ и нѣмецкому духовенству побуждали ихъ часто держать сторону представителей славянскихъ народныхъ интересовъ, какими въ то время являются Кириллъ и Меѳодій, нехотя дѣлать имъ уступки и поддерживать ихъ въ борьбѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ (папа Іоаннъ VIII), но отъ этого конечно слишкомъ еще далеко до дѣйствительнаго сочувствія. Они поступали относительно Меѳодія такъ, какъ въ данный моментъ имъ было удобнѣе и выгоднѣе, и этимъ объясняется ихъ странная непо-

слѣдовательность, ихъ постоянныя колебанія въ такомъ существенномъ вопросѣ, какъ допущеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ. Но въ концѣ концовъ истинное по самой природѣ вещей враждебное отношеніе римскихъ папъ къ дѣлу славянскихъ апостоловъ не могло не выказаться. Оно обнаружилось въ полной мѣрѣ при первомъ удобномъ случаѣ, т. е. вслѣдъ за смертью Меѳодія, въ пресловутомъ письмѣ папы Стефана VI къ Святополку моравскому, въ которомъ рѣзко осуждался св. Меѳодій за ересь, за всю свою дѣятельность и за славянское богослуженіе, и на него самого обращалось проклятіе, произнесенное имъ надъ Вихингомъ, котораго папа напротивъ рекомендовалъ Святополку, хвалилъ и поощрялъ къ преслѣдованію приверженнаго Меѳодію духовенства *).

Развѣ возможно было бы такое полное торжество Вихинга надъ Меѳодіемъ, нѣмца-латинника надъ православнымъ грекомъ, злобной интриги надъ правымъ дѣломъ, еслибъ Римъ дѣйствительно принималъ къ сердцу это дѣло Меѳодія и считалъ его своимъ?... Или развѣ мыслимо допустить, что Стефанъ VI былъ какимъ-то исключеніемъ въ ряду папъ, измѣнившимъ духу и завѣтамъ своихъ предшественниковъ и вступившимъ на совершенно противоположный съ ними путь? Нѣтъ, Стефанъ VI воспользовался только удобнымъ моментомъ, чтобъ открыто и сразу совершить то, что было не удобно, не своевременно и по разнымъ причинамъ не политично для его предшественниковъ — исполнить при жизни св. Меѳодія. Вся послѣдующая политика Рима по отношенію къ западному (католическому) славянству и къ долго еще державшимся у него остаткамъ великаго кирилло-

*) Извѣстно, что это посланіе Стефана VI до позднѣйшаго времени отвергалось большинствомъ ученыхъ, и конечно всѣми католическими, какъ *подложное*, и тогда было еще легче отстаивать мнѣніе о постоянной пріязни папъ къ Меѳодію, но нынѣ послѣ окончательнаго подтвержденія подлинности этого письма (документомъ изъ новой лондонской коллекціи папскихъ писемъ: *Ewald*, die Papstbriefe der Britt. Sammlung, 1880) католическіе писатели поставлены по истинѣ въ нѣкоторое затрудненіе...

меѳодіевскаго просвѣтительнаго дѣла можетъ служить краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ высказаннаго взгляда.

Враждебное отношеніе Рима къ дѣятельности Кирилла и Меѳодія еще въ IX в. мы должны однако признать вполнѣ естественнымъ и исторически понятнымъ. Кириллъ и Меѳодій были не только твердые и вѣрные сыны восточной церкви: они были въ добавокъ византійцы и *греки* по происхожденію и всей своей духовной сущности. Антагонизмъ же между западомъ и востокомъ, между латинскимъ и греческимъ культурными типами былъ въ ту эпоху настолько уже глубокъ и силенъ, что онъ не могъ не сказаться въ такомъ крупномъ фактѣ, какимъ была встрѣча этихъ двухъ различныхъ силъ и различныхъ интересовъ въ лицѣ грековъ Кирилла и Меѳодія съ одной стороны и представителей римской церкви съ другой—на новой и еще спорной славянской почвѣ!...

Но оставимъ прошедшее и, перешагнувъ черезъ тысячу лѣтъ, бросимъ въ заключеніе взглядъ и на настоящее.

Что же мы видимъ?

Этотъ самый Римъ, въ лицѣ папы Стефана VI ровно тысячу лѣтъ тому назадъ проклявшій св. Меѳодія, какъ еретика ему непослушнаго, этотъ Римъ, нынѣ дошедшій кажется до послѣдняго предѣла вражды и ненависти къ православному востоку, жадно хватается теперь на нашихъ глазахъ за этихъ нѣкогда противныхъ ему грековъ, какъ за какое-то спасительное средство для поддержанія и укрѣпленія своего значенія и вліянія среди славянъ-католиковъ, на которыхъ нынѣ обращены всѣ его отеческія попеченія, всѣ его помыслы и надежды,—какъ за самое удобное орудіе для объединенія вокругъ римскаго престола всего западнаго (католическаго) славянства въ виду понятныхъ религіозныхъ и политическихъ цѣлей... Ему таки понадобились эти славянскіе апостолы, которыхъ онъ спокойно давалъ преслѣдовать и даже истязать, которыхъ просвѣтительное дѣло самъ помогъ разрушить за то, что они дѣйствовали не согласно съ его собственными видами и интересами и являлись представителями совершенно иныхъ началъ и

иныхъ культурныхъ стремленій. И вотъ покорные слуги этого Рима, ученые и неученые, употребляютъ всѣ усилія, чтобъ вопреки прямымъ историческимъ свидѣтельствамъ, извращая и подтасовывая историческіе факты, прибѣгая ко всякимъ уловкамъ и натяжкамъ, доказать ни болѣе, ни менѣе какъ то, что эти греки Кириллъ и Меѳодій были не православные греки, а ревностные римскіе католики, служили вовсе не духовнымъ и національнымъ интересамъ славянства, а интересамъ Рима и папства, преклонялись передъ латинскимъ западомъ и его культурой и отворачивались отъ своего православнаго востока...

Но мы глубоко вѣримъ, что всѣ эти усилія не могутъ увѣнчаться истиннымъ успѣхомъ. Историческая правда въ концѣ концовъ восторжествуетъ и выставитъ на посрамленіе и на посмѣяніе тѣхъ, что стремятся сдѣлать бѣлое чернымъ и называютъ своимъ то, что имъ никогда не принадлежало!

Въ знаменательный день 6-го апрѣля соберутся безчисленныя массы паломниковъ изъ разныхъ католическихъ земель славянскихъ со своими духовными отцами и наставниками въ моравскій Велеградъ, чтобъ возможно торжественнѣе и громогласнѣе почтить память великихъ славянскихъ первоучителей... Но *чѣмъ*, во имя *чего*, съ *какою цѣлью*?!...

Пусть сами участники велеградскаго торжества отвѣтятъ на эти вопросы; пусть говорятъ сами факты... Судъ исторіи произнесетъ рано или поздно свой справедливый приговоръ...

Что, еслибъ нынѣ хоть на мгновеніе возстали отъ тысячелѣтняго сна наши святые первоучители—въ Римѣ Кириллъ, въ Велеградѣ Меѳодій и взглянули бы на то, что творится вокругъ нихъ, чѣмъ они стали теперь для Рима, во что ихъ наряжаютъ непогрѣшимые преемники папы Стефана VI?! Нѣтъ, лучше не пробуждаться имъ изъ вѣчнаго покоя, лучше не видѣть, кто и во имя чего имъ поклоняются, не слышать завѣдомо-лживыхъ и іезуитски-хвалебныхъ рѣчей изъ устъ тѣхъ воинствующихъ слугъ римскаго

престола, которые въ теченіе тысячи лѣтъ не переставали распинать ихъ святое дѣло и коварно подкапываться подъ ту церковь, къ которой они всецѣло принадлежали, и подъ ея жизненныя начала, которыхъ они были самыми убѣжденными, самыми ревностными проповѣдниками и защитниками!

К. Гротъ.

Варшава, февраль, 1885 г.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія.

Не касаясь жизни духовныхъ просвѣтителей Славянъ, предполагая ихъ подвиги достаточно извѣстными, я постараюсь съ возможною краткостью изобразить несомнѣнныя слѣдствія ихъ дѣятельности для общественной жизни цѣлаго славянскаго племени. Такая задача легко, по моему мнѣнію, осуществима. Только часть Славянъ пошла по пути, указанному великими Солунскими братьями; другія двѣ части, а именно Славянство Прибалтійское, оставшееся языческимъ, и Славянство, сдѣлавшееся послѣ распаденія христіанской церкви католическимъ, уклонились отъ начертаннаго плана. Государственная жизнь обѣихъ этихъ послѣднихъ частей окончилась; она принадлежитъ исторіи, которая уже съумѣла раскрыть неизбѣжный рядъ причинъ и слѣдствій, приведшихъ къ паденію прибалтійское и западное Славянство. Достаточно, по этому, сравнить развитіе общественной жизни у юго-восточныхъ и западныхъ Славянъ, чтобы придти къ убѣжденію въ безусловной вѣрности началъ, проводимыхъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. И такъ я ограничусь политическою оцѣнкою результатовъ дѣятельности славянскихъ первоучителей; сфера религіозная только съ этой стороны войдетъ въ мой очеркъ.

Если мы окинемъ однимъ взглядомъ цѣлое Славянство въ началѣ IX-го вѣка, то передъ нами предстанетъ весьма печальная картина. Разбитое на множество маленькихъ племенныхъ

государствъ, съ религіей, которая поддерживала рознь, оно должно было вступить въ бой за самосохраненіе съ высоко образованною Византіей и съ юною, полною дикой удали, западно-римской имперіей. Между тѣмъ не только между отдѣльными племенами, но даже среди самихъ племенъ не было міра. Отъ сѣдой старины Славянство унаслѣдовало выборныхъ племенныхъ князей съ сильнымъ религіознымъ авторитетомъ и съ судебною властію. Въ дѣлахъ политическихъ эти князья стояли подъ контролемъ аристократіи, выдѣлявшейся не столько богатствомъ, сколько сохраненіемъ всевозможныхъ знаній, извлеченныхъ изъ опыта всего племени. Простой народъ, жизнь котораго претекала, какъ и теперь, среди повседневныхъ заботъ, уважалъ эту аристократію, къ которой онъ обращался и въ случаѣ болѣзни—за леченіемъ, и въ случаѣ родовыхъ разладовъ—за совѣтомъ. Онъ вѣрилъ своему князю, онъ любилъ свою аристократію, которая сохраняла всю накопленную вѣками мудрость. Притомъ мудрость эта была не иноземная, а извлеченная изъ самой же народной жизни и потому была понятна, даже сродна народу. Но такой патріархальный бытъ могъ держаться только при полной отчужденности. Столкновеніе съ сосѣдями, съ иною образованностію, его убиваетъ. И вотъ въ VIII-момъ вѣкѣ мы уже видимъ слѣды его разложенія. Князья стараются освободиться отъ контроля княжескаго совѣта; они заводятъ дружину, для содержанія которой вводятъ, вѣроятно, новые налоги и повинности; наконецъ они подчиняются Франкамъ или Византіи и при помощи иностранцевъ заводятъ у себя иноземные порядки. Аристократія не всецѣло остается вѣрною преданіямъ старины; все чаще и чаще начинаютъ среди ней появляться лица, которыя, принявъ христіанство и получивъ образованіе въ монастыряхъ Византіи или западной Европы, или совершенно оставляютъ родину или, вернувшись домой, распространяютъ новые взгляды. Неудивительно, что простой народъ, видя все это, проникается недовѣріемъ и начинаетъ волноваться на вѣкахъ. Прежній строй жизни подорванъ окончательно; племянники выдаютъ дядей заклятымъ врагамъ отечества; аристократія у Лютичей устраняетъ княжескую власть.

Среди этого разложенія стараго общественнаго строя языческое Славянство дѣлаетъ, однако, попытку возстановить свою прежнюю силу. У Прибалтійскихъ Славянъ, наиболѣе подверженныхъ нападеніямъ Франковъ, выдѣляется изъ народа классъ жрецовъ, появляется болѣе совершенная, чѣмъ у другихъ Славянъ, религіозная система, наконецъ возникаютъ 2 религіозные союза, союзъ подъ покровительствомъ Святовида и подъ покровительствомъ Радигостя. Первый союзъ имѣлъ свое средоточіе на островѣ Ранѣ (Рюгенѣ) въ Арконскомъ храмѣ Святовида; второй—въ священномъ городѣ Радигощѣ, лежащемъ въ землѣ Лютичей. Оба религіозные союза не могли, однако, внести единеніе въ жизнь Прибалтійскихъ Славянъ. Хотя образовавшееся единство культа создало множество народовъ изъ разрозненныхъ племенъ въ исторіи человѣчества, тѣмъ не менѣе здѣсь желаннаго результата не произошло. Необходимо было, чтобы поклоненіе Святовиду проникло ко всѣмъ Прибалтійскимъ племенамъ и совершенно затмило мѣстныхъ божествъ, вносившихъ рознь во взаимныя отношенія племенъ. Для этого требовался продолжительный періодъ времени, а между тѣмъ событія не ждали. При томъ среди цѣлаго Славянства начало развиваться невѣріе. Мало образованный человѣкъ привыкъ оцѣнивать силу своихъ боговъ наглядными результатами ихъ покровительства. Сравнивая свои убогія хижины съ крѣпостями Германіи и дворцами Константинополя, свои многочисленныя, но безпорядочныя полчища съ организованными войсками Франковъ и Византійцевъ, онъ проникался все болѣе и болѣе сознаніемъ слабости своихъ божествъ передъ Богомъ Франковъ и Византійцевъ. Это сознаніе подготовляло и облегчало принятіе христіанства, но поселяло недовѣріе къ преданіямъ дѣдовъ и отцевъ, на которыхъ опирался весь общественный бытъ.

Не менѣе безотрадно было отношеніе цѣлаго Славянства къ иноплеменнымъ народамъ. Общеизвѣстно стремленіе Карла Великаго и его преемниковъ подчинить себѣ сосѣднихъ Славянъ; распространеніе христіанства давало только подходящій предлогъ къ завоевательнымъ войнамъ, а духовенство въ новообращенныхъ славянскихъ земляхъ дѣлалось надежною опорою иноземна-

го владычества. Но и Византія въ этомъ отношеніи немногимъ уступала Франкамъ. Стоитъ только вспомнить нежеланіе Константинопольскаго патріарха дать новокрещеннымъ Болгарамъ епископа, измѣны болгарскаго огреченнаго духовенства во время войнъ Болгаръ при Петрѣ, Самуилѣ и Іоаннѣ-Владиславѣ съ греческими императорами, политику греческаго духовенства послѣ завоеванія Болгаріи между 1018 и 1186 г., чтобы придти къ убѣжденію, что и въ Византіи распространеніе христіанства среди Славянъ считалось только средствомъ къ поглощенію Славянъ. Если Византія дѣйствовала менѣе послѣдовательно и успѣшно, то причина заключается въ войнахъ съ Арабами, въ сравнительной слабости, а не въ отсутствіи желанія. Такимъ образомъ на славянскій міръ, раздробренный и изувѣрившійся въ самомъ себѣ, наступали съ Запада и Юга 2 грозныя организованныя силы, глубоко убѣжденныя въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и полныя презрѣнія и ненависти ко всей славянской расѣ. Еще болѣе опаснымъ, чѣмъ эта прямая вражда, было незамѣтное, но тѣмъ болѣе сильное вліяніе образованности. Хотя Славяне въ Византіи занимали иногда высшія государственныя должности, даже патріаршій престолъ, хотя они достигали и императорской короны, тѣмъ не менѣе они были окончательно потеряны для родины. Проникнутые на сквозь иностранною образованностію, они становились вѣрнѣйшими сподручниками Византіи и опаснѣйшими, ибо знакомыми съ языкомъ и обычаями, врагами своихъ. Вѣроятно и среди Франковъ немало было подобныхъ Славянъ; по крайней мѣрѣ имя одного изъ нихъ, Тахольфа, сохранилось до нашихъ временъ. Если мы присоединимъ къ этому наѣзды дикихъ кочевыхъ народовъ изъ Азіи, которые, хотя иной разъ и становились на сторонѣ Славянъ, но всегда несли съ собою опустошенія, пожары и грабежи, то поймемъ безвыходное, казалось, положеніе, въ которомъ находилось Славянство.

И такъ передъ Славянами начала IX-го вѣка стояла грозная дилемма. Съ одной стороны все яснѣе и яснѣе сознавалась потребность принять христіанство; только оно одно открывало доступъ въ среду образованныхъ народовъ, уничтожало обычный

предлогъ къ наступательнымъ войнамъ Франковъ, вносило образованность, накопленную усиліями историческихъ народовъ древняго міра, наконецъ давало ручательство въ постройкѣ новаго общественнаго строя на христіанскихъ началахъ. Съ другой стороны принятіе христіанства привлекало въ страну духовенство, чуждое по крови и по воспитанію, всею душою преданное Западу или Востоку, и подчиненное духовному главѣ въ Римѣ или въ Константинополѣ. Духовенство это будетъ враждебно всѣмъ старымъ преданіямъ, будетъ проводить въ народъ франкскія или византійскія воззрѣнія и такимъ образомъ подготовлять политическое рабство. Иного исхода, по видимому, не было. Для возникновенія своего роднаго духовенства и своей образованности необходимо было открытіе письменъ, свойственныхъ славянскимъ нарѣчіямъ, а главное образованіе одного литературнаго языка. Только вовлеченіе въ культурное движеніе бо́льшихъ народныхъ массъ давало нѣкоторую надежду на возникновеніе своей образованности, а это вовлеченіе могло совершиться при посредствѣ языка, болѣе или менѣе понятнаго массамъ. Но въ этомъ лежала чрезвычайная трудность; хотя нарѣчія были гораздо ближе, чѣмъ теперь, тѣмъ не менѣе они уже существовали. Выборъ одного изъ нихъ былъ дѣломъ нелегкимъ, тѣмъ болѣе что не было, вѣроятно, ни одного на столько развитаго, чтобы оно могло передать ту массу новыхъ понятій, которыя вносились не только христіанствомъ, но и образованностію, сложившеюся въ теченіи тысячелѣтій. Безъ литературнаго же языка отдѣльныя славянскія личности среди духовенства будутъ проподать въ его общей массѣ, будутъ становиться Франками или Греками.

Въ этотъ то критическій для Славянства моментъ и начинается дѣятельность Солунскихъ братьевъ. Прекрасно образованные и проникнутые любовью ко всему человѣчеству, они стояли неизмѣримо выше всего духовенства, какъ западной, такъ и восточной имперій. Между тѣмъ, какъ главы будущихъ обѣихъ церквей уже начинали свои препирательства изъ-за догматическихъ тонкостей, между тѣмъ какъ властолюбіе и коры-

столюбіе (*) разжигали между ними ненависть, Кириллъ и Меѳодій, далекіе отъ всевозможныхъ постороннихъ цѣлей, несли христіанскую проповѣдь къ Арабамъ, Хазарамъ, Славянамъ. Ими не замѣчалось подготовляющееся распаденіе церквей; они доказали своею жизнію, что ихъ идеаломъ было единство христіанства. Не касаясь ихъ дѣятельности, мы постараемся оцѣнить открытіе письменъ, переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, образованіе литературнаго славянскаго языка, введеніе его въ богослуженіе, стремленіе выбрать себѣ преемниковъ изъ среды народа.

Если въ языческомъ Славянствѣ и существовали письмена для обозначенія именъ божествъ, то они были извѣстны, вѣроятно, немногимъ и притомъ были крайне несовершенны. Ими не могла быть удовлетворена потребность въ письмѣ, которая начинала все болѣе и болѣе чувствоваться. Въ древнѣйшемъ патріархальномъ быту отношенія были до того несложны и однообразны, что сохраненіе въ памяти началъ, нормирующихъ ихъ, не представляло особыхъ затрудненій. Но по мѣрѣ сношенія съ иностранцами, проникновенія новыхъ иноземныхъ началъ, наконецъ въ силу усложненій экономическаго быта вслѣдствіе естественнаго роста народа, обычаи усложнялись и нуждались въ записываніи; память начала измѣнять. Это явленіе, по всему вѣроятію, было не маловажною причиною той анархіи, которая замѣчается въ IX и даже послѣдующихъ вѣкахъ. Св. Кириллъ удовлетворилъ этой потребности; имъ приспособлены были греческія письмена къ славянскимъ звукамъ. Хотя это открытіе не особенно важно по той причинѣ, что и при посредствѣ латинскихъ буквъ можно было, какъ показываетъ опытъ, передавать славянскія слова. Тѣмъ менѣе то явленіе, что бóльшая половина Славянства въ теченіи тысячи лѣтъ не приняла латинскаго шрифта, достаточно, по моему мнѣнію, указываетъ

*) Какъ извѣстно, Болгарія была одною изъ причинъ распаденія церквей. Обѣ церкви желали поживиться доходами съ новообращенной страны.

на то, что примѣненіе его къ славянскимъ звукамъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру славянскихъ нарѣчій.

Переводъ богослужебныхъ книгъ на древне-славянскій языкъ чрезвычайно важенъ тѣмъ, что положилъ основаніе не только старо-славянской литературы, но вообще литературы на нарѣчіяхъ славянскихъ, доступныхъ народному пониманію. Вслѣдъ за переводомъ богослужебныхъ книгъ и Номоканона въ Панноніи были составлены на греческомъ языкѣ и затѣмъ тамъ же переведены на старославянскій житія св. Кирилла и Меѳодія. Въ Чехіи, по словамъ легенды о св. Вячеславѣ, Вячеславъ учился славянскимъ письменамъ; даже до нашего времени сохранились нѣкоторые памятники чешско-славянской письменности. Можетъ быть даже зачатки древней польско-славянской духовной письменности обязаны своимъ возникновеніемъ тѣмъ занятіямъ славянскою литературою, починъ которымъ вышелъ отъ славянскихъ первоучителей; по крайней мѣрѣ древнѣйшіе польско-славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ указываютъ на чешское вліяніе. Если мы взглянемъ на появленіе юридической письменности на славянскихъ нарѣчіяхъ, то придемъ къ убѣжденію, что прямо или коственно вездѣ она связана съ дѣятельностію Солунскихъ братій.

Въ Польшѣ слѣдовъ дѣятельности славянскихъ первоучителей незамѣтно. Принявъ христіанство спустя 100 лѣтъ послѣ ихъ смерти, притомъ послѣ паденія моравской державы, Польша очевидно почти не испытала на себѣ ихъ вліянія. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ отсутствіе свѣтской славяно-польской литературы до XV-го вѣка. Между 1435 и 1448 г. былъ сдѣланъ переводъ Статутовъ Казиміра Великаго и Статута Вартскаго на мазовецко-польскій языкъ Магистромъ и Докторомъ Святославомъ изъ Войцѣшина, одной деревни подъ Варшавой *). Въ это же время по настоянію Черскаго князя Болеслава были переведены Статуты восточной Мазовіи на польско-мазовецкій языкъ

*) О немъ см. у Гельцеля: Starodawne prawa polskiego Pomniki. т. I. стр. LIX. прим. 4.

писаремъ государственнаго казначейства Матвѣемъ изъ Рожана. Эти древнѣйшіе юридическіе памятники польско-славянской письменности обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что въ Польшѣ государственный языкъ, по прежнему, оставался латинскій до самихъ временъ реформаціи. Мы думаемъ, что появленіе этихъ переводовъ объясняется сосѣдствомъ и частыми сношеніями съ западною Россіей. Въ цѣломъ литовскомъ княжествѣ былъ въ употребленіи, какъ языкъ государственный, языкъ русскій, понятный народнымъ массамъ. Видя преимущества такихъ порядковъ, Мазовецкіе князья желали предоставить своему простонародью такія же удобства и потому побуждали свѣдущихъ людей къ переводу законовъ съ латинскаго языка. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ самомъ польскомъ королевствѣ, хотя законы дѣйствовали на языкѣ латинскомъ, тѣмъ не менѣе для Галицкой Руси Статуты Казиміра Великаго и Статутъ Вартскій переводились на русскій языкъ.

Въ Чехіи первымъ юридическимъ чешско-славянскимъ памятникомъ представляется Розембергская книга, которая положила начало блестящей чешской юридической литературѣ. Это произведеніе возникло, по всему вѣроятію, во второй половинѣ XIII-го вѣка. Было бы натяжкою утверждать, что чешскіе юридическіе обычаи изложены по чешски, а не по латини, потому что сохранялось славянское богослуженіе въ нѣкоторыхъ церквяхъ, существовали славянскія книги и остались даже до нашего времени остатки старославянской письменности. Болѣе вѣроятно предположеніе, что книга Розембергская возникла по чешски по примѣру Саксонскаго и Швабскаго Зерцалъ, написанныхъ по нѣмецки. При всемъ томъ, я думаю, что исключительное существованіе латинской литературы должно было-бы чрезвычайно затруднить появленіе чешскаго юридическаго сборника въ такое сравнительно раннее время. Вообще этотъ вопросъ еще остается открытымъ: необходимо было-бы сравнить юридическіе термины книги съ юридическими терминами Номоканона съ одной стороны, и обоихъ Зерцалъ съ другой. Легко можетъ быть, что такое сравненіе укажетъ на тождество многихъ терминовъ въ книгѣ и Номоканонѣ, а подстрочный ихъ пере-

водъ съ греческаго неожиданно раскроетъ передъ нами вліяніе переводовъ св. Кирилла и Меѳодія на чешскій юридическій языкъ.

Переходя къ Болгаріи, мы вступаемъ въ несомнѣнную сферу дѣятельности непосредственныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Переселясь сюда изъ Моравіи во время гоненія нѣмецкимъ духовенствомъ, ученики эти, очевидно, должны были дѣйствовать совершенно въ духѣ своихъ учителей. И вотъ мы видимъ чрезвычайно плодотворныя занятія славянскою письменностію. Переводятся съ греческаго, передѣлываются и пишутся вновь, не только книги, непосредственно необходимыя для церкви, но и лѣтописи, законы, различныя замѣтки и т. п. Подлѣ литературы духовной появляется славянская свѣтская литература; если послѣдняя носитъ на себѣ церковный отпечатокъ, такъ это есть слѣдствіе направленія человѣческой мысли въ то время. Если мы ближе приглядимся къ этому литературному движенію, то мы легко подмѣтимъ политическое значеніе всей этой дѣятельности, не ускользнувшее, по моему мнѣнію, отъ вниманія геніальнаго болгарскаго царя. Симеонъ (немного ранѣе 888 до 927) не даромъ такъ интересовался славянскою письменностію; она входила въ грандіозный его планъ созданія изъ природныхъ Болгаръ и отдѣльныхъ славянскихъ племенъ одного политическаго и этнографическаго цѣлаго. По нѣкоторымъ до сихъ поръ сохранившимся даннымъ мы до извѣстной степени можемъ возстановить планъ Симеона. Образованіе царской думы изъ племенныхъ князей имѣло цѣлію пріучить ихъ къ общегосударственной жизни, расширить ихъ кругозоръ, однимъ словомъ сдѣлать изъ враговъ политическаго объединенія— себѣ сподручниковъ, понимающихъ и должнымъ образомъ оцѣнивающихъ широту задачи, поставленной Симеономъ Болгаріи. При всемъ томъ управленіе нѣкоторыми городами и областями посредствомъ назначенныхъ лицъ по личному желанію царя указываетъ на то, что въ случаѣ неуспѣха управленія при помощи племенныхъ князей была въ запасѣ и другая административная система. Принятіе императорскаго титула указываетъ на стремленіе Симеона съ разу оторвать верховную власть отъ пле-

менной основы и поставить ее на импонирующую для тогдашняго человѣчества высоту богопомазаннаго и богоосвященнаго свѣтскаго главы христіанскаго міра. Но всѣ эти предпріятія не имѣли-бы никакой реальной основы, еслибы новый взглядъ на государственную власть не проводился духовенствомъ въ устныхъ бѣсѣдахъ съ народомъ, если-бы не возникала богатая письменность по выбору и подъ личнымъ наблюденіемъ геніальнаго царя. Такимъ образомъ литература на языкѣ, понятномъ народу, была предназначена для умственнаго перевоспитанія народа. Планъ, дѣйствительно изумительный для конца IX-го и начала X-го вѣка, но возможный для геніальнаго почитателя политики Аристотеля. Не трудно подмѣтить, что всѣ эти широкіе замыслы были мыслимы только послѣ переводовъ богослужебныхъ книгъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, послѣ созданія ими литературнаго языка, понятнаго народу.

Наша политическая оцѣнка цѣлой болгаро-славянской литературы, была-бы не полна, если бы мы не обратили вниманія на не менѣе значительную по своимъ государственнымъ послѣдствіямъ запретную, богомильскую письменность. Она появилась во времена сына Симеона, Петра, и сдѣлалась точно также возможною только вслѣдствіе возникновенія старо-славянскаго языка. Безъ этого она существовала бы на языкѣ греческомъ и была-бы чужда народнымъ массамъ; вліяніе ея было-бы незначительно, даже можетъ быть само Богумильство не появилось-бы. Дѣло въ томъ, что богумильская ересь, по моему мнѣнію, есть несомнѣнное порожденіе Славянства. Чисто богословская сторона этого ученія, безспорно, возникла на отдаленномъ Востокѣ; борьба Добра со Зломъ сильно напоминаетъ древнюю религію Персовъ. Зато соціальные идеалы Богумильства суть идеалы языческаго славянскаго быта, въ нѣкоторой только степени измѣненные подъ вліяніемъ реакціи по отношенію къ іерархически сословному общественному строю Симеоновой Болгаріи. Какъ и въ языческомъ Славянствѣ, мы находимъ выборнаго главу общества, главу, находящагося подъ контролемъ общества; какъ и въ языческомъ Славянствѣ, мы видимъ преобладаніе общественнаго элемента надъ единоличнымъ; нако-

нецъ тамъ и тутъ отсутствіе личной поземельной собственности. Только элементъ аристократическій, по моему мнѣнію, сильный въ языческомъ Славянствѣ, изчезъ, но изчезновеніе это вполнѣ понятно. Аристократія скорѣе всего проникласъ византійскимъ вліяніемъ; она сдѣлалась враждебна преданіямъ почти совсѣмъ еще языческаго народа, который, недовольный дѣйствительностію, облекъ прошедшее въ образы для него любезные, но не вполнѣ соотвѣтствующіе реальному прошлому. Аристократія была, по этому, выброшена изъ этой идеализаціи стараго; ея мѣсто заняла безсословная народная масса. Самое возникновеніе Богумильства, этого соединенія религіозныхъ представленій Востока съ идеализаціей славянской языческой старины, соединенія, происшедшаго подъ вліяніемъ недовольства народныхъ массъ сословнымъ строемъ Болгаріи, было, по моему мнѣнію, невозможно безъ литературнаго языка, понятнаго народнымъ массамъ. Если же мы теперь обратимся къ оцѣнкѣ Богумильства, то несомнѣнно должны согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ о томъ, что оно было одною изъ важныхъ причинъ паденія перваго болгарскаго царства. Что же касается до положенія богумильской ереси въ общемъ развитіи европейской образованности, то здѣсь она занимаетъ весьма видное мѣсто. Перенесенная изъ Болгаріи въ Византію, Сербію, Босну, Италію, на югъ Франціи и даже въ Германію, она связана черезъ Вальдейцевъ съ Гуситствомъ и Протестантствомъ и представляетъ одну изъ самыхъ раннихъ попытокъ человѣческаго ума освободиться отъ богословскихъ оковъ *).

Возникшая во времена Симеона и Петра болгаро-славянская письменность оказала въ свою очередь громадное вліяніе на южное и восточное Славянство. Перенесенныя въ Россію,

*) Слѣдующія 2 начала равномѣрно признаются Богумилами Вальдейцами, Гуситами и Протестантами: 1) всякій человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ; 2) единый источникъ вѣры есть священное писаніе, которое можетъ быть вполнѣ свободно объясняемо безъ ограниченія этой свободы воззрѣніями церкви.

Сербію и Адріатическое Поморье богослужебныя книги, поученія, проповѣди, житія святыхъ, лѣтописи, церковные и свѣтскіе законы не только составляли духовную пищу этого Славянства въ теченіи столѣтій, но даже были признаны за образцы для подражанія. На этихъ произведеніяхъ воспитались писатели южныхъ и восточныхъ славянскихъ земель. Не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся только указаніями на значеніе болгарскихъ юридическихъ памятниковъ. Связь болгаро-славянской письменности съ дѣятельностію непосредственныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія такъ тѣсна, что безъ малѣйшихъ натяжекъ мы можемъ даже въ этой сферѣ признать ихъ вліяніе; не слѣдуетъ забывать, что духовенство составляло тогда наиболѣе образованный классъ, принимавшій поэтому самое живое участіе даже въ законодательныхъ работахъ.

Обращаясь прежде всего къ церковному законодательству, хотя въ это время оно еще не вполнѣ выдѣлилось и вмѣстѣ со свѣтскимъ составляло почти одно цѣлое, мы встрѣчаемся съ неподлежащимъ никакому сомнѣнію фактомъ перевода, сдѣланнаго Меѳодіемъ, на старославянскій языкъ систематическаго сборника каноновъ константинопольскаго патріарха Іоанна Схоластика. Какъ извѣстно, сборнику каноновъ соотвѣтствовалъ сборникъ узаконеній, изданныхъ по церковнымъ дѣламъ государственною властію. Была-ли эта вторая работа переведена Меѳодіемъ, неизвѣстно; съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно только сказать, что славянскій міръ ознакомился съ нею какъ съ отдѣльнымъ сборникомъ, а не въ соединенномъ, позднѣйшемъ видѣ, въ формѣ Номоканона. Переведенное Меѳодіемъ собраніе церковныхъ законовъ было принесено учениками Кирилла и Меѳодія въ Болгарію и было во всеобщимъ употребленіи въ первомъ болгарскомъ царствѣ. Это доказывается дополненіями мѣстнаго, болгарскаго содержанія. Къ Номоканону Іоанна Схоластика въ Болгаріи присоединились: законъ судный людямъ и различныя апокрифическія статьи, содержащія въ себѣ, подъ именемъ „заповѣдей“ и „поученій св. отцевъ“, большею частію правила объ эпитиміяхъ и другихъ церковныхъ наказаніяхъ. Въ этомъ видѣ Номоканонъ Схоластика былъ занесенъ въ Рос-

сію и составлялъ древнѣйшій сборникъ церковныхъ законовъ нашего отечества *).

Этотъ первый юридическій памятникъ на славянскомъ языкѣ долженъ былъ, по моему мнѣнію, имѣть громадное значеніе. Здѣсь впервые передавались по славянски различныя юридическія понятія, перелагались на этотъ языкъ цѣлыя правила, могущія съ извѣстными измѣненіями примѣняться и внѣ церковныхъ отношеній. Слѣдовательно создавались не только юридическая терминологія, но и формы, обороты, выраженія. А съ этими послѣдними, еще болѣе, чѣмъ съ терминами, входили въ жизнь самыя представленія, самыя мысли. Вопросъ, на сколько даже наша современная юридическая терминологія и способы выраженія юридической мысли находятся въ связи съ древнѣйшею терминологію, перешедшею отъ Болгаръ, даже еще не поставленъ. Онъ требуетъ обширныхъ филологическихъ познаній вмѣстѣ съ неменѣе обширными знаніями въ византійскомъ правѣ и исторіи славянскаго права. Если для юриста-практика такая работа не принесетъ пользы, то для юриста-историка она почти необходима; вполнѣ отчетливое пониманіе Русской Правды и другихъ юридическихъ памятниковъ южнаго и восточнаго Славянства будетъ возможно только послѣ обстоятельнаго изученія способовъ славянской передачи юридическаго содержанія.

Переходя къ свѣтскому законодательству наше вниманіе останавливается прежде всего на такъ называемомъ „законѣ соудномъ людемъ“ или „судебникѣ цара Константина“. Памятникъ этотъ сохранился до нашего времени въ двухъ редакціяхъ,

*) Первоначальный славяно-русскій номоканонъ Павлова. 1869. 22—25. О славянскихъ Номоканонахъ вообще см. статью Ягича. Starine. кн. VI. 1874. 60 и слѣд. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovinskih rukopisa. О византійскихъ Номоканонахъ см. статью Цахаріэ-фонъ-Лингенталя tome. XXIII. 1877 г. Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Snt-Petersbourg VII serie. Переводъ по крайней мѣрѣ части Номоканона приписывается Меѳодію на основаніи слѣдующихъ словъ Паннонской легенды: „тъгда же и номоканонъ, рекъше законоу правило и отьчьскыя книгы прѣложи“.

краткой и пространной; первая редакція встрѣчается въ сборникахъ церковнаго права, вторая въ свѣтскихъ законодательныхъ памятникахъ и лѣтописяхъ. Краткая имѣетъ 32 главы, которыя, за исключеніемъ 7, содержатъ постановленія уголовнаго права; пространная редакція заключаетъ въ себѣ кромѣ краткой еще 45 статей. Главнымъ источникомъ обѣихъ редакцій была Эклога Льва Исаврянина и Константина Копронима 740 г. (можетъ быть 726). Отношеніе памятника къ его источникамъ весьма свободное; дѣлался выборъ между постановленіями Эклоги и кромѣ того довольно часто измѣнялся греческій текстъ; очевидно принималось только соотвѣтствующіе тогдашнему быту и оно еще болѣе прилаживалось къ существующимъ въ Болгаріи воззрѣніямъ. Въ краткой редакціи только 10 статей переведены точно, остальныя измѣнены, именно вмѣсто византійскихъ членовредительныхъ наказаній назначены эпитимьи или денежныя пени. Въ пространной редакціи часть, взятая изъ Эклоги, подходитъ гораздо ближе къ подлиннику, чѣмъ въ краткой, ибо церковныя наказанія никогда не назначаются вмѣсто свѣтскихъ; остальныя 45 статей заимствованы преимущественно изъ Моисеевыхъ законовъ. Такъ какъ обѣ редакціи сохранились въ русскихъ памятникахъ и ихъ болгарское происхожденіе опредѣляется только на основаніи филологическихъ данныхъ, то о значеніи Судебника въ Болгаріи можно дѣлать одни предположенія. По видимому, наиболѣе правдоподобная ипотеза принадлежитъ знаменитому польскому ученому Р. Губе; онъ думаетъ, что краткая редакція представляетъ собою въ довольно полномъ видѣ законодательный сборникъ для новокрещенной Болгаріи, изданный болгарскимъ царемъ Симеономъ *). Это мнѣ-

*) Hube. O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantyńskiego. Варш. 1868. 9—15. Павлова. Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ. Казань. 1869. 94—100. Bogišić: Pisani zakoni na slovenskom jugu. Zagreb. 1872. 14—17. Васильевскаго: Законодательство иконоборцевъ. Ж. М. Н. П. 1878. Октябрь и Ноябрь. R. de Hubé: Droit romain et gréco-byzantin chez les peuples slaves. Paris et Toulouse. 1880. 15—20 (французскій переводъ съ дополненіями польской статьи).

ніе подтверждается двумя соображеніями. Изъ отвѣта папы Николая болгарскому князю Борису мы знаемъ, что въ 866 г. были посланы Болгарамъ, по ихъ просьбѣ, кромѣ церковныхъ правилъ какіе-то свѣтскіе законы. Слѣдовательно, въ Болгаріи сознавалась необходимость измѣнить многія юридическія начала, вѣроятно, черезъ чуръ тѣсно связанныя съ язычествомъ. Эта потребность не могла быть удовлетворена папскимъ престоломъ, ибо Болгаре въ самомъ скоромъ времени снова подчинились Константинопольскому патріарху. Такимъ образомъ изданіе юридическаго сборника самимъ болгарскимъ правительствомъ является весьма правдоподобнымъ событіемъ. Кромѣ того составленіе сборника юридическихъ правилъ частнымъ лицемъ было, по моему мнѣнію, явленіемъ немыслимымъ при тогдашнемъ состояніи Болгаріи. Частные сборники появляются только тогда, когда успѣло сложиться обычное право; въ такихъ работахъ важна не личность составителя, а само содержаніе; изложеніе его на письмѣ не придаетъ ему обязательной силы, ибо нормы эти имѣли ее до своего записыванія. Между тѣмъ Болгаре чувствовали необходимость въ такихъ юридическихъ началахъ, которыя имѣли-бы достаточно авторитета, чтобы противостоять началамъ старымъ, освященнымъ преданіемъ, но непригоднымъ вслѣдствіе противорѣчія съ новой религіей. Очевидно такой авторитетъ законы могли получить только отъ государственной власти, тогдашній представитель которой былъ вполнѣ подготовленъ къ такому предпріятію.

„Законъ соудный людемъ“ былъ занесенъ вмѣстѣ съ Номокапономъ Іоанна Схоластика въ Россію; въ Русской Правдѣ и первыхъ церковно-уставныхъ грамотахъ *) замѣтны довольно ясные слѣды его употребленія. Когда послѣ покоренія Болгаріи въ 1018 году Византіей древній Номоканонъ устарѣлъ и пришелъ въ забвеніе, „законъ соудный“ былъ присоединенъ къ новому переводу сборника сокращенныхъ церковныхъ правилъ (Synopsis) съ толкованіями Аристина. Вмѣстѣ съ этимъ

*) Павлова. Первоначальный славяно-русск. Ном. 24 прим. 44.

переводомъ „законъ соудный“ вошелъ въ составъ печатной Кормчей, гдѣ составляетъ главу 46-ую подъ заглавіемъ: „Законъ судный людемъ царя Константина Великаго“. Такимъ образомъ этотъ первый болгарскій законодательный памятникъ сохраняетъ до сихъ поръ свою обязательную силу въ русской церкви.

По всему вѣроятію, ко времени царя Симеона и его сына Петра слѣдуетъ отнести переводы на славянскій языкъ Эклоги императоровъ Льва и Константина Копронима 740 г., Земледѣльческихъ Законовъ (νόμοι γεωργικοί) и Прохирона императора Василія I-го 870 г.

Эклога Льва Исаврянина и Константина Копронима появилась подъ вліяніемъ стремленій къ реформамъ, охватившимъ образованное византійское общество. Было-ли оно вызвано внутреннимъ ростомъ этого общества, какъ думаетъ Папарригопуло, или столкновеніемъ со славянскими племенами, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ возвышеніе семейнаго общежитія, ослабленіе строгости византійскихъ наказаній, большая ясность и сжатость юридическихъ правилъ заставляютъ смотрѣть на Эклогу, какъ на значительное улучшеніе *). Она имѣла обязательную силу въ Византіи въ тотъ моментъ, когда Болгарія принимала христіанство. Неудивительно, что она была переведена и вошла въ составъ перваго болгарскаго сборника церковныхъ правилъ. Вліяніе Эклоги замѣтно на сербскомъ юридическомъ бытѣ **), хотя она и не была составною частію сербской Кормчей, принесенной въ Сербію св. Саввою ***). Въ Россіи

*) Hist. de la civilisation hellénique par Paparrigopoulo. Paris. 1878. Chap. IV. 182—241.

**) Нѣсколько статей изъ Эклоги заимствовано въ одной сербской юридической компиляціи, извѣстной подъ заглавіемъ: „благовѣрнаго и христолюбиваго цара Юстиніана законъ о записаніи“. Р. Губе: O znaczeniu...... 16—23, 75—89. Богишичъ: Pisani zakoni...... 56 — 67.

***) Составъ этой Кормчей намъ извѣстенъ. Starine. III. 189—202. Гласник срп. учен. друштва. Друго одельенье. кн. VIII. 1877. 1—28. Эта Кормчая была только принесена въ Сербію Саввою, а не

Эклога сдѣлалась извѣстною вмѣстѣ съ первымъ Номоканономъ; послѣ выхода его изъ употребленія она была присоединена къ новымъ сборникамъ церковныхъ правилъ и вмѣстѣ съ ними перешла въ печатную Кормчую, гдѣ составляетъ 49-ую главу подъ заглавіемъ: „Леона царя премудраго и Константина вѣрною царю главизны о совѣщаніи обрученія и о брацѣхъ и о иныхъ различныхъ винахъ".

Извѣстный знатокъ византійской исторіи Васильевскій полагаетъ, что Эклога переведена на славянскій языкъ гораздо позже, ибо нѣтъ никакихъ слѣдовъ ея существованія ранѣе XIII вѣка *). Я думаю, что правильнѣе рѣшаетъ этотъ вопросъ Павловъ, считающій Эклогу составною частію первоначальнаго славянорусскаго Номоканона **). Не смотря на всю важность Эклоги, она послѣ императоровъ иконоборцевъ считалась въ Византіи закономъ отмѣненнымъ и даже въ извѣстной степени еретическимъ. Значеніе ея умалилось, что несомнѣнно отозвалось во взглядахъ Славянъ на нее. Чѣмъ далѣе подвигались законодательныя работы Македонской династіи, желавшей возстановить Юстиніаново законодательство, тѣмъ болѣе уменьшалась важность Эклоги. Поэтому ближе всего къ истинѣ, что она была занесена въ Болгарію непосредственно послѣ принятія ею христіанства, здѣсь была переведена и здѣсь укоренилась. Отсюда, а не изъ Византіи, она стала извѣстною, какъ Сербіи и Адріатическому Поморью, такъ и Россіи. Въ послѣдней она сдѣлалась обязательною съ небольшими измѣненіями, указанными Г. Васильевскимъ ***).

„Земледѣльческіе Законы" представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ для Славянства памятниковъ. Возникшіе

переведена имъ. Starine. кн. VI. Впрочемъ возможно, что Эклога входила въ составъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ сербскихъ Номоканоновъ. Ж. М. Н. П. 1878. Октябрь. 298 и 299.

*) Ж. М. Н. П. 1878. Окт. 303 и 304.

**) Стр. 81.

***) Ж. М. Н. П. 1878. Окт. 299, 300.

одновременно съ Эклогою и, по всему вѣроятію, обязанные самымъ своимъ происхожденіемъ утвержденію въ Византіи славянскихъ юридическихъ обычаевъ, опредѣляющихъ положеніе хлѣбопашцевъ, они имѣли большое вліяніе на все южное и восточное Славянство. Существуютъ слѣды, что они находились въ такъ называемой Ефремовской Кормчей, самой древней представительницѣ русскаго Номоканона, относимой теперь къ XI-му или XII-му вѣку. Хотя, по видимому, не сохранился этотъ древнѣйшій переводъ Земледѣльческихъ Законовъ въ своемъ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, тѣмъ не менѣе можно положительно сказать, что имѣющійся у насъ переводъ сдѣланъ съ одного изъ древнѣйшихъ изложеній этого закона. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, и говоритъ за то, что первоначальный переводъ долженъ быть отнесенъ ко временамъ процвѣтанія болгарской письменности при Симеонѣ и Петрѣ, т. е. къ тому времени, когда Земледѣльческіе Законы пользовались наибольшимъ авторитетомъ въ Византіи. Профессоръ Васильевскій прекрасно изобразилъ судьбы этихъ Законовъ въ Сербіи и Россіи *), куда они, по моему мнѣнію, были занесены изъ Болгаріи. Въ Сербіи нѣсколько статей изъ нихъ помѣщены въ сербской юридической компиляціи подъ заглавіемъ „благовѣрнаго и христолюбиваго царя Юстиніана законъ о записаніи“, обыкновенно находящейся въ рукописяхъ передъ Законникомъ Душана и, какъ кажется, предназначенной для его дополненія; въ Россіи Земледѣльческіе Законы извѣстны, какъ Уставъ о земскихъ дѣлахъ, и приписываются Ярославу Мудрому (Приложеніе I).

Прохирономъ императора Василія I-го 870-го года начинается въ Византіи реакція противъ законодательства иконоборцевъ; Юстиніаново право возстановляется Македонскою династіей и удерживаетъ обязательную свою силу до самаго паденія Византіи. Этому значенію Прохирона вполнѣ соотвѣтствуетъ его распространенность по славянскимъ землямъ. По всему вѣроятію, онъ вскорѣ послѣ своего изданія былъ переведенъ по сла-

*) Ж. М. Н. П. Ноябрь 1878. 95—124.

вянски и вошелъ въ составъ древнѣйшаго славянскаго Номоканона. Въ этомъ видѣ онъ сдѣлался извѣстнымъ въ Россіи *). Въ Сербію онъ былъ принесенъ св. Саввою, какъ часть сербской Кормчей, и отсюда вмѣстѣ съ Кормчею достался въ удѣлъ Россіи, въ которой былъ напечатанъ, какъ составная часть Кормчей, въ 48-мой главѣ подъ заглавіемъ: „Закона градскаго главы различьны въ четырехьдесетѣхъ гранѣхъ". Такимъ образомъ Прохиронъ имѣетъ у насъ обязательную силу до настоящихъ временъ. (Приложеніе II).

Въ Сербіи вліяніе Прохирона отразилось и на свѣтскомъ законодательствѣ. Законникъ Стефана Душана ссылается въ ст. 101 на Прохиронъ, какъ на обязательный законъ; нѣсколько статей въ этомъ памятникѣ прямо взяты изъ Прохирона и указываютъ на славянскій его переводъ **). Въ сербской юридической компиляціи, долженствующей восполнять Законникъ, также имѣется немало статей, заимствованныхъ изъ Прохирона.

Изъ этого краткаго очерка юридической литературной дѣятельности въ первомъ болгарскомъ царствѣ мы можемъ убѣдиться, что Болгарія Симеона и его сына Петра была тѣмъ мѣстомъ, гдѣ переработывались плоды греческой образованности и затѣмъ уже разносились по всему православному славянству. Всѣми этими трудами, вѣроятно, исключительно занималось духовенство, какъ единственный образованный классъ того времени, а это духовенство, по крайней мѣрѣ, въ лучшей своей части состояло изъ непосредственныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Духъ, оживлявшій тогдашнихъ пастырей церкви, былъ, несомнѣнно, духомъ славянскихъ первоучителей. Достаточно извѣстно, что возникновеніе славянской литературы въ Россіи и Сербіи произошло подъ непосредственнымъ болгарскимъ вліяніемъ, но, я думаю, даже славянскіе памятники у южныхъ католическихъ Славянъ обязаны своимъ происхожденіемъ разцвѣту славянской письменности въ Болгаріи и затѣмъ

*) Павловъ 81.

**) Закон. Ст. Душ. Зигеля. 99—102.

Сербіи; Винодольскій Статутъ и Статутъ острова Корка не были-бы написаны по славянски, если-бы въ славянской части балканскаго полуострова законы и государственныя грамоты писались по гречески или по латини.

Возникновеніе славянской литературы имѣло чрезвычайное значеніе для общества; всю важность этого явленія можно усмотрѣть только съ теченіемъ вѣковъ. Если мы сравнимъ общественный строй западнаго Славянства со Славянствомъ восточнымъ, преимущественно русскимъ, то насъ поразитъ раннее образованіе аристократіи и рыцарства на Западѣ. Между тѣмъ какъ русскія вѣча въ теченіи всего домосковскаго періода носили на себѣ чисто демократическій отпечатокъ, въ Чехіи на сеймахъ принимали дѣятельное участіе одни высшіе слои общества; въ Польшѣ, послѣ ея окончательнаго распаденія на удѣлы въ 1138 г., не слышно объ участіи на сеймахъ простонародья; въ обѣихъ странахъ до самаго XV вѣка всею государственною жизнію исключительно заправляла аристократія. Въ Чехіи даже гуситское движеніе не могло сломить силы аристократіи и рыцарства; послѣ него съ особенною силою выступаетъ городское сословіе, а крестьянство во второй половинѣ XV вѣка окончательно закрѣпощается. Чешскіе сеймы XVI и начала XVII вѣковъ состоятъ изъ аристократіи, рыцарства и городовъ, и напоминаютъ своимъ составомъ общественныя собранія тогдашней западной Европы. Въ Польшѣ рыцарское движеніе, начавшееся въ двадцатыхъ годахъ XV вѣка, привело къ образованію сейма изъ одного только дворянства; города, полуонѣмеченные, не съумѣли завоевать себѣ голоса на сеймахъ. Этотъ исключительно дворянскій составъ польскаго сейма долженъ былъ неминуемо вести къ стремленію эксплуатировать всѣ остальныя сословія, что со своей стороны привело къ паденію государства. Спрашивается, откуда произошли эти явленія? Казалось Пястовичи, какъ и Премысловичи, и Рюриковичи, сломили давнихъ племенныхъ князей, уничтожили прежнее значеніе аристократіи и сосредоточили всю государственную власть въ своихъ рукахъ. Въ Болгаріи и Сербіи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ географическихъ причинъ, такого сосредоточенія

власти не могло произойдти и существованіе аристократіи вполнѣ понятно. Но откуда же у Чеховъ и Поляковъ такъ рано появилась аристократія, а затѣмъ выдѣлилось рыцарство, при чемъ оба эти общественные слоя соединились въ одномъ понятіи, дворянствѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ главнымъ образомъ, по моему мнѣнію, латинскій языкъ тогдашней польской и чешской литературы, а также самое ея содержаніе. Разсмотримъ прежде всего вліяніе латинскаго языка. Какъ извѣстно, образованность въ средніе вѣка сосредоточивалась въ рукахъ духовенства и распространялась посредствомъ школъ при монастыряхъ. Необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія ея былъ латинскій языкъ, такъ какъ это былъ языкъ церкви и тогдашней интеллигенціи. Молодой человѣкъ, пріобрѣвшій хорошое знаніе латинскаго языка, сразу могъ обогащать свой умъ не только чтеніемъ писателей древности, но и своихъ современниковъ. Языкъ уже не служилъ препятствіемъ и литературное произведеніе, появившееся гдѣ нибудь въ Испаніи или въ Англіи, могло быть прочтено черезъ нѣсколько лѣтъ въ Польшѣ или въ Чехіи. Но этого мало. Образованіе сплошь и рядомъ заканчивалось заграницею, или въ Италіи, или во Франціи. Въ италіянскіе университеты обыкновенно стремились юристы и канонисты, въ Парижъ—богословы. Даже для XII вѣка мы можемъ доказать несомнѣнными извѣстіями это явленіе. Необходимымъ результатомъ всего этого было то, что высшіе общественные классы Чехіи и Польши чрезвычайно рано и быстро были втянуты въ общее культурное движеніе западной Европы. Безспорно это имѣло хорошія слѣдствія; высшіе слои общества стояли на высотѣ тогдашней образованности. Но за этими хорошими слѣдствіями, обыкновенно, не видятъ отрицательныхъ сторонъ. Послѣднія состоятъ въ томъ, что порывалась всякая связь между высшими и нисшими; появлялись два общества съ особымъ языкомъ, преданіями, нравами и обычаями, идеалами, можно даже сказать религіей. Въ то время какъ образованный Чехъ или Полякъ проникся всѣми тайнами католическаго богословія, крестьянинъ не понималъ церковнаго богослуженія

и предпочиталъ ходить на латинскія проповѣди, чѣмъ на проповѣди на его родномъ языкѣ, предполагая, что посѣщеніе первыхъ болѣе угодно Богу. Не зная религіи, онъ восполнялъ свое невѣдѣніе фантазіей, преданіями, сохранившимися отъ языческихъ временъ. Эти два общества скоро поняли свою принципіальную противоположность и начали ненавидѣть другъ друга. Высшіе классы видѣли въ низшихъ только грубую силу, для работы предназначенную самимъ Богомъ *). Гораздо ранѣе закрѣпощенія крестьянства въ Чехіи и Польшѣ глубокое различіе въ образованности должно было привести къ такимъ воззрѣніемъ массы рыцарства. Голоса въ пользу крестьянства, если и слышались, то имѣютъ главнымъ образомъ значеніе протеста противъ общихъ воззрѣній образованныхъ классовъ. Та рѣзкость въ отношеніяхъ между шляхтою и крестьянствомъ, которую мы видимъ въ XVII и XVIII вѣкахъ въ Польшѣ, вытекаетъ главнымъ образомъ изъ того факта, что образованный классъ чуть не съ XII вѣка разошелся съ необразованнымъ и создалъ цѣлую культуру, чуждую и даже непонятную крестьянству. Въ Чехіи указанныя мною два общества пришли въ столкновеніе во время гуситскихъ войнъ; тѣ ужасы, которые мы видимъ особенно въ началѣ этихъ войнъ, та жажда разрушенія, которая въ началѣ какъ бы охватила Гуситовъ, ярко свидѣтельствуетъ намъ о той противоположности двухъ обществъ, которая существовала. Мнѣ кажется, что кто только вдумается въ то вліяніе, которое имѣлъ латинскій языкъ на ознакомленіе съ романами, легендами, литературными и учеными произведе-

*) Даже такой выдающійся человѣкъ, какъ составитель Товачевской книги (1479—1490), Мораванинъ Цтиборъ изъ Цимбурка и изъ Товачева, вполнѣ раздѣлялъ взглядъ своихъ современниковъ о подданическихъ отношеніяхъ крестьянства къ панамъ, какъ объ учрежденіи божіемъ. Какъ вліятельный общественный дѣятель и земскій гетманъ Моравіи, онъ тѣмъ не менѣе не разъ становился на сторону крестьянства. Если послѣднее даже въ концѣ XV-го в. не было закрѣпощено въ Моравіи, то это главнымъ образомъ было слѣдствіемъ вліянія Цтибора. Kniha Tovačovská Brandl'a. 1868. XVIII.

ніями западной Европы, на распространенія иноземныхъ нравовъ и обычаевъ въ Чехіи и Польшѣ, тотъ пойметъ ту глубокую рознь, которая должна была произойдти въ западномъ славянскомъ мірѣ между высшими и нисшими общественными слоями.

Если мы теперь обратимся къ Россіи *), то передъ нами предстанетъ совершенно иная картина. Въ Россію первоначально образованность проникала съ Юга, изъ Болгаріи и Сербіи; приносимыя литературныя произведенія были славянскія и порождали литературу на народномъ языкѣ. Знаніе греческаго языка было распространено весьма мало, такъ что только переводы и мѣстныя произведенія составляли духовную пищу русскаго общества. Греческіе писатели въ полномъ ихъ объемѣ были недоступны; новѣйшія произведенія византійской образованности были неизвѣстны. Даже ихъ позднѣйшіе переводы не доходили, когда Татары чрезвычайно затруднили сношенія съ Византіей. Такъ напр. изложеніе гражданскихъ церковныхъ законовъ и канонов, составленное въ азбучномъ порядкѣ въ 1335 г. іеромонахомъ Матвѣемъ Властаремъ, не дошло до Россіи, хотя и было переведено по славянски. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что русское общество не стояло на высотѣ тогдашней образованности; ему извѣстна была только незначительная доля того, что существовало по гречески. Но это явленіе имѣло свою положительную сторону. Оно облегчало чрез-

*) Болгарію, Сербію и Босну мы оставляемъ въ сторонѣ. Общественная нивиллировка, которая была проведена вполнѣ въ Россіи, въ сильной степени въ Польшѣ и значительно менѣе въ Чехіи, здѣсь произведена не была. Ей главнымъ образомъ препятствовали географическія причины. Мы убѣждены, что племенные князья никогда не были сломлены на балканскомъ полуостровѣ; та могущественная аристократія, которую мы видимъ въ Сербіи при Душанѣ, происходила несомнѣнно отъ племенныхъ князей. Кромѣ того въ Болгаріи вполнѣ, въ Сербіи и Боснѣ отчасти должно было проявить свою силу завоеваніе на образованіе сословій. Наконецъ не позабудемъ вліянія Запада съ его аристократически феодальнымъ строемъ. Это были такіе могучіе факторы, которые должны были вполнѣ парализовать вліяніе славянской письменности.

вычайно усвоеніе этой духовной пищи всѣми слоями общества. Умственно высшіе и нисшіе слои не многимъ различались. У нихъ сложились одни взгляды, преданія, одни нравы и обычаи; они увлекались одними и тѣми же идеалами. Общество было грубо, пожалуй, дико, но едино; въ этомъ единствѣ была его громадная сила, его преимущество передъ западнымъ Славянствомъ. Москва вынесла всѣ невзгоды благодаря этому общественному единству. Бояринъ могъ эксплуатировать своего крестьянина, но онъ признавалъ въ немъ такого же человѣка, какъ онъ самъ, ибо жизнь проводилась такимъ же образомъ въ боярскихъ теремахъ, какъ и въ убогой хатѣ, ибо вкусы были одни и тѣ же. Дѣйствительно, только въ XVIII в. начинаетъ все болѣе и болѣе порываться связь между высшими и нисшими слоями, но это было слѣдствіемъ того психическаго измѣненія въ высшихъ классахъ, которое произошло подъ вліяніемъ западноевропейской образованности.

Оцѣнивъ значеніе языка для общественнаго быта, перехожу къ оцѣнкѣ содержанія латинской и славянской литературы. Обращаясь къ первому чешскому лѣтописцу, Космѣ Пражскому 1045—1125, мы подмѣчаемъ въ немъ несочувствіе къ сильной княжеской власти. Во времена мифическія, гдѣ Косма могъ дать полную свободу своему воображенію, онъ влагаетъ въ уста чешской княжны Любуши рѣчь, направленную противъ избранія князя; онъ рисуетъ самыми непривлекательными красками княжеское управленіе и отдаетъ явное предпочтеніе народоправству *). Болеславъ I, основатель единодержавія въ Чехіи, является у него безбожникомъ и тираномъ, болѣе жестокимъ, чѣмъ Иродъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ Неронъ **). Описывая восшествіе на престолъ Бретислава I въ 1037 г., Косма передаетъ совѣты, которые далъ будто бы дядя Яроміръ своему племяннику. Онъ публично подозвалъ къ себѣ два старые рода, а также наиболѣе храбрыхъ, вѣрныхъ и богатыхъ людей и, обратясь къ племяннику, завѣщалъ ему, уважать ихъ, какъ

*) Fontes rerum boh. II. 11, 12.

**) Тамъ же. 31.

отцевъ, любить, какъ братьевъ, и во всѣхъ вещахъ обращаться къ нимъ за совѣтомъ. „Имъ поручи города и народъ въ управленіе, ибо ими чешское государство стоитъ, стояло и будетъ стоять во вѣки“ *). Нечего и упоминать, что Косма не могъ знать всѣхъ этихъ подробностей, что онъ описывалъ эту сцену, какъ онъ самъ ее себѣ представилъ, и давалъ совѣты, которымъ по его мнѣнію, долженъ былъ слѣдовать каждый князь. Когда къ концу XI вѣка проявилось у пражскихъ епископовъ стремленіе къ независимости отъ чешскаго князя, то это стремленіе раздѣлялось значительною частію духовенства, что замѣтно въ составляемыхъ имъ лѣтописяхъ **). Такимъ образомъ чешское духовенство выражаетъ въ своихъ произведеніяхъ свои желанія ослабить княжескую власть, создать аристократію и поставить церковь по возможности въ независимое положеніе по отношенію къ свѣтской власти.

Въ Польшѣ особый интересъ для насъ представляетъ Кадлубекъ (со второй половины XII в. до 1223 г.). Галлъ, хотя былъ первымъ польскимъ лѣтописцемъ, тѣмъ не менѣе не могъ, какъ иноземецъ, имѣть большаго вліянія на польское общество. Притомъ его лѣтопись составлена такъ, что почти не даетъ никакого матеріала для изученія личныхъ его взглядовъ. Напротивъ того Кадлубекъ довольно часто и открыто выражаетъ свои политическія убѣжденія. Какъ полякъ, какъ Краковскій епископъ, принимавшій большое участіе въ общественныхъ

*) Тамъ же. 66. Et iterum Jaromir ad populum: Accedant, inquit, de gente Muncia, accedant de gente Tepca, et vocat eos nominatim, quos norat armis potentiores, fide meliores, militia fortiores et divitiis eminentiores. Quos ut sensit adesse, dixit: Quoniam me mea fata non sinunt, ut sim vester dux, hunc assignamus vobis in ducem et collaudamus, quod ei obediatis, ut dignum est duci, et debitam fidelitatem exhibeatis, ut par est suo principi. Te autem, fili, moneo et repetens iterum iterumque monebo, istos colas ut patres, hos diligas ut fratres, et in omnibus negotiis tibi consiliarios habeas. His urbes et populum ad regendum committas, per hos enim Boemiae regnum stat et stetit atque stabit in sempiternum.

**) Палацкаго Dějiny české. I. 2. стр. 101. прим. 82.

дѣлахъ, онъ долженъ былъ имѣть большое вліяніе на современниковъ, которое не окончилось даже съ его жизнію. Его лѣтопись читалась и комментировалась въ монастырскихъ школахъ; на ней воспитались цѣлыя поколѣнія. Понятно, слѣдовательно, что вмѣстѣ со слогомъ Кадлубка усвоивался молодыми поляками его способъ мысли *). Эти его общественные взляды прекрасно изобразилъ извѣстный польскій ученый Бѣловскій, при помощи сравненія его съ Галломъ **). „Закрывая книгу Галла, какъ только откроешь Викентія, видишь съ первыхъ страницъ, съ первыхъ почти его словъ, что въ совершенно иномъ періодѣ. Слава князей, laus principum, есть нѣкоторымъ образомъ лозунгъ Галла, ее одну онъ ставитъ выше всего; у Викентія на эту высоту поднята слава вельможъ, даже она поставлена выше самихъ князей. Указывая на величину своей задачи, онъ говоритъ въ предисловіи: sacri senatus assistere tenemur suggestui, и начинаетъ свою лѣтопись хвалою сенаторовъ, patres conscripti, сравнивая ихъ съ небесными свѣтилами, которые освѣщаютъ государство своими славнѣйшими дѣлами, то снова называя ихъ золотыми столбами, на которыхъ почіетъ государственное зданіе отечества. Надлежащимъ образомъ понятое положеніе, изъ котораго выходитъ авторъ, облегчаетъ обзоръ цѣлости и открываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону сочиненія. Несомнѣнно старшіе сыновья Кривоустаго въ извѣстной степени злоупотребляли властію; но вѣрно и то, что на сверженія ихъ съ престола вліяли еще другіе равно сильные факторы, а были ими личныя обиды вельможъ и поиски за личными выгодами... Между тѣмъ объ этого рода факторахъ не легко узнать отъ Викентія: краснорѣчивый, гдѣ дѣло идетъ о княжескихъ злоупотребленіяхъ, о восхваленіи вельможъ, онъ чрезвычайно бѣденъ словами, почти молчаливъ, когда идетъ дѣло объ отрицательныхъ сторонахъ, когда хотѣлось бы напр. узнать, какія были пружины и какимъ образомъ сплетались онѣ во едино

*) Dziejopisarstwo polskie wieków średnich Zeissberga. т. I. 66—100.

**) Mon. Pol. hist. т. II. 241, 242.

при Іаковѣ или Гедеонѣ, прежде чѣмъ онѣ стали петардою, взорвавшею тронъ Владислава или Мечислава Стараго. Къ одному изъ такихъ свѣтилъ, къ воеводѣ Николаю, неоднократно возвращается авторъ съ довольно обширною похвалою; а имѣетъ развѣ одно или два полуслова порицанія, когда тотъ принудилъ Лешка Бѣлаго къ отказу отъ престола изъ личнаго недоброжелательства къ Говорку. У Галла блескъ, который окружалъ дворъ одного или другаго изъ нашихъ монарховъ, принадлежитъ еще къ хорошимъ качествамъ и этотъ авторъ съ любовію занимается его описаніемъ; у Викентія блескъ достоенъ порицанія и съ извѣстнаго рода презрѣніемъ говоритъ онъ о Владиславѣ, что онъ имѣлъ сознаніе нѣкотораго рода гордости и находилъ удовольствіе въ великолѣпіи; а одно изъ высшихъ достоинствъ, которое у него выражаетъ извѣстный вельможа, предлагая на тронъ Казиміра, есть то, что онъ терпѣливо перенесъ нѣкогда данную ему пощечину". Этой вѣрной характеристикѣ политическихъ взглядовъ Кадлубка вполнѣ соотвѣтствуетъ представленіе имъ историческихъ событій. Говоря о выборѣ Казиміра Справедливаго на Краковскій престолъ, онъ даетъ понять читателямъ, что выборъ составляетъ лучшій способъ занятія престола *). Онъ влагаетъ въ уста императора Генриха IV слова, что у Поляковъ нельзя отнять права избирать своихъ князей **). Онъ считаетъ величайшимъ преступленіемъ воеводы Николая недостатокъ уваженія послѣдняго къ сенату. Наконецъ, являясь полуоффиціяльнымъ лѣтописцемъ Казиміра Справедливаго и его семьи, видя въ этомъ князѣ идеалъ правителя, онъ не порицаетъ возстанія вельможъ

*) Тамъ же. 394. Vix itaque tam creberrimis instantium importunitatibus, quam amicissimorum impulsus conciliis, *Cracoviam cum perpaucis adit cavens, ne violenta magis ipsius occupatio videatur, quam ultronea civium electio.*

**) Тамъ же. 404. Nam nec Polonis eligendi principem posse adimi potestatem; quia nihil interest, inutilem habeant an nullum; neque Casimirum, sola virtutum invidia, debere defungi principatu imperatorius apex sententiavit.

противъ него, до того онъ считаетъ ихъ въ правѣ возводить и низводить князей съ престола *).

Бѣловскій въ приведенныхъ нами словахъ, а за нимъ и Смолька, считаютъ Кадлубка дитею своего времени, выразителемъ понятій извѣстнаго періода. Они думаютъ, что переворотъ совершился въ умахъ цѣлаго общества. Да будетъ намъ позволено съ этимъ не согласиться. Промежутокъ времени между Галломъ и Кадлубкомъ былъ черезъ чуръ незначителенъ, чтобы цѣлое общество могло измѣниться въ своихъ воззрѣніяхъ. Вельможи были и при Галлѣ; они участвовали уже въ сверженіи съ престола Болеслава Смѣлаго. Даже между ними установилась уже нѣкотораго рода связь. Тѣмъ не менѣе настоящей аристократіи еще не было. Если даже у епископовъ политическая программа зарождается только въ началѣ XIII в. и притомъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Рима **), то можно ли искать ее у польскихъ вельможъ XIII вѣка? Это были лица матеріально независимыя, сравнительно образованныя, но преслѣдующія каждый въ отдѣльности свои личные интересы. Историческія событія выработали между ними извѣстную связь, указали имъ нѣкоторыя реальныя цѣли (напр. поддерживать младшихъ сыновей Болеслава Кривоустаго противъ старшаго сына), но не влили въ нихъ еще сознанія о томъ, что они призваны править государствомъ. Въ этотъ то моментъ, когда фактическія условія уже были подготовлены, явился Кадлубекъ. Воспитанный за границею, онъ видѣлъ вездѣ на Западѣ могущественную аристократію; воспріимчивый и увлекающійся отъ природы, онъ началъ смотрѣть на полуграмотныхъ польскихъ вельможъ, какъ на римскихъ сенаторовъ. Его вначалѣ вѣроятно не понимали, но со временемъ вся эта знать дѣйствительно задумала держать въ своихъ рукахъ бразды правленія. Указавъ на auctoritas римскаго сената, разъяснивъ его значеніе въ частныхъ бесѣдахъ съ вельможами, Викентій открылъ имъ

*) St. Smolka. Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa. 1881. 362, 363.

**) Тамъ же. 389—401.

образецъ для подражанія. Такимъ образомъ Кадлубекъ, въ нашихъ глазахъ, не столько является сыномъ своего времени, сколько творцемъ новыхъ формъ общественной жизни. До него вельможи думали только о томъ, какой изъ современныхъ имъ князей для нихъ удобнѣе, отъ кого они могутъ болѣе ждать милостей, напротивъ того подъ его вліяніемъ у нихъ слагается мысль, что они имѣютъ не только право, но и обязанность принимать живое участіе въ княжескомъ управленіи. Въ ихъ воображеніи рисуется стародавній Римъ съ его міродержавнымъ сенатомъ и они начинаютъ помышлять о томъ, какъ-бы сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ равными римскимъ сенаторамъ.

И такъ, латинская литература несетъ съ собою мысль объ ограниченіи княжеской власти и о необходимости вліянія вельможъ на государственную жизнь. Эти мысли не были случайными, скоропреходящими явленіями; напротивъ того онѣ вытекали изъ самихъ основъ западноевропейскаго общества. Какъ извѣстно, послѣ паденія западноримской имперіи и образованія на ея развалинахъ государствъ германскими завоевателями, должны были образоваться два общества, одно военное, германское, другое, болѣе мирное и болѣе образованное, римское, вообще романизированное. Если Германцы группировались кругомъ князя, если въ ихъ рукахъ находилось свѣтское управленіе, то весьма естественно думать, что Римлянъ тянуло къ церкви. Она жила по римскому, ихъ національному праву, она сохраняла латинскую образованность, она употребляла ихъ языкъ, она была насквозь проникнута латинскимъ вліяніемъ. Хотя церковь принимала къ себѣ и Германцевъ, но они скоро романизировались посредствомъ образованія. Здѣсь, въ этомъ совершенно естественномъ антагонизмѣ двухъ отличныхъ по крови обществъ, слѣдуетъ, думаю я, видѣть первый зародышъ будущей борьбы между властью свѣтскою и духовною. Къ этому зародышу вскорѣ присоединился иной факторъ. По мѣрѣ того какъ сглаживалась рознь по крови, все сильнѣе и сильнѣе выступало различіе по образованности между свѣтскимъ и духовнымъ обществомъ. Если тяжко было образованному Римлянину подчиняться полудикому Германцу, тѣмъ тяжелѣе стано-

вилось это ему, когда онъ входилъ въ составъ церковной іерархіи. Изъ этихъ двухъ чисто реальныхъ противоположностей рождалась мысль, что церковь, эта носительница самыхъ глубочайшихъ истинъ, по мнѣнію среднихъ вѣковъ, должна быть свободна отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти. И такъ эта мысль явилась гораздо ранѣе ея проявленія на французскихъ соборахъ духовенства IX вѣка и въ Лжеисидоровыхъ Декреталіяхъ. Дальнѣйшее развитіе ея было уже логическимъ слѣдствіемъ положеній, возникшихъ при указанныхъ нами историческихъ условіяхъ. Одно изъ такихъ слѣдствій было стремленіе къ ослабленію свѣтской, государственной власти; послѣднее не было желательно само по себѣ, а только какъ средство къ цѣли—полной побѣдѣ духовенства. Другая черта латинской литературы, сочувствіе аристократической формѣ правленія, также вытекаетъ изъ основъ западноевропейскаго общества. По отношенію къ германскому міру романская образованность могла только дѣйствовать сверху внизъ. Образованіе пріобрѣтали только высшіе слои германскаго общества и затѣмъ оно уже постепенно проникало все болѣе и болѣе въ глубь. Не даромъ paganus означало не только сельскаго жителя, но и язычника. Въ деревняхъ, среди сельскаго люда, еще въ полной силѣ были языческіе обряды, между тѣмъ какъ высшіе классы давно уже прониклись христіанско-романскою образованностію. Вотъ этими то противоположностями въ культурѣ и объяснимы извѣстныя слова Алкуина, друга императора Карла Великаго: „народомъ слѣдуетъ руководить по святымъ правиламъ, а не слѣдовать его желаніямъ... Не нужно слушаться тѣхъ, которые говорятъ: гласъ народа—гласъ Божій, ибо народныя массы всегда ближе всего къ неразумію“. Стремленіе усилить вліяніе аристократіи было ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ поставить людей ѳбразованныхъ и матеріально обезпеченныхъ во главѣ общества. Замѣтимъ при этомъ, что чѣмъ болѣе приближалось время борьбы духовной власти со свѣтскою, тѣмъ усерднѣе церковь искала себѣ союзниковъ среди вельможъ, на которыхъ, несомнѣнно, она оказывала громадное вліяніе посредствомъ ихъ воспитанія. Церковь въ своихъ личныхъ интере-

сахъ желала видѣть княжескую, королевскую, императорскую власть ослабленною вліяніемъ аристократовъ, съ которыми она надѣялась скорѣе совладать.

Если мы перенесемся теперь съ Запада на Востокъ, то невольно будемъ поражены совершенно обратными явленіями. Въ Россіи мы видимъ цѣлый рядъ проповѣдниковъ съ самаго XII вѣка, употребляющихъ все свое краснорѣчіе къ тому, чтобы провести въ народъ представленіе о свѣтской власти, какъ самодержавной. Въ лѣтописяхъ, почти исключительно писанныхъ духовенствомъ, точно также князь именуется самодержавнымъ гораздо ранѣе того времени, когда онъ сталъ въ дѣйствительности таковымъ. Уже во время Владиміра Св. духовенство смотритъ на князей, какъ на правителей, поставленныхъ самимъ Богомъ „на казнь злымъ", какъ на Божьихъ помазанниковъ, отвѣтственныхъ только передъ Богомъ за свои дѣла. Оно примѣняетъ къ княжеской власти слова Апостола Павла; „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія бо власти отъ Бога учинены суть". Духовенство вліяетъ своими представленіями о государственной власти не только на простой народъ, но и на самихъ государей; по словамъ Курбскаго монахъ Волоколамскаго монастыря, Вассіанъ Топорковъ, подѣйствовалъ на Ивана Грознаго въ смыслѣ устраненія всевозможныхъ совѣтниковъ. На царѣ, по мнѣнію духовенства, лежитъ только одна обязанность, управлять народомъ въ духѣ христіанскаго ученія, но и за неисполненіе этой обязанности царь отвѣтственъ только передъ Богомъ. Духовенство оставляло за собою только одно право, дѣлать увѣщанія государямъ, когда они уклонялись отъ своихъ обязанностей. Съ этимъ въ связи находится другая черта русской общественной жизни. Хотя въ Московскомъ государствѣ образуется сильное боярство, но оно не ограничиваетъ власти; фактически, несомнѣнно, оно вліяетъ на постановленія царей, юридически же оно не считаетъ себя въ правѣ держать въ своихъ рукахъ бразды правленія. Даже Курбскій думаетъ, что Московскій князь долженъ вообще не пренебрегать ни чьимъ совѣтомъ, даже совѣтомъ простолюдиновъ; этотъ поборникъ

правъ боярства не считаетъ бояръ однако же исключительными, такъ сказать, указанными самимъ Богомъ, совѣтниками царя. Наконецъ о борьбѣ власти свѣтской съ духовною нѣтъ и помина; напротивъ церковь вездѣ и всегда является надежною опорою престола.

Уже одна многовѣковая продолжительность этихъ отличій русской умственной жизни отъ жизни западнаго славянства указываетъ на то, что причины этихъ явленій должны быть не случайныя, не скоропреходящія. Дѣйствительно, мы видимъ, что онѣ кроются въ особыхъ условіяхъ развитія византійскаго общества, имѣвшаго чрезвычайное вліяніе на русскую образованность. Знаменитый новогреческій ученый Папарригопуло прекрасно изобразилъ намъ общественный бытъ Византіи; намъ остается только воспользоваться его трудами. Начиная съ IV вѣка, византійское общество было совершенно поглощено религіозными интересами. Между тѣмъ какъ Грекъ древняго міра жилъ государствомъ, публичными зрѣлищами и играми, искусствомъ и поэзіей, между тѣмъ какъ современный человѣкъ обладаетъ неисчислимыми средствами умственнаго развлеченія, для Византійца церковь замѣняла все. „Церковь была единственнымъ мѣстомъ общественнаго собранія... Туда отправлялись для молитвы и вмѣстѣ съ тѣмъ для свиданій и разговоровъ. Женщины находились въ своемъ отдѣленіи; но не смотря на раздѣленіе обоихъ половъ, они находили тысячи средствъ для сообщеній между собою. Также эти собранія приняли совершенно особенный характеръ: какъ только церковь сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было собираться, почувствовалась необходимость въ увеличеніи случаевъ для этихъ встрѣчъ. Публичныя церемоніи увеличились до безконечности. Далеко не ограничивались воскресными днями и праздниками Рождества, Воскресенія Христова, Успенія, каждый день чествовали память святыхъ и мучениковъ; богослуженія сдѣлались также чрезвычайно продолжительными. На многихъ, на заутреняхъ, вечерняхъ и въ промежутки самой обѣдни разговаривали, не обращая вниманія на пѣснопѣнія или слова съ алтаря. Но какъ только наступалъ торжественный моментъ богослуже-

нія, какъ напр. чтеніе апостольскихъ посланій или евангелія, величанія или другихъ выдающихся своимъ значеніемъ молитвъ, умолкалъ всякій разговоръ; все слушало съ усердіемъ и благочестіемъ священные гимны; многіе ихъ повторяли или пѣли сами" *). „И такъ церковь имѣла много привлекательнаго для обоихъ половъ, для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ слоевъ общества" **). Этому вполнѣ соотвѣтствовалъ характеръ монашеской жизни. „Если люди, желавшіе убить въ себѣ плоть, не могли побѣдить ее окончательно; если они не могли жить въ полномъ отшельничествѣ и въ надеждѣ предвкушать здѣсь блага будущей жизни, они тѣмъ не менѣе чувствовали потребность имѣть, среди всевозможныхъ волненій существованія, убѣжище покоя, гдѣ они своеобразнымъ образомъ соединяли религіозныя дѣйствія со страстями и интересами свѣта. Высшіе государственные сановники и сильные міра строили эти особыя убѣжища для обезпеченія себя въ случаѣ немилости, больные строили для своего выздоровленія, увлеченные для увлекшихъ ихъ особъ. Такимъ образомъ цѣлая имперія, въ особенности столица и ея окрестности, были наполнены монастырями. Различные по размѣрамъ и по великолѣпію, они всегда строились въ привлекательныхъ мѣстахъ, они были обыкновенно украшены прекрасными садами и носили различныя названія, монастырей, скитовъ, зданій для искупленія грѣховъ. Тамъ правильно отбывалось богослуженіе; но суровыя правила монашеской жизни не всегда примѣнялись. Жизнь велась здѣсь скромная, хотя она и не была лишена тщеславія свѣта; воспоминанія, душевныя волненія, даже свиданія не были устранены. Эти учрежденія болѣе напоминали наши современныя виллы, чѣмъ монастыри, какъ они были организованы св. Василіемъ Великимъ, или какими они сдѣлались впослѣдствіи послѣ ихъ значительнаго измѣненія" ***). Обращаясь къ государству, Папарригопуло замѣчаетъ, что его отношенія къ сосѣдямъ спо-

*) Hist. de la civil. hellén. 170.

**) Тамъ же. 171.

***) Тамъ же. 174.

собствовали еще болѣе тому, чтобы религія сосредоточила въ себѣ всѣ страсти, чувствованія и мысли народа. „Опаснѣйшіе враги народа были впродолженіи долгаго времени Персы, а затѣмъ Магометане. И тѣ, и другіе громогласно заявляли, что они главнымъ образомъ раздражены религіей побѣжденныхъ". Значительная часть войнъ Византіи VIII и послѣдующихъ вѣковъ носила на себѣ отпечатокъ войнъ религіозныхъ, что вполнѣ сознавалось цѣлымъ обществомъ, какъ указываютъ на это приготовленія къ походамъ и самый характеръ рѣчей, произносимыхъ войску въ дни рѣшительныхъ битвъ *).

Эта картина византійскаго общества особенно замѣчательна тѣмъ, что Папарригопуло разобралъ здѣсь всю скàлу человѣческихъ чувствъ, начиная съ высшихъ и кончая самыми низменными, и указалъ, что удовлетвореніе всѣхъ ихъ находилось въ нѣкоторой связи съ религіей. Поэтому мы съ особенною ясностью видимъ тѣ многочисленныя нити, которыми каждый полъ, возрастъ, классъ былъ связанъ съ церковью. Мы чувствуемъ также, что среди такого общества борьбы между властью свѣтскою и духовною быть не могло; мы даже почти не замѣчаемъ черты, отдѣляющей міряпина отъ клирика. Мы также вполнѣ понимаемъ, почему глава свѣтскаго общества неминуемо долженъ былъ занять чрезвычайно видное положеніе въ церкви. Но къ этому присоединились и еще другія причины. Востокъ былъ съ самаго появленія христіанства обиленъ ересями; появленіе ихъ было необходимо; оно вытекало изъ вліянія древнегреческой философіи на христіанство. Древнѣйшія и могущественнѣйшія ереси носятъ на себѣ явные слѣды греческой философіи, какъ напр. ересь Арія—слѣды Неоплатонизма **). Между тѣмъ ереси были причиною многообразныхъ нравственныхъ и политическихъ безпорядковъ. Императоры, заинтересованные въ государственномъ спокойствіи, должны были изъ чисто государственныхъ причинъ созывать соборы

*) Тамъ же. 175—180.
**) Тамъ же. 107—110.

и преслѣдовать иновѣрцевъ *). Такимъ образомъ значеніе свѣтской власти было очевидно для всего духовенства, и должно было побуждать его къ усиленію свѣтской власти, а не къ ослабленію ея. Со своей стороны надзоръ императоровъ надъ духовенствомъ былъ спасителенъ даже для внутренней стороны христіанства: онъ недопускалъ до того, чтобы духъ преслѣдованія еретиковъ дошелъ въ духовенствѣ до инквизиціи, до костровъ—къ большей славѣ Бога. Причина сравнительной вѣротерпимости православія кроется, какъ даетъ понять Папарригопуло, въ ясно сознаваемой императорами опасности побудить иновѣрцевъ къ союзу съ Персами и Магометанами и такимъ образомъ къ разрушенію всего государственнаго зданія. Громадныя услуги, которыя доставляла свѣтская власть церкви, послѣдняя отплачивала сторицею тѣмъ, что она придавала единство всему населенію. „Слова: отечество и національность не имѣли смысла въ это время. Обширная страна, подчиненная императорамъ Константинополя, была населена различными народами; ни одинъ изъ нихъ не былъ заинтересованъ считать цѣлую имперію своимъ отечествомъ. Правда, греческій народъ имѣлъ преимущества передъ остальными въ языкѣ, образованности и въ своемъ административномъ искусствѣ; но христіанская вѣра была единою могущественною связью, соединяющею всѣ эти народы въ исповѣди одного и того же ученія и въ подчиненіи одному и тому же религіозному главѣ“ **).

И такъ мы теперь видимъ, почему въ Россіи власть свѣтская и духовная уживались мирно между собою, почему онѣ всѣми силами поддерживали одна другую, почему зародившееся вслѣдствіе историческихъ причинъ боярство не получило того значенія, какъ на Западѣ. Все это было слѣдствіемъ того огромнаго вліянія, которое имѣлъ весь строй политической византійской жизни на русскую общественность.

Подведя къ одному знаменателю все сказанное нами о переводѣ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ и о положенномъ такимъ образомъ основаніи литературы на славян-

*) Тамъ же. 151—155.

**) Тамъ же. 175, 176.

скихъ нарѣчіяхъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что славянская письменность самымъ своимъ языкомъ придавала единство обществу, что наоборотъ латинская литература, естественно находящаяся въ зависимости отъ общаго хода духовной жизни въ западной Европѣ, должна была вносить рознь между высшими и низшими слоями, между властію свѣтскою и духовною, должна была стремиться къ ослабленію центральной власти въ интересѣ аристократіи. Теперь намъ остается устранить одно возраженіе, которое намъ могутъ сдѣлать. Намъ могутъ замѣтить, что отсутствіе борьбы между обѣими властями и сильная центральная власть въ Россіи, были слѣдствіемъ православія и греческаго вліянія, а что возможно представить себѣ славянское государство со славянскою письменностью, находящеюся въ полной зависимости отъ Запада и проповѣдующею его взгляды. Слѣдовательно эти два послѣднія явленія не находятся въ связи съ Кирилломъ и Меѳодіемъ, а зависятъ отъ того, куда примкнуло бы это славянское государство со славянскою письменностью послѣ раздѣленія церквей, къ Западу или Востоку. На это мы позволимъ себѣ отвѣтить, что славянское католическое государство съ развитою славянскою письменностію было бы крайне неправдоподобнымъ явленіемъ. Но если бы оно и появилось, то съ одной стороны даже переложеніе латинскаго западноевропейскаго памятника на славянскій языкъ должно было бы ославянить памятникъ, что несомнѣнно оказало-бы вліяніе на самое содержаніе. Другими словами, переложеніе не передавало бы западноевропейскую мысль въ ея совершенной чистотѣ. Съ другой стороны въ такомъ государствѣ могла распространяться и несомнѣнно распространялась бы славянская письменность, возникшая у Славянъ православныхъ и потому съ византійскими воззрѣніями. Все это вмѣстѣ взятое ослабляло-бы общественное вліяніе Запада, такъ что уже самое возникновеніе славянской литературы, начало которой положено Кирилломъ и Меѳодіемъ, было могучимъ орудіемъ противъ рабской зависимости отъ Запада или Востока.

На значеніе одного литературнаго славянскаго языка было уже нами мелькомъ обращено вниманіе. Главнѣйшая трудность

здѣсь состояла въ выборѣ одного нарѣчія, наиболѣе развитаго, и въ умѣломъ выполненіи его лексикальнаго состава словами изъ другихъ нарѣчій. Чувствуя себя неподготовленнымъ къ изложенію способа разрѣшенія этого вопроса славянскими первоучителями, я ограничусь только указаніемъ на то общественное значеніе, которое имѣло для Славянства это событіе. Нѣтъ сомнѣнія, дѣло объединенія разрозненныхъ славянскихъ племенъ было этимъ чрезвычайно облегчено. Мы уже видѣли, что Славянство начала IX-го вѣка было разбито на множество племенъ съ особенностями въ языкѣ, въ нравахъ и обычаяхъ, политическомъ устройствѣ, религіи. Безспорно уже выдѣлялись группы болѣе близкія между собою, но среди нихъ у отдѣльныхъ племенъ не было единства. Теперь уже признано наукою, что Поляка, Чеха, Русскаго, Серба въ это время не было, что народы славянскіе суть результатъ продолжительнаго и въ извѣстной степени искусственнаго процесса. Объединеніе племенъ началось уже съ VII вѣка посредствомъ мѣръ политическихъ, но оно оказывалось чрезвычайно шаткимъ. Христіанская религія чрезвычайно облегчила сближеніе племенъ, ибо замѣнила различныя племенныя божества одною религіозною системою, обязательною для всѣхъ. Но немало значенія въ дѣлѣ объединенія имѣлъ и одинъ литературный языкъ, подготовляющій духовное сродство цѣлаго Славянства. Это незамедлило проявиться и въ исторіи. Въ Польшѣ объединеніе племенъ шло очень медленно; хотя, казалось, племенныя различія были совершенно сглажены во времена Болеславовъ, по крайней мѣрѣ, о нихъ почти нѣтъ помина у первыхъ лѣтописцевъ, съ распаденіемъ Польши на удѣлы они снова проявляютъ свою жизнь; различіе Великополянъ и Малополянъ, можно даже сказать, чувствовалось до послѣднихъ временъ Рѣчи Посполитой. Въ Чехіи, не смотря на чрезвычайно способствующее соединенію географическое положеніе, племенные порядки проявляли свою силу въ теченіи всего такъ называемаго градскаго періода, т. е. до второй половины XIII вѣка. Напротивъ того въ Сербіи и Болгаріи, не смотря на раздѣленіе страны горными хребтами, въ политическихъ дробленіяхъ не столько чувствуется старая племенная рознь, сколь-

ко вліяніе различныхъ другихъ обстоятельствъ. Въ Россіи объединеніе совершилось поразительно рано; въ удѣльно вѣчевомъ періодѣ почти полное отсутствіе слѣдовъ различія племенъ. Наблюдая эти явленія, трудно не согласиться, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть значительную долю вліянія одного литературнаго славянскаго языка, который очень рано сталъ выше отдѣльныхъ племенныхъ говоровъ и придалъ духовное единство произведеніямъ всѣхъ племенъ.

Введеніе славянскаго языка въ богослуженіе также чрезвычайно обильно самыми важными послѣдствіями. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на возвышеніе вновь созданнаго литературнаго языка въ глазахъ народа, на, такъ сказать, освященіе его. Переводъ на старославянскій языкъ богослужебныхъ книгъ, при всей своей важности, получилъ полное свое значеніе только послѣ введенія старо-славянскаго языка въ богослуженіе. Безъ этого событія съ одной стороны возникающая славянская литература могла заглохнуть, какъ это и случилось въ Чехіи, съ другой стороны могли предъявить свои права другія нарѣчія, прежде чѣмъ старославянскій языкъ надлежащимъ образомъ окрѣпнетъ и войдетъ во всеобщее употребленіе. Это послѣднее событіе, очевидно, должно было бы уменьшить распространенность языка географически и такимъ образомъ лишить его значенія объединяющей все Славянство силы. Но кромѣ того имѣлось и другое послѣдствіе введенія старославянскаго языка въ богослуженіе. Въ средніе вѣка въ цѣлой Европѣ церковь почти исключительно была культурнымъ центромъ. Государство считало своею обязанностію заботиться о доставленіи гражданамъ мира и спокойствія, а главное объ огражденіи ихъ отъ иноплеменныхъ нападеній. Объ умственномъ развитіи населенія государство не помышляло; это находилось въ вѣдѣніи церкви. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ то явленіе, что языкъ церкви становился языкомъ образованныхъ классовъ, языкомъ, употребляемымъ въ литературѣ, въ администраціи, въ судѣ. Если мы вспомнимъ, что письменность почти исключительно находилась въ рукахъ духовенства, что въ монастыряхъ составлялись лѣтописи, житія святыхъ и т. п., что все письмоводство вѣдалось

духовенствомъ, которое занимало должности канцлеровъ, логофетовъ, писцевъ и т. п., тогда мы вполнѣ поймемъ, почему языкъ церкви неизбѣжно дѣлался языкомъ литературы, администраціи, суда. Только введеніемъ старославянскаго языка въ богослуженіе было вполнѣ обезпечено его преуспѣяніе, какъ это и доказываетъ исторія; мы уже видѣли на историческихъ примѣрахъ, что исключительное употребленіе латинскаго языка въ богослуженіи или замѣна имъ языка славянскаго отзывалась самымъ роковымъ образомъ на славянской письменности.

Намъ остается обратить вниманіе на послѣднее выдающееся явленіе въ дѣятельности славянскихъ первоучителей. На сколько мы можемъ судить по сохранившимся свѣдѣніямъ, они избирали своихъ учениковъ изъ Славянъ. Эта политика въ выборѣ учениковъ должна была имѣть громадныя послѣдствія. Очевидно только этимъ можно объяснить разцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи. Ни Грекъ, ни Нѣмецъ не потрудились-бы съ такимъ рвеніемъ для чуждаго имъ народа. Только личности, глубоко проникнутыя любовію къ народу, изъ среды котораго они вышли и для котораго имъ приходилось дѣйствовать, могли проявить такое чрезвычайное трудолюбіе для обогащенія народной письменности. Кромѣ того такой выборъ могъ имѣть и чрезвычайно важныя политическія послѣдствія. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что Вихингъ, нѣмецъ по происхожденію и преемникъ Меѳодія по епископіи, изгнавшій и преслѣдовавшій учениковъ послѣдняго, дѣйствовалъ въ соглашеніи съ Арнульфомъ, императоромъ германскимъ и тогдашнимъ врагомъ Святополка Моравскаго, и старался всѣми средствами доставить побѣду нѣмецкому оружію. Измѣны греческаго и огреченнаго болгарскаго духовенства во время войнъ съ греческимъ императоромъ Василіемъ II-мъ достаточно извѣстны. Такимъ образомъ занятіе епископскихъ каѳедръ и другихъ видныхъ мѣстъ въ церковной іерархіи иностранцами представляло немаловажную опасность. Но были и кромѣ того болѣе отдаленныя, хотя и болѣе важныя по своимъ окончательнымъ результатамъ слѣдствія иностраннаго состава духовенства. Обращаясь къ Польшѣ, мы видимъ, что въ этой странѣ появленіе нѣмецкой колонизаціи было са-

мымъ тѣснымъ образомъ связано съ нѣмецкимъ духовенствомъ. Послѣднее естественно желало видѣть себя окруженнымъ элементомъ своимъ, родственнымъ по языку, нравамъ и обычаямъ. Монастыри, получая огромныя пространства невоздѣланной земли, призывали Нѣмцевъ изъ Германіи для ихъ заселенія. Обезлюденіе страны вслѣдствіе татарскихъ нашествій и вызванныя этимъ старанія князей увеличить населеніе призывомъ иностранцевъ появились позже; князья шли уже по пути, проложенному духовенствомъ; иниціативы въ нихъ не было и быть не могло вслѣдствіе слабаго умственнаго развитія. Въ Чехіи нѣмецкая колонизація зародилась подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ Голландіей. Но и здѣсь распространеніе колонистовъ по деревнямъ было дѣломъ монашескихъ орденовъ. Торговыя связи создали города и мѣстечки, населенныя значительнымъ количествомъ иностранцевъ, но не деревни. И тутъ духовенство играло видную роль въ колонизаціи. Если же мы теперь обратимся къ политической оцѣнкѣ нѣмецкой колонизаціи въ западно-славянскихъ земляхъ, то придемъ къ убѣжденію, что она имѣла двоякаго рода послѣдствія. Нѣмецкіе колонисты чрезвычайно усилили населеніе западно-славянскихъ земель и притомъ усилили элементомъ предпріимчивымъ, энергическимъ, сравнительно образованнымъ и зажиточнымъ. Этотъ приливъ населенія далъ возможность западнымъ Славянамъ опередить Славянство восточное, которое должно было изъ себя самого создавать и населеніе, и капиталы. Иностранные колонисты обогащали, какъ государственную казну, такъ и частныхъ поземельныхъ собственниковъ; ихъ усиліями Чехія и Польша покрывались каменными постройками, прорѣзывались хорошими путями сообщенія. Если развитіе западно-славянской образованности въ XIV, XV и XVI вв. было чрезвычайно облегчено приливомъ иноземцевъ, то не слѣдуетъ забывать тѣхъ печальныхъ послѣдствій нѣмецкой колонизаціи, которыя со всею силою проявились въ Польшѣ. Уже при Владиславѣ Локеткѣ польсконѣмецкія колоніи сдѣлали энергическую попытку соединиться съ германской имперіей. Когда имъ это не удалось, тогда онѣ замкнулись въ себѣ самихъ, стремились только къ обогащенію

и сторонились отъ общей государственной жизни. Результатомъ всего этого было то, что въ Польшѣ не образовалось сильнаго городскаго сословія, на которомъ могла-бы опереться центральная власть въ своей борьбѣ со шляхтою. Со своей стороны это отсутствіе поддержки въ среднемъ сословіи для государственной власти было причиною ея слабости, было причиною того, что правительство сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ дворянства для достиженія его политическихъ цѣлей. Если такого исхода не произошло въ Чехіи, то этимъ она обязана гуситскимъ волненіямъ, которыя объединили все населеніе посредствомъ чрезвычайнаго религіознаго энтузіазма. Связь нѣмецкой колонизаціи съ нѣмецкимъ духовенствомъ лучше всего проявляется въ томъ, что колонизація не проявилась съ особою силою въ Хорватіи и Далматіи, гдѣ духовенство было или туземное, или италіянское. Не смотря на малонаселенность обѣихъ странъ, германская колонизація здѣсь не играла большой роли. Хотя нѣмецкая колонизація, несомнѣнно, проявилась-бы и безъ нѣмецкаго духовенства, какъ это мы видимъ даже въ Сербіи, гдѣ въ памятникахъ находятся извѣстія о Саксонцахъ, тѣмъ не менѣе рановременность и сила ея, безспорно, находились въ связи съ чужеземнымъ составомъ духовенства.

Если мы окинемъ теперь однимъ взглядомъ все изложенное нами, то придемъ къ заключенію, что дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія произвела такой глубокій переворотъ въ славянскомъ мірѣ, съ которымъ въ теченіи всей тысячелѣтней исторіи Славянства ничто не могло сравниться. Славянскіе первоучители положили основы цѣлой новой, именно славянской, образованности; они съ чрезвычайнымъ политическимъ умомъ начертали политическую программу для славянства, малѣйшее уклоненіе отъ которой почти равносильно было гибели. Ихъ государственная мысль была такъ глубока, что цѣлое тысячелѣтіе не было черезъ чуръ большимъ періодомъ для ея развитія; можно даже сказать, что ея чрезвычайная вѣрность можетъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнена только по прошествіи такого долгаго времени. Скажемъ болѣе. Послѣдствія дѣятельности Кирилла и Меѳодія чувствуются сильно до настоящаго дня. Западно-сла-

вянскую, преимущественно польскую литературу, не безъ основанія обвиняютъ въ дворянскомъ (шляхецкомъ) направленіи. Это замѣтно и въ увлеченіи писаннымъ (французскимъ) правомъ сравнительно съ юридическими народными обычаями, и въ преимущественномъ занятіи писанной литературою передъ народнымъ творчествомъ, и въ предпочтеніи фабричной промышленности передъ кустарною, которою мало занимаются. Вообще это дворянское, протекціонное направленіе выражается въ стремленіи къ умственной регламентаціи народа. Явленіе это неслучайное; по нашему мнѣнію, это ничто иное, какъ неизбѣжное слѣдствіе тысячелѣтней дрессуры человѣческаго ума въ этомъ направленіи. Образованное общество все еще смотритъ на себя, какъ на обладателя просвѣтительныхъ началъ, а на народъ, какъ на „массы наиболѣе близкія къ неразумію"; духовенство все еще стремится къ ослабленію значенія свѣтской власти, какъ во времена Инокентія III. Скептицизмъ XIX вѣка, внесенный въ наше время во всѣ сферы общественной жизни, какъ будто не коснулся западнаго Славянства; образованные общественные слои все еще вѣрятъ въ свою непогрѣшимость. Причины этого явленія мы постарались раскрыть въ нашемъ очеркѣ. Мы старались разъяснить, почему народныя массы не могли принимать участія въ общественной жизни, почему должна была выдѣлиться сравнительно съ народомъ малочисленная интеллигенція, почему она должна была стать въ умственную зависимость отъ западной Европы. Причины эти оказались столькими же уклоненіями отъ политической программы Кирилла и Меѳодія. Судьба различныхъ вѣтвей славянскаго міра была въ IX и X вѣкѣ предрѣшена. Если лучшіе польскіе ученые объясняютъ паденіе Польши слабостью государственной власти, если тоже можно сказать о Чехіи и Хорватіи, то причины этихъ явленій слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, гораздо ранѣе XIV и XV вв.; слабость государственной идеи была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вліянія средневѣковой латинской образованности

Ѳ. Зигель.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Говоря о Земледѣльческихъ Законахъ, Г. Васильевскій подтверждаетъ свою мысль о славянскомъ происхожденіи содержанія этого греческаго сборника между прочимъ тѣмъ, что еще въ X-мъ вѣкѣ славянскія поселенія Сагудатовъ и Дреговичей около Солуня сохраняли свою старинную общинную организацію *). Въ доказательство онъ ссылается, вслѣдъ за К. Ирѣчкомъ, на византійскаго лѣтописца Каменіату, котораго извѣстіе было бы чрезвычайно важно, такъ какъ оно сохранило-бы намъ прямое и притомъ очень древнее указаніе на общинный бытъ у Славянъ. Къ сожалѣнію, глубокоуважаемый ученый былъ введенъ въ заблужденіе Ирѣчкомъ, который также вѣроятно не провѣрилъ этого мѣста. Вслѣдствіе важности этого извѣстія, если бы оно было вѣрно, я привожу его въ подлинникѣ: ἐμπεριέχει δὲ τῷ διὰ μέσου χώρῳ τὸ πεδίον τοῦτο καὶ ἀμφιμίκτους τινὰς κώμας, ὧν αἱ μὲν πρὸς τῇ πόλει τελοῦσι, Δρουγουβῖταί τινες καὶ Σαγουδάτοι τὴν κλῆσιν ὀνομαζόμενοι, αἱ δὲ τῷ συνομοροῦντι τῶν Σκυθῶν ἔθνει οὐ μακρὰν ὄντι τοὺς φόρους ἀποδιδόασι. πλὴν γειτνιάζουσιν ἀλλήλαις αἱ κῶμαι τὴν οἴκησιν. καὶ ἔστι καὶ τοῦτο πρὸς τοῖς ἄλλοις Θεσσαλονικεῦσιν οὐ μικρῶς συμβαλλόμενον, τὸ πρὸς τοὺς Σκύθας διά τῶν ἐμπορικῶν μεθόδων συναναμίγνυσθαι, καὶ μάλισθ' ὅταν ἔχωσι πρὸς ἀλλήλους καλῶς καὶ μὴ κινῶσιν ὅπλα τὴν μάχην ἐξαγριαίνοντα· ὃ δὴ καὶ πολλῷ τινὶ τῷ πάλαι χρόνῳ παρ' ἑκατέρων μελετηθέν, κοινότητα ζωῆς τὰς χρείας ἀλλήλοις ἀμείβουσι, θαυμασίαν τινὰ καὶ βαθεῖαν εἰρήνην ἐν ἑαυτοῖς συντηρούμενοι. ποταμοὶ δέ τινες παμμεγέθεις ἐκ τῆς Σκυθῶν ἐξορμώμενοι καὶ τὸ προλεχθὲν πεδίον καθ' ἑαυτοὺς διελόμενοι πολλὴν δαψίλειαν καὶ αὐτοὶ τῇ πόλει παρέχονται ταῖς τε χορηγίαις ταῖς ἀπὸ τῶν ἰχθύων καὶ ταῖς δι' αὐτῶν ἀπὸ τῆς θαλάσσης τῶν νηῶν ἀναδρομαῖς, δι' ὧν ἐπινοεῖται ποικίλη τις πρόσοδος τῶν χρειῶν τῶν ὑδάτων ἐκείνων συγκαταρρέουσα. **). Въ русскомъ подстрочномъ

*) ЖМНП. Ноябрь. 1879 г. стр. 105.

**) Corpus scriptor. histor. byzantinae. Bonnae. MDCCCXXXVIII. Theophanes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. 496. К. Ирѣчекъ заимствовалъ это мѣсто у Шафарика, который видѣлъ указаніе на общинное владѣніе въ словахъ:

переводѣ это мѣсто представляется въ слѣдующемъ видѣ: „На пространствѣ этой долины расположены тутъ и тамъ разсѣянныя мѣстечка, жители которыхъ одни, называющіеся Дреговичами и Сагудатами, платятъ подать городу; другіе же платятъ сосѣднему недалеко обитающему Скиѳскому народу. Кромѣ того эти мѣстечки сосѣднія другъ съ другомъ относительно мѣстоположенія. Также и это имѣетъ для Солунцевъ немалое значеніе, что они имѣютъ торговыя сношенія со Скифами, именно коль скоро они съ собою живутъ въ хорошихъ отношеніяхъ и не поднимаютъ оружія, побуждающаго къ дикимъ сраженіямъ. Объ этомъ конечно въ отдаленныя времена они именно старались. Вслѣдствіе однообразія жизненныхъ потребностей они мѣняютъ нужные имъ предметы между собою, и держатъ (между собою) удивительно какой глубокій миръ. А нѣкоторыя рѣки очень большія, вытекающія изъ Скиѳіи и раздѣляющія между собою вышесказанную долину, сами по себѣ доставляютъ городу большія выгоды не только доставленіемъ рыбъ, но также потому что корабли изъ моря по нимъ плывутъ, отчего выдуманъ разный вмѣстѣ съ водою притекающій доходъ отъ вещей, нужныхъ для жизни". Какъ видно изъ этого перевода, здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго намека на общинное землевладѣніе Дреговичей и Сагудатовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Послѣ изданія древнеславянскаго перевода Прохирона архимандритомъ Дучичемъ въ Гласникѣ *) я сравнилъ напечатанный имъ переводъ, какъ съ Печатною Кормчею, такъ и съ подлинникомъ. Изъ сравненія оказалось слѣдующее:

1) Какъ и слѣдовало ожидать, текстъ Печатной Кормчей слово въ слово соотвѣтствуетъ древнему переводу.

κοινότητα ζωῆς τὰς χρείας ἀλλήλοις ἀμείβουσι. Наоборотъ К. Ирѣчекъ отнесъ предложеніе: τὸ προλεχθὲν πεδίον καθ᾽ ἑαυτοὺς διελόμενοι не къ ποταμοί, а къ Δρουγουβῖταί τινες καὶ Σαγουδάτοι, и получилъ такимъ образомъ извѣстіе о поземельномъ передѣлѣ.

*) Друго одельенье кнь. VIII. 1877.

2) Переводчикъ въ очень многихъ мѣстахъ не понималъ оригинала. Для примѣра я приведу только 2 мѣста:

Грань .ѕ. о прѣждебраунемь дарѣ.

.д. Аще же нѣцїи прѣждьними браки не довольни бывьше. и кь вьторимь придоуть аще оубо бесчедьны быше ѡть прьваго или и ѡть обою бракꙋ. ни единого же истеӡанїа нѣсть ѡ мѣрилѣхь. нь моужи оубо ѡтидоуть. рекьше оумьроуть *). ѡтьноудь ѡть вьсакыѥ ӡаповѣды свободны.

Titulus VI. De antenuptiali donatione.

4. Quod si qui prioribus haud contenti nuptiis etiam ad secundas venerint, siquidem liberos non susceperint ex priori vel etiam ex utroque matrimonio, nihil anquirimus circa modos: sed viri quidem omni omnino observatione liberi abibunt....

Ὁ πρόχειρος νόμος ed. C. E. Zachariae. Heidelbergae. MDCCCXXXVII.

Грань .і. ѡ дарѣхь междю моужемь и женою:

.г. Ни подь властїю соущеи подьимьшеи се бракѡмь. свободнїи же и рабѡмь вьӡьбраниаемы соуть дари дати. дають же се аще не вь градь ѡтьходещꙋ своѥ емꙋ стежанїе боудеть. и подь властїю моѥю сїи. ѡть особьнаго емꙋ стежанїа. добрѣ да вьдасть жене моѥи. имѣѥи оубо сына самовластна

Titulus X.
De donationibus inter virum et uxorem.

3. Etiam qui in ejusdem potestate sunt cum conjugibus, seu liberi seu servi, donare prohibentur: item qui in potestate sunt (aliis in ejusdem) potestate constitutis. Unde uxor mea filio meo familias non valide donat, nisi in castra eunti: namque castrense peculium fit. Et filius meus familias ex castrensi peculio uxori meae recte do-

*) „Рекьше оумьроуть“ прибавлено отъ себя переводчикомъ и лучше всего показываетъ, какъ мало онъ понималъ статью.

вь своіеи женє. и сньсѣ даіати вьзьбраніень іесть *):	nat. Qui itaque filium in potestate habet, et uxori suae et nurui donare prohibetur.
.д. Свекры. сньсѣ. и сньха свекрьвы дары даіеть. нѣсть бо слово повиньно ѡ семь.	4. Socrus nurui, et nurus socrui donare potest: nulla enim subest potestatis ratio.

Вообще мѣста, переведенныя иначе, или вслѣдстіе непониманія подлинника, или по другимъ причинамъ, находятся въ титулахъ VI, 2, VII, 20, 21, 22, IX, 11, 17, 19, X, 11, 17, XIII, 1, XV, 4, **) XVI, 3, 4, 10, 11, XVII, 13, 15, 23, XVIII, 12, 14, XIX, 18, XXI, 4, 14, XXV, 2, **А іеже ѡть четиі двѣма образома**—1, **Не твьрдіі же. и ѡтмещіемыи завѣти четырьмы образы бывають**—1, XXVII, 20, XXIX, 2, XXX, 8, XXXI, 3, 6, XXXIII, 17, XXXIV, 2, XXXVIII, 2, 10, 24, 39, 47, 59, 62, XXXIX, 13, 41. По видимому, юридическія понятія особенно смущали переводчика. Такъ напр. actio въ титулѣ XX-мъ 1. передается, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, словомъ: **наіемь** и словомъ: **житіїе**, иногда словами; **прибытькь** (XVIII, 5, XIX, 18), **прикоупь** (XVIII, 6), **издаіаніе** (XIX, 13), **потезаніе** (XXXVIII, 35), **вьзвѣщеніїе** (XXXVIII, 61); codicillus объяснено словомъ **рекьше о испльніеныи завѣта**, т. е. исполненіе завѣщанія ***); переводчикъ не зналъ значенія: crimen lesae majestatis ****), id quod interest *****), emphyteusis.

3) Попадаются иногда пропуски; мнѣ не удалось подмѣтить, чтобы они были вызваны желаніемъ приспособить греческій памятникъ къ древнеболгарскимъ бытовымъ условіямъ. Пропуски находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: III, 1, VI, 4, IX,

*) Переводчикъ, очевидно, имѣлъ смутное представленіе объ отеческой власти и совсѣмъ не зналъ, что такое peculium castrense.

**) Изъ самаго заглавія титула видно, что переводчикъ не имѣлъ понятія объ emphyteusis.

***) XXIX.

****) XXXIII, 17, XXXIX, 41.

*****) XVII, 15, XIX, 18.

10, X, 3, XIX, 18, XXIII, 1, XXX, 8, XXXIII, 16 (большой пропускъ; съ начала 15-й статьи у Цахаріэ и до: quid ordinantes), XXXIV, 10, 11, XXXIX, 23, 25, 42, 69. Почти вездѣ пропускались только незначительныя выраженія.

4) Весьма часто дѣлаются переводчикомъ различныя прибавленія, обыкновенно, состоящія изъ примѣровъ. Они находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ: XVI, 1, 10, 11, XVII, 15, 16, 19, 20, 26, XVIII, 13, XXIII, 1, XXV, **Не твьрьдїи же. и отмещемыи ꙁавѣти. четырьмы обраꙁы бываѭть**—2, XXVII, 5, XXVIII, 2, XXIX, оглавленіе, XXXI, 3, XXXV, оглавленіе, 1, 2, XXXVIII, оглавленіе, 2, 5, 15, 24, 36, 59, XXXIX, 9, 18, 20, 53, 65, 69. Приведемъ нѣсколько обращиковъ:

Грань .ле. О дарѣхь даѥмихь вь ꙁавѣте или вь животе или по сьмрьти:	Titulus XXXV. De legatis.
.а. Даровьникь. рекьше вьꙁемлѥи дари. не можеть чести вьꙁѣти и дроугоѥ чести ѡтрещи се:	1. Legatarius non potest partem acquirere et partem repudiare.
Грань .лн. о ꙁданыи новыхь домовь. и ѡ поставьлѥнїи ветьхыхь. и ѡ инѣхь вещехь.	Tit. XXXVIII. De novis operibus.

Всѣ эти дополненія до того незначительны, что не даютъ никакихъ указаній на существовавшій тогда юридическій бытъ.

5) Болѣе интереса для быта представляютъ мѣста, гдѣ переводчикъ, хотя въ слабой степени, отступаетъ отъ оригинала; тутъ мы можемъ видѣть, понимаетъ ли онъ статью, и на сколько онъ обладаетъ умѣньемъ выразить ее своими словами. Такихъ мѣстъ я подмѣтилъ немного: IV, 9, VII, 17, XXIV, 3, XXXII, оглавленіе. Примѣромъ можетъ служить оглавленіе 32-ой главы, въ которомъ слова: De Falcidia переданы: **О раꙁдѣлѥнїи.**

6) Сравненіе славянскаго перевода съ подлинникомъ даетъ, по моему мнѣнію, весьма мало данныхъ для изученія юридическихъ началъ того общества, къ которому принадлежалъ переводчикъ. Приведемъ тѣ немногія указанія, которыя нами подмѣчены. Изъ невѣрнаго пониманія статьи о взысканіи долговъ съ поручителей, мнѣ кажется, можно заключить, что прежде всего было въ обычаѣ обратить взысканіе на лице должника, а затѣмъ уже на его имущество, а также, что сдѣлки о займѣ заключались при свидѣтеляхъ.

Грань. .ѕı. ѡ дльзѣ и о залозѣ.

.ı... нь аще же оурєчєною врѣмє ѡ сѣмь прѣидєть. тогда пороучьникь. или споєстьникь. или сьвѣтьникь, приводить сє на соудь. и дльгь простирають за нєго же пороучишє сє. и за нєго же споєстишє и написашє. или сьвѣщанїє на сє приєшє. ѡть заимодавьца разьлоучаємы дроугь ѡть дроуга на соудищи вьпрошєни боудоуть. нє придєть же на имѣнїє дльжьника заимодавьць. прѣждє дажє нєисповѣдѣно боудєть прѣдь послоухы сьглашєнїє. на споєѣстникы и на пороучьникы. и на сьвѣтникы. и тако на имѣнїє прити истаго дльжника. аще ѡть дроугаго дрьжимь єсть, и ѡставьшаю сє тако вьзьмь.

Tit. XVI. De mutuo et pignore.

10... Quodsi tempus ad hoc statutum praeterierit, tunc fidejussor aut mandator aut constitutae pecuniae reus litem suscipiat et debitum solvat pro eo, pro quo fidejussit aut mandatum conscripsit aut sese constituit, cessis sibi a creditore actionibus. Non autem ad res debitoris, si ab alio possideantur, prius deveniat, quam in personam actionum viam ingressus sit adversus mandatores et fidejussores et constitutae pecuniae reos: atque ita ad res principalis debitoris perveniat, si quidem ab alio possideantur, etiam hos detentatores earum interpellans.

Изъ неподходящаго перевода словъ ὁ φύσει πρῶτος выраженіемъ „по роду прьвыи", пожалуй, можно заключить, что родство призывалось къ наслѣдованію:

Грань .кѳ. ѡ кодикеллѣ. рекьше о испльнюныи ȥавѣта:

.г. Сьставьно юсть. прьвою положенїє наслѣдїа. се же юсть. иже по родѹ прьваго степене наслѣдьникь:

Tit. XXIX. De codicillo.

3. Institutio est prima hereditatis propositio, id est primus natura gradus heredum.

Извѣстный интересъ могутъ представить слѣдующіе переводы: magistratus — кнеȥы (XXXIѴ, 9); magistratus municipales —воюводы (XXXѴI, 7); providentia judicis — повелѣнюмь кнеȥа (XXXѴIII, 20); fiscus—людьскоє скровищє (ѴI, 4, XL); gloriosissimi nostrae reipublicae magistratus — прѣславьныи нашего житїа болюрѣ (XѴI, 11); in provinciis praesides—вь ѡбластехь же и вь мѣстехь владающє (XѴI, 11); imperatorem adiit — пристоупьль кь соудїи (XXXIѴ, 11); romani—своює (XXXIX, 1, 4); praefecti et gregarii — властели и ѡбладаюмии (XL); praefectis—болюромь (XL). Наконецъ изъ совершенно невѣрнаго перевода статьи о поддѣлкѣ монеты можно, кажется мнѣ, заключить о томъ, что общество, къ которому принадлежалъ переводчикъ, не было знакомо съ чеканкою монеты (XXXIX, 13).

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*		*напечатано:*	*должно быть:*
			1. Въ статьѣ Н. А. Лавровскаго:	
1	1	снизу	роспространенію	распространенію
13	10	сверху	1360	860
			2. Въ статьѣ А. С. Будиловича:	
8	5	снизу	Εκλαβῖνοι	Σκλαβῖνοι
11	12	сверху	Это	Эта
13	13	снизу	монахамъ	монахами
16	5	сверху	родная	родной
—	10	снизу	Ετενόν	Στενόν
33	6	—	полтретья	трехъ-
—	5	—	872—874	871—873
—	3	—	874—875	873—874
34	1	сверху	875	874
41	17	снизу	пасавской	пассовской
42	17	—	воинъ	волнъ
46	13	сверху	4—5	5—6
—	15	—	et jam	etiam
—	20	—	874	873
48	13	—	письменахъ	письменехъ
67	3	—	870 и сл.	869, 880
86	6	снизу	canentes	cantes
102	13	сверху	pel lentes	pellentes
104	5	—	ухудшилось	ухудшились
			3. Въ статьѣ О. О. Первольфа:	
13	35		„сборникѣ“	„сборникѣ Tisućnica, *Любичъ* въ сборникѣ“.
17	28	сверху	легатомъ	легатамъ
22	11	—	1057—1067	1056 -- 1057
24	12	—	ut	et
26	9	—	русскія	русскіе
27	26	—	н	и
35	14	—	прочь	прочее
39	внизу		искушенѥ.	искушениѥ.
42	1	сверху	„словѣнскомъ“	„словѣнско мъ языкѣ“
45	5	—	слованскаго	слованскег о
46	25	—	дрьржастѣ	дрьжасте
52	внизу		грѧдуттю и грѧдѫттю	грѧдуштю и грѧдѫштю
—	—		салвенскога	славенскога

Стр.	*строка*		*напечатано:*	*должно быть:*
55	32	сверху	Рорѣ	Горѣ
60	28	—	пвзнаста	познаста
66	19	—	словенскихъ	славенскихъ
67	19	—	рѣпотивіе	рѣнотивіе
68	27	—	Палиподія	Палинодія
74	5	—	словенцем	словенсцем
77	25	—	ири	при
91	15	—	перво	первое.

4. **Въ статьѣ П. А. Кулаковскаго:**

8	9	снизу	самого	самаго
24	23	сверху	Узаjемни	Узаjемнi
—	35	—	пропадаля	пропадала
33	27	—	Словацскомъ	Словацкомъ
38	8	снизу	малочисленная	малочисленна
40	15	—	опъ	онъ
41	3	—	нослужить	послужить
43	18	—	оъ	въ
—	17	—	в	о
46	8	—	генеральной	генеральный

5. **Въ статьѣ Ѳ. Ѳ. Зигеля:**

4	13	сверху	изувѣрившійся	извѣрившійся
5	9	снизу	проподать	пропадать
6	3	—	слова. Тѣмъ менѣе	слова, тѣмъ не менѣе
7	20	сверху	коственно	косвенно
8	5	—	самихъ	самыхъ
10	6	—	бѣсѣдахъ	бесѣдахъ
11	3	—	изчезъ, изчезновеніе	исчезъ, исчезновеніе
14	11	—	соотвѣтствующіе	соотвѣтствующее
21	5	снизу	нисшими	низшими
22	7	сверху	распространенія	распространеніе
23	1	—	нисшими	низшими
—	12	снизу	нивиллировка	нивеллировка
24	13	—	нисшими	низшими

Bayerische
Staatsbibliothek
München

3 р 90 к.

1200 - В. Е -

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

/ Budilovič, Anton Semenovič, / Methodius

Mef'odievskij jubilejnyj sbornik izdannyj Imperatorskim varšavskim Universitetom k 6 aprělja 1885 goda

Varšava 1885

V.ss. 981 e
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11891006-2